ПРАВДА
ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЕЖЕДНЕВНУЮ РАБОЧУЮ ГАЗЕТУ
„ПРАВДА"
Виктор Кожемяко
ЛИЦА ВЕКА
Вести
ПРАВДА
ПОБЕДА БУДЕТ
ЗА НАМИ!

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор книги Виктор Стефанович Кожемяко – обозреватель газеты «Правда» – более 50 лет в журналистике. Он встречался со многими известными политическими и общественными деятелями, учеными, космонавтами, писателями, актерами. Это дало возможность автору запечатлеть их мысль и слово в опубликованных беседах, очерках, статьях, создать яркие и правдивые образы знаменитых людей России.

Так возникла своего рода летопись нашего прошлого и настоящего – рассказ о тех, кто вошел в историю, о тех, кто взывает к совести соотечественников, болеет за судьбу Родины.

Для широкого круга читателей.

Владимир Ленин, Иосиф Сталин, Георгий Жуков, Валерий Чкалов, Сергей Королёв, Юрий Гагарин, Герман Титов, Михаил Шолохов, Леонид Леонов, Зоя Космодемьянская, Сергей Ахромеев, Геннадий Зюганов, Александр Зиновьев, Жорес Алфёров, Юрий Бондарев, Тихон Хренников, Сергей Бондарчук, Михаил Алексеев, Валентин Распутин, Владимир Личутин, Виктор Розов, Татьяна Доронина, Юлия Друнина, Егор Исаев, Юрий Соломин, Василий Лановой, Николай Губенко, Владимир Федосеев и другие…

- Виктор Кожемяко
  - К тем, кто откроет эту книгу
  - Слово перед вторым изданием
  - Глава I
    - Величие и уроки В. И. Ленина. Ленин вчера, сегодня, завтра
    - Незагадочный Сталин
    - Мощь русского Духа маршала Г. К. Жукова
    - Чкаловская честь полковник
    - Семнадцать зорь Германа Титова
    - Мы вышли в космос первыми и нельзя оттуда уходить
    - Великая эпоха
    - Показания для будущих поколений
    - Без партии страна не выстояла бы
    - Советский наш опыт светит в завтра
    - Нобелевский лауреат – с коммунистами
  - Глава II
    - Перед уходом в вечность
    - Русский эпос Михаила Шолохова

- Что же с нами происходит?
- Наше поколение нагло ограбили
- Душа соборная
- У нас поле Куликово, у них – «Поле чудес»
- Предавшим память нет прощенья поэт
- На крючке позолоченном
- «Варварское разрушение прошлого жестоко мстит будущему…»
- Познай, где свет – поймешь, где тьма
- Имя и честь театра
- Востребовано ли сегодня настоящее искусство?
- «Мы теряем престиж мировой культурной державы»

○ Глава III

- Зоя Космодемьянская – яркая звезда в нашей памяти
- Коммунист, патриот, солдат о жизни
- «Как летит под откос Россия, не могу, не хочу смотреть…»
- Мы не имеем права забыть
- Испытание совести
- Он отстаивал правду и закон
- Ответственно быть лицом поколения
- «Родина моя в венце терновом…»
- Слово о бескорыстии пенсионера Молчанова

Виктор Кожемяко
Лица века в беседах, воспоминаниях, очерках

Посвящается 95-летию газеты «Правда»

К тем, кто откроет эту книгу

Двадцатый век ушел в историю. Но наша память хранит имена известных личностей. Они жили в судьбоносное время и, можно сказать, отвечали на его вопросы. Каждый по-своему, будь то политический деятель или военный, космонавт или писатель, ученый или артист. Читая книгу, вы услышите живые голоса многих замечательных людей – истинных патриотов нашей Родины.

Одно из преимуществ журналистской профессии в том, что она дает возможность прийти к человеку, который интересен тебе и другим, включить диктофон, попросить ответить на твои вопросы. А в результате может родиться документальный очерк.

Понятно, ценность его тем более возрастает, чем значительнее собеседник, а также время, в которое или о котором идет речь. Все эти мои беседы состоялись на исходе XX века и тогда же написаны очерки.

Конечно же, самые трагические для нашей страны события этого времени не могли не отразиться в рожденных текстах. В одних – как отклик на горячие события дня. В других – сложнее и более опосредованно, когда речь идет, скажем, о людях, живших в начале или в середине столетия.

Первый раздел книги так и назван – «Взгляд сквозь годы». По вполне понятным причинам у меня не было возможности побеседовать с В. И. Лениным: увы, родился поздновато. Но можно ли в книге о лицах XX века обойтись без В. И. Ленина и И. В. Сталина, если они оказали самое большое влияние на ход истории человечества в этом столетии!

Для осмысления исторической роли двух великих вождей Советского государства – сквозь годы, с рубежа XX и XXI веков – беседую с очень авторитетными для меня учеными, а также с журналистской, которую поддержал в свое время И. В. Сталин, и с последним сталинским наркомом. То есть с людьми, каждый из которых сам, безусловно, относится к личностям века.

Не мог я встретиться с легендарным летчиком Валерием Чкаловым. Но считаю счастьем, что беседовал с его сыном, тоже посвятившим себя авиации, который верен памяти отца и всю жизнь собирает материалы о нем.

А вот о Юрии Алексеевиче Гагарине в книге говорят те, кто хорошо знал первого космонавта планеты. Его коллега и товарищ Герман Титов, Космонавт-2, тоже во многом олицетворяет XX век.

Совсем незадолго до кончины пожелал через газету «Правда» сказать свое завещательное слово великий русский писатель

Леонид Леонов. Об этом я рассказываю в очерке «Перед уходом в вечность», которым открывается второй раздел книги – «Историческая память».

Последнее десятилетие века, ставшее для России поистине катастрофическим, ударило по святой памяти наших героев. О них третий раздел книги – «Очерки о героических и трагических судьбах».

Хмурой осенью 1991 года я ездил в подмосковное Петрищево, чтобы защитить честь оклеветанной советской героини Зои Космодемьянской. В том же роковом 1991-м общался с замечательным поэтом-фронтовиком Юлией Друниной, которая вскоре трагически ушла из жизни. Мне хотелось также поведать читателям о личности и загадочной смерти известного человека – Маршала Советского Союза Ахромеева, о трагедии защитника Брестской крепости, солдата Великой Отечественной Тимеряна Зинатова, о ряде других волнующих судеб, в которых по-своему выразилось тяжелое и сложное для Родины время конца XX века.

Большинство бесед и очерков по мере их написания печатались в «Правде» или «Советской России» (в книге они даются с некоторыми сокращениями), так что несут в себе и конкретные приметы дней, когда состоялась та или иная публикация. По моему убеждению – чем живее дыхание времени, тем все достовернее.

Автор
Январь 2002 г.

Слово перед вторым изданием

Первое издание книги «Лица века», выпущенное пять лет назад, быстро разошлось, вызвав много читательских откликов и всяческих пожеланий. Одно из них, особенно частое в письмах людей, для которых газеты «Правда» и «Советская Россия» стали за последние годы постоянными спутниками жизни, убеждало автора в необходимости расширить круг представленных здесь личностей. Причем некоторые, с кем читателям очень хотелось встретиться при переиздании книги, назывались поимённо.

«Вот у вас в трех номерах „Правды“ (на первой странице!) прошла интереснейшая беседа с академиком Жоресом Ивановичем Алфёровым. Да ведь и человек интереснейший, по ряду своих достоинств – совершенно необыкновенный. Между тем по причинам, для нас понятным, „демократические“ издания крайне редко предоставляют слово нобелевскому лауреату, который остается с коммунистами. Почему бы вам не включить беседу с ним в свою книгу? Поверьте, это очень нужно многим и многим…»

Что ж, просьбу читателей выполняю. Встретитесь вы во втором, значительно расширенном, обновленном издании книги и еще с одним академиком. Имя Василия Павловича Мишина, как и Сергея Павловича Королёва, долгое время было засекречено. А ведь он недаром удостоен медали Королёва за номером один! Двадцать лет, с 1946-го по 1966-й, был первым заместителем Главного конструктора, то есть буквально правой рукой Сергея Павловича, а после смерти Королёва становится его преемником.

В течение восьми лет академик Василий Мишин – Главный конструктор, так что ему было что вспомнить при встречах со мной на исходе большой жизни.

«А почему в книге вашей нет Геннадия Зюганова? – спрашивали некоторые читатели. – Он так много сделал для возрождения партии коммунистов и по праву стал ее лидером. Нам интересно знать его взгляд на ключевые события XX века». Слово руководителя КПРФ прозвучит со страниц нового издания.

По читательским просьбам включаю в «Лица века» также беседы с выдающимися музыкантами – композитором Тихоном Хренниковым и дирижёром Владимиром Федосеевым, с выдающимся русским советским писателем Михаилом Алексеевым. А последний раздел книги дополняю очерками о замечательных актёрах Василии Лановом и Николае Губенко, известных своей чёткой гражданской позицией.

Впрочем, и теперь на книжных страницах еще далеко не все, о

ком я хотел бы рассказать или кому мог бы дать слово. Но это, надеюсь, осуществится в будущих книгах.

Александр Зиновьев с полным основанием назвал советский период вершиной российской истории. Двадцатый век во многом стал поистине советским веком. И сегодня, когда мы готовимся отметить 90-летие Великой Октябрьской социалистической революции, важно помогать людям сквозь чудовищные нагромождения лжи и клеветы добираться до истины о советской эпохе, восстанавливать правду об изумительных свершениях и героях великого времени.

Думаю, «Лица века» в существенно дополненном издании послужат этому.

Автор
Февраль 2007 г.

Глава I
Взгляд сквозь годы

Величие и уроки В. И. Ленина. Ленин вчера, сегодня, завтра

Профессор Сергей Кара-Мурза

Незагадочный И. В. Сталин

Доктор философских наук, профессор Ричард Косолапое

Мощь русского духа маршала Г. К. Жукова

Президент Академии военных наук, генерал армии Махмут Гареев

Чкаловская честь

Полковник авиации Игорь Чкалов

Семнадцать зорь Германа Титова

Космонавт-2, о времени, о Юрие Гагарине и о себе.

Мы вышли в космос первыми, и нельзя оттуда уходить.

Академик Василий Мишин, первый заместитель, преемник легендарного Королёва

Великая эпоха

Николай Байбаков – многолетний председатель Госплана СССР

Показания для будущих поколений

Старейшая советская журналистка Елена Микулина

Без партии страна не выстояла бы

Философ, социолог, писатель Александр Зиновьев

Советский наш опыт светит в завтра

*Лидер **КПРФ** Геннадий Зюганов*

Нобелевский лауреат с коммунистами

Выдающийся физик, лауреат Нобелевской премии академик Жорес Алфёров

Величие и уроки В. И. Ленина. Ленин вчера, сегодня, завтра
ПРОФЕССОР СЕРГЕЙ КАРА-МУРЗА

Думая сегодня о Ленине, снова и снова поражаешься тому, какой расправе может быть подвергнута средствами пропаганды великая историческая личность в родной стране. При смене власти, при установлении иного общественно-политического строя.

Можно сказать и так: изменение отношения к Ленину в массовом сознании на прямо противоположное стало одним из средств смены власти, чтобы хозяевами в нашей стране стали не трудящиеся, а «собственники»-олигархи и их обслуга. Ленин этому мешал и теперь мешает. Значит, его надо как можно сильнее извратить, оклеветать, оболгать, на что направлены огромные усилия.

Однако рано или поздно ленинская правда должна взять верх. Этому нынче служат и работы наиболее честных ученых, в том числе талантливого исследователя, профессора Сергея Георгиевича Кара-Мурзы – автора капитального двухтомного труда «Советская цивилизация».

Виктор Кожемяко. Сергей Георгиевич, близится ленинский день рождения. Сегодня это повод не для торжественного собрания, а для того, чтобы поговорить по сути об уроках Ленина. Окидывая взглядом весь прошлый век и думая о нашем нынешнем положении, о нашем будущем, чувствую потребность в таком разговоре. Как вы на это смотрите?

Сергей Кара-Мурза. Я думаю, давно пора, и рад, что мы до этого дозрели. Правда, и раньше говорили «уроки Ленина», но

превращали их в торжественное собрание. Если уж говорить по сути, то надо полагать, что будут разные мнения. Потому что мысль и дело Ленина сложны и противоречивы. Это именно диалектика, а мы больше привыкли к другому.

В. К. Сейчас сложные уроки, тем более, как вы сказали, диалектика, в восприятии многих слишком утомительны. Чем хуже жизнь, тем больше люди хотят простых ответов.

С. К.-М. Когда жить невмоготу, самое простое – пойти и повеситься. Таким людям Ленин не поможет. Если говорить о нас, то проект Ленина был выходом из той исторической ловушки, в которую попала Россия в начале века. Было несколько проектов, все их перепробовала Россия, а вырвалась только на пути, предложенном Лениным. Сейчас мы опять в ловушке. Если хотим жить как страна и как народ, то опять придется прорываться. Значит, нужны уроки, для того и опыт предков. Освоим – больше народа спасется. Уроки – в первую очередь молодым. На них ляжет главный груз. Ну а нам, старшему поколению, надо причесать растрепанные жуликами мысли. Ведь неприлично!..

Уроки Ленина полезно брать в контексте тех альтернативных проектов, которые выработала российская мысль. И сам Ленин, и все общество тогда мыслили диалогично: Столыпин, либералы-западники, эсеры, социал-демократы, то бишь меньшевики, и большевики. Каждый проект отражался в другом – без карикатуры, в главном. Сейчас у нас диалог полностью блокирован, но надо его вести хотя бы мысленно. Так что я сразу назвал бы важнейшее качество Ленина: умение достоверно и хладнокровно увидеть «политическую карту» – расстановку и движение всех главных сил. Умение взглянуть в глаза реальности и объяснить ее, не пытаясь никого обмануть. Ленин выработал особый тип текстов – ясных и с точной мерой, без всяких «идолов». Сравните с текстами кадетов – Струве, Бердяева. Видно, что этих блестящих писателей переполняют чувства, что они в плену своих «идолов». Читать их в удобном кресле приятно, но пользы для дела мало.

В. К. Вы сказали об исторической ловушке. В чем она заключалась? Какой выход из нее увидел Ленин?

С. К.-М. Ловушка (или порочный круг) состояла в том, что России приходилось одновременно догонять капитализм и убегать от капитализма. Была необходима индустриализация и модернизация страны. Но западный капитал, ринувшись в Россию, превращал ее в периферийную, дополняющую Запад экономику. Иностранный капитал высасывал Россию, очаги современной промышленности были окружены морем беднеющего населения. Кризис прорвался революцией 1905 года.

Отсюда расходятся пути. Правительство – по пути разрушения общины и превращения крестьян в фермеров и пролетариев; либералы – в утопию превращения России в подобие уютного Запада, чтобы и волки были сыты, и овцы целы; Ленин – через союз рабочего класса с крестьянством и революцию, позволяющую избежать переваривания России западным капитализмом.

В. К. В общем-то, эта идея кажется изначально очевидной и бесспорно разумной. В чем же здесь урок?

С. К.-М. Очевидной эта идея кажется только потому, что наша официальная история была вульгаризирована, исторический выбор был в ней представлен очевидно разумным и вытекающим из какого-то всесильного учения, например, марксизма. Это упрощение нам очень дорого обошлось. Я сейчас читаю Ленина, и мне страшно жаль, что, когда читал его студентом да и позже, очень долго не понимал многого. На самом деле до Октября Ленин совершил в своем сознании несколько настоящих революций. Они были сродни научным революциям – повороты в сознании в условиях высокой неопределенности тенденций.

Упорядочим то, что мы знаем. К началу XX века народники сошли с арены, не смогли убедительно ответить на исторический вызов, не предложили реального пути модернизации страны. Сознанием овладел марксизм – не только левым сознанием, а шире. Почти вся интеллигенция мыслила в понятиях марксизма. Неприятно это слушать нашим патриотам-антимарксистам, но даже религиозные искания Булгакова, Бердяева, Франка вытекали из «проблематики марксизма». Но марксизм пришел в Россию в том виде, в каком он был приспособлен к политическим задачам западного пролетариата. Он исходил из того, что крестьянство, в силу его двойственной природы, должно исчезнуть, породив сельскую буржуазию (фермеров) и сельский пролетариат. Общинного крестьянина Европа уже не знала.

Из этого исходили и Столыпин, и кадеты, и меньшевики. Поэтому сама идея революции, союза рабочих и крестьян ради предотвращения капитализма показалась абсолютно еретической. А когда Ленин в «Апрельских тезисах» провозгласил принятие государственности, вытекающей из идеи этого союза (Советское государство), в «культурном слое» это вызвало шок…

Урок Ленина в том, что он проник в суть России как цивилизации, в смысл крестьянской мечты – и преодолел давление господствующих понятий и теорий. Но мало этого, он нашел такой язык и такую логику, что стал не пророком-изгоем, каких немало в эпохи кризиса, а создателем и вождем

набирающего силу массового движения. Не вступая в конфликт с марксизмом, он развил его до целостного учения, дающего ключ к пониманию процессов в незападных обществах.

Таким образом, он не просто понял чаяния крестьянства и молодого незападного рабочего класса, но и дал им язык, облек в сильную теорию. Ленин появился в нужном месте в нужный момент. Если бы мы этот урок поняли в 70-80-е годы!

В. К. Значит, можно считать, что в известном смысле были правы меньшевики и бундовцы, которые говорили, что под маской марксизма Ленин протащил славянофильство и народничество?

С. К.-М. Да, они это высказывали как страшное обвинение. Какой ужас – славянофильство! Но правы они были лишь частично. Назад из кризиса не выходят, и ленинизм был проектом революционного разрешения противоречий. Он позволял России не закрыться в патриархальной общине, а освоить самую современную промышленность, науку и технику, но не став объектом эксплуатации мирового капитала. И это, как мы знаем, оказалось возможно – на целый исторический период. В конце его мы были не на высоте, остались официально ленинцами, а суть урока забыли.

В. К. За последние десять-пятнадцать лет значительная часть интеллигенции сдвинулась к мысли, что Ленин – доктринер, не сказавший принципиально ничего нового и поднявшийся на волне революции благодаря своей «дьявольской воле».

С. К.-М. Многие, как вы верно сказали, сдвинулись. Мы – в тяжелом культурном кризисе, многие теряют нить, начинают верить шарлатанам. А тем, кто действительно мучается сомнениями, я бы предложил пару отрезвляющих приемов.

Первый – это опереться на безусловные, надежно установленные факты. Факт, что подавляющее большинство народа, попробовав «на зуб» все альтернативные проекты – Столыпина, Керенского, Деникина, поддержало проект Ленина. Подчеркиваю, что все проекты испытали на своей шкуре, а не из книжек. Надо же прислушаться к мнению отцов и дедов, для которых как народа этот выбор был вопросом жизни и смерти. Ведь не только белым отказали в поддержке народы России, но и своим кровным националистам – на Украине, в Грузии, Армении и т. д. В результате очень быстро снова собрались в одну сильно спаянную страну. Или этот факт наша интеллигенция забыла?

Второй прием – прислушаться к тем, кто был в те годы носителем художественного, совестливого чувства. Были такие, кто ненавидел, как Бунин, Гиппиус. Были те, кто принял как избавление, – Блок, Брюсов, Есенин, Шолохов. Одни уехали,

другие остались. Так определись, с кем ты. Ведь и те крупные личности, которые ненавидели Октябрь, вовсе не считали, что в России происходит нечто тривиальное, доктринерское. Даже большая часть эмиграции приняла советский строй. По личной судьбе они в эмиграции, а признали судьбу народа.

Тектонические волнения от русской революции до сих пор идут по свету. Нынешний антиленинизм большой части русской интеллигенции – признак тяжелой болезни общества. Так называемая элита, порожденная великими делами планетарного масштаба, тяготеет к тому, чтобы эти дела своего народа принизить и оплевать, аплодирует культурным уродам.

В. К. А что еще могли бы посоветовать тем, кто мучается сомнениями относительно Ленина? Каковы ваши советы молодому интеллигенту?

С. К.-М. У меня совет тем, кто считает себя таким упертым западником, что ему плевать на Есенина и Клюева с Андреем Платоновым. Так пусть почитает авторитетных западных современников Ленина, которые наблюдали его проект лично, – Бертрана Рассела и Эйнштейна, Антонио Грамши и Джона Кейнса.

Кейнс, безусловно, величайший западный экономист XX века. Его теория, лежавшая и в основе Нового курса Рузвельта, использованная и в послевоенном восстановлении Европы, вошла в общественную мысль как «кейнсианская революция». В 20-е годы он работал в Москве. В России тогда была, как он говорил, главная лаборатория жизни…

В. К. О могильщиках не хочется сегодня. А вот как вы видите путь развития и главные смыслы ленинизма с высоты нашего нынешнего опыта?

С. К.-М. Очень схематически я бы их выстроил так. В 1899 году Ленин пишет ортодоксально марксисткую книгу «Развитие капитализма в России». В ней он говорит о неизбежности распада общины, об исчезновении крестьянства с его разделением на буржуазию и пролетариат и о буржуазно-демократическом характере назревающей русской революции.

Опыт крестьянских волнений с 1902 года, революция 1905–1907 годов и первые шаги реформы Столыпина приводят его к принципиально новому видению: крестьянство не просто не распалось и даже не просто сохранилось как «класс в себе», но и выступает как носитель большого революционного потенциала. Программный стержень крестьянства – предотвращение раскрестьянивания, которое ведет к развитию капитализма.

Капитализм этот – периферийный, несет России не прогресс, а одичание. Поэтому возможен союз рабочего класса и

крестьянства. Революция, которую осуществит этот союз, будет не предсказанная Марксом пролетарская революция, устраняющая исчерпавший свою прогрессивную потенцию капитализм, а иного типа – предотвращающая установление в стране периферийного капитализма. Выдвижение этой программы означало полный разрыв с ортодоксальными марксистами (меньшевиками). Поэтому-то меньшевики оказались в союзе с буржуазными либералами и даже в Гражданской войне участвовали в основном на стороне белых.

В. К. Как это новое видение природы русской революции встраивалось в контекст мировых процессов?

С. К.-М. Прежде всего очень важна и для того времени была, и сегодня развитая Лениным концепция империализма как нового качества мировой капиталистической системы. Маркс в «Капитале» принял абстрактную модель равномерного распространения капитализма по всему свету. Исчерпание возможностей развития производительных сил в разных странах мира привело бы в этом случае к мировой же пролетарской революции.

В ленинской концепции мироустройства эта абстракция преодолена. Мир не становится равномерно капиталистическим, возникает центр из небольшого числа империалистических стран и периферия из колоний и полуколоний, которую этот центр эксплуатирует. В главных чертах такой миропорядок, который мы сегодня называем глобализацией, «золотым миллиардом» и т. д., был верно описан уже Лениным.

Из концепции империализма и периферийного капитализма следует, что на периферии возникает потенциал революций иного типа, нежели в метрополии. Это революции против империалистического угнетения и эксплуатации. Они сопрягаются с национально-освободительным движением, так что движущей силой в них становится не только пролетариат, но и широкие союзы, прежде всего – с крестьянами. Уже это создавало основу для того, чтобы преодолеть важную догму марксизма, согласно которой революция должна начаться в странах самого развитого капитализма.

Менялось и само содержание понятия «мировая революция». Строго говоря, русская революция положила начало именно мировой революции. Она прокатилась по странам, где проживает большинство человечества. Да, это страны крестьянские – Китай, Индия, Мексика, Индонезия. Запад такой революции избежал, но ведь не только на Западе живут люди…

В. К. Если бы можно было проникнуть в творческую лабораторию Ленина, то, как вы думаете, какие самые главные

методологические и психологические трудности пришлось ему преодолеть, чтобы прийти к своим выводам?

С. К.-М. Трудно говорить за другого. Взяв отдаленно схожие случаи в истории научных революций, я могу предположить следующее.

Во-первых, в тот момент было очень трудно отказаться от той картины истории человечества, которая была внедрена в сознание российской интеллигенции системой образования. А в среде левой интеллигенции она была усилена философией Гегеля и марксизмом. Существовал европоцентризм, представление о том, что якобы есть некая «столбовая дорога цивилизации» с правильной сменой этапов, формаций. Ее прошел Запад, и другим надо по ней пройти – чем быстрее, тем лучше. Это очень устойчивый стереотип – посмотрите хоть на нашу нынешнюю интеллигенцию. Признать, что Россия – самобытная цивилизация, что она может нарушить «правильный» ход истории, было для европейски образованного марксиста очень трудным шагом. Это значило внутренне признать правоту славянофилов, которые в среде социал-демократов выглядели архаическими реакционерами. Сказать, как Ленин, что «Лев Толстой – зеркало русской революции», было страшной ересью. Повторяю, задача была – не стать диссидентом, изгоем в среде социал-демократов.

Второе редкое и психологически трудное качество – такая свобода и ответственность мысли, при которой ты, следуя новому знанию, отказываешься от своих вчерашних взглядов, которые как раз и создали тебе авторитет, собрали единомышленников и которые, по всем признакам, как раз обещают большой политический успех. Книга «Развитие капитализма в России» была целым событием. Заявленную в ней концепцию можно было плодотворно расширять и дорабатывать как в научном, так и в политическом плане. Наконец, требовалась большая отвага и самоотверженность, чтобы пойти наперекор уважаемым и даже чтимым авторитетам – и памяти самого Маркса, и Плеханову, и друзьям по социал-демократии.

В. К. Вы сказали о преодолении европоцентризма. Таким образом, ленинизм сразу приобретал значение, далеко выходящее за рамки собственно России…

С. К.-М. Именно так! И в своей концепции империализма, и в теории революции Ленин сразу вышел на важнейшие общие закономерности, отвечающие на критические вопросы многих стран и целых цивилизаций. Речь шла о тех странах, которые переживали кризис модернизации, находясь на периферии капиталистической системы.

В идейном плане ленинизм означал начало современного

национально-освободительного движения и крушения колониальной системы. Особенно это касалось Азии. До сего времени Восток был лишь объектом международной политики Запада. Роли были четко распределены. По словам Киплинга, «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут».

В ленинском представлении мира Азия и Африка выходили на мировую арену как полноправные субъекты политики, как страны назревающих больших революций. Потому-то Ленин стал для народов Востока не просто уважаемым политиком, но и символом. Известны письмо махатм Индии по поводу смерти Ленина, глубокая оценка, данная труду Ленина Сунь Ятсеном, трепетное отношение к Ленину молодого Хо Ши Мина…

Марксизм-ленинизм, который дорабатывался согласно особенностям каждой культуры, на целый век задал траекторию для общественной и политической мысли и практики в странах, где живет большинство населения Земли. И это влияние вовсе не исчезает с поражением (временным, будем надеяться) советского проекта в России. Оно лишь входит в новую стадию развития! Череда революций, начатых в России, продолжается, пусть и в новых формах. Революция, как мы видим, и у нас не закончилась, приглушенные на время проблемы встали снова. Сегодня Россию загоняют в ту же историческую ловушку, нас снова истощает мировой капитал, страну снова расчленили националисты. И снова, как в начале века, к хозяйству присосался интернациональный преступный синдикат, создающий параллельную государству теневую власть.

В. К. Если вернуться к урокам Ленина в сфере методологии – постановки проблем, способа их изучения, объяснения, обоснования, в чем особенность его метода? И притом ведь какой дар убеждения!

С. К.-М. Над этим думали многие философы и поэты. Помните, Есенин написал:

Застенчивый, простой и милый,
Он словно сфинкс передо мной.
Я не пойму, какою силой
Сумел потрясть он шар земной.

Из того, что я читал и что вижу сегодня, сделал для себя некоторые выводы.

Источник методологической силы Ленина связан с его личными качествами, личным типом мышления и с теми культурными условиями, в которых проходило становление его личности, – семья, чтение, Волга, гибель брата. Сильные чувства в

ранней юности, определенные культурой. О типе мышления у нас мало говорят, будто он ненужный привесок. Но для той работы, которую проделал Ленин, данный «привесок» очень важен!

Поскольку этот вопрос лучше разобран в истории науки, приведу понятные аналогии. Есть редкий тип ученых, которые объект своего исследования ощущают «мышечно». Они его чувствуют всем телом – а потом уже постигают свои чувства умом, «поверяют алгеброй гармонию». Известный пример – Эйнштейн. Он себя ощущал частицей света, летящей в пространстве. Приведу его слова: «Сначала я нахожу, потом ищу». Замечу, такой тип мышления характерен как раз для русской культуры и особенно русской науки. Многие наши ученые представляют замечательный пример «слияния с предметом».

Читая Ленина, я вижу по множеству признаков, что он обладал таким свойством, сам об этом, конечно, не думая. Тот же тип ума, что у Менделеева, Жукова. Им обладают и многие безымянные, но выдающиеся мастера. Видят, разумеется, те, кто способен что-то видеть помимо телеэкрана…

Что же определяет успех политика и вождя? В значительной степени – умение понять чаяния народные и отделить их от расхожих мнений, которые часто этим чаяниям противоречат. Точнее будет сказать, чаяния той части народа, на которую ты опираешься и интересы которой представляешь в политике. В таком подходе и проявилось важное качество мышления Ленина. Он чутко, как чудесный инструмент, улавливал чаяния, скрытые под клубком расхожих мнений. Пришвин удивлялся летом 1917-го: что это за большевики такие – их клянут, а все выходит по-ихнему?

В. К. Когда, например, проявилось резкое расхождение чаяний и мнений – так, что выбор Ленина оказал влияние на ход событий?

С. К.-М. Думаю, таким моментом можно считать принятие летом 1917 года лозунга немедленного мира и принятие 25 октября Декрета о мире. Он был чаянием крестьян и неразрывно связан с вопросом о земле. Но средств выразить свои чаяния крестьяне как раз не имели, и в городах расхожими мнениями были «война до победного конца» или «оборончество». Они настолько довлели в столицах, что их включили в свои программы даже меньшевики и эсеры, войдя в коалицию с кадетами. Большевики выразили именно чаяния! Примерно так же получилось и с Брестским миром.

Другой важный момент – отказ от идеи государственного капитализма, на который делал ставку Ленин в начале 1918 года, и решение национализировать промышленность. Это было

именно чаяние рабочих, как и национализация земли – чаяние крестьян. Рабочие знали, что надежды на госкапитализм – утопия, что хозяева не хотят его и продают сырье. Ленин признал правоту рабочих. Здесь, как и в случае с землей, возникло положение, которое Бертольд Брехт назвал так: «ведомые ведут ведущих». Меньшевики тогда издевались: мол, у Ленина нет программы, он следует за устремлениями масс. Ничего меньшевики не поняли. Быть таким ведущим, как сказал Брехт, может только выдающийся по уму и чуткости человек.

В. К. Вы сказали, что Ленин совершил революционные изменения в сознании типа научных революций. Этого не достигнешь «мышечным» мышлением, это уже теоретическая работа. Каковы особенности труда Ленина на этом уровне?

С. К.-М. Конечно, кроме гармонии нужна алгебра – логика, убедительные аргументы, выводы и следствия. Нужны научные или близкие к ним построения. Начнем с того, что ленинская партия была именно партией нового типа. Сейчас мы видим, что не только нового, но и уникального. Ленин именно включил научный тип мышления и убеждения в политику. Это при том, что ученых в руководстве партии было немного.

Большевики были особенным случаем во всей политической истории.

Сегодня кое-кто мне говорит, что в книге «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин там-то и там-то ошибся. Маха зря обидел и т. д. По мне, это смешные замечания. Важны не оценки Ленина по конкретным научным вопросам, а сама проблематика книги. Важен, и исключительно важен тот факт, что большевикам Ленин рекомендовал задуматься о кризисе физической картины мира!

Ленин понял и ввел в жизнь партии фундаментальный принцип: программа и идеология самым тесным образом связаны с картиной мира, которая сложилась в умах людей. «Так устроен мир!» – вот последний аргумент. Но если картина мира перестраивается, как это было в начале XX века, то партия должна понять особое состояние, кризис – и выразить его в своем языке, своей логике, своей культуре. В России начала XX века именно большевики резко вырвались вперед и отличались от других партий. Это почувствовали как раз те поэты, которые остро переживали тогдашний кризис картины мира, – Блок, Хлебников, Маяковский, Клюев.

В. К. Когда к кризису социальному и политическому добавляется кризис картины мира, может ли программа и идеология стать убедительнее и конструктивнее?

С. К.-М. Именно! Ведь люди чувствуют наличие кризиса, его

за бодрыми речами не спрячешь. Вождь, который обращается к разуму и воле, который предупреждает, что грозит катастрофа, что путь неизведан и от всех требуется творчество и усилие, именно разумных и ответственных людей привлекает. А тот, кто подмигивает и обещает, что «все схвачено», кто с тобой заигрывает, – факир на час.

В. К. Каким же образом Ленин привнес кризис картины мира в программу большевиков?

С. К.-М. В науке различают два состояния: «наука бытия» и «наука становления». Когда картина мира или ее изучаемая данной наукой часть стабильны, то главный интерес привлекают состояния равновесия, устойчивости, равномерно текущие процессы. Это наука бытия. На такой научной картине мира строил свое учение Маркс. Например, политэкономия, начиная с Адама Смита, прямо брала за основу аналогию с равновесной механистической ньютоновской моделью мира. Маркс добавил в нее эволюцию Дарвина. Но бывают периоды, когда наука особое внимание обращает на явления слома равновесий, кризисы, катастрофы, превращения порядка в хаос и зарождение нового порядка. Это – «наука становления».

Так вот, Ленин, осваивая современный ему кризис физической картины мира, даже допуская ошибки в «алгебре», на мой взгляд, замечательно ухватил главный пафос «науки становления». Тут его интуитивное, «мышечное» мышление проявилось самым блестящим образом. Он просто чувствовал, как какой-то великолепный прибор, моменты слома, нестабильности, необратимости. Он понимал процесс возникновения хаоса и видел в нем зародыши нового порядка. И потому у него возникли прямая связь и редкостное взаимопонимание со многими носителями русского чувства и русской мысли. В русской культуре тогда было сильно еще архаическое космическое чувство, дающее способность тонко воспринимать взаимодействие Хаоса и Космоса. В городе оно постепенно затухает, но тогда было развито сильно. Да и в науке русской тогда очень сильны были те, кто работал в «науке становления», – Д. И. Менделеев, Н. И. Вавилов, школы аэродинамики, горения. Ленин подключил этот огромный культурный ресурс к тому напряженному творчеству, которое подспудно шло в массах. Вырваться из ямы, в которой оказалась Россия, – почти чудо. Сегодня положение объективно гораздо легче, а по моему ощущению – веет нередко безысходностью…

В. К. Понятно, что революция сопряжена с созданием хаоса, сломом порядка. И на этой стадии вся эта «наука нестабильности» могла быть полезна. Но как в такой ситуации, причем

стремительно, выросла спасительная часть проекта Ленина? Напомню слова Есенина: «Того, кто спас нас, больше нет». Каков был здесь поворот его мысли? Давайте завершим разговор этой темой.

С. К.-М. Русскую революцию организационно готовили несколько поколений революционеров – можно сказать, рука об руку с царским правительством. И во многом революция стала огромной катастрофой огромной страны. Партия большевиков в момент начала революции, в феврале, насчитывала всего десять тысяч человек, никого из ее руководства тогда не было в Петрограде. На этом этапе теоретическая база ленинизма позволила большевикам занять место на гребне революционной волны и в то же время «прорасти в массы» – силой идей, другой силы у них не было. Но уже к лету большевики стали овладевать структурами, которые вырастали из хаоса и превращались в очаги нового порядка, – Советами. Частью этого процесса стала Гражданская война. Почему же Есенин сказал, что Ленин «спас нас»? Ведь это не для красного словца, это звучало из крестьянской души.

Тут придется сказать то, что было нетерпимо для официальной истории, сделавшей революцию священным символом. Слом государственности и создание хаоса ведут к огромным жертвам среди населения. В 1917–1921 годы в России девять десятых жертв связаны не с прямыми политическими столкновениями – боями и репрессиями, а с лишением средств к жизни и с «молекулярным» насилием. Голод, холод, болезни и преступность – вот главный источник массовых страданий. Они – следствие бунта («революции скифов»), который поднимается при ослаблении государства. В. В. Кожинов сделал большое дело, уделив в своих книгах много внимания именно тому бунту, который сопровождал русскую революцию. И он правильно подчеркнул, что бунт был главным противником большевиков, когда они пришли к власти. Я бы только не согласился с Вадимом Валериановичем в одном. Думаю, что бунт и революция связаны неразрывно, они происходят вместе чуть ли не в каждом человеке.

В. К. Да ведь и Вадим Валерианович, по сути-то, этого не отрицал.

С. К.-М. Его анализ помогает глубже понять, что, может быть, самое трудное в революции – не войти в нее, а выйти, прекратить. В ходе большого столкновения возникает столько новых причин для вражды и ненависти, что процесс идет вразнос. Питирим Сорокин, сам свидетель и участник нашей революции, а потом крупный социолог, даже ввел понятие «обуздание революции» –

как ее особой, очень важной стадии. Ленин действительно спас народ – тем, что он провел «обуздание революции» великолепно. Я считаю, что это – высочайшее достижение политической мысли и практики, непревзойденный шедевр в истории революций.

В 1917 году начался Великий бунт, поистине «революция скифов». Если обратиться к революциям в Мексике и Китае, то там бунт и интенсивное «молекулярное» насилие длились десятилетия, нанося тяжелейшие травмы народу. Ленин же буквально на другой день после Октября начал жесткую кампанию за восстановление государственности, налаживание дисциплины, учет и контроль, выстраивание властных вертикалей и т. д.

Надо заметить, что это вызвало злобную критику со стороны эсеров и меньшевиков, которые обвиняли Ленина в восстановлении проклятой буржуазной государственности. А массы рассудили наоборот: они в жестких мерах большевиков видели силу, способную на восстановление условий, обеспечивающих жизнь – восстановление жизнеустройства! Вспомним хотя бы продразверстку, которая дала пайки тридцати четырем миллионам горожан и спасла их от голода и голодной смерти. Военная доктрина, согласно которой Гражданская война завершалась мощными ударами и разоружением всех «неформальных вооруженных формирований» – включая быстрое подавление «красного бандитизма». И, конечно, нэп.

И раз уж упомянули Есенина, давайте вспомним всю строфу:

Того, кто спас нас, больше нет.
Его уж нет, а те, кто вживе,
А те, кого оставил он,
Страну в бушующем разливе
Должны заковывать в бетон.

Апрель 2001 г.

Незагадочный Сталин
ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР РИЧАРД КОСОЛАПОВ

Сталин… Какой вихрь противоречий возникает до сих пор, когда звучит это имя! Совершенно очевидно, что Сталин – одна из крупнейших фигур XX столетия. Но оценки его резко противоположны. Да и вряд ли можно сказать, что все сделанное им уже достаточно полно, всесторонне и объективно проанализировано. Явная заданностъ мешает этому на Западе, она же долгое время сказывалась и сейчас сказывается в нашей стране.

Возвращение Сталина в наше сознание и в нашу жизнь, причем возвращение отнюдь не в карикатурном виде, какой ему усиленно пытались и пытаются придать, поучительно во многих отношениях. Но прежде всего (это уме абсолютно бесспорно!) оно свидетельствует: из истории, как из песни, слова не выкинешь.

Мой собеседник на сталинскую тему в советское время был известен не только как видный ученый-обществовед, но и как блестящий журналист. Он работал первым заместителем главного редактора «Правды», возглавлял журнал «Коммунист». В последние годы, будучи профессором МГУ, Ричард Иванович Косолапое проделал большую работу по продолжению издания незаконченного собрания сочинений И. В. Сталина.

Виктор Кожемяко. Ричард Иванович, предлагаю вам поговорить о Сталине и об отношении к нему. Понимаю, тема необъятная, и, наверное, она никогда до конца исчерпана не будет.

Скажу откровенно, для меня стало неожиданностью, когда некоторое время назад начали появляться в печати ваши статьи, которые можно было бы назвать просталинскими. По возрасту мы с вами почти ровесники, детство и юность наши прошли в сталинские годы с определенным пиететом к вождю, хотя (про себя скажу) и с ощущением, что по части славословия его перебиралось чересчур. А потом – XX съезд, доклад Хрущева, и сразу – резкая переоценка буквально всего, что связано с этим именем. А как менялось отношение к Сталину у вас?

Ричард Косолапов. Не знаю, может быть, это связано с фамильной традицией, но отношение к Сталину на всем протяжении сознательной жизни у меня было, в общем, ровное. Разумеется, в периоды либо неистового его захваливания, либо яростного развенчивания возникали вопросы: по каким причинам; не открылось ли то, о чем я не догадывался; к чему бы сейчас такое?… Но вопросы относились больше к психологическим нюансам, недоумениям, невыясненным обстоятельствам и т. п., чем к месту Сталина в истории советского общества, тому, что он совершил… Помню и взоры, обращенные с тоской и надеждой к Москве летом 1941 года; и подвиг Сталина, взошедшего 7 ноября, как обычно, на трибуну ленинского Мавзолея; и уважительное, по-особому теплое, непереводимое на другие языки слово, произнесенное бойцом зимой 1943 года – «батя»… Нам никуда не уйти от этого народного восприятия, а разрыв с ним губителен и для политического деятеля, и для любой партии. Не в этом ли один из ключей к нашим бедам последних десятилетий, к краху КПСС и социалистических начинаний, к развалу державы?

Сброшюрованный доклад Хрущева под большим секретом дал мне прочесть тогдашний мой начальник. «Из здания не выноси. Соберешься уходить – запри в сейф».

Прямо скажу, впечатление от сего опуса было мутное. Я, естественно, тогда не знал, что Хрущев готовил текст с помощью Поспелова и Шепилова, в обход ЦК и его Президиума, и вынес свое соло, по сути, за рамки съезда. Произносилось оно, когда съезд уже избрал новые центральные руководящие органы и, стало быть, закончил работу; когда делегаты утратили свои уставные полномочия и в лучшем случае могли выступать в роли пассивно слушающего актива. Именно так родилась «линия XX съезда», немало способствовавшая подрыву коммунистического движения. Повторяю: всего этого я тогда не знал и не мог знать, но интуитивно ощутил фальшь, а потому не стал «в одночасье и навсегда» антисталинистом…

И еще одно. Никаких «просталинских» статей я не писал. Тема Сталина затрагивалась в моих публикациях лишь попутно и

по касательной. Только в 1995 году я выпустил сборник сталинских текстов, в которых дальновидно предсказывалось поражение нашей революции при определенных, не стихийно складывающихся, а целенаправленно создаваемых условиях – вроде тех, что мы наблюдали в 1985–1993 годах. Около трети книги, которая была названа «Слово товарищу Сталину», составили мои комментарии, надеюсь, достаточно объективно освещающие достоинства и недостатки включенных в нее работ…

В. К. Теперь, думается, уже мало осталось людей, которые считают Сталина ничтожеством, недоумком, параноиком и т. п. Даже Радзинский в своей книге и телевизионных «Загадках Сталина» поет иную песню. Великий злодей, гений зла – примерно так можно определить эту возобладавшую на сегодня версию. Как вы относитесь к ней? Ясно, что Сталин – фигура достаточно сложная и противоречивая. Но, подводя, так сказать, исторический баланс: чего, на ваш взгляд, больше было в деятельности Сталина – действительно зла или все-таки добра? Понимаю упрощенность, примитивность такой постановки вопроса, но все же…

Р. К. Версия «гения зла» абсолютно несостоятельна. Нелепо, имея дело с такой масштабной исторической личностью, как Сталин, стараться выглядеть выше и умнее ее. А Радзинский старается. Более того, он голосом, глазами, губами, ужимками играет сразу две роли – сперва однозначного «злодея», потом себя как жреца-судию. Многим это нравится, но, на мой взгляд, получается и то, и другое из рук вон плохо. Думаю, эта уже сыгранная пародия и самопародия Радзинского могла бы украсить хорошую сатирическую пьесу…

Чтобы понять реального, а не сфантазированного Сталина, следует заметить, что для него, имевшего духовное образование и прекрасно знакомого с церковной риторикой о добре и зле, не существовало отвлеченного зла вообще. Зло он понимал всегда конкретно, как воплощенное в людях и отношениях, а такими воплощениями были для него частная собственность, буржуазия, империализм, всякого рода оппортунистические, антипролетарские уклоны и т. д. Сталин не демон и не ангел. Он мог метить в противника и ударить по своим. Он мог ошибаться и в то же время умел быть осмотрительным и мудрым, имея в виду главную цель – уничтожение всевластия капитала и империалистической угрозы; укрепление мощи и благосостояния Советского государства и трудового народа. Беда всех его врагов и критиков состояла в том, что они, как правило, мыслили частично. Они охватывали своим умом бытовую или локальную ситуацию, он – целое. Они думали лишь о регионе, он – о

выигрыше в мировом масштабе.

Конечно, утверждение Хрущева о том, что Сталин по глобусу планировал операции на фронтах Отечественной войны, – давно опровергнутая чушь. Но в чем-то Хрущев, сболтнув лишнее, был прав, если иметь в виду масштабы сталинской мысли. Он, как никто, умел заставить ограниченное зло служить всеобщему благу, и в это стоит вдуматься.

Сам по себе Сталин, по-моему, не был злым человеком. Но неимоверно тяжелая жизнь, которую он прожил, можно сказать, во всех измерениях, коварство и низость, цинизм и жестокость многих, его интеллектуальное, нравственное и социальное одиночество сделали свое. Ради общего дела Сталин не жалел себя и позволял себе не жалеть других. Это далеко не все разделяли. Это не могли ему простить. Не собираюсь высказывать здесь некое окончательное мнение, а тем более кого-то оправдывать. Всегда помню (и советую помнить другим): **объяснение не есть оправдание.** И здесь как нельзя к месту наказ Спинозы: **«Не плакать, не смеяться, а понимать.»**

Чего больше было в деятельности Сталина – действительно зла или все-таки добра?

Не сердитесь, но данный вопрос напоминает мне пресловутый лозунг: «Больше демократии, больше социализма». Бывают в жизни случаи, когда личное благополучие приносится в жертву общественному. При этом один теряет все или почти все, но зато выигрывает община. С точки зрения конкретного индивида совершается зло, а с точки зрения общества – добро. Сталин мыслил и поступал именно так. «Краеугольный камень анархизма, – писал он в ранней работе „Анархизм или социализм?“, – **личность»,** освобождение которой, по его мнению, является главным условием освобождения массы, коллектива… Краеугольным же камнем марксизма является **масса,** освобождение которой, по его мнению, является главным условием освобождения личности.

В свое время Сталин не видел способов гармонично сбалансировать оба начала и делал все во имя интересов большинства. В тогдашнем конкретно-историческом исполнении это и было добро. Выиграло ли нынешнее российское общество, отбросив прочь этот приоритет?

В. К. Совершил ли Сталин свой «термидор»? И самое главное – как вы трактуете 1937 год и вообще тему сталинских репрессий, ГУЛАГа и т. д., которая для многих стала определяющей, знаковой при оценке Сталина да и чуть ли не всего советского периода нашей истории?

Р. К. Совершил ли Сталин свой «термидор»?

Нет, не совершил.

«Термидором» (по названию одного из месяцев республиканского календаря: часть июля – часть августа) в истории Великой французской революции именуется правый, антиякобинский переворот 1794 года, отстранивший трудящиеся массы от участия во власти и утвердивший неограниченную диктатуру буржуазии. С него начался беспредел частного обогащения и белый террор. «Огромное повышение цен на продовольственные товары, – констатировала 9 января 1795 года газета Бабефа „Трибун народа“. – Приостановка работ. Изгнание рабочих из Парижа… Прекращение производства оружия и одежды. Неизменное покровительство проституции… Возрождение суеверия. Вывоз звонкой монеты. Подрыв доверия к ассигнатам (бумажным деньгам. – Ред.). Отвратительная выгода, извлекаемая из отмены максимума (предельных цен на хлеб. – Ред.)… Воскрешение слов „чернь“, „простонародье“ для обозначения народа… Пагубная свобода действий, предоставляемая ненасытной жадности торговцев… Подсчет в ливрах, су и денье (тогдашняя французская разменная монета. – Ред.), подтверждающий, что рабочий народ более не может существовать». Что тут общего со сталинской практикой?

Известно, что ярлык «термидор» по адресу большинства ЦК употреблял во внутрипартийной борьбе Троцкий. Он сигнализировал об опасности «бюрократического извращения» рабочей власти (то есть о том, о чем предупреждал еще Ленин), но терял чувство меры. Эгоцентрист по натуре, страстный оратор и способный литератор, Троцкий не проявил себя как трезвый аналитик и не имел выдержки, необходимой для длительной и упорной организаторской работы. Поэтому столь часты перехлесты в его суждениях. Многое, что ощущалось всего лишь как негативная тенденция, он принимал уже за свершившийся факт. Доводил свои нападки на Сталина и его соратников до призывов к подрыву советского режима, в том числе через поражение СССР в будущей войне…

Читая сейчас книжку Троцкого «Преданная революция», угадываешь в ней что-то знакомое, но относящееся отнюдь не к сталинским временам. Прочность в тот период системы диктатуры рабочего класса теперь, в свете опыта стольких десятилетий, не вызывает сомнений. Ее серьезнейшим испытанием явились Великая Отечественная война и быстрое восстановление разрушенного захватчиками народного хозяйства. Словом, в споре с Троцким оказался прав Сталин…

Теперь о 1937 годе. Начну с того, что 1937 год – не только и не столько репрессии. Это год успешного завершения второй

пятилетки; 100-летия памяти Пушкина, которое вылилось во всенародный фестиваль русского духа; 20-летия Октября; первых выборов, согласно новой Конституции СССР, в Верховный Совет.

Изменения в избирательном законодательстве и законодательной практике означали крупнейшую в послеоктябрьской истории демократическую реформу советской политической системы.

В стране царила обстановка политического подъема, трудового энтузиазма – я ее помню именно такой. Но не располагаю систематизированными статистическими данными о теневых сторонах тогдашней советской действительности, в частности о фактах вредительства и саботажа. А их было немало. Не думаю, что февральско-мартовский Пленум ЦК ВКП(б), обсуждавший и этот вопрос, был искусственно инсценирован, воевал с ветряными мельницами…

«Коммунистические режимы уничтожили ПО миллионов человек», – писали в связи с 80-летием Октября «демократические» «Известия». Эта цифра то сокращается, то раздувается в зависимости от вкусов «критиков» социалистического строя. Никто не несет ответственности за прямые подтасовки и ложь. Их цинично оправдывают, ибо они выгодны ныне правящему классу. Однако такое не может продолжаться до бесконечности.

В юбилейных тезисах РУСО, опубликованных в «Правде» 24–31 октября 1997 года, приводятся «давно установленные факты: число осужденных с 1921-го по 1954 год – около 3,8 миллиона, число приговоренных к смертной казни – около 643 тысяч. И это в стране, пережившей за полвека три революции, две мировые, одну гражданскую и несколько локальных войн. Вместо приобщения к правде, – отмечается в документе, – целых два поколения запугивали сагой о ГУЛАГе. Причем это нередко делали выходцы из среды тех, кто допускал массовые беззакония».

Хватались ли остатки свергнутых Октябрем эксплуататорских классов за «оружие обреченных»? Да.

Были ли нарушения революционной законности, страдали ли при этом невиновные? Тоже да. И ответственность за это несет в числе других Сталин.

Почему наряду со справедливым возмездием за преступления перед народом «шились» дела против невинных людей?

Отчасти это объяснимо бюрократизмом и желанием выслужиться, отчасти низким уровнем профессиональной подготовки и культуры работников правоохранительных органов. Однако главная причина все же в другом. Мы теперь располагаем

обширной фактической и документальной базой для вывода: многие невинные люди, особенно коммунисты, пострадали из-за **проникновения** в эти органы чужеродных (белогвардейских, уголовных и т. п.) элементов, из-за использования ими своего служебного положения как средства антисоветской классовой борьбы…

В. К. Сталин и Гитлер. Вы знаете, что на Западе да и определенные авторы у нас давно уже ставят между ними знак равенства. Даже считают, что Сталин хуже Гитлера, ибо тот уничтожал чужих, а он – свой народ. Каково ваше мнение?

Р. К. Считаю эту параллель кощунственной. Никто из государственных деятелей мира не сделал больше, чем Сталин, для всестороннего – политического и военного, экономического и организационного, идеологического и морального – разгрома фашизма, его искоренения. Наша пропаганда 30-х годов вся была пронизана антифашизмом. Вообще, по-моему, тут нечего доказывать. Так было и не могло быть иначе.

Сталин «уничтожал» свой народ? Это – бред, к которому умышленно приучают людей, как заставляют их привыкать к мракобесию и проституции, к нищим на улицах и богачам в казино, к отторжению трудящихся от собственности и власти, к безработице, к невыдаче заработной платы и повиновению диктату США.

«У нас теперь все говорят, что материальное положение значительно улучшилось, что жить стало лучше, веселее, – мотивировал Сталин на совещании комбайнеров 1 декабря 1935 года необходимость расширения зернового хозяйства. – Это, конечно, верно. Но это ведет к тому, что население стало размножаться гораздо быстрее, чем в старое время. Смертности стало меньше, рождаемости больше, и чистого прироста получается несравненно больше. Это, конечно, хорошо, и мы это приветствуем. Сейчас у нас каждый год чистого прироста населения получается около трех миллионов душ. Это значит, что каждый год мы получаем приращение на целую Финляндию. Ну а это ведет к тому, что приходится кормить все больше и больше людей».

Сравните с этими простыми фактами нынешнее положение России. Смертность с 1992 года прочно возобладала над рождаемостью. Ежегодная убыль населения доходит до миллиона человек. За 90-е годы страна в мирное время потеряла 7 миллионов! Спрашивается, кто и когда уничтожал свой народ? Кто поджигал и расстреливал свои парламенты, разгонял народные Советы?

В. К. Сталину ставят в вину антисемитизм. И это тоже

знаковая оценка. Что вы думаете на сей счет?

Р. К. Сталин не был антисемитом. Он был русским патриотом-интернационалистом, антифашистом, то есть антирасистом и антинацистом, а значит, и противником сионизма как одной из разновидностей нацистской идеологии.

Антисемитизм и антисионизм – совершенно разные вещи. Их умышленно и демагогически путают недруги России, обманщики трудового народа, в том числе еврейского. Антисемитизм, как и русофобия, – это внушение подсознательной, инстинктивной неприязни к лицам конкретной национальности независимо от их взглядов, реального поведения, принадлежности к тому или иному политическому лагерю. Это внушение ложного убеждения, что представитель данной национальности заведомо ущербен, что он не может быть полноценной личностью, надежным товарищем в жизни и борьбе. Иными словами, и антисемитизм, и русофобия направлены на формирование комплекса неполноценности у обоих народов, на их разъединение и обработку порознь буржуазией в своих интересах.

Как русский, советский коммунист, патриот-интернационалист Сталин не был и не мог быть антисемитом. В его окружении встречаются лица еврейской национальности, которых он критиковал и наказывал за ошибки, но ценил за убежденность, талант и организаторскую хватку. Еще не забыты имена таких крупных деятелей, как Каганович и Ярославский, Мехлис и Зальцман, Драгунский и Эренбург, Иоффе и Литвинов… Сталина обвиняют в антисемитизме не потому, что он якобы был гонителем евреев как таковых, а потому, что он решительно и беспощадно боролся против эсеровщины и меньшевизма, против троцкизма и других видов буржуазного и мелкобуржуазного влияния на пролетариат.

Нельзя отрицать, что в перечисленных течениях, в среде подобранных Троцким и Ягодой кадров евреи подчас составляли большинство. Но Сталин руководствовался не национально-этническими или же шовинистическими, а **классово-политическими** мотивами. И второе нечестно подменять первым.

Небезызвестный А. Яковлев, хитровато прикрывая сионизм, заявил как-то, что надо, дескать, различать сионизм как **религиозное** явление и как явление **политическое.** Фальшь тут состояла в том, что он в первом случае шовинизмом называл **иудаизм** и узаконивал употребление термина «сионизм», в этом смысле будто бы вполне приемлемого. Сколько, однако, было случаев, когда при нынешнем засилии продажных средств массовой информации безобидная, на первый взгляд, **подмена слов** вела не только к прорывам в мировоззрении, но и к

деформации общественных отношений!..

Не вычеркнуть из истории выдающуюся роль Сталина в спасении еврейской национальности от гитлеровского геноцида, в основании государства Израиль. «Но, – скажут нам, – Сталин одновременно громил гнезда местечково-меньшевистской групповщины в различных ведомствах СССР, был нетерпим к концепции „богоизбранного“ народа, не уступил Крым для учреждения там Еврейской автономии и т. п.». На такой довод следует ответить вопросом: разве это было неверно с государственной точки зрения? Многие критики Сталина, в том числе те, кто выдумывает его «антисемитизм», обходят как раз эту позицию, а значит, и лишаются права на объективность.

В. К. Ричард Иванович, сейчас вы подготовили к печати и выпускаете дополнительные тома собрания сочинений Сталина. Уже вышли, насколько я знаю, тома 14-й и 15-й. На очереди – 16-й. Что-нибудь новое они открыли вам в Сталине?

Р. К. Для меня Сталин не открытие. Моя цель состоит в том, чтобы его для себя открыли другие.

Думаю, не ошибусь, если скажу, что Сталин – самая мистифицированная выдающаяся личность XX века. Сначала он был зашифрован и замурован от живых современников словоизвержениями культовой пропаганды, затем стал жертвой хрущевско-горбачевского охаивания и облыгания. Как правило, правда пугливо бежала от всех этих «вытребенек» далеко прочь. Образно говоря, узнать что-то о Сталине можно было, только перелагая хвалебные иероглифы на очернительскую клинопись, так и не переходя на естественный, понятный, добрый русский язык. Таков порочный круг обожествления-дьяволизации, который я считаю своим долгом прервать.

По натуре скептик, я принимаю девиз Маркса: «Подвергай все сомнению», но только с добавлением: «в том числе и собственное сомнение». Поэтому ни поклонником, ни апологетом кого бы то ни было, а значит, и Сталина, себя не считаю. Не могу знать, как сложилась бы моя личная судьба, сохранись у нас «крутые» порядки и нравы конца 40-х – начала 50-х годов. Но разве это или подобное соображение позволяет кому-либо преступать принцип исторической справедливости? О ней следует судить не по себе только или же по участи своих родных и близких, а по положению, в которое поставлен в обществе человек производительного (физического и умственного) труда, созидатель всех материальных и духовных благ, человек-творец.

Мне кажется, издаваемый трехтомник, завершение собрания сочинений, прерванного на 13-м томе в 1951 году (вышедшие после смерти автора тома 14-й и 15-й были по указанию Хрущева

срочно изъяты и уничтожены), выводит Сталина-человека из саркофага возвеличения-принижения как равного к другим людям (смерть – лучший уравнитель и «демократ»). В книгах незримо присутствует его личная трагедия, в которой он – да и то лишь частично – признается одной матери. «Я свою долю выдержу, – читаем в письме от 24 марта 1934 года.

– … После кончины Нади (самоубийства жены Сталина Н. Аллилуевой 8 ноября 1932 года. – Ред.), конечно, тяжела моя личная жизнь. Но ничего, мужественный человек должен остаться всегда мужественным».

О шутках Сталина ходит немало полубылей-полуанекдотов. К ним присоединен теперь еще один документально сохранившийся, подлинный лучик юмора. «Насколько мне известно из сообщений иностранной прессы, – отвечает Сталин на корреспондентский запрос по поводу слухов о своей тяжелой болезни или даже кончине, – я давно уже оставил сей грешный мир и переселился на тот свет. Так как к сообщениям иностранной прессы нельзя не относиться с доверием, если вы не хотите быть вычеркнутыми из списка цивилизованных людей, то прошу верить этим сообщениям и не нарушать моего покоя в тишине потустороннего мира».

Согласитесь, изящный шлепок западному мещанину. Вряд ли что-либо подобное мог написать параноик, мизантроп-злыдень или же, как тщетно старались доказать «демократы», заведомый примитив.

Предвоенный да и прочие тома сочинений Сталина производят впечатление широтой и многосторонностью общения с людьми труда. Это металлурги и колхозники, выпускники военных академий и метростроевцы, свекловоды и стахановцы, комбайнеры и хлопкоробы, летчики и военачальники, угольщики и работники высшей школы… Для каждой из групп трудящихся Сталин находил нужные слова, проявлял знание специфики той или иной работы, ставил реальные, понятные всем задачи. Как далек нынешний стиль «руководства» государством и обществом от того, что до сих пор клеймят как «тоталитарные» приемы и методы!

Наконец, последнее. Разве это нормально, что почти полвека в истории страны зияет громадная черная дыра, а годный для ее заделывания документальный материал выносится на публику случайными щепотками, в то время как население бессовестно обрабатывается в духе исторического мазохизма и комплекса неполноценности? Очевидно, кому сие выгодно. И столь же очевидно, что без серьезных усилий по сбрасыванию с себя этого бесовского наваждения уникальной России не воспрянуть.

В. К. Какое еще современное значение имеет, на ваш взгляд, тема Сталина? Мне кажется, что, кроме чисто исторического интереса, есть здесь нечто большее. Вот, скажем, не покоряют ли людей своего рода аскетизм этого человека, определенное бескорыстие его, предпочтение государственных интересов личным и т. д., чего в нынешних руководителях нашей страны не наблюдается?…

Р. К. Несомненно, тема Сталина выходит за рамки чисто исторического интереса.

Немного о деталях. Впервые на дачу Сталина в Волынском я попал осенью 1966 года. С осени 1968-го по конец 1969 года (13 месяцев подряд) мне пришлось работать там почти безвыездно по заданию ЦК. Так что могу судить о бытовой обстановке, окружавшей этого человека, непосредственно и конкретно.

Собственности у Сталина, по существу, не было. Дом, в котором он жил, принадлежал государству (или партии), хотя и был отделан во вкусе постояльца. Все отмечали там две «роскоши»: стены, а кое-где и потолок были обшиты деревом; полы покрыты коврами. Мебель повсюду была очень простая, обитая рядовецкой тканью синеватого цвета. Обращали на себя внимание лишь диваны – широкие и мягкие, удобные для отдыха и сна. Говорят, в Волынском имелась обширная библиотека, личная или казенная – неизвестно. В 60-х годах мне рассказывали, что сперва ее вывезли и свалили во дворе управления делами ЦК, а когда пошли дожди, накрыли брезентом. Потом хозяйственникам надоела эта груда книг, и ее якобы сожгли. Если это даже и не так, версия не случайна.

В середине 50-х годов поступило распоряжение уничтожить все вещи, связанные с хозяином, и работники обслуживания были вынуждены их прятать. Я работал за спасенным таким образом столом Сталина, видел диван, на котором он умирал. В окружающем дом парке был пень, присаживаясь на который, Сталин выкуривал трубку во время прогулок, – его выкорчевали и сожгли. Сожгли также одну из лодок, бывших на пруду. Трудно сказать, кто таким способом вымещал свою низменную злобу, но факты вандализма налицо.

Быт Сталина выглядел более аскетичным даже по сравнению с обстановкой в Горках, где я в первый раз оказался 1 мая 1953 года.

Почему запомнилась мне та поездка?

Сразу после демонстрации мы, группка студентов МГУ, решили не расходиться и вместе куда-нибудь отправиться. Выбор пал на Горки.

В музее-усадьбе мы застали странную тишину и подавленное

настроение. Водил экскурсию сам директор, который поведал, что его учреждение будто бы в связи с основанием музея Сталина в Волынском закрывается и тут намечено разместить детский дом.

Не хочу распространяться о нынешних руководителях. Их отличие от советских гигантов разительно. Но об этом моменте считаю нужным сказать особо. Сталин вслед за Лениным был широко эрудированным и творческим человеком. Он постоянно консультировался со специалистами, запрашивал фактические и статистические данные, однако всегда сам писал свои доклады и статьи. Он строго соблюдал этику интеллектуального труда, не допускал и тени его эксплуатации. Сталина невозможно представить в положении пленника всякого рода нашептывателей и «яйцеголовых», которые оплетали со всех сторон Хрущева и Брежнева, создавали у Горбачева иллюзию появления у него новых извилин.

Наблюдая в 60-90-х годах процессы того, что можно назвать лидерообразованием, я с горечью констатирую широкое распространение легковесного мнения, что вождя можно «сделать» из кого угодно, «поддуть», «раскрутить» и т. п. Были бы деньги и выход в СМИ. Но разве не очевидно, какие при таком подходе получаются «изделия»?

Может быть, в странах со старым, мощным монополистическим капиталом и его закулисным «предиктором», с давними парламентскими традициями «лидеры с приставкой» (финансовым вливанием, рекламой, обезличенными советниками, концептуалами-речеписцами, имиджмейкерами и пр.) и способны выполнять свою служебную роль, – России нужны неустанно работающие над собой самородки.

«А о Петре ведайте, что жизнь ему не дорога – жива бы только Россия». Эти слова, сказанные перед Полтавской битвой тем, кто «на троне вечный был работник», как нельзя лучше вписываются в народное представление о действительно российском вожде. Не «сделанный» прагматик-политикан, а естественно сложившийся реалист-романтик нужен нашему Отечеству.

Январь 1998 г.

Мощь русского Духа маршала Г. К. Жукова ПРЕЗИДЕНТ АКАДЕМИИ ВОЕННЫХ НАУК, ГЕНЕРАЛ АРМИИ МАХМУТ ГАРЕЕВ

Имя Георгия Константиновича Жукова много значит для нашей страны и нашего народа! Да и не только для нас. Исключительный вклад великого советского полководца в победу над фашистской Германией и ее союзниками, которой завершилась Вторая мировая война, бесспорен. Почему же продолжаются попытки принизить значение этой исторической фигуры? Чем вызваны яростные нападки на Жукова? Вопросы, волнующие многих, обозначили тему моей беседы с Президентом Академии военных наук РФ генералом армии Махмутом Гареевым.

Виктор Кожемяко. МахмутАхметович. обращаюсь к вам как к одному из самых видных, самых компетентных военных ученых. Скажите, как вы оцениваете Жукова?

Махмут Гареев. Георгий Константинович Жуков – выдающийся герой и наиболее талантливый полководец Великой Отечественной войны, внесший огромный вклад в достижение нашей победы, в развитие военной науки и военного искусства. У меня, как и у сотен тысяч других, воевавших на фронтах, которыми командовал Жуков, есть возможность судить о нем не только по имеющимся теперь документам и литературе, но и по тому, как ощущалась его полководческая деятельность в войсках. Безо всякого преувеличения можно сказать, что его появление на том или ином фронте вызывало большой подъем и

воодушевление.

В. К. Насколько я понимаю, сомнений и колебаний при такой оценке роли Жукова у вас нет. Ну а как вы тогда относитесь к иным мнениям на этот счет? Ведь в некоторых публикациях, особенно последних лет, роль его и значение оцениваются совсем по-другому.

М. Г. Прискорбно, что за последние годы, наряду с правдивыми, достоверными публикациями о Жукове, появляется много различного рода измышлений. О несостоятельности их уже не раз писали стоящие на объективных позициях историки, писатели, ветераны войны.

В. К. Но что, на ваш взгляд, порождает эти измышления?

М. Г. Клеветнические нападки на Жукова стали частью общей кампании по дискредитации нашей победы в Великой Отечественной войне. Глобальной, можно сказать, кампании. Что получается? По логике некоторых публикаций и телепередач, немецкие генералы Гудериан, Манштейн и другие, а заодно с ними Власов были… благородными борцами со сталинизмом. В романе Георгия Владимова «Генерал и его армия» Гудериан сочувствует «униженным и оскорбленным русским». Как справедливо отмечали читатели в своих письмах, книги такого типа и афиширующие их телепередачи воспринимаются как натуральная агитка в пользу третьего рейха и против Советского Союза, то есть против своего народа, который, оказывается, напрасно сражался с фашизмом.

Уже и прямо толкуют нам о том, что победа фашистской Германии была бы более предпочтительной: дескать, быстрее приобщились бы к западной цивилизации. Людей, стоящих на такой позиции, конечно, не устраивают ни наша победа, ни Жуков.

Геббельс всех советских людей, воевавших против фашистской Германии, зачислял в «большевики»… Ради извлечения уроков нам надо, конечно, остро критически рассматривать наши поражения и неудачи в 1941–1942 годах. Но можно ли забывать при этом и об «ответственности» за вторую половину войны, завершившуюся нашей полной победой? Франция в 1940-м за короткий срок потерпела сокрушительное поражение, была разгромлена Германией, однако там не шельмуют своих полководцев и солдат… У нас же используют все методы, вплоть до самых грязных. Вы помните, наверное, появились сообщения о том, будто в 30-е годы Жуков написал донос на маршала А. И. Егорова. Как выяснилось, писал донос совсем другой Жуков! Георгия Константиновича даже не было на том фронте, где находился Егоров. Вообще, ничто не сходилось.

Однако цель достигнута – тень была брошена. И ведь по-настоящему ее так и не сняли до сих пор. Фальшивка-то была растиражирована очень широко, а убедительные опровержения столь массовой трибуны не получили.

Меня поражает не только некомпетентность этих, с позволения сказать, историков и писателей, но и их нравственная нечистоплотность. Принято считать, что историческая работа, связанная с поиском истины, требует глубоких исследований, сопоставления и сверки огромного количества фактов и документов. А тут? Даже не удосужились сличить подписи и почерк двух Жуковых! И не возникли хоть какие-то сомнения, угрызения совести перед именем и обликом человека, для которого подобный поступок был просто противоестественен. Стремление к ниспровержению нашей национальной гордости любой ценой все пересилило.

В. К. Я заметил: охотно используют при этом, что называется, копание в нижнем белье. Поиск, муссирование, раздувание, а то и выдумывание всяких «пикантных» подробностей из личной жизни героя. Пушкин когда-то метко написал о жадном пристрастии «толпы» искать низкое в великом, чтобы в восхищении кричать потом: он мал, как мы! Врете, подлецы, он и мал не так, как вы, – иначе! – резко парировал поэт.

М. Г. О подобных обывательских потугах мерить личности большого масштаба на свой аршин у Александра Сергеевича есть еще одно очень хорошее высказывание: для жены и слуги нет великих людей. Что ж, например, Михаил Ардов и Пушкина называл «кощунником, картежником, развратником, чревоугодником и дуэлянтом» – это я прочитал в «Независимой газете»… А если вернуться к Жукову, то в поисках «фундаментальной истины о войне» не находят ничего лучшего, как публиковать перечень одежды и другого имущества, найденного в шкафах на квартире маршала.

В. К. Мелко и гнусно, что говорить. Причем какие только из наших сильно «демократических» изданий не применяли этот прием, чтобы, как нынче выражаются, размазать великого человека по стенке!

М. Г. Надо сказать, такое непочтение к своим национальным героям всегда рассматривалось как нравственное нездоровье общества. Но, кроме всей этой мерзопакостной мещанской пачкотни, появились у нас статьи и даже книги, порочащие Жукова не только как человека, но и как полководца. И здесь претензии на разоблачение уже как бы более основательные, более серьезные. Говорится о его полководческой несостоятельности, о жестокости, самоуправстве,

многочисленных ошибках и промахах, допущенных во время войны – от Москвы до Берлина. К сожалению, приложил к этому руку в свое время и такой заслуженный военачальник, как И. С. Конев (не имеет значения, сам или не сам он писал подписанные им антижуковские статьи в определенных, политически конъюктурных условиях).

В. К. Опровергать все это надо, наверное, конкретными фактами.

М. Г. Безусловно. О высоком полководческом искусстве Жукова наиболее убедительно и неопровержимо свидетельствуют многочисленные успешно проведенные под его командованием сражения и операции. Да, он сам признавал, что несет известную долю ответственности за поражения нашей армии в 1941 году. Но все же главным образом они явились следствием крупных просчетов политического руководства.

Хорошо известно, что нарком С. К. Тимошенко и Г. К. Жуков не раз выходили с предложениями о наращивании боевой и мобилизационной готовности приграничных военных округов, но все они отвергались…

В. К. Перед началом войны Георгий Константинович был ведь начальником Генштаба?

М. Г. Всего пять с половиной месяцев. И прямо скажу: если бы не его принципиальная позиция, мужество и настойчивость, то, возможно, и такие решения высшего руководства, как частичное отмобилизование 800 тысяч человек для доукомплектования приграничных округов, выдвижение из глубины к рубежу реки Днепр четырех общевойсковых армий (28 дивизий), да и подписание поздно вечером 22 июня весьма запоздалой директивы о приведении войск в готовность к отражению агрессии могли не состояться.

Любого объективного исследователя до сих пор поражает, какой прозорливостью надо было обладать, чтобы в июле 1941 года заранее разгадать замысел германского командования о временной приостановке наступления на Москву и повороте 2-й полевой армии и 2-й танковой группы на юг для удара во фланг Юго-Западного фронта. Жуковым были предложены конкретные меры по предотвращению этой назревшей угрозы. Но Сталин не согласился с такой оценкой, за излишнюю резкость и настойчивость отстранил Георгия Константиновича от должности начальника Генштаба, что привело к тяжелейшей катастрофе на юго-западном направлении.

В. К. А потом испытанием для Жукова, как известно, стал Ленинград…

М. Г. Умение предвидеть замыслы противника и принимать

заблаговременные меры противодействия, огромная жуковская воля и редкостные организаторские способности сыграли важнейшую роль при обороне Ленинграда и Москвы. Вот пример: два полководца действовали в Ленинграде – Ворошилов и Жуков. Один начинает готовить корабли Балтийского флота к взрыву и потоплению, чтобы они не попали в руки противника. Другой тоже не хочет этого, но стремится, чтобы корабли, если и погибли на худой конец, то сражаясь, нанеся максимально возможный урон противнику. Жуковский подход обеспечил как сохранение флота, так и удержание Ленинграда. А ведь его до сих пор упрекают в том, что он «не по науке» использовал флот.

Именно Жуков вместе с Василевским выработали замысел Сталинградской операции, завершившейся окружением и уничтожением 300-тысячной группировки противника. В 1943-м Георгий Константинович предлагает вместо упреждающего наступления перейти к стратегической обороне под Курском. Это позволило навязать противнику выгодный для советских войск и невыгодный для немцев способ действий, что обеспечило достижение одной из величайших побед, привело к перелому в ходе войны. А в 1944–1945 годах Жуков в качестве заместителя Верховного Главнокомандующего и командующего войсками 1-го Белорусского фронта во взаимодействии с другими фронтами проводит блестящие по результативности завершающие наступательные операции, которые и привели нас к окончательной победе.

В. К. Мне довелось читать, какой разнос Жукову через 55 лет после проведения им Ельнинской операции учинил некий доктор филологических наук Борис Соколов.

М. Г. Это какое-то детское баловство на историческом поле! Трудно себе представить военачальника, военного ученого, который взялся бы разбирать специальный труд по филологии. А вот в области военной стратегии и тем более уж по такой модной теме, как «Военная реформа», каждый даже избежавший службы в армии человек считает себя знатоком.

Борис Соколов, постоянно подчеркивая, что Жуков во всем старался угодить Сталину, утверждает: «Командуя Резервным фронтом и еще с конца июля… предвидя, что главный удар немцы нанесут на юге, против Киева, тем не менее добился от Сталина согласия на проведение силами своего фронта наступления против Ельнинского плацдарма немцев, вместо того чтобы выделить несколько дивизий соседям с юга, попавшим под мощный немецкий удар. В создавшихся условиях германское командование за Ельню держаться не стало, предпочтя окружить советские армии в районе Киева. А две недели спустя и без Ельни

немцы смогли разгромить наши армии на Западе. Жуков в это время благополучно отсиживался на второстепенном Ленинградском фронте и вины за поражение не понес».

Во-первых, о каком угождении Сталину идет речь? Жуков дважды обратился к Сталину с предложением отвести войска с Юго-Западного фронта на восточный берег Днепра. И никак не поддакивал Верховному, а предельно резко разговаривал с ним – Жуков этого не боялся. Ведь он был отрешен от должности начальника Генштаба не за «угождение», а за то, что пошел наперекор Сталину и настаивал на отводе войск. Почему же проведение Ельнинской операции является угождением Сталину, если Верховный первоначально высказался против ее проведения и согласился впоследствии лишь по настоянию Жукова?

Во-вторых, Жуков нес конкретные предложения о перегруппировке на юго-западное направление не нескольких дивизий, а более крупных сил – не менее двух армий.

В-третьих, задача в июле – августе 1941-го состояла в том, чтобы не только перебросить на юг наши дополнительные силы, но и сковать силы противника на западном направлении и не дать ему возможности перебрасывать новые силы на юг. Проведенная Жуковым Ельнинская операция, как первая успешная наступательная операция, имела не только большое оперативно-стратегическое, но и морально-политическое значение. Родилась советская гвардия.

В. К. По-моему, особенно много грязи выливают на голову Жукова в связи с подготовкой и проведением заключительной, Берлинской операции.

М. Г. Пишут о том, что он остановился на реке Одер и не продолжил сразу наступление на Берлин. В самом деле, почему Жуков в одном случае, в ходе завершения Висло-Одерской операции, настойчиво добивается согласия Сталина на продолжение наступления к Одеру, а с выходом на этот рубеж вопреки требованию Верховного доказывает необходимость временной оперативной паузы с целью закрепления успеха, более надежного обеспечения своего правого фланга и подготовки Берлинской операции? В одном из интервью ему задавали даже наивный вопрос, какого он придерживается принципа – «затухающей» или «незатухающей» наступательной операции.

В том и другом случае он исходит не из отвлеченных теоретических положений, а из своеобразия конкретной обстановки и вытекающей из нее оперативно-стратегической целесообразности. При рассмотрении Берлинской операции Жукова обвиняли в неправильном использовании танковых армий, которые он ввел в сражение для допрорыва тактической

обороны, а не для развития успеха в оперативной глубине, как это положено. Но под Берлином была сплошная оборона и никакого оперативного простора не предвиделось. Если бы командующий фронтом в данном случае подошел формально и ждал, когда общевойсковые армии самостоятельно прорвут оборону, пришлось бы потерять время, дать противнику возможность закрепиться, а танковые армии вводить с подходом к городу, что могло крайне усложнить развитие операции.

В. К. Наверное, ему ни в коей мере не свойственен был догматизм в военном мышлении.

М. Г. Жуков считал, что самый страшный враг рационального военного искусства – это шаблон и догматизм. Сила военного руководства – в творчестве, новаторстве, оригинальности, а следовательно – в неожиданности решений и действий для противника. Жуков, как никто другой, понимал эту суть военного искусства и умел претворять ее в жизнь в каждой операции, которую ему доводилось готовить и проводить. Разве, совершая сплошные ошибки и осуществляя «бездарное руководство», можно было достичь побед в таких операциях?

Нельзя забывать и о том, что советские Вооруженные Силы разгромили одну из сильнейших армий мира, которая до этого завоевала почти всю Западную Европу, сокрушили германскую военную школу, перед которой преклонялись во всем мире. Георгий Константинович еще в конце 1940 года, во время военной игры в Генштабе, начал мысленно противостоять Кейтелю – одному из ведущих германских стратегов. А в 1945-м они встретились в Берлине при подписании акта о капитуляции фашистской Германии. Один – как победитель, другой – как побежденный. И никакие ниспровергатели советской военной истории не могут опровергнуть этого главного факта, свидетельствовавшего о высочайшем уровне искусства и науки наших полководцев.

Однако им с упорством, достойным лучшего применения, продолжают противопоставлять как недосягаемые образцы то тех же немецких генералов, развязавших и проигравших две мировые войны, то генералов старой русской армии.

В. К. Еще бы! Там – белая кость, голубая кровь, а здесь – быдло, бездарь, неучи…

М. Г. Многие в немецком руководстве считали именно так. Да просчитались, ох, как жестоко!

Приведу запись из дневника Геббельса, которую он сделал за полтора месяца до своего конца: «Генштаб представляет мне книгу с биографическими данными и портретами советских генералов и маршалов. Из этой книги нетрудно почерпнуть

различные сведения о том, какие ошибки мы совершили в прошедшие годы. Эти маршалы и генералы в среднем исключительно молоды, почти никто из них не старше 50 лет. Они имеют богатый опыт революционно-политической деятельности, являются убежденными большевиками, чрезвычайно энергичными людьми, а на их лицах можно прочесть, что они имеют хорошую народную закваску. В своем большинстве это дети рабочих, сапожников, мелких крестьян и т. д. Короче говоря, я вынужден сделать неприятный вывод о том, что военные руководители Советского Союза являются выходцами из более хороших народных слоев, чем наши собственные».

В. К. Иногда высказывается мнение, что Жуков искусственно возвеличен за счет других, не менее заслуженных наших полководцев.

М. Г. Не согласен. У каждого из них в истории великой войны свое достойное место. Но у Жукова-то оно поистине выдающееся! Бывает, чтобы опорочить его, ссылаются на отдельные критические замечания других военачальников, в частности на Рокоссовского. Но ведь, в отличие от нынешних ниспровергателей, они не отрицали в целом роль и способности Жукова. Тот же Константин Константинович, отмечая недостатки в его характере, вместе с тем признавал, что у Георгия Константиновича всего было через край – и таланта, и энергии, и уверенности в своих силах.

В. К. Острый вопрос – о цене побед. О том, что Жуков якобы брал не качеством, а количеством, просто-напросто заваливал противника солдатскими трупами, выдавливал его массой своих армий…

М. Г. Опять-таки надо обращаться к историческим фактам. Известны данные о численности сторон и соотношении сил, о потерях. И разве такие мастерски проведенные операции, как Сталинградская, Белорусская, Висло-Одерская и другие, с окружением, расчленением и уничтожением по частям крупных группировок противника, похожи на «искусство парового молота, выталкивания и выдавливания пришельца со своей земли», о котором пытался толковать профессор А. Мерцалов?

Распространяются порой настолько примитивные сплетни и байки о деятельности Жукова во время войны, которые, кажется, не стоят даже того, чтобы их всерьез опровергать. Пусть судит читатель хотя бы по такому примеру. В День победы в 1996 году по НТВ показали английский фильм о Жукове, в котором ведущий утверждал: наш полководец в Берлинской операции с целью прокладывания пути для танков через противотанковые минные поля посылал вперед пехоту. Но элементарно смыслящий

в военном деле человек понимает, что это полная чепуха, ибо для подрыва противотанковой мины нужно давление не менее 250–500 килограммов. Под пехотинцем она не подорвется.

Владимир Солоухин, тоже выдумывая свои данные об огромных потерях, вдруг с умным видом добавлял: «Известно, Жуков просил перед каждым наступлением, чтобы соотношение наших бойцов и немцев было десять к одному». Откуда это взято? На чем основано? Взято, что называется, с потолка: нет никаких исторических фактов, подтверждающих такие данные. Выдумка! Не соответствуют действительности и утверждения о том, что на фронтах, которыми непосредственно командовал Жуков, потери были значительно большими, чем на других фронтах.

В. К. А располагаете ли вы достоверными статистическими данными на этот счет?

М. Г. Располагаю. И свидетельствуют они как раз совсем о другом. Вот, скажем, в Московской наступательной операции безвозвратные потери личного состава таковы: Западного фронта (командующий Г. К. Жуков) – 13,5 процента от общей численности войск, Калининского фронта (командующий И. С. Конев) – 14,2 процента.

В Нижнеднепровской наступательной операции 2-й Украинский фронт (И. С. Конев)-16 процентов, 1-й Украинский фронт в Киевской операции (Г. К. Жуков) – меньше одного процента.

Анализ цифр можно продолжать, а вывод один: наговоры на Жукова по этой принципиальной и весьма болезненной теме не выдерживают сопоставления с реальными фактами.

В. К. В цифры играют порой очень произвольно. Один известный деятель дописался до того, что потери советских войск в 14 раз превысили потери противника!

М. Г. Выходит, по существу, все мужское население страны… Если некоторые редакции подобный бред охотно печатают, следовательно, кому-то это нужно.

В. К. Знаете, Махмут Ахметович, меня поразило утверждение упомянутого вами профессора Мерцалова, что военную деятельность Жукова никто в мировой литературе не изучал. Она, дескать, просто неизвестна. Как же так?

М. Г. Тоже один из образчиков абсурда, который у нас процветает. Конечно же, в действительности Жуков широко известен за рубежом, его сражения и операции тщательно изучаются в иностранных военно-учебных заведениях, он – признанный авторитет в ученых кругах. Заслуги во Второй мировой войне и в целом полководческий талант нашего великого соотечественника признаны во всем мире.

«Я восхищен полководческим дарованием Жукова и его качествами как человека, – говорил Эйзенхауэр. – Когда я был Главнокомандующим союзными войсками в Западной Европе, то мы все – и я, и мои подчиненные, и генералы, командовавшие союзными воинскими соединениями, – буквально затаив дыхание следили за победным маршем советских войск под командованием Жукова в направлении Берлина. Мы знали, что Жуков шутить не любит: если уж он поставил цель сокрушить главную цитадель фашизма в самом сердце Германии, то непременно это сделает. Мы видели, что, несмотря на бешеное сопротивление гитлеровских войск на всем протяжении советско-германского фронта, инициативу прочно удерживала наступающая Красная Армия».

А вот пишет крупный американский публицист Гаррисон Е. Солсбери в книге «Великие битвы маршала Жукова»: «Когда история завершит свой мучительный процесс оценки, когда отсеются зерна истинных достижений от плевел известности, тогда над всеми остальными военачальниками засияет имя этого сурового, решительного человека, полководца полководцев в ведении войны массовыми армиями. Он поворачивал течение битв против нацистов, против Гитлера не раз, а много раз».

Американский военный историк Мартин Кайден в книге «Тигры» горят» (1974 г.) разъяснял своим соотечественникам вклад Жукова в победу: «Он нанес немцам больше потерь, чем любой другой военачальник или группа их во Второй мировой войне. В каждой битве он командовал более чем миллионом людей. Он вводил в дело фантастическое количество танков. Немцы были более чем знакомы с именем и сокрушающим мастерством Жукова, ибо перед ними был военный гений».

В. К. Как же после этого можно говорить, что Жукова никто на Западе не знает?

М. Г. Нет, славу величайшего русского полководца вычеркнуть из истории невозможно. А потуги направлены на то, чтобы доказать: у России ничего путного не было в прошлом, а следовательно, не на что рассчитывать ей и в будущем.

Разоблачение клеветы на Жукова, восстановление его доброго имени, утверждение отведенного ему самой жизнью места в военной истории особенно важны нам с точки зрения нравственно-воспитательной. В первой половине XIX века имя великого русского полководца А. В. Суворова было предано забвению. И когда после поражения в Крымской войне, в условиях всеобщего упадка и деградации военного дела и воинского духа, нужен был вдохновляющий пример возрождения национального достоинства и российского воинства, прежде всего вспомнили о

Суворове. Военный министр Д. А. Милютин, генералы И. В. Гурко, М. И. Драгомиров, другие передовые русские офицеры добивались пробуждения преданных забвению суворовских традиций в военном искусстве, в обучении и воспитании войск.

Вот и в Жукове сегодня многое надо нам постигать заново. В переживаемое нами смутное время, в невероятно трудный для Российской армии период такой вдохновляющий пример самоотверженного и доблестного служения своему Отечеству нужен особенно. Как воздух, как жаждущему в пустыне вода, как живительный луч солнца. И не требуется искусственного возвышения, создания какого-то культа его личности. Необходима лишь правда о нем.

Ноябрь 1996 г.

Чкаловская честь полковник АВИАЦИИ ИГОРЬ ЧКАЛОВ

Перед встречей с Игорем Чкаловым думал: до чего же ответственно быть сыном такого знаменитого человека, носить такую поистине легендарную фамилию! И меня очень обрадовало при знакомстве с Игорем Валерьевичем, что он это хорошо понимает. А главный разговор у нас с ним был, конечно, о его великом отце – прославленном летчике советской эпохи.

Виктор Кожемяко. Если бы наш разговор происходил лет десять – пятнадцать назад, можно было бы о самом перелете Москва – Северный полюс – Америка особенно подробно и не говорить. Все-таки тогда у наших людей не была отшиблена историческая память. Во всяком случае, настолько, чтобы не помнить имен самых замечательных своих героев. А сегодня… Увы, далеко не каждый молодой человек может сказать, кто такие были В. Чкалов, Г. Байдуков, А. Беляков, в чем состоял их подвиг. Так что давайте по порядку. Может быть, с того, как и почему возникла эта мысль у В. Чкалова, смелая, дерзкая мысль – лететь в Америку (без посадки!) над неизведанной и суровой Арктикой, через таинственный и грозный Северный полюс?

Игорь Чкалов. Летчики давно мечтали покорить вершину земного шара. Известный американский пилот Вилли Пост погиб при попытке перелететь через Северный полюс. Замечу: летал он на четырехмоторном самолете.

В том 1935 году полет через полюс в Америку пытался совершить наш Леваневский, тогда уже Герой Советского Союза. Но у экипажа произошли технические неполадки, и из района Баренцева моря он вынужден был вернуться обратно.

В. К. А идея была Леваневского или свыше?

И. Ч. Нет, это была идея Леваневского, летчиков. Ныне часто приходится слышать, будто Сталин все это с дальними перелетами затеял. Как бы для показухи и чтобы отвлечь внимание от репрессий. Чепуха! Наоборот, Чкалову пришлось Сталина и Политбюро преодолевать.

Когда Чкалов ему сказал: «Мы должны полететь в Америку через Северный полюс», – услышал в ответ: «Ну подождите, ну какие вы рисковые люди, на одном моторе… Давайте подождем, давайте сделаем четырехмоторный самолет».

А Чкалов говорит: «Иосиф Виссарионович, на одном моторе – это сто процентов риска, а на четырех моторах – четыреста процентов».

Сталин рассмеялся и сказал: «Ну, Чкалов, с вами трудно спорить».

Это сегодня изображают, что все великие дела по указке сверху делались тогда. Не надо! Стаханов ведь начал свое движение не потому, что ему Сталин приказал рубить угля много. Чушь! Чкалов, Громов полетели не потому, что Сталин приказал. Тоже чушь! Коккинаки, Гризодубова, Осипенко, Раскова…

В. К. Подъем души, подъем духа особый был – так я понимаю. Вот феномен, который надо было бы сейчас осмыслить и раскрыть, вот чего у нас сегодня нет, вот что мы утратили. Подъем духа необыкновенный!

И. Ч. Да, именно так. Этим и вызван был порыв Чкалова и его товарищей, страстное их стремление перелететь через полюс и как можно дальше.

Сталин, когда первый раз об этом речь зашла, сказал: «Нет, мы еще не знаем, что там, над Северным полюсом происходит. Давайте высадим экспедицию, давайте лучше узнаем обстановку в районе Ледовитого океана».

А что такое для летчиков Ледовитый океан? Это ведь пять с лишним тысяч километров воздушного пути!

Однако Чкалов с товарищами все время стремились к полюсу. Когда в 1936 году был первый их дальний беспосадочный перелет – на Камчатку, то в районе Северной Земли Чкалов сказал штурману Белякову: «Саша, передай в штаб перелета (а руководителем штаба был Серго Орджоникидзе), чтобы разрешили полет через полюс».

Но тот радировал в ответ категорически: продолжать полет по намеченному маршруту.

В. К. Словом, можно сказать, что утро 18 июня 1937 года стало для них началом осуществления заветнейшей мечты. И как это происходило?

И. Ч. Подготовка была всесторонняя и очень серьезная. И вот

Щелковский аэродром, теперь Чкаловский. Здесь была специально построена горка, потому что взлетный вес самолета был более 11 тонн, из них около 6 тонн горючего. Решили даже положить на землю выходящий к дороге забор, чтобы они вдруг не задели за него. Потому что машина перегруженная, разбег длинный – мало ли что. Но они благополучно оторвались от взлетной полосы. В 4.05 утра. И Андрей Николаевич Туполев был при этом. Он подъехал как раз туда, где они должны были, по его подсчетам, оторваться. И они оторвались точно в этом месте. Все было сделано так, как надо.

В. К. Известно, осуществлялся полет на АНТ-25. Не могли бы, Игорь Валерьевич, подробнее рассказать об этом самолете? Что за техника была, кто конструировал?

И. Ч. Конструктором был Павел Осипович Сухой – под руководством Туполева, в его коллективе. Совсем молодой талантливейший Сухой! Андрей Николаевич умел подбирать людей, равных себе. Вот и у отца, замечу, был такой же принцип. А на том самолете был установлен двигатель Александра Александровича Микулина.

Самолет получился выдающийся! С очень хорошими качествами, с большой подъемной силой. 37 метров размах крыльев – при фюзеляже 13 метров. Один к трем почти! Представляете? Крылья служили еще и бензобаками, там специальные были резиновые емкости…

В. К. А ведь наша отечественная авиационная промышленность по-настоящему только начиналась…

И. Ч. АНТ-25 был построен всего через 17 лет после Октябрьской революции. В разруху, когда шло становление Советской власти, был уже создан у нас самолет, какого не было ни в одной стране мира.

Когда они произвели посадку на американской земле, специалисты-американцы, а там были и инженеры, и летчики, и спортивные комиссары – не верили, что самолет сделан в Советском Союзе. Я образно скажу: они гайку каждую пробовали на зуб, допытывались, советское это или иностранное. Никак не могли поверить! Даже есть фотография, где видно, как самолет был весь вскрыт.

В 1975 году, когда я летал в Ванкувер на открытие монумента в честь чкаловского перелета, познакомился там с Даном Грекко, механиком, который разбирал этот самолет и который пришел встречать нас на аэродром Пирсон-Филд с отверткой, подаренной Чкаловым… Затем этот самолет был отправлен на Нью-Йоркскую выставку и экспонировался там, а потом уже пароходом вернулся домой.

В. К. Теперь о том, как происходил полет.

И. Ч. Он был тяжелый! В сложнейших метеорологических условиях, с массой смертельно опасных неожиданностей…

Можно вспомнить, например: у них, как и у Леваневского, забарахлила система маслопитания мотора, и географически почти на том же самом месте. Неужто и им возвращаться?

Чкалов сказал Белякову: «Саша, на землю об этом не передавай!» И стал масло качать маслопомпой. Прокачал. Потом Беляков, Байдуков часами качали. Масло загустело – такой был мороз.

С этим справились. А дальше – еще большие неприятности. Замерзла труба водяного охлаждения мотора, и он стал быстро перегреваться, грозя катастрофой. Не хватало кислорода, и кровь шла у них из носа и ушей. Оказалось, над Ледовитым океаном облачность имеет высоту не 5 000-5 500 метров (а АНТ-25 мог подниматься на 6 000 или немножко больше, и они якобы могли идти над облаками). На самом деле над Ледовитым океаном облачность гораздо выше была, к сожалению, – метеорологическая ошибка. А фарфоровое обледенение, которое у них началось, когда они шли вслепую на большой высоте и в сплошных облаках, борясь с постоянными циклонами! Ведь самолет мог развалиться в любую минуту.

Короче, не раз они были на волоске от гибели. Не говоря уж про то, что за 63 с лишним часа полета спали кое-как и почти ничего не ели: все было замерзшее, температура в кабине до минус 12. Они шоколад ели и рубили топориком апельсины. Пить тоже нечего было, так как всю питьевую воду из термосов израсходовали на охлаждение мотора…

В. К. Некоторые подробности их полета с детства остались у меня в памяти, как, наверное, и у большинства ребят моего поколения. И главное – ощущение великого подвига, совершенного тремя советскими летчиками…

И. Ч. Может быть, вы не знаете: когда они приземлились в Америке, многие считали их погибшими. Потому что последние сутки, и особенно на последнем участке, с ними почти не было связи. А погода ужасная, мерзкая! И спасло только мастерство Белякова Александра Васильевича – был великий штурман, нащупал позывные Сиэтла, что помогло им сориентироваться в туманной с дождем мгле и принять в конце концов решение – приземлиться на военном аэродроме в Ванкувере…

Есть телеграмма, мне дали ее копию: «Сегодня, в 8 часов 22 минуты по местному времени, советские летчики приземлились. Не верьте, что они погибли». Такое сообщение было передано всем местным газетам, чтобы успокоить жителей. Интерес к

полету у американцев был огромный. И восхищение – всеобщим!

В. К. Я нашел номер «Правды» с первым сообщением ее спецкора о прилете чкаловского экипажа в Америку. Вот несколько строк из корреспонденции Р. Джонсона:

«Здесь, в США, придают огромное значение тому факту, что установлена воздушная магистраль СССР – США через Северный полюс. В этом первое и основное значение подобного героического перелета.

Во-вторых, значение перелета, по мнению самых широких кругов США, заключается в том, что впервые на самолете была пересечена совершенно не исследованная область Западного полушария и вместе с тем впервые на самолете был пересечен магнитный полюс.

В-третьих, отмечают, что перелет происходил в чрезвычайно тяжелых условиях… Самый опасный участок находился между 84° и 50° широты. Во время перелета по этому участку совершенно отсутствовала двусторонняя связь. Экипаж ориентировался главным образом по своим астрономическим приборам».

И вот чем заключал корреспондент: «В-четвертых, со времени перелета Линдберга 10 лет назад никогда никакой другой перелет не вызывал в США такого всеобщего, буквально всенародного, восхищения и возбуждения… Имя Чкалова на устах у всей Америки. Советских летчиков ждет восторженный прием».

Известно, такой прием и был им оказан. О чем это говорит? Наверное, опять-таки об исключительности того, что совершили Чкалов, Байдуков и Беляков. В моем представлении для своего времени это был действительно прорыв в неведомое, сравнимый, пожалуй, с первыми космическими полетами.

И. Ч. Я согласен с вами. Кстати, вот что написали первые космонавты – Гагарин, Титов, Николаев и другие – во вступительной статье к сборнику «Наш Чкалов»:

«Мы, летчики-космонавты, многим обязаны Валерию Павловичу… В. П. Чкалов дорог нам тем, что он показал пример беззаветного служения партии, Родине, пример мужества и отваги в исследовании неизвестных районов земного шара… Перед полетом в космос мы не раз вспоминали В. П. Чкалова, думали о том, как действовал бы он на нашем месте… Авиация – колыбель космонавтики, и традиции, рожденные летчиками, развиваются и умножаются космонавтами. В звездных далях будут жить имя Чкалова, дела Чкалова».

Тогда, через три недели после чкаловского перелета, учитывая его опыт, экипаж в составе Громов – Юмашев – Данилин тоже перелетел через полюс в США и установил мировой рекорд дальности!..

А чтобы завершить тему отношения США к подвигу советских летчиков, расскажу о двух эпизодах, которые, по-моему, мало известны.

Перед тем как Чкалов, Байдуков и Беляков прибыли в Белый дом по приглашению Рузвельта, президент США вызвал своего телохранителя и сказал ему: «Подними меня, пожалуйста, когда они войдут». Тот воскликнул: «Что вы, господин президент, вы же никогда ни перед кем не вставали!» Известно, что у Рузвельта были парализованы ноги. Однако он сказал: «Русских, советских летчиков-героев я должен встретить стоя». И его подняли, когда они вошли в кабинет.

Второй эпизод. 1941 год. Гитлеровская Германия внезапно нападает на нашу страну, и значительная часть наших самолетов уничтожена на аэродромах. Сталин приглашает к себе Байдукова, Громова и Юмашева. Говорит: «Я обращаюсь к вам как к друзьям и последователям Чкалова. К сожалению, его нет, а нам нужна помощь в авиационной технике. Летите в Америку, добейтесь приема у Рузвельта. Вы авиаторы, вам легче решить эти вопросы, вы можете на месте посмотреть и отобрать ту технику, которая особенно нужна нам сегодня».

И они сели на два гидросамолета, которые поднялись с Химкинского водохранилища, и прилетели в Сан-Франциско северным путем, с посадкой в Номе на Аляске. Американцы устроили им в этот вечер отдых, а на следующий день на военном самолете доставили в Вашингтон. И в тот же день Рузвельт их принял. Это было в конце июля – начале августа 1941 года.

В. К. Интересный факт.

И. Ч. Об этом написано Байдуковым. Кстати, Сталин сказал Байдукову, чтобы он написал в «Правде», и его информация была опубликована. Хотя тогда не все было раскрыто. А Рузвельт нашим летчикам сказал: «У нас есть противники, чтобы мы вам помогали и с вами вместе были в этой войне. Но мы последуем призыву тех американцев, которые хотят быть с вами».

Наши герои пробыли в Америке до ноября, испытали ряд самолетов. «Кобру», истребитель, испытывали Байдуков с Юмашевым, и Байдуков попросил переделать эту машину с пулеметного вооружения на пушечное… Ну а потом пошла авиационная техника через Сибирь, часть же была отправлена пароходами, пока наши летчики еще были там. Видите, как рождалась антигитлеровская коалиция…

В. К. Да, перелет в Америку чкаловского экипажа имел многообразные и далеко идущие последствия. Уважение поднялось к нашей стране – главное. И было же за что уважать! Раз такое можем… Но все время у меня в голове – по контрасту –

вопрос: а теперь? Как можно было в одночасье разбазарить всю нашу славу, гордость и честь?

И. Ч. Теперь получается, что мы сами не уважаем себя и свою историю. Между тем у Карамзина есть мудрая мысль: народ, не уважающий свою историю, обречен на вымирание. Неужели к этому стремимся?

Вы-то, конечно, помните, как дети играли в Чкалова и Гагарина. Но в кого сегодня играют дети нашей страны? У кого они учатся, с кого пример берут? И вообще – что строим, что хотим построить?

Надо же было докатиться до того, чтобы развенчать все и вся, не оставив людям никакой духовной опоры в жизни и делах отцов. И ведь уняться не могут! Продолжают переименовывать улицы, уничтожать памятники и могилы. Это бескультурье. Это кощунство, мракобесие, дикость!

Каждая эпоха имеет свою историю, и мы должны ее хранить, какая бы она ни была. Скажут, что Россия и Советский Союз пережили горькие и тяжелые страницы? Весь мир по-своему пережил горькое и тяжелое. Но они не полоскают свою историю, как грязное белье, не копаются в поисках компромата на героев прошлого, не тревожат прах ушедших. Почему же мы позволяем опуститься до такого, поправ все святое? Не потому ли сегодня всюду беспредел идет в нашем государстве. А мы в истории все ищем виновных – вместо того чтобы поближе взглянуть. История, видите ли, у нас во всем виновата…

Вот обвиняем Сталина и обвиняем то время, что мы не были готовы к войне. А я бы хотел, чтобы мне кто-нибудь ответил: а мы сегодня готовы в случае чего защитить свою страну? Ведь если говорить начистоту и по большому счету, нас же сейчас голыми руками можно взять. Наша авиационная промышленность развалена. А ведь мы ею по праву гордились. Наша страна была великой авиационной державой!

В. К. Действительно, все это больно видеть и осознавать. А вам, как я понимаю, вдвойне. Учитывая, что авиация – не только дело жизни вашего отца, но и собственной жизни…

И. Ч. И военная, и гражданская авиация находятся у нас сегодня в бедственном положении. Ну что это – авиаторы, по полгода не получающие зарплату? Когда такое было? Или невозможность летчику регулярно подниматься в воздух, чтобы поддерживать свои профессиональные навыки. При таких катастрофически малых налетах нельзя обеспечить боеспособность и боеготовность военной авиации.

А гражданской нашей авиации скоро, наверное, не на чем будет летать. Один пример. В начале девяностых годов сделан

был у нас аэробус для дальних и сверхдальних магистральных полетов: Ил-96-300. Прекрасный самолет. И что же? За все это время «Аэрофлот – Российские международные авиалинии» приобрел… всего шесть таких самолетов. А летают из них – лишь три! Остальные стоят без двигателей.

Знаю, что в Воронеже на заводе готовы еще несколько машин, но их не выкупают. Говорят, денег нет. Скажите, а на что у нас сегодня есть деньги? И куда они подевались? И откуда возьмутся – без промышленности, без сельского хозяйства? Вот они, плоды пресловутой прихватизации и всех прочих «реформ».

В прошлом году новосибирцы пригласили меня на День воздушного флота, и прошел я по цехам завода имени Чкалова. Пустые цеха, стоят два скелета самолетов. Поверьте, сердце кровью обливалось. Не знаю, что стало бы с отцом, если бы он увидел такое. Ну как можно было довести страну до такого состояния?

А ведь у нас – я еще раз повторяю – была аэрокосмическая промышленность, которой мы с полным основанием гордились. Мы делали и можем делать блистательные самолеты. Возьмите хотя бы последние, новейшие Су-34 и Су-37. По пилотажным и боевым качествам им пока нет равных в мире.

У нас блистательные конструкторы, блистательные КБ. Но сейчас от всего, что происходит, мой старый добрый друг Генрих Новожилов болеет, у него уже сердце не выдерживает…

В. К. Не считаете, Игорь Валерьевич, что все это – и с армией, и с авиационной промышленностью, да и вообще со страной – делается сознательно? То есть умышленно и целенаправленно доводится все до такого состояния?

И. Ч. Вы задали коренной вопрос. Да, это делается преднамеренно, очень продуманно. И идет это все на уничтожение нашего государства.

Я вам расскажу о характерном случае. В 1992 году, после празднования 55-летия перелета, был я в Америке на одной авиационной фирме. И вот по прошествии нескольких дней руководитель ее говорит: тут уже все знают, что ты ко мне приехал, президенты фирм нашего округа хотят с тобой встретиться. Давай без галстуков, без пиджаков у меня посидим.

Приехало человек тридцать. Хороший стол накрыли у него в резиденции, хорошо сидели, откровенный вели разговор о всяких делах. И вдруг один обращается ко мне:

– Мистер Чкалов, у нас в Америке существует мнение: то, что не смог сделать Гитлер в Советском Союзе, сделали ваши демократы.

Тишина полная. И все смотрят не меня.

– Знаете, – говорю, – а мои соотечественники считают, что сделать это удалось не без вашей помощи.

Аплодисменты. А потом все побежали ко мне чокаться. Так что американцы это понимают. В отличие, я бы сказал, от некоторых наших. Наивных…

Я поражаюсь, как народ может терпеть бесконечные обещания властей. Говорят, говорят, а ничего нет. Меня отец учил честности. Я один раз ему соврал, это было, когда я в первом классе учился. Так он меня отодрал! Тут же, правда, посадил на колени и стал утешать. Я плачу, он плачет, и оба друг друга успокаиваем. Он плачет потому, что жалко меня, что вышел из себя, а на него это не было похоже. Но он не стерпел, что я наврал.

В. К. Игорь Валерьевич, а что еще запомнилось об отце? О нем ведь каждая мелочь интересна.

И. Ч. Многое запомнилось. Мне через две недели после его гибели исполнилось уже 11 лет, я заканчивал 4-й класс, так что отец у меня перед глазами и по сей день живой.

Мы вот с вами сейчас сидим на Ходынском поле, это, кстати, первый русский аэродром, основан по указу Николая II в 1910 году. А после революции – Опытный аэродром, Центральный аэродром имени Фрунзе. Отец здесь летал, испытывая самолеты. Он только за время службы в НИИ ВВС выполнил более 800 испытательных полетов и освоил около 30 новых типов самолетов. Здесь и погиб 15 декабря 1938-го, не долетев 500–700 метров до аэродрома…

Для меня же этот аэродром, можно сказать, мое детство. Отец привез меня сюда впервые совсем маленьким – в 1933 году. Мы жили рядом. Вон там, по ту сторону Ленинградского шоссе, было село Всехсвятское, а здесь кругом поле. В селе был построен первый дом для летчиков-испытателей, конструкторов и других работников 39-го завода имени Менжинского. Пятиэтажный дом, мы занимали две комнаты в коммунальной квартире. Кстати, он был снесен буквально на днях…

В. К. Как жаль! Исторический дом.

И. Ч. Не берегут у нас, к сожалению, историческую память. Я как председатель Чкаловского комитета считаю, что на Ходынке обязательно надо создать Российский национальный музей авиации, историко-просветительский центр. Добиваемся изо всех сил. Было и решение Госдумы по этому вопросу, но – все пока стоит на месте.

А с крыши того дома, с солярия, весь аэродром был перед нами, и мы, пацаны, бегали смотреть, как наши отцы летают, как испытывают самолеты. Это было фантастически интересно!

В летной столовой директор Лидия Алексеевна Шкрылова – она до самой своей смерти дружила с нашей семьей, а умерла недавно – так вот она меня накормила макаронами по-флотски. Чувство было, что приобщаюсь к летной пище.

В то красное здание, в школу, напротив нынешнего спорткомплекса, отец повел меня в первый класс. Школу тоже тогда только что построили. Когда он приходил, его сразу окружали ребята. Он любил возиться с ними. Он вообще обожал детей. У него была договоренность с матерью, что они будут иметь шестерых. К сожалению, успело нас появиться лишь трое, у меня еще две сестры. Последняя родилась уже после его смерти – мать была беременна, когда отец погиб. Он прожил всего 34 года…

Конечно, самые яркие мои впечатления – полеты с отцом. На личном чкаловском ПО-2, подаренном ему. Дважды это было. Первый раз – в 1937 году, в день открытия канала Москва – Волга. Мы шли бреющим полетом над каналом, взлетев с аэродрома Химкинского 84-го авиационного завода, где стоял самолет. Отец посадил меня в заднюю кабину со своим механиком, а сам пилотировал. И все смотрел в зеркало или поворачивался и смотрел, как я реагирую на все. И показывал мне что-нибудь особенно интересное.

Понятно, ему хотелось, чтобы я стал летчиком. Но еще больше – чтобы человеком.

Сам он был человек не только исключительной смелости и воли, но и редкостной доброты. Причем неслыханная слава, которая обрушилась на него, ничего в этом смысле не изменила. Я вам приведу такой пример. Когда отец ехал на своей машине (а он любил всегда водить машину сам, хотя в 1935 году ему выделили шофера), если увидит старого человека или женщину, мужчину с маленьким ребенком, он обязательно остановится и подвезет. Я, кстати, до сих пор это делаю тоже.

В. К. Значит, вам это запало в душу?

И. Ч. Да. Иначе просто не могу.

В. К. Сталин сказал о Чкалове: «Самородок, каких мало не только у нас, но и во всем мире».

И. Ч. Когда Сталин встречал их в Кремле после полета в Америку, он сказал: вы достойны вторично звания Героев Советского Союза (а они годом раньше стали Героями за полет до острова Удд), но мы не имеем права по установленному порядку. Они были награждены тогда орденами Красного Знамени. А уж в 1939 году ввели порядок о присвоении дважды Героев…

Тогда же, в 1937-м, 30 июня, был прием в честь Чкалова, Байдукова и Белякова в Нью-Йорке, где присутствовало две

тысячи американцев. И там говорилось, причем единогласно (у меня стенограмма есть), что их имена золотыми буквами будут вписаны в мировую историю. А президент американского чкаловского комитета трансполярного перелета Алан Коул, по инициативе которого в 1975 году на аэродроме Пирсон-Филд в Ванкувере был установлен памятный монумент, не раз подчеркивал: учтите, Чкалов – это не только Герой Советского Союза, это герой всего мира.

В. К. Однако в первую очередь он – наш! Советский, русский.

И. Ч. Потому-то и обидно, что в Америке память Чкалова чтут, пожалуй, больше, чем в нынешней России. При подготовке к 60-летию перелета это опять проявилось. Даже не хочется говорить, с каким равнодушием на самом высоком уровне пришлось столкнуться…

В. К. Увы, этому уже не удивляешься. Типично для нашего времени и для сегодняшних властей.

И. Ч. Между тем очень хотелось, чтобы юбилей этот стал всенародным праздником, чтобы он придал нашим людям силы, поднял патриотические чувства в нашей молодежи – чувства любви к своей Родине-матери, которая вскормила и воспитала таких героев.

Чем был силен чкаловский экипаж? Это были настоящие патриоты, единомышленники, друзья. У них билось три сердца, три головы было, но это все было монолитно, как будто все одно. Потому по сегодняшний день – наших отцов, дедов и прадедов уже нет, а мы семьями дружим. И я бы хотел спросить: многие ли так дружат сегодня?

В. К. Горько видеть, кого воспитывают из нынешней молодежи. Иванов, не помнящих родства. Ведь многие растут с убеждением, что у нас никогда не было ничего интересного и значительного, что все заслуживающее уважения и восхищения – только там, у них, на благословенном Западе…

И. Ч. Валерий Чкалов – да, самородок. Но все самородки имеют свою почву, свои корни. Они из глубин России, из гущи русского народа. Василева Слобода на нижегородской земле, где отец родился, – старинное волжское село. Основано, между прочим, всего несколькими годами позже, чем Городец, который находится в 15 километрах и где умер Александр Невский. Так что видите, как сходится история…

Род чкаловский – из волжких бурлаков. Отец Валерия Павловича, мой дед, был котельщиком, ковал паровые котлы для речных судов. Был он и старостой Василевослободской церкви. А как котельщик обладал удивительнейшим талантом. Я вам скажу, в 1913 году, когда появились на Волге два парохода – английский

и американский, у американца лопнул котел. И позвали Чкалова – он был уже известен на Волге. Павел Григорьевич сковал по своему головному компьютеру, как я говорю (неграмотный был человек!), паровой котел и поставил свое клеймо. Анатолий Федорович Добрынин, бывший наш посол в США, говорил мне, что еще в 70-е годы ходил этот пароход по Миссисипи – с клеймом на котле Павла Чкалова.

Вот от какого самородка пошел самородок Валерий Чкалов! Разве не воспитательный факт для нашей молодежи, которой внушили, что ни на что путное мы, русские, якобы не способны? Или напомнить, что советский летчик Валерий Чкалов (а он гордился, что был советский летчик, советский человек!) стал создателем школы высшего пилотажа. Продолжая дело славного русского летчика – поручика Нестерова, впервые выполнившего мертвую петлю и применившего в воздушном бою таран, Чкалов разработал и выполнил пятнадцать фигур высшего пилотажа: восходящий штопор, полет вверх колесами и другие…

Если окончательно забудем многое из нашей истории, что достойно высочайшей гордости, – грош нам цена. Далеко не улетим. И не уедем.

Июнь 1997 г.

Семнадцать зорь Германа Титова
СЛОВО КОСМОНАВТА-2 О ВРЕМЕНИ, О ЮРИИ ГАГАРИНЕ И О СЕБЕ

Его уже нет среди нас. Но мы навсегда сохраним в сердцах его подвиг. Молодой советский летчик Герман Титов, семнадцать раз облетев (6–7 августа 1961 года) на космическом корабле земной шар, стал Героем Советского Союза и получил звание «Летчик-космонавт СССР». Вторым после Юрия Гагарина! Он стал Космонавтом-2.

После космического полета у него была Академия имени Жуковского. Здесь возник интерес к перспективам космической авиации как к совершенно новому, но очень многообещающему и увлекательному делу. Дипломный проект на эту тему. Учеба в Академии Генерального штаба и диссертации – кандидатская, затем докторская. Служба в Главном управлении космических исследований Министерства обороны СССР. Семь лет – заместитель командующего по опытно-конструкторской и исследовательской работе в космических войсках, а потом первый заместитель командующего. Лауреат Ленинской премии за участие в создании уникального комплекса «Зенит». А беседа эта состоялась незадолго до его 65-летия и, увы, до безвременной кончины.

Виктор Кожемяко. Прежде всего, Герман Степанович,

скажите, как видится вам сегодня, по прошествии стольких лет, то, что свершила наша страна, что свершили Юрий Гагарин и вы в 1961 году?

Герман Титов. Этот вопрос достаточно часто задают. Говорят о героизме, о подвигах, о славе. Но мы ведь шли в первый отряд космонавтов, вовсе не думая о славе и наградах. Мы шли потому, что было интересно! Молодые летчики-истребители, а нам вдруг предложили летать на каких-то спутниках, ракетах, в какой-то космос. И это было главное желание у всех нас, первых двадцати: полететь на новых, не известных еще кораблях в неизведанное.

В. К. Не думая о будущих лаврах и о значимости того, что вам предстоит?

Г. Т. Я по-настоящему осознал, что произошло, только когда нас пригласили 14 апреля на Красную площадь. И когда, находясь на гостевой трибуне возле Мавзолея, с левой стороны, я увидел человеческое ликующее море, а своего друга Юру – на Мавзолее, рядом с руководителями партии и правительства. Только тут я вполне, кажется, понял: произошло действительно нечто из ряда вон выходящее. Это к тому, что ни о каких звездах и чинах мы тогда не помышляли. А как теперь, с высоты пройденных лет, свершенное тогда воспринимается… Да, понимаешь прежде всего, какой подвиг совершили конструкторы наши во главе с Сергеем Павловичем Королевым, спроектировав межконтинентальную баллистическую ракету, а на ее базе – космический корабль, который вывел человека в космос. Кстати, модернизированная эта ракета летает и до сих пор. А за конструкторами, Сергеем Павловичем в том числе, стояли коллективы инженеров и рабочих, стояли заводы, которые в кратчайшие сроки делали поистине великие, прорывные дела. Вот с высоты прожитых лет я особенно понимаю их гигантский труд, гигантское напряжение и гигантскую ответственность.

А если вернуться в то время, в 1961 год, то, наверное, можно сказать: все люди, причастные к космонавтике, действительно совершили подвиг. Они вывели нашу страну, с точки зрения технологий, новейшей техники, на самые передовые позиции в мире.

В. К. Сегодня это особенно актуально звучит. Разве не так, Герман Степанович? Учитывая, где мы оказались… И если не думали те люди о чинах и званиях, то, наверное, о Родине и о том, что для нее это значит, думали все-таки?

Г. Т. Чтобы понять, надо опять-таки мысленно вернуться в 1961 год. Теперь над этим могут посмеиваться и даже изгаляться, но мы в самом деле думали о Родине, о Советском Союзе и советском народе, и мы представляли советскую державу,

советский народ.

Я хочу привести такой пример. Юрий Алексеевич сколько стран объехал на разных континентах и был самым желанным гостем, самым дорогим человеком – везде. Его принимали президенты, короли, премьеры. А ведь он из Советской страны! Там, в других странах, был совершенно другой политический, социальный, экономический строй, а принимали его, представителя Советского Союза, как лучшего представителя человечества. То есть человечество было представлено советским человеком!

Помню, когда я был в Индонезии в 1962 году, на одной встрече мне задали вопрос: скажите, а почему так получилось, что советские первыми полетели в космос? До сих пор мы считали, что все технические чудеса исходят из Америки, и вдруг – первый спутник из Советского Союза, первый лунник – тоже, и вот теперь – первый человек в космосе! Как же это? Откуда все взялось? Значит, полет Юрия Алексеевича во многом перевернул представление о Советском Союзе у людей в мире.

В. К. Ну а Юрий Алексеевич и вы стали олицетворением советской державы. Причем у Гагарина фамилия княжеская, а он – самого простого рода. Помнится, много вопросов было в связи с его фамилией, особенно в старой эмиграции нашей?

Г. Т. Да, были такие публикации за рубежом, были такие вопросы: а не является ли он потомком князей Гагариных? Так же и по поводу имени моего: почему это Герман – немецкое имя? Но все знают историю Гагарина, знают, кто были его родители – Алексей Иванович и Анна Тимофеевна, где они жили, чем занимались. Никаких там княжеских или графских корней нет!

В. К. А ваше имя? Из Пушкина? Я вспомнил, перечитывая вашу книгу «Семнадцать космических зорь», что сестра у вас – Земфира, тоже пушкинское имя. Наверное, сказалось, что отец был учителем литературы?

Г. Т. У него был учитель в алтайской коммуне «Майское утро» Андриан Николаевич Топоров. Любимый учитель, замечательный человек! Сына его звали Герман. Так вот папа рассказывал, что, когда он вез маму вместе со мной из роддома и они обсуждали, как меня назвать, папа и предложил: назовем, как сына у Андриана Николаевича. А Земфира, наверное, действительно из Пушкина. Отец очень Пушкина любил, писал стихи…

В. К. В вашем отношении к коммуне «Майское утро» ничего сегодня не изменилось?

Г. Т. Нет. Я только что побывал в тех краях. Летал специально, чтобы родным воздухом подышать, посмотреть на

поля, вообще посмотреть, что там и как, что осталось от «Майского утра». Ничего не осталось. К сожалению, прибыл уже на могилу своего друга детства. Искал могилы дедушки и бабушки. Не нашел. На моей памяти там черемуха росла. Черемуха вроде есть, а от могил – ничего. Ну раз люди не живут… Оставшихся бывших жителей «Майского утра» перевезли в село Глушинку. Пруд остался, но весной его прорвало, промоина большая. Что еще? Тропинки какие-то, воспоминания, конечно.

По инициативе папы в свое время на высоком месте был поставлен памятник первым коммунарам. На камне – металлическая табличка, где выгравированы их имена. А по дороге на Вержилиху (село Верхнее Жилино так у нас прозвали) – обелиск, тоже в память коммунаров. До сих пор сюда приезжают молодожены…

В. К. Когда установили?

Г. Т. В 70-е годы папа этим занимался.

В. К. А сама коммуна – начало 20-х…

Г. Т. Да. Это было очень интересное дело! Они ведь хотели построить новую жизнь. Крестьяне, ставшие коммунарами, ушли из Вержилихи и организовали в нескольких километрах новое поселение, чтобы жить вместе на началах справедливости. Обобществили лошадей, коров, овец. Построили скотный двор большой. Построили кузницу. И первый трактор в тех краях появился именно у них. Сами приобрели, потому что хорошо работали. Были строгие порядки в коммуне: ты должен работать по совести, не нарушать дисциплину. Нарушаешь – значит, тебе здесь не место. И еще что интересно было в коммуне – распределение произведенной продукции. Распределяли не по количеству работающих, а по количеству едоков. Скажем, работали отец и мать в семье, а у них пятеро детей. Так вот при распределении учитывали всех!

В. К. По справедливости опять же?

Г. Т. Я так считаю. Молоко, мясо, продукты с бахчи и поля – все распределялось таким образом. И при этом, повторяю, жесткие порядки были в коммуне: если ты установленные правила нарушаешь, тебя просто выгоняли. Я когда об этом вспоминаю, всегда думаю, что справедливость предполагает и определенную ответственность, высокую требовательность, строгий порядок. Иначе ничего не получится.

Важно, как Топоров учил детей. Хорошо учил. А вечером собирал взрослых членов коммуны, которые, как правило, приходили тоже с детьми, и читал им «на разные голоса», по выражению папы, произведения классиков русской и мировой

литературы. А потом спрашивал, как коммунары, то есть крестьяне, воспринимают и понимают прочитанное. Это все он записывал, и родилась книга, которую он издал, – «Крестьяне о писателях». Уникальная книга! Получила тогда высокую оценку Горького. Там есть замечательные высказывания людей «от земли». Помню, одна крестьянка делится своим чувством после одного из произведений Блока. У меня, говорит, такое впечатление: сегодня я видела широкое поле, луг весь в цветах, солнышко светит, а под конец – пришла свинья и все перекопала…

В. К. Образно!

Г. Т. Очень образно. Такое восприятие у крестьян – непосредственное и своеобразное. Ведь грамоте в то время они не были обучены. Топоров и такие, как он, начинали в стране культурную революцию. Он посвятил себя образованию крестьян.

В. К. Когда вы полетели в космос, Андриан Николаевич еще был жив?

Г. Т. Да, он дожил.

В. К. После полета вы встречались с ним?

Г. Т. Не раз. В Москве, и в Николаев к нему ездил – он там последние годы жил.

В. К. А папа ваш умер в каком году?

Г. Т. В 1993-м. Здесь, в Москве…

В. К. Когда я звонил вам домой, разговаривал несколько раз с женой вашей. Тамара Васильевна… Та самая Тамара, которая была женой уже тогда, когда вы полетели?

Г. Т. За три года до полета отец мне написал, получив мое письмо о том, что я собираюсь жениться: «Имей в виду, сын, Титовы женятся только один раз».

Я служил тогда под Ленинградом, куда прибыл после окончания Новосибирского лётного училища. Впрочем, если точно, называлось оно так – Сталинградское военно-авиационное училище летчиков имени Краснознаменного Сталинградского пролетариата.

В. К. Эвакуировано было в Новосибирск из Сталинграда?

Г. Т. Конечно. А про женитьбу… Тамара работала у нас в лётной столовой, и мы поженились. Отцу же я написал задним числом, но с хитринкой: дескать, хочу жениться, она украинка, очень хорошая и так далее. В ответ получаю то самое письмо: я тебя знаю, сын, раз ты сообщаешь, что хочешь жениться – значит, уже женился. Но запомни: Титовы женятся один раз!

В. К. Насколько я знаю, у вас две дочери. И внуки есть?

Г. Т. Один пока, Андрюшка.

В. К. Сколько лет ему?

Г. Т. Одиннадцать. Младшей дочери, Гале, на днях исполнилось 35 лет. Вторая, Таня, на два года постарше. Она МГИМО окончила, работала в Министерстве внешней торговли. Сейчас не работает, воспитывает сына. Зять тоже два года безработным был, недавно с трудом устроился. Галка окончила Институт военных переводчиков. Работает теперь в Генеральном представительстве ООН в России по делам беженцев. Ну это наши семейные проблемы. Мало кому интересно…

В. К. Поскольку в Государственной думе вы член фракции КПРФ, можно считать, Герман Степанович, что убеждения у вас не изменились? После космического полета, я помню, вы досрочно были приняты из кандидатов в члены КПСС…

Г. Т. Был таковым и считаю, что остаюсь. Мы должны гордиться достижениями страны за годы Советской власти. А ведь руководила страной Коммунистическая партия! Недостатки и ошибки? Были. Но они бывают в любом деле, а в новом, которое делается впервые, понятно.

Но я глубоко убежден, что и система образования, которая существовала при Советской власти, и система здравоохранения, внимание государства к науке, культуре, к военным, – все это заслуживает очень высокой оценки.

Сегодня мне, например, странно слышать, когда в бывших советских республиках говорят: принижалась национальная культура. Да где же, в чем она принижалась? Вспомните хотя бы, какие впечатляющие смотры национальной культуры разных республик регулярно проходили в Москве. Это всегда было свидетельство высочайшего уровня, на котором находились в республиках театр, кино, музыка, изобразительное искусство, литература…

Словом, я остаюсь сторонником Советской власти. И член фракции КПРФ потому, что ее взгляды мне близки, я их поддерживаю.

В. К. А то, что произошло с нашей страной за последние десять лет, как вы оцениваете?

Г. Т. Папа в последние годы своей жизни с тревогой говорил о происходившем. Спрашивал: «Ну ты объясни мне, сын, что же это такое – перестройка? Что творится в стране?» И еще: «Неужели мы свою жизнь зря прожили?» С таким тяжелейшим ощущением он и ушел из жизни.

Я его понимаю! Знаете, иногда тоже вдруг ловлю себя на мысли: неужели мы зря все делали, зря выполняли свои обязанности, строили, открывали? Но тут же говорю себе: нет! Потому что развал Советского Союза, уничтожение экономики и культуры великой страны – не исторически определенная

трагедия, а результат предательства.

Я еще тогда, когда только начинались «новые веяния», говорил: ладно, хотите вы, чтобы в каждой деревне был свой президент, – пусть будет. Но не трогайте экономику Советской страны! Она ведь интегрирована была в такой степени, к какой Европа сейчас стремится. А у нас все поломали, порушили, вместо того чтобы совершенствовать и развивать. В результате – убыток для всех.

В. К. Отсюда и нынешнее состояние космонавтики, так ведь?

Г. Т. Я не устаю повторять, что космонавтика – отрасль народного хозяйства. И если народное хозяйство лежит на боку, то космонавтика – тоже. Не оторвешь ее от общего состояния экономики и науки в стране! Академия наук СССР была, мощные научные институты работали на космос, ведомственные, отраслевые институты. Все это было. Теперь же что? Жалкие остатки. Переиначив слегка Лермонтова, скажу: «Печально я гляжу на это поколенье»…

Нас воспитывали законопослушными. И, наверное, были слишком доверчивы. Мы знали, что у нас, в Советском Союзе, есть законы, которые преступать нельзя. Когда же стали все это разваливать, по привычной своей инерции доверяли. Какие-то указы издавались, провозглашались лозунги, а мы думали: наверное, это все-таки в рамках наших законов. Проглядели. Прошляпили!

В. К. В последнее время, как я понял из наших телефонных разговоров, у вас был ряд поездок – в США, Узбекистан, Красноярск. Деловые поездки? И связаны ли они с космонавтикой?

Г. Т. В Узбекистан летал по космическим делам. В Красноярск – на 40-летие аэрокосмической академии. Ну а в США – на 25-летие открытия обелиска в честь перелета чкаловского экипажа через Северный полюс в Америку. Мне предложили войти в состав этой делегации, и я, конечно же, согласился. Во-первых, Чкалов! Вы ведь знаете, что значил и значит он для нашего поколения. Во-вторых, интересно было посмотреть, как американцы к этому относятся. А у них создан Комитет чкаловского перелета, обелиск в Ванкувере в хорошем состоянии – перенесли его теперь прямо на аэродром, где приземлился Чкалов. И торжества были организованы на достаточно высоком уровне. Так что я опять-таки по контрасту подумал о нас…

В. К. Да, у нас – забвение. Все последние годы отшибали у людей историческую память…

Г. Т. Чтобы разрушить нацию, надо прежде всего разрушить ее историю. Нет истории – нет корней. А без корней жизни нет!

Действительно, все для этого делается. Возьмите публикации о Гагарине. Вызывают возмущение многие из них. Какой только чепухи не несут! И про «звездную болезнь», и про то, что приходил на работу «поддатый», и про его гибель… Да язык не поворачивается все это повторять. Родственники ведь живут – жена, дочери, брат, сестра. Можно представить, как на них такое действует, когда обливают грязью родного и любимого человека!

Не считаются ни с чем. Нет у этих людей ни стыда, ни совести. Однажды, еще при Горбачеве, я выступал 12 апреля на вечере в Колонном зале и говорил как раз об этом. Не могу оставаться равнодушным! Но возникает вопрос: есть ли силы в обществе, чтобы такое безобразие в конце концов остановить?

Я говорю: пока мы живы, приходите к нам, мы вам все расскажем. Секретов не осталось уже почти никаких. Промахи, ошибки, упущения? Расскажем и об этом. Только не надо небылицы сочинять!

В последние годы своей жизни Юрий Гагарин стал заместителем начальника Центра подготовки космонавтов по лётной подготовке. И когда, говоря о его гибели, спрашивают, почему разрешили ему летать, почему не удержали, для меня это звучит риторически. Можно ли быть заместителем начальника Центра по лётной подготовке и не летать? Какое к тебе будет уважение подчиненных?

Юрий Алексеевич так же, как я, хотел еще раз полететь в космос. Это было абсолютно естественное желание. Хотелось продолжить то, к чему мы стремились. И когда Комаров полетел на «Союзе», Юра был у него дублером.

Что еще сказать? Конечно, та великая слава, которая обрушилась на Гагарина, накладывает определенные ограничения. Всегда на виду, все время надо быть собранным, подготовленным…

В. К. Думаю, очень нелегко все это?

Г. Т. Конечно. Я еще одно хочу подчеркнуть у Юрия Алексеевича – особую его какую-то коммуникабельность и умение говорить с разной аудиторией. Мне доводилось слушать его выступления. Перед школьниками это был один Гагарин, перед рабочими – другой, говоривший с ними на их языке, перед учеными – третий, то есть на их уровне…

Причем он умел отвечать и на такие вопросы, услышав которые, я бы, извините, «послал». И в этом смысле я по-хорошему завидовал ему: была у него определенная тактичность, дипломатичность, сдержанность.

В. К. Товарищеские отношения сохранялись у вас до последнего? Я имею в виду – общались, виделись, встречались в

«неформальной» обстановке?

Г. Т. Скажу так: первое время после полета мы почти не виделись.

В. К. Потому что его начали «таскать» нарасхват?

Г. Т. А потом меня. Мы встречались редко. Но когда некоторые утверждают, что после полета у нас с Юрой не было никаких отношений, вообще никаких, – неправда. Отношения были нормальные, товарищеские. Хотя по каким-то вопросам возникали и расхождения. Я ведь был заместителем у него как у командира первого отряда космонавтов. А потом он стал заместителем начальника Центра подготовки, я командовал вторым отрядом – специального назначения. На работе все было по-деловому. А затем даже не знаю, говорить вам это или не говорить. Примерно за неделю до его гибели перед моим отлетом в Италию я зашел к нему с предложением несколько иначе делать записи в лётных книжках. И вдруг, выслушав, он говорит: «Знаешь, меня вызвали в ЦК и сказали, что я буду начальником Центра подготовки космонавтов. А ты будешь у меня зам. по лётной. Вот сам и реализуешь свои предложения».

В. К. Очень интересно!

Г. Т. Да, вот так… А находясь в Италии, я услышал эту жуткую весть. Трудно передать, что было… Первым сказал мне шофер-итальянец, когда мы выходили из Помпеи: «Погиб Гагарин». Я не поверил: «Откуда ты знаешь?» – «Радио сообщило». Мало ли что радио сообщит! Мы решили с товарищами срочно ехать в Сорренто, где находится наше консульство и где нам по программе предстояло быть. По дороге купили газеты. На первых страницах – портреты Гагарина и Серегина. Я прикинул: как раз наш лётный день.

В. К. Все совпало?

Г. Т. Да. В Сорренто мы уже смотрели телевизионную передачу. И той же ночью вернулись в Рим. Часа в четыре разбудил я руководителя делегации: «Можно мне улететь в Москву?»

В. К. Участвовали в похоронах?

Г. Т. Если можно так сказать – участвовал. Все было в каком-то тумане. Центральный Дом Советской Армии, Красная площадь…

В. К. После этого вы остались, Герман Степанович, на Земле космонавтом номер один. Из живущих, я имею в виду. Американец Джон Гленн последовал за вами в космос лишь полгода спустя, да и его достижение по времени полета далеко уступало вашему. Подумать только, как мы обогнали тогда американцев! И как бездарно все утратили…

Г. Т. Знаете, после полета Гагарина тогдашний президент США Кеннеди выдвинул национальную задачу – обогнать русских. Заявил: мы должны быть первыми на Луне. Шел 1961 год, а в 1969-м американцы, как вы знаете, осуществили посадку на Луне. Это была национальная программа, на которую работало все и которая ставила одну цель: опередить нашу страну. Вот что значил полет Гагарина, как он был воспринят. Пришлось Америке, которая очень уважает и любит себя, признать очевидное наше первенство и гнаться за нами!

В. К. А у нас за последние годы все смирились и на все махнули рукой. Национальная честь, достоинство, гордость – ничто. Готовы ползать перед кем угодно и лизать что угодно. Дух торгашества в самой атмосфере общества: все на продажу. Такое впечатление. Вы согласны?

Г. Т. Еще бы! И в такой атмосфере зачем молодежи какие-то подвиги, какие-то дела во имя Отечества, связанные с риском и требующие полной отдачи сил? Лучше в «комке» торговать.

В. К. Утверждается такая психология?

Г. Т. Опасно, что она проникает всюду и захватывает все больше людей. Возьмите заводы и конструкторские бюро нашей космической отрасли. Люди там работают в основном на энтузиазме. Но у них же есть дети, внуки. Они все видят, что происходит вокруг, и могут спросить: а зачем, отец, тебе это надо? И спрашивают. И говорят: посмотри, как живет дядя Коля…

Должна быть большая общенациональная задача. Цели нужны общегосударственные, а у нас, к сожалению, ничего такого не провозглашено и все разрушено.

Поэтому обижаться на молодежь, что она «не такая», мы особенно-то не имеем права. Хотя, знаете, в прошлом году во время предвыборной кампании мне довелось несколько раз бывать в Ленинграде, выступать в школах, университетах перед многочисленной аудиторией, и я должен сказать, что был худшего мнения о молодежи нашей. Оказалось, школьники и студенты очень интересуются тем, что волнует нас. Встречи продолжались по два-три часа. И ребята с огромным вниманием слушали. А главное – я видел их глаза! Я слышал вопросы, которые мне задавали. И понял: наверное, еще не все потеряно. Зависит многое от того, кто к ним придет и о чем будет говорить. Больше надо рассказывать молодым о нашей истории, о наших прежних достижениях, отвечать на вопросы, которые их беспокоят, излагать наш взгляд на происходящее и нашу оценку того, что произошло… Мои встречи в Ленинграде зарядили меня оптимизмом!

В. К. А вот работа в Думе, Герман Степанович, она что-нибудь

полезного дает? Как вы ее оцениваете, будучи депутатом?

Г. Т. Двоякое чувство… Конечно, дает она удовлетворение или не дает, работать все равно надо, раз тебя избрали и тебе это доверили. Естественно, хотелось бы, чтоб отдача больше была. Дума должна быть трибуной не для разговоров, а для нахождения решений тех вопросов, которые ставит жизнь.

В. К. Сами вы в каком комитете?

Г. Т. По промышленности, строительству и наукоемким технологиям. А наукоемкие технологии – это, по существу, военно-промышленный комплекс. Масса серьезнейших проблем.

Вопрос о земле, Земельный кодекс… Кажется, трижды его уже отклоняли. Там ключевое, конечно, – купля-продажа земли. Вот этого я принять никак не могу! Был сейчас на Алтае. Великолепные поля гречихи, ржи. Спрашиваю: проблемы какие? Убирать надо, как-нибудь будем выкручиваться, перекидывать комбайны с одного поля на другое. Но самое неприятное – элеватор в Овчинникове приватизировали! Сюда из нескольких районов свозится зерно; так вот, приватизировали – и теперь сбивают цены. Обирают крестьян.

А кто извлечет выгоду из купли-продажи земли? Опять не крестьянин. Я разговаривал об этом на Алтае и со своими избирателями в Коломенском районе Московской области. Все говорят: нельзя этого делать! Кто в конце концов скупит землю и станет ее собственником? Не работники. И будут заставлять вчерашних колхозников работать на себя за нищенские деньги – как батраков.

В. К. Скажите, но все-таки есть у вас какая-то надежда на улучшение дел в стране, связанная с президентством Путина?

Г. Т. Так хуже-то, кажется, уже некуда. Настал такой момент, когда изменения должны быть только в лучшую сторону. Трудно пока вполне понять программу нового президента, но, на мой взгляд, обязательно надо принимать меры, чтобы оздоровить экономику, чтобы и социально-политические отношения у нас стали хоть более или менее нормальными.

Сентябрь 2000 г.

Мы вышли в космос первыми и нельзя оттуда уходить
АКАДЕМИК ВАСИЛИЙ МИШИН, ПЕРВЫЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ И ПРЕЕМНИК ЛЕГЕНДАРНОГО КОРОЛЁВА

Василий Павлович Мишин, который на публикуемом снимке 1958 года справа от С. Королёва, И. Курчатова и М. Келдыша, двадцать лет был первым заместителем Главного конструктора, а затем, после ухода Сергея Павловича Королёва, стал официальным его преемником на посту космического Главного. Он – Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий.

Теперь его уже нет в живых, однако несколько моих с ним бесед, состоявшихся ранее в разное время, запечатлели много подробностей и проблем космической эпопеи и его роль в триумфальном советском выходе в космос.

КАК БЫЛО:

Виктор Кожемяко. Поскольку мы беседуем на этот раз перед исторической датой – сорокалетием полета Юрия Гагарина, расскажите, пожалуйста, как запомнился вам тот апрельский день.

Василий Мишин. На Байконуре я жил в одном домике с Сергеем Павловичем Королевым. А напротив был домик, в котором поселили Гагарина и Титова. Так что я видел, как они

готовились к полету.

В. К. Вы уже знали, что полетит кто-то из них?

В. М. Да, но кто именно, было сообщено перед самым полетом. Когда объявили сорокаминутную готовность, Королев попросил нас с Келдышем до двадцатиминутной готовности обойти стартовую площадку. Думаю, он просто хотел, чтобы людей на площадке в это время было поменьше. Ну вот, когда мы уходили, Титов стоял. А вернулись – он уже в автобусе спит. Келдыш тронул его за плечо: «Герман, ты смотри, проспишь, Юрка-то улетит». А я пошел к Королеву просить разрешения связаться по телефону с Гагариным, который был уже в корабле. Дело в том, что мы научили его для бодрости одной озорной песенке, чтобы пел при взлете. Но я забыл предупредить – когда петь будет, чтобы на тангетку нажал, а то песенка в эфир пойдет…

В. К. Удалось связаться?

В. М. Удалось. Не буду повторять общеизвестное. Для меня, как и для всех нас, это был, конечно, особый день. Проверялась вся наша работа. Ну и, конечно, что ни говорите, риск был. Знал это Королев, знал и Гагарин. Королев очень волновался. Он вообще-то умел держать себя, но тут было заметно. Забегая вперед, скажу: когда Гагарин благополучно приземлился, я впервые увидел слезы у Королева. Первый и, по-моему, единственный раз. На площадке тогда возник импровизированный митинг. Смотрю, из бункера выходит Королев, а на глазах у него слезы…

В. К. Вы тоже понимали, что риск был?

В. М. Еще бы! Машина недавно принята на вооружение. Я непосредственно отвечал за третью ступень, а для нее это всего восьмой или девятый пуск. Я отвечал за этот ракетный блок, за двигатель и за баллистику.

В. К. А что давала третья ступень, чтобы понятно было непосвященным?

В. М. Скорость. И потом без этой ступени «семерка», то есть ракета Р-7, над которой мы работали и которая стала базой для создания первого искусственного спутника Земли, поднимала максимум полторы тонны, а с ней – уже больше пяти.

В. К. И когда она начала летать?

В. М. Тогда же, когда был создан первый спутник. В 1957-м. Испытывали мы ее, запуская с Байконура до Камчатки.

В. К. Интересно, а тогда уже была мысль о запуске человека в космос?

В. М. У Королева, конечно, была. Это ведь вообще была давняя и заветная его мечта! А у нас, у большинства, по-моему,

такой мысли особо не возникало. Главная мысль – скорее сделать ракету, которая доставала бы Америку.

В. К. Потому что американцы нас уже могли достать?

В. М. Они же после войны окружили нас плотной сетью военно-воздушных и военно-морских баз. Их «летающие крепости» курсировали вдоль наших границ и могли в любой момент доставить атомную бомбу. То есть они достигали любого нашего города, а мы их – нет. Потому и понадобилось создание транспортного средства, которое помогло бы сделать Соединенные Штаты уязвимыми и таким образом добиться стратегического паритета.

В. К. Значит, изначально это было средство вынужденной защиты?

В. М. Да. Однако при этом Королева, наверное, ни на минуту не покидала мысль о посылке человека в космос. Она занимала его всю жизнь. Он готовился к этому. И вот однажды он говорит: а что если выбросить кое-что из аппаратуры и посадить туда человека? Мы работали в это время над специализированным военным комплексом. Что ж, говорю, наверное, можно.

В. К. И как для вас шла подготовка к этому полету? Какие-то подробности, проблемы наиболее сложные…

В. М. Для меня самой сложной проблемой стал воронежский завод, где предстояло делать мою часть. Там изготавливалась арматура для авиационных моторов, и немалых трудов стоило научить их делать ракетные двигатели. Но справились!

В. К. А сколько таких коллективов работало на космос по всей стране! Поражаешься, когда думаешь, в каких масштабах надо было организовывать, координировать, направлять всю эту работу. И ведь всё – впервые! Первый искусственный спутник Земли, первый полет человека в совершенно неведомый космос…

В. М. Когда первый спутник полетел, мы даже не ожидали такой реакции в мире. Кроме всего прочего, он был воспринят как свидетельство необыкновенных возможностей Страны Советов. Вот это самое «бип-бип», прозвучавшее над планетой, заявляло о том, что есть Страна Советов, которая может не только на равных соревноваться с капитализмом, но и опережать его. Да не где-нибудь, а в космосе, где, понятно, требуется наиболее современная и совершенная техника. А мы только что, всего десять с небольшим лет, как вышли из самой тяжелой и кровопролитной войны с немецким фашизмом…

В. К. Незадолго до ухода из жизни Германа Степановича Титова я беседовал с ним, и он подчеркивал, как много все это значило для авторитета нашей страны. Понятно, потрясение в мире!

В. М. Конечно, потрясение. Но вот смотрите, какой у нас был настрой. Мы много лет не отдыхали при крайне напряженной работе, и после запуска спутника мне вместе с заместителем по испытаниям Воскресенским Королев дал отпуск. Полетели в Сочи, там поселяют нас на даче Булганина. А через несколько дней – вызов: срочно вылетайте! Досадно было, конечно, однако лишь в первый момент. Внутренняя готовность к непрерывной работе в нас жила. И за месяц был создан новый спутник, который полетел уже с собакой Лайкой.

В. К. Вернемся к 12 апреля 1961-го.

В. М. При этом запуске самыми страшными были последние секунды активного участка на взлете, когда с космонавтом нет связи. Вот тут мы особенно замерли. А потом переживали все дальнейшее, до посадки. После сообщения о приземлении Королев улетел в Москву. Ну а мы остались работать над новой, более совершенной ракетой – «девяткой».

В. К. А следующий полет сразу же начали готовить?

В. М. Сразу.

В. К. И чем отмечено было это время – между полетом Гагарина и полетом Титова?

В. М. Борьбой. Было предложение, чтобы Титов сделал два витка вокруг Земли, и другое – чтобы летать ему сутки. Приняли в конце концов это, второе. И мы обеспечили суточный полет.

В. К. А ведь американец полетел в космос только в феврале следующего года и сделал всего три витка!

В. М. Что ж, тогда они поотстали.

КАК ЕСТЬ:

В. К. А что теперь? Вот затопили наш «Мир». По телефону вы мне сказали, что протестовали против этого.

В. М. Да. Несколько писем в разные инстанции написал. Хотя я в принципе не за длительные пилотируемые полеты, а за автоматы в космосе, «Мир» нельзя было хоронить. «Мир» надо было оставить! Кстати, его тоже можно было перевести в автоматический режим…

Нельзя делать ставку только на эту так называемую МКС. Во-первых, она идет по одной орбите. Причем МКС ведь построена изначально для чего? Чтобы оправдать плохой «Спейс-шаттл». Американский челнок. На него затрачены огромные деньги. Американцы ошиблись в сто раз, и теперь затраченное как-то надо оправдывать. Их этот «Спейс-шаттл» оказался в десять раз дороже наших одноразовых систем. И чтобы как-то оправдаться в глазах американской общественности, они это придумали. Якобы международную космическую станцию. Из семи космонавтов одного нашего посадить… А деньги-то они берут с нас же! И

потом, они полные хозяева. Хотят – пустят, хотят – нет.

В. К. Ну а «Мир», в вашем представлении, еще мог работать?

В. М. Вполне! Там почти 500 килограммов работающей аппаратуры. Она могла работать и приносить информацию, полезную для Земли. Можно было, как я уже сказал, сделать «Мир» автоматически управляемой станцией, и он бы долго летал. Изредка только поднимать его орбиту, но это все копейки по сравнению с тем, что он бы дал нам.

В. К. Это если исходить из наших национальных, государственных интересов. Но, похоже, нынче иные интересы преобладают!

В. М. Конечно, если до такой степени разворовали страну… Сейчас уже и забыто, что после полета Юрия Гагарина президент США Кеннеди обратился через конгресс к нации с призывом мобилизовать весь интеллектуальный и экономический потенциал американцев для преодоления образовавшегося отставания. Целая программа для этого у них была разработана. А что мы с тем нашим советским экономическим и интеллектуальным потенциалом сделали? Наука брошена буквально на произвол судьбы. Финансирование космической программы сократилось за десять лет в 10 раз!

А ЧТО БУДЕТ?

В. К. Василий Павлович, но, может быть, космонавтика нам действительно не нужна? Может, от нее и в самом деле, как некоторые утверждают, одни лишь расходы и лучше всего ее «закрыть»?

В. М. Я слышал такое не раз. Что сказать? Вот набрасываю проект своего выступления на научной конференции, которая к юбилею гагаринского полета должна состояться в гостинице «Космос», хотя не уверен, что мне там дадут слово. Зачитаю начало – пусть в «Правде» будет озвучено:

«12 апреля исполняется 40 лет со дня полета вокруг Земли по околоземной орбите Юрия Гагарина. До этого никто не знал, с чем столкнется человек в космосе, потому полет Гагарина можно назвать историческим и героическим…

Пока Земля является единственным местом, приспособленным к жизни людей с использованием земных ресурсов. Задача человечества – экономить и по возможности восполнять эти ресурсы. Человечество должно использовать информацию, получаемую из космоса, о происходящем на Земле и вокруг нее. Ракетно-космическая техника при участии космонавтов может оказать существенную помощь в этом.

Сейчас трудно найти такую отрасль народного хозяйства, которая не была бы заинтересована в решении своих задач с

помощью ракетно-космической техники. И тем не менее среди определенных кругов общественности и в СМИ существует мнение, что дальнейшее развитие космонавтики несвоевременно, способствует ухудшению жизни наших людей из-за ее низкой экономичности. Это мнение вызвано недопониманием роли ракетно-космической техники в решении земных задач – улучшения и продления жизни людей на Земле. И такое мнение вредно, поскольку не учитывает проблемы человечества завтрашнего дня. Низкая экономичность современной ракетно-космической техники, на мой взгляд, связана с одноразовостью ее применения, оставшейся от военной ракетной техники, на основе которой и на деньги военных ведомств она была создана. Нужно разрабатывать новую экономичную многоразовую ракетно-космическую технику, финансируемую государством независимо от военных. Необходимо также наиболее рационально использовать новую ракетно-космическую технику с минимальными расходами на ее эксплуатацию. Экспертные оценки показывают, что 80–90 процентов насущных земных задач, решаемых в космосе, можно решать при помощи автоматических космических аппаратов…»

Ну дальше я эту тему намерен развивать.

В. К. А кому в данном случае вы адресуете вот это свое выступление? Руководству нашей космической отрасли? Руководству страны?

В. М. Хотелось бы, чтобы до них дошло.

В. К. Но разве вы не видите, что нынешнее руководство демонстрирует полное равнодушие, если не сказать сильнее, к состоянию и перспективам космической науки и техники в нашей стране? По-моему, история с «Миром» окончательно раскрыла, кто есть кто.

В. М. Пока надеюсь, что порядок в конце концов придется наводить. И приоритеты устанавливать. Вынуждены будут заняться и наукой.

В. К. Скажите, хотя бы перечислительно, решение каких насущных земных проблем видится вам вполне реальным с помощью космонавтики?

В. М. Много. Вот сейчас, например, остро стоит вопрос о ядерных отходах. А если будет экономичная ракетно-космическая техника, то долгоживущие отходы атомных электростанций, радиоактивные, можно будет удалять в космос.

Далее. На Земле сейчас очень много ядовитых химических веществ. И мы опять-таки не знаем, куда их девать. Требуются огромные расходы, да и они себя не оправдывают. А между тем экология бьет тревогу все настойчивее.

Пожары. Из космоса их обнаружить легко и космическими средствами очень легко их тушить. Управление погодой! Можно забросить в космос зеркала, освещать города – вот вам восполнение электроэнергии. Мы умеем уже сейчас тепловую солнечную энергию трансформировать в электроэнергию, можно ее транспортировать на Землю, а это огромные, по сути неисчерпаемые ресурсы! Куда там уголь, нефть, газ по сравнению с Солнцем. Оно тоже со временем кончится, но это – через сотни миллионов лет. И тогда встанет вопрос о переселении людей на другие планеты, о чем писал еще Циолковский, – чтобы найти другое Солнце. Тоже с помощью космонавтики…

Но для всего этого нужен мир на Земле, когда люди и страны не будут противостоять друг другу.

Знаете, я придумал интересную вещь. Лет десять работал над этим. Как взлетать вертикально и садиться вертикально. Сделал доклад у себя в МАИ, в Политехническом музее, в отделении Академии наук. Но пробить никак не могу! Куда только не стучался. Нужны деньги, нужно финансировать эти работы и делать эксперимент. А где взять?

В. К. Значит, вы это придумали, но никто не хочет заниматься?

В. М. Никто!

В. К. Опять мы приходим к сегодняшнему состоянию нашей страны.

В. М. Мне, когда я был в Израиле с делегацией, за мысль один американец давал три с половиной миллиона долларов. Только расскажи ему.

В. К. За эту вашу идею?

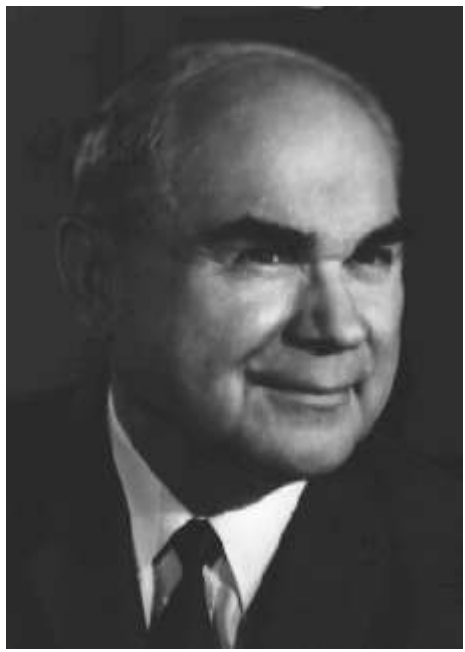
В. М. Да. Растрепались ребята, что есть такая.

В. К. Но не продались вы?

В. М. Нет. Это не для меня.

Апрель 2001 г.

Великая эпоха
НИКОЛАЙ БАЙБАКОВ – МНОГОЛЕТНИЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСПЛАНА СССР



Николай Константинович Байбаков более сорока лет входил в советское правительство, став наркомом еще при Сталине, два десятилетия возглавлял Госплан СССР. Если перечислить тех, под чьим непосредственным руководством довелось ему работать в правительстве страны в разные годы, список получится достаточно показательный: Сталин, Каганович, Маленков, Булганин, Хрущев, Брежнев, Косыгин, Андропов, Черненко, Тихонов, Рыжков, Горбачев…

Виктор Кожемяко. Николай Константинович, я с очень большим интересом прочитал книгу ваших воспоминаний, вышедшую в издательстве «Республика». Но, к сожалению, тираж невелик – мало кто стал ее счастливым обладателем. Между тем, вопросы к вам имеются, наверное, у многих. Ну, скажем, каков был путь в советские наркомы?

Николай Байбаков. Если вы мою книжку читали, то знаете, что трудовой путь начинался у меня с бакинских промыслов, куда в 1932 году после окончания Азербайджанского нефтяного института я пришел работать рядовым инженером.

… Вообще, начало моей биографии во всем самое обычное для своего времени. После революции пошел в школу, затем

поступил в институт. Хотел стать инженером – и стал. Нефтяники, с которыми начинал работать, в большинстве своем были в прошлом батраки, вырвавшиеся из нищеты и безграмотности. Нелегок был их труд, но не ожесточил, не очерствил сердца этих людей. Напротив, более душевных и отзывчивых товарищей мне не доводилось встречать. До сих пор многих помню по именам.

В. К. Но за что-то выделили вас, назначая именно Байбакова заведующим промыслом и управляющим трестом «Лениннефть».

Н. Б. Может быть, сказалось, что еще со студенческих времен тянуло меня к новой технике и технологии. Когда стал инженером, стремился найти более современные технические решения, улучшающие разработку нефтяных месторождений. Тут как раз возникли у нас серьезные проблемы, наметилась даже тенденция снижения добычи из-за обводнения нефтяных скважин. И в борьбе с прорывом верхних вод в нефтяные пласты помог предложенный мною метод закачки цемента под высоким давлением. С тех пор нефтяники страны называют его «методом Байбакова», хотя официально мое предложение даже не было зарегистрировано.

В. К. А в Москве когда и как вы оказались?

Н. Б. Сначала меня назначили в Куйбышев начальником вновь созданного объединения «Востокнефтедобыча». Получилось так. В июне 1938 года в Баку проходило Всесоюзное совещание нефтяников, где высказывались руководители и передовики нефтяных районов. Мне тоже предложили выступить. А через пару месяцев вызывает первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Багиров и, угощая чаем, сообщает о новом назначении.

В. К. Насколько я понимаю, тогда начиналось освоение так называемого второго Баку?

Н. Б. Да, в решениях XVIII съезда ВКП(б) было записано: создать нефтедобывающий район между Волгой и Уралом. Именно для выполнения этого ответственного задания меня и направили.

В состав объединения «Востокнефтедобыча» вошли зарождавшиеся тресты – «Башнефть», «Сызраньнефть», «Пермьнефть» и» Эмбанефть». Прибыли квалифицированные буровики из Баку, Грозного, Эмбы. Они не только пробурили первые скважины, получили первые фонтаны «черного золота», но и заботливо обучали вчерашних башкирских крестьян добывать нефть. Масштаб работ был огромный!

В. К. А ведь сегодня об этой странице нашей советской истории, как и о ряде других, почти никто ничего не знает.

Н. Б. Особенно много сил было отдано созданию в Башкирии Ишимбайского нефтяного района, сыгравшего значительную роль в снабжении фронта горючим в период Великой Отечественной войны. Вот говорят, что мы к войне плохо готовились. Неправда. Ускорение индустриализации страны было направлено и на укрепление ее обороноспособности.

Невозможно на словах передать, с каким энтузиазмом работали люди в то время. Я больше всего видел труд нефтяников. Но быстрыми темпами шло также строительство металлургических и машиностроительных заводов, в самые короткие сроки росли новые города…

В. К. Думаю, читателей особо будут интересовать ваши отношения со Сталиным.

Н. Б. Первый раз я встретился со Сталиным в 1940 году – на заседании в Кремле, где обсуждались вопросы развития нефтяной промышленности. Мне было поручено сделать сообщение об обеспечении народного хозяйства горючим в связи с нарастанием опасности войны.

Волновался, конечно. Как себя вести? Как держаться на этом высоком собрании? Но, когда вошел в кабинет, где царила спокойная, деловая обстановка, напряжение спало. Теперь думал только о том, как лучше доложить суть проблем. Ведь известно было, что Сталин не любил многословия.

Во время моего доклада он неторопливо прохаживался по кабинету, внимательно слушал, не перебивая, и лишь когда я закончил, стал задавать вопросы. Они были предельно конкретные: «Какое оборудование вам необходимо? Какие организационные усовершенствования намерены провести? Когда и сколько будете давать нефти?» Речь шла об ускоренном развитии «второго Баку». Решение, как и обсуждение, было очень конкретное.

Потом мне много раз доводилось бывать на совещаниях у Сталина с участием руководителей нефтяных комбинатов и трестов. Ему надо было знать, как развивается отрасль, и в вопросах своих он был дотошен. Мне казалось, что он внимательно приглядывался к каждому специалисту, чтобы определить, кто и как себя проявляет. А свою точку зрения высказывать не спешил.

Только после обмена мнениями, когда убеждался, что решение найдено, подытоживал: «Итак, я утверждаю».

В. К. Вам это нравилось?

Н. Б. Безусловно. На таких совещаниях я учился ответственности в принятии решений. Впоследствии, где бы ни работал, старался внимательно выслушать каждого члена

коллегии, других товарищей, да не по одному разу, после чего уже принимал окончательное решение. Иначе как можно? Допущенная руководителем ошибка наносит большой ущерб делу, а если руководишь в государственном масштабе – то и всему государству.

Часто мы бывали удивлены осведомленностью Сталина. Помню, когда Сааков, управляющий трестом «Ворошиловнефть», не назвал новых месторождений, Сталин переспросил:

– Это вдоль афганской границы?

Или, скажем, выступал начальник Краснодарнефтекомбината Апряткин. Сталин спросил его о запасах нефти в Краснодарском крае. Апряткин назвал цифру 150 миллионов тонн. Сталин попросил «расшифровать» запасы нефти по категориям. Когда же тот не смог внятно ответить, внимательно поглядел на него и сказал:

– Хороший хозяин должен знать свои запасы по категориям.

В. К. Назначение вас наркомом нефтяной промышленности состоялось в 1944 году. Это была инициатива Сталина?

Н. Б. Точно не знаю, но ясно, что не без его ведома. Меня он вызвал для беседы только через три месяца. Я тогда набрался смелости и сказал:

– Товарищ Сталин, перед моим назначением никто даже не поинтересовался, сумею ли справиться.

Ответил он так:

– Товарищ Байбаков, мы знаем свои кадры, знаем, кого и куда назначать. Вы коммунист и должны помнить об этом.

А разговор повел о тяжелом положении народного хозяйства в связи с разрухой в освобожденных районах и о топливном голоде. Сразу отреагировал на мое предложение, чтобы некоторые предприятия, производящие военную технику, начали делать буровые станки, грязевые насосы и другое необходимое для нефтяной промышленности оборудование. Среди заводов, которые, выражаясь современным языком, должны были перейти к конверсии, был определен и «Уралмаш».

Между прочим, Сталин в начале нашего разговора задал вопрос, который меня несколько озадачил:

– Товарищ Байбаков, вы думаете, союзники не раздавят нас, если увидят возможность раздавить?

– А как они смогут нас раздавить?

– Очень просто, – ответил Сталин. – Мы создали и танки, и самолеты, и машины. Много у нас захваченной техники. А они же останутся без движения, если не будет нефти, бензина, дизельного топлива. Нефть – это душа военной техники, а я бы добавил – и всей экономики.

Действительно, с увеличением машинного парка возрастали потребности в горючем, а мы добывали нефти всего 19 миллионов тонн вместо довоенных 33 миллионов. Было о чем подумать!

И еще запомнился конец той нашей беседы, длившейся более часа.

Сталин спросил:

– Вот вы молодой нарком. Какими свойствами должен обладать советский нарком?

– Знание своей отрасли, трудолюбие, добросовестность, честность, опора на свой коллектив…

– Все верно, товарищ Байбаков, это очень нужные качества. Но какие все-таки – наиважнейшие?

Я назвал еще несколько и смолк.

А он, коснувшись чубуком трубки моего плеча, тихо проговорил:

– У советского наркома должны быть «бычьи» нервы плюс оптимизм.

Должен сказать, что я на всю жизнь запомнил эти слова Сталина. «Бычьи» нервы и оптимизм особенно мне были нужны, когда в течение 22 лет я находился на посту председателя Госплана СССР. Требовались здесь даже не «бычьи», а стальные нервы, причем из легированной стали. Ну а без оптимизма совсем пропал бы.

В. К. Мы с вами пропустили годы войны – величайшее испытание для всего народа и для нашей социалистической системы. Испытание, выдержанное с честью.

Н. Б. Это, я думаю, для всех должно быть очевидно… И вновь с огромной убедительностью была продемонстрирована сила патриотического духа советских людей.

В. К. А что вам вспоминается в первую очередь, когда вы думаете о войне?

Н. Б. Пожалуй, первый ее период. Самый трудный. Надо было перебазировать промышленность на восток.

Мужчины ушли на фронт – их заменили женщины. Пять крупных нефтепромыслов из восьми в тресте «Орджоникидзенефть» Азнефтекомбината возглавляли женщины: Антонина Бакулина, Медина Везирова, Сутра Гайбова, Сакина Кулиева, Анна Плешко. В тресте «Ленинефть» руководила промыслом София Крючкина. Не могу не отметить, что при этом в первый год войны бакинцы дали стране 23,5 миллиона тонн нефти – самая большая годовая добыча за всю историю нефтяной промышленности Азербайджана! Это был настоящий подвиг, совершенный в неимоверно тяжелых условиях.

В. К. Видимо, люди наши понимали то, о чем сказал Сталин: нефть – душа военной техники, да и всей экономики?

Н. Б. Хорошо понимали это и наши враги. За несколько дней до начала войны Геринг, имевший неограниченные полномочия по вопросам «максимального использования обнаруженных запасов и экономических мощностей для нужд Германии», утвердил документ с шифрованным названием «Зеленая папка». В нем, в частности, отмечалось: «… необходимо принять все меры к немедленному использованию оккупированных областей в интересах Германии. Получать для Германии как можно больше продовольствия и нефти – такова главная экономическая цель кампании».

В. К. А как обстояли дела у гитлеровцев с нефтью?

Н. Б. Проблема горючего для Германии была острейшей. На начало войны немцы производили примерно лишь 8–9 миллионов тонн бензина и дизельного топлива, в основном из угля – методом гидрогенизации его под высоким давлением. Своей нефти у них практически не было. Вот почему особые надежды возлагали на быстрый захват нефтяных промыслов Кавказа и Закавказья, где перед войной мы получали более 80 процентов добываемой в нашей стране нефти.

В. К. Великое счастье, что в Баку им прорваться не удалось…

Н. Б. Мне как уполномоченному Государственного Комитета Обороны по обеспечению фронта горючим приходилось в первый период заниматься не только проблемами нефтедобычи, но и выполнять поручение, которое дано было Сталиным: «Сделать все, чтобы ни одна капля нефти не досталась немцам». Организовывал ликвидацию промыслов в Краснодарском крае. Причем делалось это уже буквально под обстрелом гитлеровцев – нашим семьям даже было сообщено, что мы погибли, когда на какое-то время с нами была утрачена связь.

Наши специалисты разработали по-настоящему радикальный способ ликвидации скважин, и почти за полугодовой период оккупации Краснодарского края немцам не удалось восстановить ни одной из них.

В. К. Николай Константинович, мне хотелось бы остановиться на такой проблеме. Одним из принципов нашего социалистического хозяйствования, как известно, было планирование. Начиная с ленинского плана ГОЭЛРО. Не могли бы вы рассказать, какую роль сыграло планирование в военные годы?

Н. Б. Огромную. Уже через неделю после начала войны был принят первый план военного времени – «Мобилизационный народнохозяйственный план» на третий квартал 1941 года.

Постановлением Государственного Комитета Обороны уже 4 июля 1941 года комиссии под руководством Вознесенского было поручено выработать военно-хозяйственный план обеспечения страны, имея в виду использование ресурсов и предприятий, имеющихся на Волге, в Западной Сибири и на Урале, а также вывозимых в эти районы в порядке эвакуации. Всю войну ГКО наряду с годовыми народно-хозяйственными планами рассматривал и утверждал планы квартальные и месячные, а Госплан СССР через своих уполномоченных в краях и областях осуществлял строгий контроль за своевременным выполнением планов производства и поставок продукции для нужд фронта.

Разумеется, условия были экстремальные, обстановка все время и порой очень резко менялась, но тем более без четкой координации главных мероприятий в масштабах страны мы не смогли бы победить.

Приведу примеры опять же из самой близкой мне нефтяной отрасли. Когда враг отрезал все пути снабжения фронтов нефтепродуктами, ранее проходившие от Баку через Ростов по железной дороге, когда были выведены из строя краснодарские и частично грозненские нефтепромыслы и нефтеперерабатывающие заводы, а потом и навигация по Волге была прервана в связи с выходом фашистских войск в район Сталинграда, нефтепродукты транспортировались из Баку по Каспийскому морю в Красноводск и Гурьев, а уж далее по железной дороге на все фронты и в другие районы. Часть нефти возили в Астрахань, а оттуда качали в Саратов – по трубопроводу, построенному во время боев под Сталинградом! В рекордно короткие сроки из труб демонтированного трубопровода Баку – Батуми. Не правда ли, трудно сегодня даже представить такое?

Или еще пример – снабжение топливом осажденного Ленинграда. После того как весной 1942 года прекратилась связь с городом за 50 дней по дну Ладожского озера, можно сказать, под носом у немцев был проложен трубопровод длиной 28 километров и пропускной способностью 400 тонн нефтепродуктов в сутки.

А газопровод Бугуруслан – Куйбышев, сооруженный всего за несколько месяцев во время битвы за Сталинград и обеспечивший природным газом крупнейший оборонный промышленный центр!

И, конечно, без четкого плана невозможно было бы осуществить колоссальную эпопею перебазирования промышленности в восточные районы. Нам пришлось организовать демонтаж ряда предприятий и нефтяного оборудования, отправив на Восток около 600 вагонов. Десять тысяч бакинских нефтяников организованно выехали в новые

необжитые места – в основном в Башкирию, Пермскую и Куйбышевскую области. В суровых, тяжелейших условиях зимы 1942–1943 годов закалялась дружба нефтяников – представителей всех народов СССР, трудившихся во имя спасения нашей Родины.

В. К. Увы, сейчас обо всем этом предпочитают не вспоминать, как будто никакой дружбы народов у нас и не было.

Н. Б. Была, да еще какая!.. Нынче, к сожалению, многое не вспоминают. А зря. Для воспитания молодежи в патриотическом духе было бы очень полезно.

Приведу некоторые цифры. В результате военных потерь и эвакуации предприятий на Восток с июня по ноябрь 1941 года объем промышленного производства в стране уменьшился примерно вдвое. Но величайшими усилиями трудящихся уже в 1942 году был не только восстановлен! Превзойден довоенный уровень производства военной техники. Валовая же продукция всей промышленности с января по декабрь 1942 года выросла более чем в полтора раза, а в 1943 году против 1942-го увеличилась на 17 процентов. Такие темпы роста были у нас в мирное предвоенное время, а ведь тут шла страшнейшая война!

… Перед войной, как я уже говорил, мы добывали в год 33 миллиона тонн нефти, чему предшествовали десятилетия развития нефтяных промыслов. Теперь же страна, обессиленная грандиозной битвой с фашизмом и потерявшая в ней многие миллионы жизней, должна была в кратчайшие сроки не только возродить разрушенные промышленные и сельскохозяйственные районы, но и довести добычу нефти с 19 до 60 миллионов тонн. Иначе говоря, за короткий срок дать почти вдвое больше, чем до войны, и одновременно поднять благосостояние народа, обеспечив людей прежде всего продуктами питания, жильем, товарами первой необходимости.

В. К. Это казалось невозможным?

Н. Б. Если честно сказать, поначалу – да. Но мы работали. И уже в 1948 году общий объем промышленного производства превзошел довоенный уровень.

К следующему, 1949 году был достигнут предвоенный уровень добычи нефти. А в 1955 году намеченный рубеж в 60 миллионов тонн, казавшийся недосягаемым, был превзойден – добыто 70 миллионов тонн!

Это была грандиозная победа в ходе работы по реконструкции и дальнейшему развитию топливных отраслей. И так трудился весь советский народ, что позволило за короткий срок не только восстановить народное хозяйство, разрушенное войной, но и значительно укрепить экономику страны. Национальный доход в 1955 году вырос в 2,8 раза по сравнению с

1940 годом, продукция промышленности – в 3,2 раза, розничный товарооборот – более чем вдвое, реальная заработная плата рабочих и служащих – в 1,8 раза.

В. К. Тут у меня возникает сразу несколько вопросов. Вы говорите о 1955 годе. Через два года будет запущен первый искусственный спутник Земли, что наглядно показывает, каких высот достигла Советская держава. А в том же 1955-м вас назначают председателем Госплана СССР, и начинается хрущевское десятилетие. Как вы его оцениваете? Как вам работалось? Насколько удавалось при планировании сочетать развитие экономики, прогресс науки и техники с ростом жизненного уровня людей? И не в эти ли годы проявились впервые кризисные явления в нашем хозяйстве?

Н. Б. Начну с моего назначения, которое, кстати, как и предыдущее, состоялось без предварительного согласования со мной. Хрущев меня вызвал на беседу, где предложил новую должность. Но я ему говорил, что не хочу расставаться с любимой отраслью, просил дать подумать хотя бы денек. А вернувшись в министерство, увидел в приемной фельдъегеря с красным конвертом, вскрыл – и с удивлением прочитал постановление обо мне, еще накануне подписанное Хрущевым.

Так вот, придя в Госплан, я мысленно видел в качестве примера для себя Николая Алексеевича Вознесенского, который находился на посту председателя Госплана СССР в течение одиннадцати лет и очень много сделал как для научной обоснованности народно-хозяйственных планов, так и для подбора в высшем плановом органе высококвалифицированных специалистов. Я внимательно изучал его теоретические исследования, в которых отстаивалась необходимость опережающих темпов роста производительности труда как важного условия социалистического накопления и расширенного воспроизводства.

Практическая же моя деятельность на новой должности началась с разработки проекта шестого пятилетнего плана. Считаю нашим достижением, что удалось привлечь к этой работе широкие круги общественности, организовав, по существу, всенародное обсуждение. Предложения трудящихся внимательно рассматривались, и многие были учтены. Это касалось, например, предложений о сокращении рабочего дня, повышении заработной платы низкооплачиваемым категориям рабочих и служащих, упорядочении оплаты труда, повышении пенсий и ряда других.

Теперь о хрущевском десятилетии. Оно разделяется в моем представлении на две части. Первая, как я думаю, была отмечена рядом полезных, нужных начинаний. Например, три месяца

спустя после моего назначения в Госплан Хрущев поручил разработать генеральный план реконструкции железнодорожного транспорта с целью перевода его на электрическую и тепловую тягу. Причем делалось это втайне от Кагановича, который был противником тепловозов и электровозов. В 1955 году по моему предложению и при поддержке Хрущева был образован Главгаз СССР, благодаря чему удалось создать единую систему газопроводов всех союзных республик. Отметил бы как достижения тех лет и освоение целины, и коренную реконструкцию строительного производства. Сейчас многие недовольны тем, что пятиэтажки строили тогда с минимальными удобствами – их теперь пренебрежительно называют «хрущобами». Однако именно благодаря ускоренному строительству этих пятиэтажек удалось в сравнительно короткие сроки переселить большое количество людей из бараков и подвальных помещений.

Все это я отношу к полезным делам Хрущева. Ну а беды начались, на мой взгляд, с непродуманной глубоко перестройки управления народным хозяйством страны.

В. К. Скажите, а разве необходимость определенной перестройки не ощущалась тогда?

Н. Б. Ощущалась. Но импульсивность, порой некомпетентность, безапелляционность Хрущева, с годами все больше усиливавшиеся, привели к ряду серьезных ошибок.

Не прислушался он, скажем, ко многим доводам, предупреждавшим, чем может обернуться бездумная ликвидация министерств. Я тогда говорил:

– Потеряем бразды правления экономикой. Не будет управления отраслями, обеспечения единой технической политики – развалим все хозяйство. Ведь межотраслевые пропорции – главное для устойчивости экономики.

Однако за несогласие с Хрущевым я был отправлен сперва в Госплан РСФСР, а затем в Краснодарский совнархоз. Между тем опасения мои, да и не только мои, вскоре стали оправдываться…

В. К. У вас, Николай Константинович, есть возможность сравнить три перестройки, три реформы – хрущевскую, косыгинскую и горбачевско-ельцинскую. Какие мысли возникают при таком сравнении?

Н. Б. Самой обнадеживающей и правильной, на мой взгляд, могла стать экономическая реформа 1965 года, которую справедливо связывают с именем Косыгина. Надо сказать, что Алексей Николаевич обладал глубокими, всесторонними знаниями и масштабным мышлением. Он был откровенен и критичен, предельно чувствовал меру ответственности за все

принимаемые решения и, прежде чем поставить подпись под каким-либо государственным документом, обычно тщательно взвешивал все «за» и «против». Он и к экономической реформе подходил очень взвешенно, продуманно. Сначала в порядке эксперимента на новую систему планирования и экономического стимулирования перевели 43 предприятия, чтобы затем, по мере накопления опыта, постепенно расширять их число.

Но Косыгину не дали осуществить задуманное. Помню, например, как грубо выступал на заседаниях Политбюро Подгорный. Да и не только он. А Брежнев стал, по существу, на их сторону. В результате реформа не была доведена до конца. Она ограничилась мобилизацией ресурсов, лежащих на поверхности, не коснулась в должной мере основного фактора интенсификации общественного производства – научно-технического прогресса.

У меня новые надежды возникли, когда вместо Брежнева, который в последние годы даже написанный для него доклад не мог прочитать, пришел Андропов. По-моему, он взялся за главное тогда звено – укрепление дисциплины. Но, к сожалению, слишком скоро сменил его престарелый и немощный Черненко…

В. К. Ну а как вы встретили перестройку Горбачева?

Н. Б. В апреле 1985 года я голосовал за предложения Горбачева реформировать экономику с целью ускорения социально-экономического развития страны, так как видел в этом перспективу ликвидировать негативные явления, накопившиеся к тому времени. Я верил в перестройку, надеясь, что она выведет нашу экономику на интенсивный путь развития. Ведь как правильно говорил тогда вновь избранный Генеральный секретарь: «Если сделать только одно: по-настоящему использовать то, что уже есть, можно добиться существенного улучшения дел в народном хозяйстве».

Так почему же разумно не использовали солидный социально-экономический потенциал, созданный за советские годы? Почему очертя голову бросились от плановой экономики к рыночной – в кратчайший срок и любой ценой? Думаю, немало людей хотели бы получить ответы на эти вопросы.

В. К. Вы, наверное, помните, что вначале Горбачев выдвинул лозунг: «Больше демократии, больше социализма!». Говорил о «первопроходческом пути советского народа и нашей партии». А куда мы с тех пор ушли?

Н. Б. Помню, конечно, его доклад, посвященный 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Слушая тогда, думал, что могу всей жизнью своей засвидетельствовать правоту сказанных им слов… Десятки миллионов людей моего поколения, более старших и молодых, с удивительной

самоотверженностью боролись за осуществление социалистической идеи. Могучее государство – СССР стало достойным результатом их борьбы и труда.

В. К. Теперь такого государства нет, и это один из результатов горбачевский перестройки, ельцинских реформ.

Н. Б. К величайшему сожалению, да. То, что делалось за последнее десятилетие, привело к разрушению Советского Союза и всего нашего хозяйства. Особенно недопустимо было дробить страну на 15 кусков. А это было совершено действиями и Горбачева, и Ельцина. Что является, конечно, большим преступлением со стороны руководителей государства.

К тому же они взялись проводить реформу без учета мирового опыта и особенностей нашей страны. Нынешние развитые капиталистические страны к рыночной технологии шли десятки лет, а у нас решили сделать за два-три года. Грубейшая ошибка.

Да и любая капиталистическая страна все-таки держит в руках бразды правления. Вот недавно я был в Соединенных Штатах – на конференции по нефти. Что ж, у них так называемый свободный рынок регулируется государством. Не выпускают из рук управления. А у нас…

Я, например, считаю, что ни в коем случае нельзя было допускать развала крупного энергетического комплекса, машиностроения, уж не говоря о военно-промышленном комплексе, являющемся основой безопасности нашей страны. А сейчас, к сожалению, все на куски разбито.

В. К. Что вас больше всего тревожит в происходящем сегодня? От чего особенно больно?

Н. Б. Мне, бывшему председателю Госплана, особенно больно смотреть, как рушилось и рушится наше хозяйство, какими темпами мы снижались.

Вспомним: в довоенное время, начиная с первой пятилетки, национальный доход возрастал ежегодно в среднем на 15 процентов. Таких темпов не знала ни одна страна мира!

Или вот говорят: застой. Но разве можно назвать застойным период, когда за двадцать лет, с 1966-го по 1985-й, национальный доход страны вырос в 4 раза, промышленное производство – в 5 раз, основные фонды – в 7 раз? Несмотря на то, что объем сельскохозяйственного производства увеличился за этот период лишь в 1,7 раза, реальные доходы населения росли примерно теми же темпами, что и производительность общественного труда, и увеличились в 3,2 раза. Почти втрое возросли производство товаров народного потребления и розничный товарооборот.

Сегодня, крича о пустых прилавках в советское время, намеренно смешивают период после 1985-го, особенно 1990–1991 годы, когда действительно к этому пришли в результате той самой перестройки, и предыдущий, гораздо более продолжительный срок, когда про пустые прилавки говорить просто грешно.

Я вовсе не хочу сказать, что в те годы, когда мне довелось работать в правительстве, все делалось правильно. Были ошибки, порой крупные. Но они исправлялись.

… Сколько времени теперь понадобится на то, чтобы вернуться хотя бы к уровню 1988 года? Десять – двадцать лет при самом благоприятном ходе дела. По-моему, нынешние руководители недооценили и опасность попадания в финансовую зависимость от Запада, ориентируясь на рекомендации Международного валютного фонда.

В. К. Сейчас все время приходится слышать: денег ни на что не хватает. Куда же деваются деньги? И откуда взялись эти несметные богатства «новых русских»? Почему у них такие огромные деньги, а для многих миллионов нет денег ни на зарплату, ни даже на нищенские пенсии?

Н. Б. Я объясняю это тем же развалом нашей экономики. Как можно получить деньги, если ты не имеешь продукции? Если раньше ты давал столько-то машин, станков, автомобилей, столько-то тракторов, а теперь – во много раз меньше, какие же могут быть деньги? Из-за падения промышленного производства, да и сельского хозяйства, мы потеряли, конечно, и финансовые ресурсы. Другое дело, что сегодня на различного рода махинациях многие нажились и наживаются. Поэтому они не только по горло всем обеспечены, но еще и за границей имеют капиталы, где получают тоже большие проценты.

Меня очень волнует снижение жизненного уровня трудящихся. Разве нормально, когда ниже черты бедности более 30 процентов населения? Ну разве можно это терпеть?

В. К. Наверное, никогда не было у нас такого невообразимого разрыва, такого контраста между богатыми и бедными?

Н. Б. К сожалению, так. С одной стороны, вроде приятно, когда видишь, что какие-то люди имеют возможность красиво одеваться, приобретать дорогие вещи, строить дома. А с другой стороны… Невыносимо больно видеть мне, до чего многие обнищали, особенно люди преклонного возраста.

Я иногда прогуливаюсь в том районе, где проживаю, возле Патриарших прудов. Так вот, раньше ни разу не бывало, чтобы в мусорных ящиках, мимо которых прохожу, рылись старики. А сегодня роются и люди далеко от престарелого возраста – в

костюмах, при галстуках. Не могу на это безразлично смотреть!

В. К. Зато уж прилавки, по крайней мере в Москве и других крупных городах, полны…

Н. Б. Опять же ненормально, за счет чего они полны сегодня. Насколько я знаю, более половины продовольствия идет из-за границы. В то же время наше сельское хозяйство упало больше чем на треть.

Почему мы должны были собственное хозяйство разорять? В свое время при активном участии Госплана была создана, скажем, такая мощная специализированная организация, как «Птицепром», предприятия которой по всем параметрам находились на мировом уровне. Почему их надо было уничтожать и переходить на «ножки Буша»? У нас были замечательные совхозы и колхозы, которые страну кормили. Мы помогали им, давали технику, необходимые средства. Так делают все государства, поддерживающие свое сельское хозяйство. Почему надо было все это выпустить из рук? Если кто-то захотел выйти из колхоза, совхоза и создать хозяйство личное, что ж, надо было такое желание удовлетворить и поддержать их. Но не громить все сложившиеся хозяйства, даже экономически мощные, которые полностью оправдывали себя.

В. К. Кончается столетие, и закономерен вопрос: какое место займут в нем 70 наших послеоктябрьских советских лет?

Н. Б. Семь советских десятилетий – целая историческая эпоха. Великая эпоха! На мой взгляд, она стала огромным шагом вперед в развитии экономики и культуры нашей страны, в подъеме жизненного уровня трудящихся.

Конечно, у меня есть собственная точка зрения на историю и современность, которую можно считать субъективной. Но она позволяет мне оценивать факты, события и явления с позиции государственного деятеля и гражданина.

Я за объективный анализ каждого периода развития нашей страны – со всеми победами и поражениями, радостями и трагедиями. Но почему господствует у нас односторонний подход? С глубокой горечью и обидой наблюдаю, как искажается сегодня история, как дискредитируются социальные завоевания советского народа, достигнутые под руководством партии коммунистов.

Думаю, историческая правда должна взять в конце концов верх. Это необходимо не только для нынешнего дня. Это необходимо для будущего!

Октябрь 1997 г.

Показания для будущих поколений СТАРЕЙШАЯ СОВЕТСКАЯ ЖУРНАЛИСТКА ЕЛЕНА МИКУЛИНА

Люди, которые близко ее знали, отзывались о ней так: «Человек потрясающего жизнелюбия и жизнеутверждения». Она пропустила через сердце свое целую эпоху. И последнюю книгу назвала «Я – свидетель»

… В разгар горбачевской «перестройки», когда начавшийся пересмотр советского прошлого обернулся огульной и яростной клеветой на него, в «Комсомольской правде» появилась злая заметка о Стаханове и стахановцах. И тогда у меня в «Правде» раздался телефонный звонок:

– Моя фамилия Микулина. Я старая журналистка. И хотела бы ответить на такую несправедливость. Ведь я хорошо знала этих людей и должна сказать, какие они были на самом деле. В «Комсомолке» печатать отказываются…

Ее статья появилась в «Правде», а мы не просто познакомились – мы подружились. Наши встречи и ее рассказы о виденном, прочувствованном, пережитом за долгие годы открывали для меня много нового и волнующего в том времени, в котором она жила и о котором писала.

Да, ею опубликовано множество очерков, репортажей, статей. Они появлялись в «Правде» и «Труде», в «Строительной газете» и «Советской России», в «Работнице» и «Нашем современнике». Вышло более двадцати книг.

Виктор Кожемяко. Дорогая Елена Николаевна! Многое из того, о чем намерен говорить с вами сегодня, мы в свое время уже не раз обсуждали. Многие вопросы, которые собираюсь вам задать, я уже задавал. Но то были разговоры с глазу на глаз, а теперь, мне кажется, пора приобщить к ним читателей.

Вот первый вопрос. Вы неважно себя чувствуете, у вас плохо со зрением – и все-таки продолжаете работать над документальными книгами «Я – свидетель» и «Милость сердца». Скажите, что побуждает вас к этому?

Елена Микулина. Знаете, если честно, – иногда хочется все бросить. Думаешь: а стоит ли бередить прошлое и лишний раз расстраиваться? Для кого-то, экономически взлетевшего на «гребне» нашего развала и видящего мало за пределами своего банковского счета, итоги века, может быть, и благоприятны. Но для меня, родившейся в 1906 году и отдавшей все свои силы и способности именно Советской власти, последние наблюдения жизни, безусловно, печальны…

Однако вот неожиданный факт. Моя внучка Ольга в свои тридцать с лишним лет – возраст молодой – вдруг села и написала толстую книгу воспоминаний. «Почему ты это делаешь? – спрашивала ее я. – Вроде бы мемуары писать еще рано». А Ольга отвечала: «Ты знаешь, бабушка, я остро чувствую, что жизнь, которую мое поколение прожило до 1985 года, – это „уходящая натура“. Я боюсь, что жестокая реальность скоро просто не даст мне вспомнить, что мы чувствовали и думали в шестидесятые и семидесятые годы. А забывать так не хочется…»

Что же говорить мне? Поверить расхожей уже фразе, что жизнь моего поколения прожита зря? Нет. С этим я не соглашусь никогда, и не только потому, что, кроме общественных устремлений, в каждой судьбе есть и свой малый, а может быть, и великий личностный смысл. Жизненный опыт и мой исторический оптимизм подсказывают, что на расстоянии будут видны не только большие ошибки нашей эпохи, о которых теперь с таким рвением и даже злобой кричат молодые по сравнению со мной историки и журналисты, как будто речь идет не о родной стране, а о какой-нибудь провинции на Марсе, но и огромные, в планетарном масштабе, наши достижения… Достижения, открытые всему человечеству семьюдесятью годами социализма, который мы строили после Великого Октября.

В. К. Значит, книги, над которыми вы сейчас работаете, –

ваше обращение к будущим поколениям?

Е. М. Каждое поколение изучает историю заново. Сплошная темень в представлениях о прошлом, о делах дедов, отцов, соотечественников, живших ранее, сковывает силы разума, делает человека беспомощным.

Многие журналисты, писатели упорно внушают нынче на страницах газет и с экранов телевизоров мысль о том, что многомиллионный наш народ прожил семьдесят советских лет – бессмысленно, недостойно, под гнетом насилия коммунистической партии и ее руководителей. А перед хлесткой фразой прошлое бывает беззащитно.

Но существует такое понятие, как свидетельство очевидцев, незаменимое для любого расследования, в том числе и исторического, социально-политического. Думается мне, что для справедливого суда истории, который неизбежно будет изучать наше советское прошлое, мое свидетельство тоже будет необходимо. Вот почему я решила записать для будущих поколений, для будущих судей свои показания – не только свидетеля, но и прямого участника многих событий, определявших судьбу страны в те уже далекие годы.

В. К. Первая из этих двух ваших документальных книг, названная «Я – свидетель», посвящена в основном одному – 1929 году.

Е. М. Почему я выбрала именно этот год? Да потому, что он неизбежно привлечет на суде истории большое внимание. Ведь год был особым в истории нашего государства. На апрельском Пленуме ЦК ВКП(б) были намечены пути индустриализации страны и коллективизации в сельском хозяйстве. Именно тогда было принято решение не пройти, а пробежать расстояние от кувалды и сохи к развитой индустрии и механизации сельского хозяйства, без которых была бы неминуема гибель всего дела революции. Да что там – неминуема была бы гибель страны!

Все ли знают сегодня об этом, понимают значение того, что было свершено партией большевиков и советским народом? Вот я и буду давать свидетельские показания – что мне лично известно о событиях 1929 года. Так уж сложилась моя судьба: двадцати двух лет от роду, никому не известная, беспартийная девушка из провинции, только год прожившая в столице, неожиданно стала участницей и пропагандистом воплощения в жизнь новых идей партии.

Настает час, когда каждый из нас должен подвести итог своей жизни, попытаться рассмотреть след, оставленный на земле. Сейчас настал такой час и для меня. Перебирая в памяти долгие прожитые годы, став свидетелем разрушения Советской державы,

с тревогой думая о будущем своей страны, которую нынешние руководители и политики разных направлений пытаются стремительно вернуть в капитализм, я хочу засвидетельствовать величие подвига тех, кто жил и работал рядом со мной, создавая могущество Родины. Не могу, не хочу унести с собой правду о том, как партия большевиков вывела к концу тридцатых годов нищее, разоренное империалистической и Гражданской войной государство на первое место в Европе и на второе место в мире по выпуску промышленной продукции. Сделала нашу страну поистине великой индустриальной державой!

В. К. У непосвященного невольно могла возникнуть мысль о каких-то особых ваших отношениях с властью. Как все сложилось и произошло?

Е. М. Абсолютно неожиданно. Вместе с матерью я тогда переехала из Иваново-Вознесенска в Москву. Мать с 1905 года была участницей революционного движения, член партии – ей поручили организацию фабрик-кухонь в столице. А я обивала пороги биржи труда в поисках работы.

Однажды мать попросила меня отнести в журнал «Работница» свою статью об открытии еще одной фабрики-кухни. А в редакции мне вдруг дали задание: пойти в столовую на Тульской улице, пообедать там, послушать, о чем говорят работницы, и написать… Я написала о грязи и мухах, о невкусной пище и жалобах работниц с ближайшей к столовой фабрики имени Фрунзе.

Заметку напечатали, а мне дали новое задание. Так и пошло. Я стала бывать то на «Красном богатыре», то на «Трехгорке», то на других фабриках и заводах. Стала писать о рабочей жизни. В 1929-м возникла тема соревнования. После опубликования в «Правде», в январе, известной статьи Ленина «Как организовать соревнование».

Ленинская статья послужила сильным импульсом. Но и почва была благодатная. Помню, как горячо обсуждали вопрос о соревновании в Люберцах, на заводе сельскохозяйственного машиностроения. Меня поразило, что рабочие (нашлись же такие!) сами предлагали снизить расценки, считая их завышенными. Неслыханное дело!

Потом я писала о первых бригадах комсомольцев на «Красном выборжце» и «Красном треугольнике», на дорогой моему сердцу «Трехгорке». Об условиях соревнования, о показателях первых успехов, но главное – о людях, которые брались соревноваться друг с другом.

Из репортажей, публиковавшихся в журналах «Работница» и «Коммунистка», сложилась у меня книжечка, которую я предложила в Госиздат. Но… там особой заинтересованности не

проявили. Бумаги нет, то да се… А журнал «Коммунистка» помещался в том же здании на Старой площади, где и ЦК партии. И я, когда носила туда свои заметки, мельком обратила внимание на вывеску: «Приемная секретарей ЦК». В алфавитном порядке там значилась и фамилия Сталина. Так вот, когда в Госиздате у меня ничего не получилось, сама собой вдруг возникла мысль: показать репортажи Сталину. Записалась на прием. Однако в назначенный день секретарша позвонила мне и сказала, что приема не будет. И в ближайшие дни – тоже. Вот тогда, в отчаянии, я написала Сталину письмо. Очень короткое – с просьбой высказать свое мнение о моей рукописи. Пакет утром 8 мая передала в приемную секретарей ЦК.

Я жила в общежитии, адрес и телефон которого указала на пакете. И в тот же день, буквально через несколько часов, ко мне в комнату стучится дежурная по этажу: «Микулина, к телефону!». Бегу, беру трубку, а в ней – незнакомый голос:

– Говорит Товстуха…

– Какая еще толстуха? – недовольно огрызнулась я, думая, что кто-то надо мной шутит.

– Не толстуха, а Товстуха, – очень спокойно ответил голос, – и не женщина, а мужчина. Помощник товарища Сталина. Сейчас я передаю ему трубку.

– Что? Кому? Сталину? – закричала я. Между тем уже другой голос, гортанный, с легким восточным акцентом, сказал:

– Товарищ Микулина? Я согласен!

– Согласны? – растерянно пробормотала я. – На что?

– Дать предисловие к вашей книжке. Такая книга нужна.

– Вы ее уже прочли?

Более нелепого вопроса нельзя было придумать. Я поняла это одновременно с произнесенной фразой. Понял и человек на другом конце провода. Он засмеялся:

– Иначе я бы не говорил с вами.

И уже другим, подчеркнуто деловым тоном сказал:

– Разрешите задать вам один нескромный вопрос: сколько вам лет?

– Двадцать два, двадцать два! – закричала я.

– Разрешите вам задать еще один нескромный вопрос: вы партийная или беспартийная?

– Беспартийная, – тихо сказала я, боясь, что трубка замолчит и разговор оборвется. Но трубка продолжала дышать, говорить тем же спокойным голосом:

– Повторяю, я готов дать вам предисловие. Ваши заметки – правдивый, бесхитростный рассказ о том, что происходит в глубинных массах рабочих.

– О! – только и могла воскликнуть я. И тут же мелькнула странная мысль: а вдруг меня кто-то разыгрывает? Наверное, от неожиданности этой мгновенной мысли вдруг крикнула:

– Я хочу вас видеть, мне надо спросить вас!..

– Пожалуйста, приходите.

Секунду трубка молчала. Затем голос сказал:

– Сегодня среда. Вы свободны в пятницу?

Боже мой! Что происходит? Конечно, свободна!

В. К. Изумление, которое всегда слышится, когда вы рассказываете об этом эпизоде, связано, разумеется, прежде всего с тем, что Сталин так быстро откликнулся на ваше послание?

Е. М. Безусловно. Хотя потом я поняла, как многим была обязана Товстухе. Он ведь мог тотчас и не передать мой пакет Сталину. Однако старый большевик, переживший ссылки, знавший Ленина и разделявший, видимо, взгляды Сталина на индустриализацию страны, – передал. Возможно, заглянул в мои очерки и что-то в них отметил…

В. К. А разговор со Сталиным чем запомнился больше всего?

Е. М. Уважительностью, с которой отнесся он ко мне, совсем зеленой журналистке. И доверием. Его предложение поехать в совхозы, зерновые фабрики, создававшиеся в Заволжье, свидетельствовало о том, что он мне доверяет! Гораздо позже, после войны, старый работник сельхозотдела «Правды» рассказывал мне, что Сталин звонил потом в редакцию, интересовался, о чем пишет Микулина из командировки.

В. К. Согласитесь, все это было связано с темой, которая сразу же стала главной для вас, – с темой труда и человека-труженика. Новое отношение к труду, сознательное, заинтересованное, не как к проклятию, а как к чему-то самому высокому в жизни и возвышающему человека. И еще: как слиты были воедино экономическое и нравственное наполнение труда. И в корне различное понимание нравственности – социалистическое и капиталистическое. Теперь, когда капитализм возвращается к нам, уже не по книжным статьям, а в жизни можно увидеть разницу.

Е. М. Мне кажется, наши люди в большинстве своем пока еще не вполне осознали, что произошло у нас за последние годы. Не понимают, что мы потеряли! Или, точнее, теряем, поскольку не верю, что это – уже окончательно.

Я не политик, я просто старая женщина, жившая еще в царской России, вместе со всем нашим народом пережившая Гражданскую войну, борьбу с интервенцией, затем НЭП. Как гражданин, как журналист и писатель я обрела себя в двадцатые – тридцатые годы. И до чего же больно мне, что многие ныне

совершенно не представляют, чем была не только для нашей страны, но для всего мира наша революция, какие горизонты открыла она перед людьми труда.

Напомню слова известного французского писателя и мыслителя Анатоля Франса, сказанные им в связи с пятилетием Октябрьской революции: «Пять лет тому назад Советская Республика родилась в нищете. Непобедимая, она явилась носительницей нового духа, грозящего всем правительствам несправедливости и угнетения, которые делят между собой землю. Старый мир не ошибся в своих опасениях. Его вожаки сразу угадали в ней своего врага. Они двинули против Советской Республики клевету, богатство, силу. Они хотели ее задушить: они посылали против нее шайки разбойников. Советская Республика сомкнула ряды красных бойцов, и разбойники были разбиты.

Если в Европе есть еще друзья справедливости, они должны почтительно склониться перед этой Революцией, которая впервые в истории человечества попыталась учредить народную власть, действующую в интересах народа. Рожденная в лишениях, возросшая среди голода и войны, Советская власть еще не довершила своего громадного замысла, не осуществила еще царства справедливости. Но она, по крайней мере, заложила его основы».

И от этих основ теперь хотят отказаться!..

В. К. Для вас, как я понимаю, Октябрь и годы, которые последовали за ним, были и остаются путем к справедливости. Вы не изменили своего отношения к тому времени?

Е. М. Нет. Его надо воспринимать именно как порыв к справедливости. А справедливость обязательно и в том, чтобы простой рабочий занимал достойное место в обществе.

Я думала об этом в декабре 1929-го, в Колонном зале Дома союзов, на первом съезде ударных бригад. В лучшем зале страны собрались тогда рабочие – те, кому еще совсем недавно вход в этот зал был недоступен!

Я вспоминала Дидро – сына ножовщика из французского города Лангра, который в XVIII веке задумал неслыханное дело – создать «Энциклопедию труда», возвеличить ремесла, которые принижала военная, гражданская и церковная аристократия. Ремесленники смиренно сгибали спину под тяжестью векового презрения, а Дидро крикнул им: «Распрямите спины! Вы презираете себя только потому, что вас презирали другие. Но от вашей судьбы зависит судьба всего человечества».

Возвеличение человека труда было давней мечтой самых светлых умов. И как я радовалась, понимая, что моя страна

взялась реализовать эту мечту! Перебирая сейчас старые блокноты, нахожу фамилии рабочих, выступавших на том воистину историческом съезде: Рябов с Надеждинского металлургического завода, рабочий Комаровский из Ленинграда, Калинин с Харьковского паровозостроительного, Белов с Бакинских нефтепромыслов…

Пройдут всего четыре года и три месяца первой пятилетки, а в стране будут построены 1500 крупных промышленных предприятий, коренным образом реконструированы тысячи фабрик и заводов, созданы новые отрасли промышленности. Среди них – такие гиганты, как Магнитогорский и Кузнецкий металлургические комбинаты, Горьковский и Московский автозаводы, предприятия, выпускающие тракторы, шарикоподшипники, режущие и измерительные инструменты. На карте страны возникли новые города – Магнитогорск и Новокузнецк, Березники и Красноуральск, Хибиногорск и Караганда… Сто новых городов!

Я считаю уникальным явлением нашего века, которого никогда не было в прежние эпохи и уже нет сейчас, трудовой подъем, реальный энтузиазм советских людей в конце двадцатых и начале тридцатых годов нынешнего столетия.

Замечу, что великой целью было тогда не столько строительство коммунизма как некоей отдаленной перспективы, сколько вполне конкретная, осязаемая задача укрепления могущества Родины и улучшения жизни людей. Сегодня, завтра! Причем речь шла об улучшении жизни всех, а не кучки «избранных». И люди воочию видели, что задача, ради которой они трудятся не покладая рук, решается. Это нынче уж не знают как поиздеваться над известными сталинскими словами конца тридцатых годов: «Жить стало лучше, жить стало веселее». В то время народ над этой фразой не издевался – он радовался, что жить стало действительно лучше.

В результате первых пятилеток не только выросли новые заводы и города – не менее важно, как изменились сами люди.

В. К. Сегодня со злорадством говорят, что затея большевиков – воспитать нового человека – с треском провалилась.

Е. М. Не сказала бы. Я была свидетелем того, как росли именно новые люди, с новым отношением к труду. И этому способствовала вся атмосфера времени.

Возможно, эмоциональная острота, с которой я воспринимала новое отношение к наемному труду рабочих и крестьян, усиливалось моей молодостью и журналистской неискушенностью. Возможно. Однако для меня и до сих пор ударники, стахановцы – не абстрактные слова, а живые люди,

которыми не перестаю восхищаться.

Помню, 12 ноября 1935 года Серго Орджоникидзе устроил встречу иностранных журналистов и делегаций, приехавших на октябрьские торжества в Москву, с последователями Алексея Стаханова. Сначала взял слово сам Алексей. Красив он был! Румянец во всю щеку, спокойный, уверенный. Потом выступал совсем молодой парень Александр Бусыгин, кузнец с недавно построенного в Нижнем Новгороде за восемнадцать месяцев автомобильного завода-гиганта. Они там сперва использовали американские рабочие карты, но Бусыгин переделал их по-своему – многие операции сдвоил. Позже я узнала, что Форд присылал своего представителя, чтобы пригласить мистера Бусыгина на работу в Детройт.

А с каким восторгом аплодировали иностранцы машинисту паровоза Петру Кривоносу, донецкому забойщику Мурашко, ткачихам Дусе и Марусе Виноградовым! Аплодировали потому, что все они раскрылись как творческие люди.

Мне очень нравится, как в том же 1935-м написал Дусе и Марусе, поставившим свой мировой рекорд на ткацких станках, Илья Эренбург: «Вы узнали самую большую радость, человеческую радость – открытие! И сколько бы у вас ни было впереди преград и тревог, память об этой радости вас будет приподнимать… Люди давно поняли, как был счастлив Ньютон, найдя закон тяготения, или как веселился Колумб, увидев туманные берега новой земли. Люди давно поняли, какую радость переживали Шекспир, Рембрандт, Пушкин, открывая сцепление человеческих страстей, цвет, звук и новую значимость обыденного слова.

Но люди почему-то всегда думали, что есть труд высокий и низкий. Они думали, что вдохновение способно водить кистью, но не киркой… Пала глухая стена между художником и ткачихой, музы не брезгуют и шумными цехами фабрик, и в духоте шахт люди добывают не только тонны угля, но и высочайшее удовлетворение мастера… У нас с вами одни муки, одни радости. Назовем их прямо: это муки и радости творчества».

В. К. Однако не кажется ли вам, Елена Николаевна, что сегодня эти слова многими будут восприняты с изрядным скептицизмом? Да что там, они звучат просто разительным диссонансом господствующей интонации всей нашей нынешней жизни. И, конечно, нынешней журналистики…

Е. М. Плохо жить человеку без идеалов, без мечты! Смешиваются для него свет и тени, смещаются дорожные знаки. Не слышит он, как поет птица, как лепечет дитя, не видит, как раскрывается бутон цветка, слепцом бредет в сумраке своих

смутных понятий. Если же говорить о нашей ультрademократической журналистике в последние годы, она очень много сделала и делает для того, чтобы сбить людей с единственно верных нравственных ориентиров. И уже многие, особенно молодые, не считают честный труд основой жизни. Впрочем, вся нынешняя жизнь на это настраивает: честный труд не в почете и даже не оплачивается, зато всякие жулики и махинаторы – благоденствуют!

В. К. Они стали и главными героями на газетных страницах, на телеэкране. О ком пишут? Кого показывают? Банкиров да политиков, многих из которых честными никак не назовешь, проституток, киллеров, наркоманов. Рабочему человеку места нет.

Е. М. К глубочайшему сожалению, «гласность» у нас приобрела разрушительный характер по отношению ко всему послеоктябрьскому прошлому, а в результате – подорвано многое из того, что держит человека на земле: его вера в отцов, матерей, в то, во имя чего они жили и работали, за что боролись и погибали. Людей пичкают такой правдой, в которой больше полуправды или просто выдумок, в которой намешано столько грязи, ненависти и лжи!

Родина – вот для человека первая нравственная опора. А в последние годы так усиленно стали рвать кровеносные сосуды этого понятия! В нашем прошлом – не только темные пятна. В нашем прошлом – то большое и светлое, что сделало Советский Союз и его народы примером справедливости для всего человечества. Как же можно воспитывать новое поколение на перечеркивании огромного нравственного и культурного богатства, которое приобрела наша страна за время после Великого Октября?

В. К. Тем более что это богатство органически связано с исконными корнями нашей культуры и нравственности. По-моему, очень впечатляюще раскрыта неразрывность такой связи в вашей книге «Милость сердца». И особенно пронзительно звучит, когда вы пишете о самых родных и близких вам людях, о кровных своих корнях…

Е. М. Осенью 1971 года командировка привела меня в Волчанск – маленький городок Харьковской области. И в краеведческом музее, в первом же зале, я увидела портреты трех человек, живших здесь до революции.

На одном – тучный бородатый мужчина с чуть прищуренными, насмешливыми глазами. Подпись гласила: председатель Волчанской земской управы Василий Григорьевич Колокольцов.

На втором портрете – пожилая, гладко причесанная женщина с высоким лбом и тонкими, плотно сжатыми губами: заведующая земской школой Екатерина Ивановна Алексеева.

С третьей фотографии улыбался круглолицый, добродушного вида человек – доктор земской больницы Иван Константинович Джигурда.

Заведующую музеем, видимо, смутило, что я слишком долго и пристально вглядываюсь в портреты. Словно оправдываясь, но в то же время достаточно твердо она сказала:

– Конечно, эти люди работали здесь еще до революции. Но они очень много сделали для жителей нашего города, для всех, кто жил в уезде. Вот почему мы называем их нашими культуртрегерами. Разумеется, после революции у нас в Волчанске тоже были замечательные люди. Пойдемте в другой зал…

– Вот смотрите! – широким жестом она показала на портрет молодой темноволосой женщины. – Первый председатель нашего ревкома Надежда Николаевна Алексеева – дочь той самой Екатерины Ивановны, чей портрет висит в первом зале…

А я плакала. Потому что очень хорошо знала всех этих людей. Екатерина Ивановна – моя бабушка, Надежда Николаевна – моя мама, а Василий Григорьевич Колокольцов – мой крестный отец. Ну а доктору Джигурде я обязана жизнью. Он в 1906 году принимал роды у матери и спас меня, так как я родилась полузадушенная пуповиной…

В. К. До чего же удивительно все переплелось! Именно так и бывает в реальной жизни и в реальной истории. Читая вашу книгу, думал, что ведь невозможно искусственно разделить историю России на «до революции» и «после», поскольку все неразрывно связано. Как и в вашей биографии. Какая у Василия Григорьевича Колокольцова поразительная судьба! Столько доброго сделать для людей своего уезда, а в критический для Родины момент по стечению обстоятельств оказаться на чужбине. Тосковать по Родине и в конце концов, не выдержав, в минуту отчаяния покончить с собой. И эта его потрясающая предсмертная записка, которую столько лет спустя вам удалось найти! Со словами Тургенева: «Россия без нас обойдется, а мы без нее – нет».

И женщина, переславшая из Парижа в Россию эту записку, – известная теперь всему миру православная монахиня мать Мария, до пострига – русская дворянка, поэтесса Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева. Она совершила свой подвиг на оккупированной фашистами земле Франции, а на Родине посмертно была награждена орденом Отечественной войны. Ваша

книга «Мать Мария», открывшая для соотечественников неизвестную героиню, способствовала этому!

На первый взгляд кажется неожиданным, что вы, автор многочисленных статей и книг о рабочих, об их творческом труде, вдруг занялись тогда совсем иной судьбой.

Е. М. Вы же понимаете, что так может показаться лишь на первый взгляд. Соприкосновение с душевным миром этой прекрасной русской женщины сразу поставило ее в один ряд с теми замечательными людьми, о которых я писала раньше. Человека делает способным на совершение подвига любовь. Не к себе, конечно, и не к деньгам, которые сегодня пытаются сделать главным кумиром для нас. Нет, любовь к Родине и к людям, ближним и дальним! Умение жить не только и не столько для себя, сколько для других.

В. К. В этом смысле коммунистическая нравственность куда ближе нравственности христианской, нежели капитализм – с его культом чистогана и безжалостной конкуренцией.

Е. М. Конечно! Что ближе христианству – «добивай отставших» или «помоги отстающему»? А ведь именно в этом коренная разница между социалистическим соревнованием и капиталистической конкуренцией. Да можно и шире сказать – между социалистическим образом жизни и капиталистическим.

У нас коллективизм идет от русской общины, от нашей артельности. Это же было правилом шахтеров: «Делись огнем!» То есть, если в забое у товарища погасла лампа, посвети ему. Стаханов и стахановцы возвели это в принцип соревнования: делиться опытом, поднимать за собой товарищей!

В. К. Мне посчастливилось писать о таких замечательных людях, как строители Николай Анатольевич Злобин, Владислав Пахомович Сериков, легендарный токарь Ермилов с «Красного пролетария»… Но развитию настоящего соревнования – чем дальше, тем больше, – согласитесь, все-таки очень мешал формализм, который в конце концов и погубил его.

Е. М. Что мешал – согласна, только вряд ли навсегда погубил. Верю, ко многому доброму и хорошему, что было у нас, мы еще вернемся. А сегодня… Конечно же, страшно обидно – теряем бесценное свое достояние. Между тем его не без успеха используют другие.

Приведу хотя бы такой пример. Я прочитала об американской фирме «Зайтек», которая вышла в число ведущих компаний мира, изготавливающих электронные источники питания. Благодаря чему? Философия Флойда Бергарда, вице-президента фирмы, зиждется на 14 принципах теоретика современного менеджеризма Эдгарда Деминга, который считается отцом послевоенного

«экономического чуда» в Японии.

Я внимательно изучила все эти 14 принципов – и нашла их очевидное сходство с нашим отечественным социалистическим соревнованием! Не буду перечислять, поверьте на слово. Ну чем, к примеру, стенды в цехах «Зайтека» с надписью «Лидеры месяца» отличаются от наших «Передовиков месяца»? Или вот читаю: «На предприятии действует живой конвейер, когда каждая работница, в основном это женщины, передает собранные блоки соседке. Поскольку в конце „живой“ линии нет никаких инспекторов, каждый контролирует себя и своего соседа. Если все-таки работница допустила оплошность, обязанность соседки возвратить деталь на доработку. Флойд Бергард убежден, что такой метод – наилучший способ убедить каждого, что его сосед – потребитель сделанного им товара».

Но представьте, в первый послевоенный год на московском заводе «Красный богатырь», с которым я поддерживала связь с 1929 года, молодая работница Клава Зенова, став бригадиром галошного конвейера, ввела новшество, давшее огромный эффект в повышении качества продукции. Она ввела самоконтроль на конвейере. Каждая из работниц, прежде чем выполнить свою операцию, стала просматривать качество продукции предыдущей работницы. Это немедленно выявляло брак.

Милая Клава, конечно, и не подозревала, что полвека спустя ее взаимоконтроль станет достоянием американского предпринимателя. По существу, наше чудо стало «чудом „Зайтека“, и я не удивляюсь достигнутым результатам – сокращению возврата товаров заказчиками с 5 процентов до 0,3. Ведь это у нас было! Это, можно сказать, мы уже проходили.

Смотрите: американцы ищут пути, «как повышать качество и производительность труда рабочих без жестокости и давления на каждого рабочего». А у нас?…

В. К. Горше всего, что именно жестокость берет сегодня верх в нашей жизни. Жестокость и равнодушие. На днях получил письмо из Екатеринбурга, от общего нашего товарища Якова Исааковича Изакова. Думаю, завод медицинских препаратов, которым он руководил, по праву носил звание коллектива коммунистического труда. Помните, были «дети завода» – люди с трудной судьбой, над которыми коллектив шефствовал? Помните Люсю Попову – инвалида детства, зачисленную в одну из бригад?

Так вот, в рыночных условиях бросили Люсю! Не до нее. Один лишь старый директор навещал ее в последнее время. Представляю, с какой раной в душе ушла она из жизни…

Е. М. Окружающая действительность, в которой из-за лукавой корысти или желания нажить некий сомнительный моральный

капиталец растаптывается все святое и прекрасное, что утверждал Великий Октябрь, больно ранит и меня. Мы утрачиваем самое драгоценное, чем искони был богат русский народ, – милость сердца и щедрость души.

В бессонные ночи, когда я читаю какую-нибудь очередную статью о бездуховности, тупости русских людей, о генетическом рабстве наших крестьян и рабочих, о послеоктябрьском периоде как «черной дыре» в нашей истории, мне хочется кричать от чудовищной несправедливости! Опять и опять вдалбливают: я и мои современники, а также те, кто жил на Руси до нас, прожили свою жизнь напрасно, и вот только теперь якобы нарождаются в нашей стране человечность, милосердие, способность мыслить высшими категориями нравственности…

Ложь! Я знаю другое. На моих глазах, за минувшие годы существования Советского государства, образовалась новая общность людей – советских людей, у которых доброта, дружба, товарищество, все лучшие человеческие чувства обострились и получили наивысшее развитие.

Я знаю: теснее становились связи между людьми, крепче братство, любовь к своей Отчизне. Таков был почерк времени, утверждавший самые справедливые и самые человечные заповеди.

Моя память требует: рассказывай новым поколениям правду об этом! Мое сердце верит: родная страна, избавившись от наваждения нынешних жутких лет, будет жить по законам справедливости!

Ноябрь 1997 г.

Без партии страна не выстояла бы
ФИЛОСОФ, СОЦИОЛОГ, ПИСАТЕЛЬ АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ

Знаю, многим до сих пор кажется совершенно непонятным, что бывший диссидент Александр Зиновьев, высланный в свое время из Советского Союза, вдруг стал выступать как страстный защитник достижений Советской власти. Но это вовсе не вдруг! Это – результат глубоких размышлений ученого с мировым именем, результат его всесторонних исследований советской системы, которую он называл реальным коммунизмом.

Впрочем, уж если еще точнее, то его оценка советского периода как вершины российской истории стала результатом всей жизни выдающегося русского ученого. Об этом, собственно, он сам говорит в публикуемой ниже беседе со мной – одной из множества наших бесед.

Виктор Кожемяко. Александр Александрович, грядет 80-летие Великой Октябрьской социалистической революции.

Наверное, в разные годы ваше отношение к этому событию и к тому, что последовало за ним, было разным. Хотелось бы услышать, каковы ваше отношение к Октябрю, ваша оценка Октября сегодня.

Александр Зиновьев. Моя оценка этого величайшего события XX века в принципе с годами не менялась. Но в моем отношении к Октябрю, в моей оценке Октября надо различать два аспекта: личный и исследовательский. Об этом и буду говорить.

В личном плане Октябрь всегда был моей революцией, и

сегодня я от Октября не отрекаюсь. Мне довольно часто на Западе задавали такой вопрос: ну хорошо, а вот знали бы вы, скажем, что вас расстреляют, как тогда? Отвечал: все равно я был бы за эту революцию. Если бы я даже знал, что меня на другой день уничтожат, я все равно был бы за нее. Это моя революция. Была и осталась моей.

В. К. А что вы вкладываете в понятие «моя»?

А. З. Дело в том, что я родился в 1922 году, к 30-м годам стал уже более или менее сознательной личностью. То есть был продуктом советского периода, коммунистического периода в самом, так сказать, мощном смысле этого слова. Психологически.

В. К. Вы имеете в виду влияние пропаганды с самых юных ваших лет?

А. З. Пропаганда, не пропаганда – не важно. Я в пропаганду никогда не верил. Хотя бы один тот факт, что в 16 лет стал антисталинистом и действительно собирался убить Сталина, уже достаточно об этом говорит. Но в революции и в том, что произошло после нее, увидел, ощутил нечто другое. А именно: я вырос как идеальный коммунист, как романтический коммунист.

Что это значит? Это значит, что я был врагом частной собственности. Принципом моей жизни было и остается до сих пор: все мое ношу с собой. Для меня коммунистический период очень четко поставил проблему: быть или иметь. Так вот я предпочел быть, а не иметь.

В. К. Как у Маяковского? «И кроме свежевымытой сорочки, скажу по совести, мне ничего не надо…»

А. З. Для меня и для многих представителей моего поколения это была формула жизни. Не демагогическая, а внутренняя. Мне скоро 75 лет, и могу сказать: если бы пришлось выбирать период, в который мне жить, а жил я зачастую плохо, голодал, нищим был совершенно, мне негде было спать, меня арестовывали, скрывался и т. д., то есть всю жизнь испытывал какие-то трудности, – все равно выбрал бы этот период.

Жить по формуле «быть» – гораздо более высокое качество жизни, чем жить по формуле «иметь». Более высокое качество! Формула «иметь» уже в то время, когда я формировался и рос, у большинства людей начинала доминировать. А сейчас она буйствует, эта формула. Это – деградация. А жить по формуле «быть» – высочайшее качество жизни, которое я не сменяю ни на что другое. И для моего поколения действительно была открыта неповторимая возможность «быть». Открыта была вся мировая культура, возможность получения образования и так далее.

Хочу на это обратить особое внимание. Я много лет прожил на Западе. Так вот там принципы своей жизни реализовать не

мог, там не было и нет возможности. В советском обществе – была, то есть я мог жить, не будучи карьеристом, не будучи стяжателем. Мог жить и реализовывать свои способности. Не добиваться успеха, он приходил сам по себе, а именно реализовывать способности. Для многих представителей моего поколения сложились такие условия, когда было достаточно хорошо учиться, хорошо работать, быть добросовестным работником – и успех тебе обеспечен.

Карьеру большую, может, нельзя было сделать, да я не стремился, она мне была не нужна. И все-таки, несмотря ни на что (меня исключали из университета, без конца таскали в КГБ), университет окончил, получив диплом с отличием, как раньше школу с золотым аттестатом. Все знали, что я был антисталинист, и всетаки меня оставили в аспирантуре. Сталинисты меня в аспирантуру приняли. Почему? Был пиетет к способностям. Несмотря на то, что был беспартийный, меня все-таки взяли в Институт философии. И как бы ни было трудно пробиваться, все-таки мои книги начали печатать, меня допустили к защите докторской диссертации.

В 51-м году я окончил университет, отслужив в армии и пережив войну. Несмотря на все запреты, возможности были. И до сих пор, когда меня спрашивают, кем бы ты хотел быть, отвечаю: старшим научным сотрудником советской Академии наук. Самое высокое положение, какое только можно было себе вообразить!

Для занятия творческой деятельностью были самые большие возможности. То, что я сделал в советской Академии наук, мне не позволили бы сделать ни в одном западном университете. Логика… Я практически осуществил переворот в логике. Нигде мне этого не позволили бы. Правда, мою логику прикрыли и в Советском Союзе, но это после того, как меня оплевали и вычеркнули. Но все-таки сделал!..

В. К. Ведь вы родом из глухой, как говорится, провинции, из Костромской области, из Чухломы. Звучит прямо-таки символично. Вы из крестьянской семьи?

А. З. Да. Но отец стал рабочим-маляром. Многодетная была семья. И с этой точки зрения тоже показательно. Все получили образование при Советской власти…

А жизнь, конечно, была по многим обстоятельствам нелегкая. У меня не было жилья, я снимал углы, комнаты. Все, что имел, я мог унести за один раз с собой. Когда появлялась лишняя вещь, даже плохо себя чувствовал. До сих пор так. Набирается какое-то барахло – и стремлюсь выбрасывать все лишнее. Жена иногда возмущается. Отвечаю: ты пойми, вот та вещь не в чулане лежит, она у меня здесь, в мозгу. Не могу жить спокойно, зная, что есть

какая-то лишняя вещь, которая не нужна.

В. К. Сейчас таких людей называют дураками, совками, коммуняками…

А. З. В том-то все и дело! Я опубликовал шесть книг в России, сотни статей, не получая гонораров. Вы можете себе представить человека на Западе, который откажется от гонорара? Короче говоря, выработал для себя систему жизненных ценностей: не делать карьеру, не стремиться к материальному благополучию и т. д. И я жил в советских условиях так, как в западном обществе и современном российском жить невозможно. А если человека начинают обуревать жажда собственности, стремление делать карьеру, добиваться делового успеха – все, на человеке можно ставить крест. Личности нет.

В. К. Но ведь считается, Александр Александрович, что это чуть ли не природное начало в человеке: страсть к наживе, к собственности…

А. З. Стремление убивать – тоже природное начало. У хищников. Убивать и пожирать. Тоже природное явление! Важно, кто мы. Вот великая вещь: несмотря на все недостатки коммунистического строя в России, коммунизм открывал возможность для значительной части людей становиться богами. Сегодня часто говорят: было гонение на религию, на церковь. Да, в определенные годы было. Но какую роль играет церковь в современном западном мире? Все изображают, будто она несет мораль и т. д. Чепуха! Подавляющее большинство преступников – верующие люди. И церковь совершила преступлений в десять раз больше, чем коммунисты все вместе взятые. Разумеется, я гонений на церковь не оправдываю. Но хочу повторить: в советское время люди могли становиться богами.

… В молодости я был антисталинистом, перестал быть им уже после смерти Сталина. Но никогда не считал его каким-то злодеем и дураком. Сталин был гений, несмотря ни на что. До сих пор считаю его одним из величайших людей в истории человечества. XX век – век Ленина и Сталина, самых значительных фигур, самых значительных личностей.

В. К. А что наиболее характерно для вашего отношения к Октябрю как ученого?

А. З. Мною постепенно овладела тема: что такое коммунизм как социальный строй? Пришел он навечно или случайно? И стал исследовать ее как ученый, опубликовал много работ.

Октябрьская революция и коммунистический социальный строй в России появились вовсе не как некое уклонение от российской истории. Это было закономерное продолжение русской истории. Благодаря коммунистической революции

сохранилось лучшее, что было создано в русской истории.

В. К. Вы даже пишете, что благодаря Октябрьской революции страна по-настоящему обрела независимость.

А. З. Да-да! Более того, впервые Россия начала великий исторический эксперимент, стала новатором исторического творчества. Впервые! А затем примеру России последовали другие. Вот что важно. В нынешней ситуации необходимо обратить внимание на то, что Октябрьская революция была подготовлена десятилетиями, если не столетиями русской истории. Подготовлен был человеческий материал, подготовлена была идейно интеллигенция. Но революция произошла как нечто уникальное.

Произошло совпадение целого ряда исторических обстоятельств. Должен сказать, что в истории все значительное сначала возникало как случайность. Ведь и человека могло не быть, и разума, и языка могло не быть. Вот представился исторический случай – крах Российской империи, поражение в войне, агитация революционеров. Совокупность условий! И когда Ленин сказал: «Власть валялась под ногами», – он был прав. Великая, уникальная, можно сказать, в истории человечества была роль Ленина. Он приехал, сказал: «Да здравствует социалистическая революция!» Одного этого было достаточно. «Есть такая партия!». Взяли власть и удержали ее.

И все последующее развитие подтвердило правильность, необходимость установления нового социального строя. Из труднейших условий, в которых оказалась Россия, можно было выкарабкаться, не будучи разгромленными и до конца расчлененными, только благодаря коммунистической системе. И Великую Отечественную войну мы смогли выдержать только благодаря коммунистической системе.

Я ведь войну с первого дня видел, всю ее прошел, знаю, что и как было. Если бы не Сталин, не сталинское руководство, разгромили бы нас уже в 1941 году. Вовсе не хочу оправдывать репрессии и прочее. Но надо принимать во внимание исторически сложившиеся обстоятельства! Вот в 1983 году вышла у меня книга «Нашей юности полет». За нее меня на Западе посчитали сталинистом – к 30-летию смерти Сталина она вышла… Исследуя уже как ученый революцию и ее последствия, советский период, я пришел к выводу, что с учетом конкретных исторических условий, с учетом человеческого материала и т. д. сталинское руководство действовало оптимально. Сами обстоятельства вынуждали на такие действия. В советской истории можно явно обозначить три периода: сталинский – я его называю юностью коммунизма, хрущевско-брежневский – зрелость коммунизма и

горбачевско-ельцинский – крах коммунизма. Об этом я написал в книге «Русский эксперимент».

В. К. А ленинский период вы разве не рассматриваете?

А. З. Это было только начало. В сталинский период еще происходило созревание этого общества. Было сочетание народовластия, вождистского режима с государственным, с партийной системой. В брежневский период система более или менее сложилась, при Хрущеве она колебалась еще. Хрущев, конечно, много зла принес. Он кое-какое и добро сделал, но приписывать Хрущеву, например, десталинизацию страны нельзя. Десталинизацию осуществляли мы, снизу. А Хрущев пришел и снял сливки с данного процесса. Ведь после войны, кто жил в послевоенный период и особенно кто был членом партии, тот должен помнить, какая жестокая борьба шла в партийных организациях против сталинизма. Еще при Сталине. И в особенности после его смерти. Так что Хрущев лишь подвел итоги этой борьбы, он ее не начинал.

В 1939 году я был студентом философского факультета ИФЛИ. Но после войны секретарем партийной организации университета, куда я поступал, был парень из нашей группы, который за войну, как и я, стал капитаном. Так он хорошо помнил мою историю. Но ничего не сказал. Не донес. И когда меня на третьем курсе хотели выгнать, когда там всякие слухи стали обо мне распространяться, он заступился за меня. Бывший секретарь партийного бюро ИФЛИ, который тоже принимал участие в моей истории в 1939 году и все хорошо помнил, тоже не донес. То есть в то время из армии пришла масса людей, которые заняли какое-то положение, и благодаря им я уцелел. Хотя всем было известно, что меня должны были осудить за антисталинизм.

В. К. Итак, второй период, если следовать вашей периодизации, начинается все-таки как хрущевский? Вы называете его периодом зрелости коммунизма. Но…

А. З. В тот период уже стал созревать кризис. Такое положение свойственно всем социальным системам, и это еще не есть крах системы. Кризис мог быть преодолен, если система существует достаточно долго. Однако наступил третий период – горбачевско-ельцинский. Предпосылки кризиса достигли очень высокой степени. Я с самого начала предупреждал тогда, что в той ситуации, которая сложилась в Советском Союзе, ни в коем случае нельзя предпринимать никакие реформы. Что самой правильной в тех условиях была бы политика консервативная. Преодолеть кризис – и лишь на этой основе начинать реформы! Иное, то есть реформы в условиях кризиса, равносильно краху.

В. К. Да, вы-то предупреждали. Но никто не послушал вас. Некому было прислушаться и учесть?

А. З. Считаю, что руководство сознательно повело политику, которую я называю предательской. Причем по условиям системы, если предательство совершено на верху системы власти, то это может разрушить все общество. Так оно и произошло.

Кстати сказать, когда Горбачев первый раз появился на Западе, в Англии, он вместо того чтобы посетить могилу Маркса, пошел на прием к Тэтчер… Тогда уже для меня многое стало ясно.

В. К. С Тэтчер у него состоялась «историческая» встреча, о которой много пишут. Своего рода западные смотрины.

А. З. Его еще раньше раскусили и помогли сделать карьеру… Меня тогда просили прокомментировать это событие. Я сказал: начинается эпоха великого исторического предательства. Тем более, я хорошо знал это поколение. Его представители были главными персонажами моей книги «Зияющие высоты». Ведь меня из страны выгоняли не власти сами, они книг не читали. Выгоняла и вычеркивала среда. А вот в этой так называемой интеллигентской среде уже созрели будущие предатели, будущие перевертыши. Кстати, и потом, придя к власти с Горбачевым, они бойкотировали и до сих пор продолжают делать то же самое в отношении моего творчества – и в науке, и в литературе…

Да, безусловно, сыграла свою роль холодная война. Однако в ее условиях Советский Союз мог существовать, а коммунистическая система не исчерпала себя, она была жизнеспособна. Ее разрушили сверху и извне.

Искусственно разрушили. В истории немало было случаев, когда более совершенная социальная система разрушалась более сильными врагами. В этом ничего исключительного нет. А изображать дело так, что вот коммунистическая система изжила себя, – это чепуха. В советский период Россия добилась успехов, каких никогда в истории человечества нигде не было.

В. К. Александр Александрович, а можно выделить эти успехи по возможности четче? Вы о них в разное время и в разных своих выступлениях говорили, в том числе и в беседе со мной. Известна ваша мысль, что советский период вы считаете вершиной российской истории. Но попробуйте вкратце очертить, что вы относите к наиболее значительным достижениям советского времени.

А. З. Одним из основных достижений того времени считаю создание системы власти и управления обществом. К сожалению, это не довели до конца. При Брежневе включили в Конституцию пункт о руководящей роли партии, но партия еще не

рассматривалась как элемент государственности.

Я неоднократно говорил уже тогда о том, что партию в наших, советских условиях нельзя считать политической партией по типу западной. Это новое открытие, историческое открытие – в системе власти и управления. Без партии страна не выстояла бы.

Причем должен сказать, что это самая экономная система. Я был удивлен, когда оказался на Западе и узнал, что представляет собой их система власти и управления. По сравнению с советской. Если в ней было занято от 10 до 12 процентов работающих, то в Германии – 16–17 процентов, в Америке – 16 и даже больше. Между тем вспомните, как кричали про наш партийный аппарат. Вот, дескать, бюрократия! А если реально взять? В ЦК КПСС чиновников было всего две тысячи человек.

Я в Вашингтоне, помню, выступал на эту тему, когда особенно шум был про нашу бюрократию. Как раз бюрократии мало было. 2000 человек в центральном партийном аппарате! Я сказал: посмотрите, вон там здание – Международный валютный фонд. Сколько человек в нем? А в этом одном здании работало 8000 человек. В одном! Сколько же их было всего?…

Самая экономная у нас была государственная система. Более того, я сейчас работаю над книгой и вижу, что современная западная государственность эволюционирует в этом направлении. Надо сказать, что очень близко к этому типу государственности была Германия. Сейчас они в чем-то отступили, усиленная приватизация там идет и т. д. А Германия послевоенная – социальное государство было. Я уж не говорю про целый ряд других. Даже американская государственная система, если присмотреться, взять некоторые закономерности, учла в чем-то опыт, который сложился в Советском Союзе.

В. К. Что еще отнесли бы к нашим достижениям?

А. З. Величайшее достижение советского периода – планово-командная экономика. С другой экономикой такого успеха не было бы.

В. К. Гавриил Попов назвал командно-административную систему самым главным нашим бедствием.

А. З. Это подлость, не просто глупость, а именно подлость! Все зависит от того, какие критерии применять к экономике. Возьмите начало войны. Сколько немцы захватили нашей территории? И, однако, к концу войны мы и выстояли, и создали сильнейшую армию в мире, и оружие выпускали самое совершенное и больше, чем весь западный мир вместе взятый. А с другой экономикой этого не сделали бы.

Далее. Восстановительный период. За кратчайший срок сколько сумели сделать! В 1947 году карточная система была

отменена. И как стремительно все шло!

В. К. Сейчас говорят, что в основном это был ВПК, только военная мощь, и все, дескать, лишь на нее работало.

А. З. Это ложь, ерунда. Вам скажу такую вещь. Плановости в западной экономике современной больше, чем было в советской экономике, и командности больше. Современная западная экономика – планово-командная экономика. Внутри экономических структур, в особенности этих гигантских экономических империй – там жесткая диктатура и дисциплина. Планы-то составляются не на год, не на два и даже не на пять лет. На десять! Это перенято у нас.

Как говорится, видят соринку в глазу у другого, а в своем не видят бревно. Это делается сознательно. Это метод пропаганды. Я могу привести для сравнения еще такой пример. У нас выпустили в свое время фильм «Кубанские казаки». До сих пор издеваются. А Голливуд выпускает ежегодно тысячи таких «кубанских казаков». Никто не издевается.

Выходит, им можно действовать командными методами, им позволительны плановые методы, им можно выпускать «кубанских казаков». Но как это русские посмели!

В. К. Мы гордились больше всего тем, что достигнуто было в социальной сфере.

А. З. Конечно, самыми великими достижениями коммунистической системы были гарантированная работа, гарантированное образование, причем высочайший уровень образования, бесплатное медицинское обслуживание, пенсионные выплаты. Только сейчас, живя на Западе, я вполне начал понимать – не то что понимать, понимал это давно – начал ощущать на собственной шкуре, что такое бесплатное медицинское обслуживание, что такое гарантированная работа. В Германии скоро будет уже 5 миллионов безработных. И найти работу, будь ты трижды с образованием, весьма нелегко. Чем ты квалифицированнее, тем труднее найти работу! А медицинское обслуживание? Люди наши еще не знают, что такое на Западе больничные кассы и прочее такое.

Надо прямо сказать: по условиям жизни для средних слоев населения, для большинства населения наша система – была неповторимая. Она станет со временем легендарной.

В. К. О культуре, наверное, стоило бы еще поговорить.

А. З. О культуре, науке я мог бы говорить очень много. От американцев теперь можно услышать: «А зачем нам сейчас наука? Мы пятьдесят лет как минимум можем жить за счет патентов советских…»

В. К. А вот наших людей сумели убедить, что у нас все

дерьмо. И наука наша как бы не стоила ничего.

А. З. Могу добавить еще следующее – уверенность в будущем. У нас она была, на Западе нет ее у человека. Или такой фактор, на который никто не обращает внимания – возможность жить на любом уровне. Поясню. Вспоминаю московскую среду брежневского периода. Образовывались компании. Вообще тогда в Москве сложилась уникальная среда, какой в мире нигде не было и нет. В эту среду входили люди высочайшей культуры и самого различного материального уровня, люди не карьерные, широко образованные, интересные, талантливые. И в этой среде не играло роли, какое у тебя материальное положение.

У меня, скажем, не было жилья, я снимал комнатушки и углы, занимал низшие уровни в служебной иерархии и получал сравнительно небольшую зарплату. Но в компаниях, в которые я входил, были и академики, и профессора, и артисты, и т. п. Они получали в десять раз больше, имели шикарные квартиры и дачи, но никто никогда не придавал значения тому, что у нас была какая-то разница.

То есть человек ценился по тому, кто он был реально, по сути, а не по положению. Был я младшим научным сотрудником без степени. Когда меня взяли на работу, а взяли, кстати, на должность машинистки-стенографистки, я получал 60 рублей. И мы жили на эти деньги семьей, с женой и дочерью. Мне утвердили степень – мы стали жить на эту сумму. То есть любой уровень давал возможность жить.

В западном обществе иначе. Если человек слетает с какого-то уровня – все. Такого постепенного перехода, как было у нас, нет. Вот, скажем, недавно была скандальная история в Германии. Хоть она скандальная, но более или менее характерная. Человек был учителем, у него двое детей, и снимали они четырехкомнатную квартиру. Жена тоже была учительницей. Оказались без работы – оплатить такую квартиру невозможно, их выселили. И они буквально на улице жили, они пытались снять квартиру подешевле, двухкомнатную, одну комнату – для детей и другую – для себя. Так ведь не сдают – на что хозяевам семья с двумя детьми, да еще безработные.

Скандал в прессе по этому поводу был. Люди действительно сидели на улице. А вот спокойного, нормального перехода от одного положения к другому, когда, скажем, человек не может оплачивать хорошую квартиру, подешевле взять, – таких переходов нет. И масса других проблем существует, о которых у нас просто понятия не имели. Или воспринимали как советскую пропаганду. Теперь о многом придется пожалеть.

В. К. Важно, что люди услышат все это из ваших уст – отнюдь

не апологета коммунизма.

А. З. Я объективно хочу воздать должное. Никогда не был апологетом коммунизма, его идеологом. Но хочу и воздать должное этому феномену. Считаю, что в сложившейся ситуации в России очень важно воздать должное советскому периоду.

В. К. И по возможности взять оттуда лучшее?

А. З. Такое механически не берется, все гораздо сложнее. Вот если бы я помоложе был, основал бы неполитическое общество в России – общество по изучению советского периода. По объективному изучению советского периода! Но с ориентацией на то лучшее, что было тогда достигнуто. И шире пропагандировать результаты такого изучения среди молодежи – среди студентов, школьников. Будущее России будут решать они – те, кто сегодня ходит в школу или учится в университете.

Причем рассчитывать, что все усвоят ценности советского периода, до всех дойдет, не нужно. Для переворота, серьезного социального переворота в стране иногда бывает достаточно нескольких тысяч человек. Вы вспомните, Октябрьская революция когда произошла, сколько было большевиков? Горстка перед лицом 150-миллионной страны. И все-таки совершили переворот! Нужны убежденность, вера. Убежденность в том, что это серьезная история.

И вот если сейчас думать всерьез о будущем России, надо с этого начинать. Нельзя просто так марксизм-ленинизм в том виде, как он существует, переносить на новую ситуацию. Он сыграл свою роль, и, конечно, его учитывать надо. Но копаться в книгах прошлого в поисках будущего, когда было 70 лет реального коммунизма, с колоссальными достижениями и с колоссальным мировым влиянием, – это просто нелепо.

В. К. Общество по изучению достижений советского периода. Прекрасная мысль. По-моему, как раз то, что особенно необходимо сейчас нашей молодежи. Ведь головы ей относительно нашего советского прошлого задурили весьма основательно.

А. З. Может быть, найдутся люди в России, которые подхватят эту идею. Начинать, думаю, надо с этого. Пусть маленькие группки поначалу, пусть не имеющие никакого влияния. Не важно. Все начинается с единиц. Но те люди, которые будут решать судьбу России в будущем, они обязательно должны иметь ясное представление о том, что было и что возможно, убежденность иметь и полную готовность пойти на любые жертвы ради идеи. Ведь люди, которые готовили и делали Октябрьскую революцию, ходили по ссылкам, по тюрьмам, их вешали, расстреливали. И все-таки они шли. Это общий закон

исторической эволюции в таких условиях.

Я подчеркиваю: общество, о необходимости которого говорю, при создании должно быть неполитическое. Считаю, что принципом этого общества и его организаций должно быть не участие в политике, не участие во власти, не участие в выборах, а именно познание. Объективное познание, на основе которого могли бы сложиться твердые убеждения, цель жизни, смысл жизни. Уверяю, если найдутся молодые люди, которые пойдут в этом направлении, они очень скоро почувствуют: что-то в жизни надо делать, что-то надо менять. Словом, жизнь для них приобретет смысл. Это и даст плоды. Это начало создания той твердой основы, которая только и может реально изменить страну. Я убежден, что Россия никогда не станет великой державой, если она не станет страной коммунистической.

В. К. Очень хотелось бы, чтобы ваша идея о создании общества по изучению советского периода была услышана, подхвачена и реализована. Кто-то должен стать инициатором. Дело ведь и в самом деле исключительно важное.

А. З. Не все, для кого догмы важнее реальной жизни, может быть, меня и поймут. Марксистская идеология – величайшая идеология. Но она складывалась, когда не было реального коммунизма, когда все еще виделось лишь в воображении. Реальный коммунизм многое взял из этой идеологии, но во многом складывался по своим законам. Зачем искать будущее, повторяю, в книжках прошлого, когда было 70 лет опыта, 70 лет реального эксперимента? Это в миллион раз важнее, чем старые догмы. Тем более, нет сегодня такого пролетариата, на который рассчитывал марксизм-ленинизм. Нынче совсем другая структура общества. Совсем другая. И методы должны быть другие. При современных средствах массовой информации много ли могут сделать агитаторы, которые ходят по заводам?

Надо изучать опыт советского периода и думать о дальнейшей жизни в современных условиях. В условиях, когда существует глобальное общество, когда вся система охвачена сетью информации, контроля, влияния и т. д. Ведь сейчас страна жить изолированно от других стран долгое время не может. Это все надо принимать во внимание.

В. К. Итак, вы убеждены, что возможности нашей системы не были исчерпаны?

А. З. Система только появилась.

В. К. И вы не согласны с утверждениями, что коммунистический эксперимент, начатый в 1917 году, провалился?

А. З. Категорически не согласен. Прежде всего – не было

эксперимента в чистом виде! Нас все время душили, как сейчас блокадой душат Кубу, создавая ей невыносимые условия для существования. А когда мы действовали в экстремальных условиях, то доказывали совершенно неопровержимо свои преимущества. Возьмите войну – тут, можно сказать, был чистый эксперимент в определенном смысле. И что же? Какая система одержала верх? Сколько немцы захватили – и чем кончилось? Впрочем, я об этом уже говорил. За кратчайшие сроки мы создали лучшую военную технику. Гитлеровская армия все время испытывала недостаток в офицерских кадрах, а у нас его не было. Потому что было лучшее в мире образование – и высшее, и среднее. Да что говорить, все это известно…

Короче, я считаю эксперимент в высшей степени удачным! Он очень многое дал, и не только нашей стране. Посмотрите, в Китае больше миллиарда людей, а там нет голода. Между тем в сытой Германии есть люди, умирающие от голода.

В Чикаго я водил одного своего соотечественника и показал ему кварталы, которые телевидение наше, конечно, никогда не покажет. Он за голову хватался. Я уж не говорю, что в квартирах, куда мы заходили, ни одной книги не увидели. И это для Америки – не редкость! Такое, можно сказать, сплошь и рядом. Но он потом, соотечественник этот, все равно по телевидению причитал: «Мы тоже хотим влиться в цивилизацию!»

Так что мы просто не сумели полностью использовать преимущества нашего социалистического строя. Прошляпили, грубо говоря. Как не сумели воспользоваться и крупнейшей в мире военной победой. А многие у нас в стране, по-моему, даже не поняли преимущества того строя, той системы. Горько, но факт.

Я вот еще что хотел бы отметить. Люди наши, к сожалению, восприняли коммунизм как нечто свалившееся с неба. Осталось только жить в этой системе и пожинать плоды. И стали ждать: вот пусть нам партия даст то, пусть нам партия даст это. Такой был у большинства психологический настрой. И в конечном счете он плохую роль сыграл, помогая разрушителям…

Сентябрь 1997 г.

Советский наш опыт светит в завтра
ЛИДЕР КПРФ ГЕННАДИЙ ЗЮГАНОВ

Среди лиц двадцатого века и наступившего двадцать первого ему принадлежит очень значительное место. Как бы ни пытались целенаправленно его принизить и оболгать. С именем Геннадия Зюганова неразрывно связано восстановление в нашей стране Коммунистической партии, которую хотели уничтожить после контрреволюционного переворота в августе 1991-го. Он возглавил эту партию, ставшую по существу единственной организованной оппозицией правящему режиму, стал признанным лидером патриотического движения. В 1996 году, как кандидат на пост Президента России от КПРФ и объединенной левой оппозиции, достойно боролся на президентских выборах с Ельциным и всеми стоявшими за ним силами.

Он не только Председатель ЦК КПРФ и многолетний руководитель фракции КПРФ в Государственной думе, то есть признанный, крупный политик, но и ученый, доктор философских наук, автор многих книг, брошюр и научных изданий.

Публикуемая беседа, состоявшаяся в ноябре 2002 года, посвящена осмыслению результатов и уроков русской революции – Великого Октября.

ПРИМЕР ДЛЯ МИРА

Виктор Кожемяко. Геннадий Андреевич, мы находимся накануне 85-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Раньше говорили эти слова широко и уверенно, без каких-либо сомнений, но за последние годы, по-моему, все понятия подвергнуты пересмотру, в том числе и это. Сейчас для многих она – не великая и не социалистическая, потому что, оказывается, не тот социализм строили, и даже не революция – чаще употребляют слово «переворот». Хотелось бы начать с ваших размышлений по этому поводу.

Геннадий Зюганов. Вот только что проводил студентов, с которыми как раз об этом был продолжительный разговор. Знаете, сейчас к нам, во фракцию КПРФ и лично ко мне, каждый день идет молодежь – школьники, студенты. Хотят разобраться, что же было в 1917 году и в последующие годы в нашей стране. Для многих полное откровение, какие социальные блага и перспективы открыла тогда Великая Октябрьская новым поколениям. Когда я, например, говорю, что в начале XX века в России на сто человек было два десятка умеющих читать и писать, не могут представить этого.

Да, не просто Великая и не просто социалистическая. Это – эпохальное событие, главное событие XX века, которое всколыхнуло всю планету и дало уверенность в лучшем будущем всем народам. Были раскрыты такие возможности, такие потоки энергии, которые во многом очистили континенты от колониального засилья.

Весь XX век прошел в жестком противоборстве труда и капитала. Труд, который раскрепостила Великая Октябрьская, утвердил Советскую власть и построил могучую державу. Она стала примером для мира. Мы поднялись к невиданным высотам справедливости и социального прогресса. У нас были созданы лучшая наука, лучшая система образования, лучшая система здравоохранения, что было признано во всем мире. И нас не случайно называли и признавали сверхдержавой!

Скажу так: Великий Октябрь обеспечил нам три крупнейшие победы. Первая победа – на трудовом фронте. Когда говоришь молодежи, что в середине двадцатых годов мы не производили еще ни одного самолета и ни одного комбайна, ни одной автомашины и ни одного трактора, у них удивленные глаза. И вот за десять лет страна построила девять тысяч заводов, открыла тысячи институтов и лабораторий, вырастила целое поколение великих созидателей и подвижников. Из малограмотных крестьян и неопытных чернорабочих возникла целая плеяда выдающихся ученых, талантливейших конструкторов, инженеров и других специалистов.

Спустя десять лет, когда началась Великая Отечественная, мы имели уже лучший самолет-штурмовик, лучший танк Т-34, лучшую реактивную систему «Катюша». Это было достигнуто в считанные годы! Не будь Октября и Советской власти, не дай они в нашей стране такой простор творческим силам и возможностям людей труда, планета покрылась бы коричневой паутиной.

Вторую победу мы одержали боевую. Это тоже признано было в мире. Одержали не просто в Великой Отечественной войне советского народа против немецко-фашистских захватчиков. Одержали над самыми жуткими силами империализма, которые породил капитал, над фашистской чумой, которая молниеносно подчинила себе все хваленые европейские демократии и поставила весь индустриальный потенциал этих стран на службу войне и насилию. Конечно, главной задачей они ставили уничтожить завоевания Октября и ликвидировать Советскую власть, Советский Союз. Но потерпели сокрушительные поражения!

И третья кардинальная наша победа – на научном фронте. Ведь мы первые прорвались в космос, о чем нельзя забывать.

В. К. Это вскоре после такой тяжелейшей войны! Поразительно, прошло всего двенадцать – семнадцать лет… А теперь, если взять одиннадцать лет, которые прошли после 1991 года?

Г. З. Да, как разительно они не похожи! Там – годы созидания и неслыханного подъема. Здесь – время разрушения, деградации, падения.

В войну мы понесли, конечно, огромные потери, людские и материальные. Но тогда был наш советский народ, народ-победитель, верящий в свои идеалы, в заветы Великого Октября. Народ-хозяин, народ-герой. Потому порушенный мой родной Орел, который представлял собой кладбище каменной крошки, за короткое время все восстановил. И как работали, учились как! С каждым днем жизнь улучшалась.

Но я еще одну мысль хочу подчеркнуть. Труд родил Советскую власть, а капитал тоже кое-что родил тогда. Это – «новый порядок» Гитлера и «новый курс» Рузвельта. Капитал после Октября все больше понимал, что социализация жизни – одна из важнейших тенденций. И когда Америка, певшая и плясавшая в 1927 году, рухнула в 1929-м, оказавшись в «Великой депрессии», то первое, что предложил Рузвельт, когда ему выпало возглавить страну, было следующее. Он сказал самым главным капиталистам: 40 процентов своих капиталов отдать государству. С помощью государственных программ и регулирования, то есть планирования, помогу бедным, поддержу талантливых. И

вытаскивал страну, терпящую бедствие, сугубо социализированными методами.

В. К. Это был тоже урок Октября?

Г. З. Я хотел бы подчеркнуть: именно урок Октября, причем он, Рузвельт, извлек из нашего Октября максимум пользы, прекрасно понимая, что это – главная тенденция на планете. И Октябрь в конечном счете помог разгромить фашизм в Европе, а с другой стороны, помог и американскому капиталу осознать, что, лишь с учетом октябрьских завоеваний и понимая закономерности развития, можно вытащить страну из такого тяжелого положения.

Вот характерная подробность. Когда Рузвельт рассматривал учебные, университетские, программы его спрашивали: изучать «Капитал» Маркса или не изучать? Он сказал: Маркс настолько велик, что одним коммунистам мы его не отдадим.

Понимал, прекрасно понимал, в чем наша сила!

Пример нашей страны стал истоком и китайского чуда, китайского прорыва в XXI век. Они сумели соединить идеалы социализма с национальной спецификой, помножили это на уровень современных технологий – и в результате по сути дела заняли место Советского Союза.

Как видим, идеи Октября не только не потускнели, они еще более ярко высветили творческий потенциал и колоссальные возможности трудящихся там, где учитывают веление времени.

А вот у нас, как только Горбачев и Ельцин предали идеи Октября, дружбу народов, справедливость, уважение к человеку труда – все то, без чего не может жить наша страна, так началось стремительное падение. Откат назад, отступление по всем направлениям.

Скажем, экономика наша составляла три четверти от американской, а сейчас остался мизер. По человеческому потенциалу мы входили в пятерку самых развитых стран мира, а ныне откатились на 60-е место. Были одним из самых безопасных государств, а теперь замыкаем самые коррумпированные. Нас отнесли и к самым больным странам: СПИД, туберкулез, наркомания.

В. К. А правители все твердят, что они чего-то добились. Показывают, например: вот сколько теперь машин в Москве.

Г. З. Город Москва развивался как социалистический, светлый город. Когда метро начали строить, в восторге были все. Лучшее в мире метро! В советские годы строили почти по десять километров в год – сейчас в пять раз меньше. Всемерно развивались и наземный общественный транспорт в городе, и сеть пригородных электричек. Электрички некоторые ходили чаще,

чем трамваи. Билет копейки стоил. Любой человек мог поехать к друзьям, на природу, на дачу. А сейчас подземку почти не строят, парк электричек не пополняют, троллейбусы и автобусы ходят все реже…

В. К. Считают величайшим достижением, что многие влезли в свои машины.

Г. З. Скоро задохнутся. Будут сидеть в иномарках и при этом стоять на улицах, глотая дым и гарь. Не хватает сознания, что столицу нельзя так развивать. Этот внешний блеск витрин и машинных фар не должен людей обманывать.

Не должны обманывать и многие заявления властей. Например, такое: выращен невиданный урожай зерна. Однако в советское время самый плохой урожай составлял 104 миллиона тонн, а нынче этот «невиданный» – всего 85 миллионов. Но и это крестьяне продать не могут – из-за политики уничтожения отечественных производителей.

Всюду провал. Вот недавно ледник сошел – с большими жертвами. А ведь была раньше отличная служба наблюдения, и все эти ледники висячие были на учете. Были оповещения, были специальные установки, которые выстрелами сбивали малые лавины. Короче, была целая великолепная система, которую за десять лет всю угробили.

И так – что ни возьми. Все ликвидировали – уши, глаза, обоняние страны, а потом удивляются, почему каждый день то самолет упадет, то сойдет ледник, то загорается все Подмосковье. Теперь вот террористы целой командой беспрепятственно приходят в центр Москвы. Но сперва усиленно разрушали советскую службу госбезопасности, чтобы такое стало возможно…

ОСЛЕПИВ ГЛАЗА ЛЮДЯМ

В. К. И вот как чудовищно, Геннадий Андреевич: от всего, чем мы были сильны, – отреклись! Все это отбросили, оплевали, охаяли, в то время как мир все, что можно было извлечь из нашего опыта, извлек. Как же могло такое произойти в нашей стране? И чем это может обернуться для мира?

Г. З. У нас в последнее время пришли к власти люди корыстные, малообразованные и безответственные, которые, кроме наживы и дележки, оплевывания и унижения, ни на что больше не способны. Но в результате поражения СССР, нашей модели и на всей планете в целом положение резко ухудшилось. Можно сказать, восторжествовали самые оголтелые, злобные силы! Если раньше могучая советская система сдерживала

капитал, заставляла его делиться со своими рабочими, то сегодня этого нет. И снова начинается фашизация капитала. Вот эта попытка Соединенных Штатов установить глобализацию по-американски, ввести свой «новый порядок» в мире, диктовать всем свои условия, выступать одновременно в роли и судьи, и жандарма, и палача – это же исключительно опасное явление!

Кстати, Европа это очень хорошо чувствует. И Азия, где приоритет всегда отдавали коллективистским формам жизнедеятельности, тоже чувствует это. А попытки американцев развязать теперь войну на Ближнем Востоке и подмять под себя все вентили мировой энергетики! Они опять-таки несут реальную угрозу всему человечеству.

Ну а если говорить о положении в нашей стране… Трагическое событие, от которого общество до сих пор не может оправиться, – захват почти тысячи заложников в столице – как бы концентрированно подытожило всю разрушительную вакханалию последних пятнадцати лет.

Люди в шоке. Но вместе с тем у людей все больше раскрываются глаза: до чего же нас довели! Я должен констатировать заметное полевение настроения в стране. Сужу хотя бы по той же молодежи, с которой сейчас регулярно встречаюсь здесь, в Думе. И в партию нашу принимаем по 18–20 тысяч молодых людей каждый год. Когда спрашиваешь, что их привело к нам, как правило, отвечают: жизнь, бытие.

Дескать, мы же видим – многие бедствуют, несправедливость во всем, наркомания и преступность одолели. Мы видим, как родители страдают. Прекрасные инженеры, талантливые конструкторы вынуждены торговать мылом и колготками. Видим, что крестьянин хлеб вырастил, но вынужден продавать за бесценок, не выручает от продажи даже затраты за горючее и семена. Мы видим, как рыбаки в тяжелых условиях трудятся, добывая рыбу, а их жен усмиряют милицейской зуботычиной. Все это, говорят, видим мы. А с другой стороны – окончил прекрасно вуз, но работы нет: иди в подворотню или поезжай за кордон. Если семью создал, то никогда за эти деньги квартиру не приобретешь…

Молодежь, да и общество в целом, прозревает. Не случайно даже олигархи поняли: маятник идет влево, а в центре он не остановится, он и дальше пойдет. Поэтому наша задача – максимально опираясь на идеи Октября, на наш исторический опыт, на стремление людей к справедливости, добиваться кардинального изменения положения в нашей стране к лучшему.

В. К. Я с вами согласен: перемена настроений в обществе происходит, особенно у молодежи. Отрадно чувствовать, что

люди осознают все более: с Родиной стряслась беда, нас затащили в трясину, дальше так продолжаться не может. И тогда уже вполне практически возникает вопрос: что делать? Наверное, в этих условиях опыт Октября, многолетний советский опыт есть именно то, что должно быть максимально использовано. И нашей партией, и обществом, если оно действительно возьмется возрождать страну. Обязаны обратиться к урокам Октября и нашего советского прошлого! Без этого не обойтись – разве не так?

Г. З. В принципе это совершенно верно. Однако давайте смотреть правде в глаза. Вот мы с вами говорили: за десять предвоенных советских лет создано было девять тысяч предприятий. А сейчас? За десять лет 12 тысяч предприятий уничтожили. Целые отрасли! И делается это осознанно. Тут для себя надо сделать вывод очень простой: никто и не ставил задачу сделать из нас развитую демократическую страну.

В. К. Из тех, кто ломал?

Г. З. Была принципиально иная задача. Была задача – уничтожить советский образ жизни как уникальный пример, к которому тянулись все народы планеты.

В. К. И учитывающий к тому же, максимально учитывающий традиции нашего народа!

Г. З. Безусловно. Во-первых. Советский образ жизни впитал все наши лучшие многовековые отечественные традиции. Он опирался на русскую идею, на русский дух, на советскую систему народовластия, на дружбу народов и их взаимодействие. У нас ведь не просто была страна – это целая цивилизация, которая показала в прошлом веке, что, обогащенная высокими идеями Октября, она может на всех направлениях творить чудеса.

Вот это крайне и не устраивало международную олигархию, которая категорически против.

В. К. Кстати, это понятие – «русское чудо», оно же бытовало. Даже фильм документальный немцы сделали под таким названием. А потом стали говорить про японское чудо, немецкое… Русское чудо было забыто.

Г. З. В мире нашими достижениями потрясены были! Понятно, многие и напуганы. Отсюда задача – остановить. Все было брошено на это.

Второе. Они понимают, что на наших просторах сосредоточены гигантские ресурсы: почти треть энергоносителей, каждая пятая тонна угля и железной руды, половина запасов чернозема всей планеты, хвойного леса и пресной воды. Это стратегически важнейшие ресурсы! Без них не может развиваться ни одно государство. Вот очень умные и хитрые люди подсчитали

еще в 50-60-е годы, что без этого они процветать не могут.

В. К. В мире?

Г. З. В мире. Так называемый золотой миллиард, олигархия. И потому, во что бы то ни стало, поставили задачу – присосаться к этим сокровищам.

В. К. Тогда все и намечалось, как мы теперь знаем. Разрабатывалось. Хотя реализовать удалось далеко не сразу…

Г. З. Мощный наш оборонный комплекс, достойная сильная армия, грамотные спецслужбы не позволяли. Динамично развивалась Советская страна. И они в конце концов осознали, что военным путем захватить все это невозможно. Это можно было захватить, лишь разрушив советскую систему, уничтожив наше государство.

В. К. Изнутри!

Г. З. Именно изнутри. Это и стало самым главным! Надо было прежде всего любыми способами опорочить завоевания Великого Октября.

Были ли на нашем октябрьском, советском пути недостатки, трудности, горькие ошибки? Были. Были некоторые застойные времена? Были. Но все это было возведено пропагандистски в квадрат, в куб! Это всячески раздували, на этом паразитировали и с помощью этого – разрушали.

В. К. Слепя людям глаза.

Г. З. Да, слепили глаза людям и страну подстрелили по сути дела на взлете. Если бы мы эти десять лет не потеряли, нас никто бы потом не одолел. А добить страну можно было, понимая нашу систему управления. Надо было в Кремль внедрить своего человека. Нашли Горбачева, потом Ельцина.

Были тут недостатки в самой системе? Да, были, носили принципиальный характер. Мы несколько раз в истории споткнулись о порог, который называется отсутствием преемственности власти. Так было, скажем, в начале XVII века. Тот, кто время Бориса Годунова изучал, знает. Так было в начале XX века. Так, к сожалению, оказалось и в его конце. Вот эту болезнь внутри общества и партии мы не смогли преодолеть, и она стала одной из причин того, что произошло. Наши октябрьские завоевания оказались утраченными.

ЕСТЬ ЛИ ВЫХОД?

В. К. Главный вопрос на сегодня и на завтра: что теперь делать, чтобы исправить положение? Есть ли выход и где он?

Г. З. Ответ на это дает весь XX век. Когда я изучал, как

выходили из трудного положения страны и народы, меня поразило, что они использовали примерно одну и ту же модель. Этот подход был открыт Лениным и его соратниками. Иногда говорят: дескать, пришли какие-то там большевики, взяли и разрушили могучую империю. Но это бред сивой кобылы! В первой мировой войне, которую не большевики начали, а западные страны схватились между собой из-за нового передела мира, рухнули четыре империи – Российская, Германская, Оттоманская и Австро-Венгерская. Ленин приехал, когда в России все развалилось. Предложил гениальный план вывода страны из кризиса. Потом за несколько лет перепробовал разные варианты: военный коммунизм, продналог, продразверстку и, наконец, новую экономическую политику. Вот новая экономическая политика была гениальным изобретением и прозрением, она подняла почти бездыханную страну.

Основное из этой политики, кстати, во многом использовал Рузвельт. То же самое использовали немцы после поражения. То же самое во многом и японцы.

Смысл этой модели следующий. Первое: максимальная концентрация ресурсов для экономического подъема. У нас этих ресурсов больше, чем надо. Но сегодня к ним присосались десять кланов и выметают все из страны.

В. К. То есть у нас делается все наоборот?

Г. З. Мы сейчас предлагали провести референдум. И одна из целей совета с народом в чем? Используя недра в общенародных интересах, завтра удвоить наш бюджет. И тем самым удвоить пенсии, зарплаты, пособия, стипендии. Это реально!

В. К. Вместе с тем это резкий поворот к восстановлению утраченного.

Г. З. Второе: развитие производства в отраслях жизнеобеспечения. Без машиностроения, без строительной индустрии – невозможно ничего решать. И это производство в экономике жизнеобеспечения нельзя не поддерживать! Какой-то рынок неуправляемый отрегулирует? Но нигде этого нет и никогда не будет: нерегулируемый рынок рухнул еще в начале прошлого века и под своими обломками чуть не погреб ту же самую Америку.

В. К. А теперь они навязали нам то, от чего мир давно уже отказался.

Г. З. Давно каждое государство поддерживает своих предпринимателей, свои фирмы, защищает свои рынки. А наши демолибералы отдали все рынки и все ресурсы дяде, а говорят, что они строят демократию.

Третье: надо прекратить грабеж населения, грабеж в широком

смысле слова. Налоговый грабеж, ценовой грабеж, рэкет, от которого зависят и которому платят почти все предприниматели, международный грабеж, уголовный грабеж. Все меры, которые надо предпринимать, прекрасно известны.

И четвертое: установить в стране элементарную справедливость. Школьник за партой должен учиться бесплатно. Есть у папы лишние деньги – пожалуйста, можно дополнительно что-то делать. Старик должен иметь обеспеченную старость, получать лекарства по доступной цене, иметь возможность поехать полечиться. Молодой человек должен иметь возможность реализовать свои стремления на производстве, в учебе, на спортивной площадке…

Ничего этого у нас сегодня нет. Ни один из четырех главных элементов вывода страны из кризиса не реализуется. А кто это может сделать? Только ответственная народная власть. У нас же сегодня власть олигархии – и в Кремле, и в правительстве. Нет, построено не демократическое и не рыночное государство. В результате учиненного погрома родился политический урод.

В. К. Александр Зиновьев называет это «рогатый заяц».

Г. З. Очень подходящее название!

В. К. Да, остроумное и точное.

Г. З. Кремль сегодня – это землячество. Кланы дерутся, а перья над Кремлем летят. Правительство – собрание представителей олигархии и «семьи». Дума – штамповочное производство, придаток администрации. Во всем мире федеративные государства имеют две палаты, одна из которых выражает интересы субъектов федерации и избирается от этих субъектов. А что такое наш Совет Федерации сегодня?

В. К. Нарусова – представитель от Республики Тува. Смех, да и только.

Г. З. Бюрократия насквозь воровата, «партия власти» без идеологии, только выполняет приказы и указания. Короче, все, что они выстроили, трагично и смешно.

В. К. Страна наша не может жить без идеи! А сейчас так называемый поиск национальной идеи превратился в анекдот, и совершенно непонятно в самом деле, какой идеологией руководствуется эта власть.

Г. З. Идеология? Денежный мешок и руководящее кресло. Никакой идеологии. Завтра, уйди Путин, эта партия разбежится сразу, так же как Черномырдин ушел – и у его «домика» крыша съехала. Он без фундамента, этот их «домик».

В. К. Наш народ не может существовать без идеи, это ведь правда, Геннадий Андреевич?

Г. З. Очень важная правда. Вот когда говорят: национальная

идея, дескать, давайте придумывать ее – мне очень больно. Мы ее давно выстрадали! Она шлифуется веками, она соответствует национальному характеру, она оплодотворена историей. Мы 700 лет провели в боях и походах, отстаивая свое право, веру, добро, красоту.

В. К. И все это не отринула революция, годы советские не отринули.

Г. З. Попытки были. Например, с православием расправиться. Но быстро это кончилось. У нас основу национальной идеи составляют четыре простые вещи. Наш народ без духовной среды не может жить. Такая порода. Он без этого, как кто-то сказал, или с ума сойдет, или сопьется. Дальше, наш народ не может существовать без сильного государства. Такие просторы, такой материк, который плывет на трех океанах, нельзя защищать вялой, хлипкой рукой и с пустой головой. Если бы государство не было сильным, нас растоптали бы на этих необозримых просторах. Мы могли выжить, только опираясь на сильное государство. У нас государство было иногда жестоким, иногда несправедливым, но бессильным государство не могло быть. Далее. Мы не можем жить без справедливости. Мы всегда за правду сражались, испокон веков.

В. К. Правда, справедливость – дорогие для нашего народа понятия! От корневых былин и песен до лозунгов Октября.

Г. З. И мы не можем жить без коллективизма. По очень понятной опять же причине. На этих просторах нельзя справиться с трудностями в одиночку. Это во Франции палку воткни – и там все растет, цветет и благоухает. У нас, пока ты вырастишь свой урожай и пока уберешь его, один надорвешься.

Вот эти четыре стержня и составляют основу нашей национальной идеи. Выньте любой из них – и все рухнет. Вынимаешь духовность – мы уже другие. Вынимаешь коллективизм – нас сейчас же заатомизируют, стравливают, разделяют. Вырывают у народа собственность – и каждого превращают во врага друг другу. При народной собственности, на коллективном предприятии, на земле, которой не торгуют (и которой нельзя торговать!), человек себя иначе чувствует. Если же вместо справедливости ориентиром для общества становятся деньги любой ценой, ни о какой нравственности можно уже не говорить. А уничтожая сильное государство, ставя его на службу денежным мешкам и бандитам, они уничтожают саму основу нашего бытия.

Великий Октябрь не только сохранил все наши тысячелетние ценности, но потом и значительно усилил, они были во много раз приумножены в условиях социализма. Колоссальная заслуга

Октября в том, что он учел национальные черты и особенности всех народов, которые веками жили вместе. И у людей еще в памяти, какая по-настоящему дружная жизнь была у нас в советские годы. Причем мы же восстановили в границах Советского Союза державную Россию. Это и есть великая Россия, а не огрызок ельцинский, где Путин сдает последние ее политические завоевания.

Сегодня одна из главных идей для нас – это возрождение нашего союзного пространства. А начинать, естественно, надо с восстановления соборного единого тела русского народа. Великороссы, малороссы, белорусы – это единый народ. Союз с Белоруссией – не просто приоритет. Это приоритет номер один. Украина и Белоруссия остаются, никто не покушается ни на чей суверенитет. Но если будет в полной мере восстановлен наш Союз, к нему обязательно другие захотят примкнуть и прислониться. А что Путин делает? Ссорится с той же Белоруссией, собирается бомбить Грузию, в Чечне все гниет, нарвало донельзя. В Средней Азии – натовские солдаты…

В. К. Как намерена дальше действовать КПРФ, чтобы спасать страну?

Г. З. У нас есть четкая, глубоко и детально разработанная программа. В полном смысле – научно обоснованная!

Еще раз подчеркну: без социализма, без справедливости, без народовластия, без высокой духовности, без культуры, без современной науки выбраться из нынешнего положения невозможно.

В. К. Это и есть основа программы действий?

Г. З. Да. Опираясь на все лучшее в нашей многовековой истории, и прежде всего на невиданный взлет страны в советский период, мы обязаны не допустить, чтобы осуществились планы врагов нашего Отечества по окончательному его уничтожению. Значит – собираться, сплачиваться и бороться!

Ноябрь 2002 г.

Нобелевский лауреат – с коммунистами
ВЫДАЮЩИЙСЯ ФИЗИК, ЛАУРЕАТ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ АКАДЕМИК ЖОРЕС АЛФЁРОВ

Наверное, даже среди самых занятых людей Жорес Иванович Алфёров относится к наиболее занятым. И трудно сказать, где его главное рабочее место – в Ленинграде или в Москве. Родной Физико-технический институт имени А. Ф. Иоффе, где он шестнадцать лет был директором, а затем научным руководителем, находится в северной столице. Но в столице, так сказать, центральной у него рабочий кабинет как у вице-президента Российской академии наук, да к тому же много времени он проводит в Государственной думе, где отнюдь не просто представительствует, а тоже работает, причем весьма плотно.

В общем, найти окошко для беседы с журналистом нелегко. И все-таки Жорес Иванович нашел. Думаю, главным образом потому, что использует любую возможность, дабы во всеуслышание заявить о глубоко волнующих его проблемах отечественной науки. Но, может быть, некоторую роль сыграло и то, что он – подписчик, читатель «Правды» и «Советской России», о чем сказал мне, предваряя эту нашу беседу в его московском академическом кабинете на Ленинском проспекте.

Виктор Кожемяко. Жорес Иванович, первый вопрос к вам, который наверняка интересует всех наших читателей, такой: почему вы во фракции КПРФ? То есть почему не с кем-нибудь, а с

коммунистами? Значит, есть нечто общее?

Жорес Алфёров. Общее, безусловно, есть. Я вырос в семье старого большевика. Папа у меня вступил в партию в сентябре 1917 года. Старший брат был назван Марксом, он восемнадцатилетним вступил в партию в декабре 1942 года в Сталинграде и потом погиб. Я вступил в комсомол в 1943 году, когда мне было тринадцать лет, хотя по правилам принимали с четырнадцати. И меня приняли, и единственный вопрос, который задали при этом, звучал так: «Если будет формироваться комсомольско-молодежный лыжный батальон, пойдешь?» Я ответил: «Конечно, пойду».

В комсомоле был пятнадцать лет, а в партию вступил довольно поздно – в 1964-м. Стал с 1988-го членом бюро Ленинградского обкома. По предложению тогдашнего первого секретаря обкома Юрия Филипповича Соловьева. Замечательный на самом деле человек! Ленинградец, комсомолец, в семнадцать лет пошел добровольцем на фронт, был сержантом и командиром пулеметного взвода, тяжело ранен. А потом поступил в ЛИИЖТ – Институт инженеров железнодорожного транспорта. Он, можно сказать, построил Ленинградское метро, пройдя дорогу от сменного инженера до начальника Главленинградметростроя.

В. К. Какая биография! Воистину лицо поколения.

Ж. А. Да. Потом он был министром промышленного строительства СССР, откуда и был выдвинут первым секретарем Ленинградского обкома партии. Когда я стал директором института, как-то набрал по «смольнинской вертушке» его телефон. Трубку взял он сам. Я представился, сказал, что у нас много достижений и много проблем и что хотелось бы видеть его в нашем институте. Он спросил: «Когда?» Я сказал: «Завтра». Он ответил: «Хорошо».

И он приехал назавтра и провел у нас целый день – с утра до позднего вечера. С тех пор мы подружились. А в конце концов, некоторое время спустя он предложил ввести меня в бюро обкома.

В. К. Что вам особенно запомнилось из того времени?

Ж. А. В 1989-м проходили выборы народных депутатов СССР, и я был выдвинут в числе других от Академии наук Советского Союза. И вот на последнем собрании выборщиков, когда должно было состояться уже решающее голосование, кто-то задал мне вопрос об одном из постановлений бюро Ленинградского обкома. Вопрос язвительный, в демонстративно издевательском тоне. Я человек эмоциональный – разозлился. Сегодня, дескать, вы такой вопрос задаете, а завтра будете орать, что коммунистов вообще не должно быть. «Так я вам говорю, – заявил, – что я потомственный

коммунист!»

Словом, произнес длинную речь в таком вот духе. После мне сказали: «Жорес, ты себе очень крупно напортил». Дело в том, что демократический настрой, как он понимался тогда, в академии был сильный. Я все-таки был избран, но уже не лидером, каковым до того шел, а в арьергарде.

В. К. И какие впечатления остались у вас от съездов народных депутатов СССР, в которых вы участвовали?

Ж. А. В основном горестные, тягостные. Начиная с самого первого, когда я не мог понять, почему же царит такая неорганизованность. Я тогда сказал в интервью журналу «Наука и жизнь», что любой наш симпозиум, семинар, любая конференция готовятся. Иначе не может быть. А съезд проходил совершенно без всякой подготовки! Такое сложилось впечатление. И не может съезд – высший орган руководства страны – превращаться в митинг, на котором все выходят, разрывают рубашку и говорят, какие мы плохие и как плохо все у нас в стране было…

Короче, не собирался я быть в Государственной думе. Но когда забота о моем родном институте и об отечественной науке в целом привела меня все же в Думу второго созыва, я окончательно убедился здесь, что наиболее последовательно в защиту науки и образования в нашей стране выступает именно фракция КПРФ. У меня сложились очень хорошие отношения с Иваном Ивановичем Мельниковым, возглавлявшим Комитет по науке и образованию. Он профессор МГУ, коммунист. И когда перед выборами Думы третьего созыва КПРФ обратилась ко мне с предложением войти в ее центральный список, я, естественно, ответил согласием.

Сейчас я не член никакой партии. Но если быть в Думе, то только с КПРФ. Потому что ее решения, ее идеология мне ближе всего.

В. К. Наверное, и постановка вопросов фракцией этой партии, подход к тем или иным проблемам, линия, которая коммунистами проводится, совпадают с вашими личными взглядами и убеждениями?

Ж. А. Конечно. Я уже сказал, что у меня замечательные отношения с Иваном Ивановичем Мельниковым, который проводит линию КПРФ в Комитете по науке и образованию. Как правило, в единстве с ним выступает Олег Николаевич Смолин – человек необычайного мужества и таланта, которого я считаю настоящим героем страны. Просто счастье, что в Думе председателем подкомитета по образованию стал Олег Николаевич…

В. К. Скажите, а какой из вопросов, связанных с

образованием и наукой, которые приходилось вам отстаивать в Думе, имеет наибольшее значение для страны?

Ж. А. Тут, наверное, нужно даже несколько отвлечься от думских дел. Если говорить о Думе, то наиболее важным для науки здесь обычно является рассмотрение бюджета. А бюджет у нас очень мал. И весь бюджет Российской Федерации намного меньше, чем был бюджет РСФСР. За все время после принятия закона о науке и технической политике в 1996 году, то есть за семь лет, закон этот ни разу не был выполнен.

В. К. Неужели ни разу?

Ж. А. Именно. По закону мы должны отводить на науку не менее четырех процентов расходной части бюджета.

В. К. А реально что получается?

Ж. А. А реально – около двух, и того меньше… Но самой большой бедой, на мой взгляд, сегодня является то, что наука, которую нам все-таки удалось сохранить, не востребована в своей стране. Ее результаты не востребованы!

А ведь наука, и не только прикладная, но и фундаментальная, может развиваться успешно лишь в стране, где экономика построена на использовании наукоемких технологий. У нас же за последние годы в этом направлении нанесен огромный удар. И, естественно, ломать – не строить. Восстановление – это всегда значительно более сложная и тяжелая задача. Лично я вижу своей основной задачей сегодня – любым способом, не исключая и частный сектор, возрождать наукоемкие отрасли промышленности. Прежде всего – электронику, производство новых материалов и ряд других.

Делать это очень и очень непросто. Но если мы этого не сделаем, наша страна не просто превратится в сырьевой придаток (а она уже по этому пути пошла), но и будет готовить кадры по существу для зарубежных стран. Мы уже сейчас говорим об утечке мозгов. А потом и наша образовательная система в целом будет разрушена, поскольку нельзя готовить современные кадры, не имея соответствующей базы, соответствующей индустрии, соответствующих отраслей экономики.

В. К. Но что для этого требуется? От чего это зависит?

Ж. А. Простые, казалось бы, вещи. Классиками марксизма сказано: капиталист прежде всего думает о прибыли. Значит, заставить олигархов, буржуев наших, чтобы они потратили заметные средства на развитие новых отраслей промышленности и новых технологий, а при этом прибыль они будут получать еще когда-то, практически невозможно.

В. К. Они хотят получать завтра или даже сегодня.

Ж. А. Сегодня! Приведу вам конкретный пример. Два года

назад я был в Сингапуре. Там проводился большой конгресс по материаловедению, и меня пригласили с докладом. Сингапур – маленькое государство, а его основа – гигантский порт (это связано с географическим положением) и электронная промышленность. Посетил я там два института – микроэлектроники и информационных технологий. Оба, по нашим масштабам, небольшие, но бюджет весьма и весьма неплохой. Поинтересовался у директоров, из чего бюджет складывается. Они сказали: 90 процентов за счет государства и 10 процентов – от промышленности.

Я удивился. Говорю: вы – прикладные институты, фундаментальных работ фактически не ведете, в ваших работах напрямую заинтересована промышленность. Почему же электронная промышленность, которая в Сингапуре очень развита, платит вам только 10 процентов? На что они мне ответили: «Глубокоуважаемый профессор! Промышленность, ее хозяева платят лишь за то, что им нужно сегодня, и никогда не будут платить за то, что им потребуется завтра. А прикладные работы, которые мы готовим, нужны будут завтра, и за это должно платить государство».

В. К. Весьма наглядный пример, наводящий на серьезные размышления…

Ж. А. У нас сегодня доходят до того, что заявляют: и фундаментальная наука должна зарабатывать себе деньги сама. А я думаю: когда в науке главным становится зарабатывание денег, то наука исчезает.

В. К. Однако ведь в нашем обществе стала очень распространенной именно такая точка зрения, о которой вы говорите. Больше того, послушать некоторых – так получается, что стране от науки одни лишь заботы и никакого прибытка, что наука нам, может быть, вообще не очень нужна. И зачем, мол, бороться за научное первенство? Это я услышал на днях в диалоге на телеканале «Культура» от вашего оппонента – кажется, из газеты «Известия».

Ж. А. Та телепередача, о которой вы говорите, – это был тот случай, когда партнеру невозможно ничего объяснить. Чуть ли не единственный случай в практике моих публичных выступлений, когда я стал выходить из себя и разговаривать очень резко. Даже кричал. Я думаю, этот человек просто не хотел ничего понимать. Очень много сегодня говорится, как были мы зашорены в советское время, и это было. Но сегодня многие зашорены в противоположную сторону, и, по-моему, гораздо больше.

Что же касается науки, то такой взгляд на нее необычайно печален. Потому что научные традиции в России были всегда. Да,

в царское время не было многих отраслей науки. Например, не было до революции физики – лишь несколько лабораторий в разных университетах. Так что физика в нашей стране – это детище Советской власти. И детище Абрама Федоровича Иоффе, который создал в Петрограде наш Физико-технический институт, носящий теперь его имя. Этот институт и стал колыбелью советской физики. Я думаю, ни один другой институт не только у нас в стране, но и в мире не сделал так много. И по научным достижениям, и по подготовке кадров это один из самых блестящих мировых центров. Достаточно назвать имена Курчатова, Капицы, Ландау, Александрова и многих-многих других. Достаточно сказать, что из Физтеха вышло 16 институтов – в Москве, в самом Ленинграде, Днепропетровске, Харькове, Томске…

В. К. Потрясающе! Вот о чем забывают сегодня, а нельзя забывать.

Ж. А. И все это было в то время естественно, потому что задачей страны было создание современной экономики, современной промышленности. Да, нам приходилось тратить много средств на оборону. Да, военно-промышленный комплекс был ведущим в стране. Да, пресловутая «десятка», то есть десять министерств, составляла, как говорили, 60 процентов нашей промышленности, и там работали 50 миллионов человек. Но там, между прочим, непосредственно производством оружия занимались примерно три или три с половиной миллиона. А остальные занимались производством материалов, компонентов, оборудования, электроники, энергоисточников – того, что можно применять где угодно и для чего угодно. И больше половины наукоемкой гражданской продукции производили именно предприятия этой «десятки».

Если уж мы могли позволить себе существенное снижение расходов на оборону, надо было проводить настоящую конверсию этой группы промышленных предприятий, а не делать то, что учинили.

В. К. Вот вы сейчас заговорили, Жорес Иванович, о месте и роли своего института в мировой науке, называли великие имена. И в голосе вашем слышалась гордость. Вполне понятная гордость! Но ведь сегодня советское время, о котором шла речь, называют «черной дырой». Его всячески поносят и перечеркивают, утверждая, что это был какой-то зигзаг, который увел нас «в сторону от мировой цивилизации». Согласитесь, все это очень несправедливо.

Ж. А. Как же тут не согласиться? Да это специально так говорят! Сознательно передергивают.

Да, в нашем советском прошлом было немало плохого. Да, были и некие ужасные вещи. Можно найти массу примеров репрессий и других преступлений.

Но если говорить о первых годах, то это была революция, гражданская война. И, простите, французы по сей день чтут Великую французскую революцию и гордятся ею – 14 июля у них государственный праздник. А между тем жертв там было не меньше, а, может быть, даже больше, если учесть разное число населения в наших странах.

В. К. Это так и есть!

Ж. А. Я расскажу вам одну историю, которую уже не раз рассказывал, но которая о многом свидетельствует. У меня есть очень близкий друг в США – профессор Ник Халаньяк. Его отец – шахтер. Родители Ника эмигрировали из Австро-Венгрии, из Закарпатья. И когда я был в США в 1970 году, мы поехали навестить их. Так вот, отец Ника сказал мне тогда следующее:

– Если ты будешь уверять меня, что рабочие в России живут лучше, чем в Америке, я тебе не поверю. Но я тебе скажу то, что ты редко сможешь услышать здесь. Когда я приехал сюда, будучи мальчишкой 16 лет, и пошел работать на шахту, мы работали 10–12 часов в сутки, мы жили в бараках, нам платили копейки. Русские рабочие устроили Октябрьскую революцию. Наши буржуи испугались и изменили свою социальную политику. Поэтому я тебе скажу: американские рабочие живут хорошо благодаря Великой Октябрьской социалистической революции.

В. К. Что ж, сущую правду сказал старый шахтер.

Ж. А. Действительно, международное значение нашей революции огромное. И успехи, которые были достигнуты за эти десятилетия, – гигантские! Те изменения, которые произошли в нашей стране за годы Советской власти, ни с чем не могут быть сравнимы.

Почему-то эти самые «критики» не задают себе такого вопроса. В годы гражданской войны Белая армия была гораздо лучше вооружена и обеспечена, ее поддерживали Европа, Америка и Япония (недаром говорится об интервенции четырнадцати государств!), но почему же голая и разутая Красная Армия смогла победить? Да потому, что правда была на ее стороне. Потому, что ее поддерживало действительно большинство народа.

В. К. И с окончанием гражданской войны, и разгромом иностранной интервенции не кончились притязания на Страну Советов…

Ж. А. Нам действительно приходилось тратить огромные средства на оборону. Мы жили в кольце. Я напомню то, чего

многие, может быть, и не знают. Даже в 70-е, 80-е годы была такая международная комиссия «Коком», и для любой зарубежной фирмы требовалось ее разрешение, чтобы продать нам то или другое. И если в этой комиссии могли заподозрить, что есть возможность покупаемое нами использовать в оборонных целях, то сразу же накладывался запрет.

Скажем, мне для моих исследований, за которые я позже получил Нобелевскую премию, нужна экспериментальная установка, которую производит компания «Рибер» во Франции. Эта компания готова ее продать, и президент Академии наук СССР Александров находит средства ее купить. Но… «Коком» не разрешает!

И вот в таких условиях мы были единственной страной, которая составляла конкуренцию науке США. И советская наука развивала исследования по всему фронту! Да, у нас были и пробелы, были такие ужасные явления, как Лысенко и лысенковщина.

Но в основном наша наука развивалась чрезвычайно успешно.

В. К. Увы, об этом сегодня молодежь в России представления не имеет, а старшие, кажется, забыли.

Ж. А. Я могу привести такой факт. Имея бюджет на науку 15–20 процентов от американского, то есть примерно пятую часть, мы реально соревновались с ними на всех научных направлениях. Да, наша наука была второй, но она была – второй в мире. А по очень многим направлениям она занимала первые места!

В. К. Как же понять в свете того, о чем вы говорите, что произошло с нами?

Ж. А. Это демонстрация и слабости, и, может быть, порочности человека. Поскольку, что бы ни говорили сегодня, советское общество в целом имело такие достоинства, такие достижения в самых разных сферах и областях, что трудно понять, как можно было просто так отказаться от всего этого. Значит, слабость и порочность взяли верх.

Когда-то Сталин сказал, что даже самый последний советский человек на голову выше любого буржуазного чинуши. И, знаете, в этом был свой смысл. Потому что за советские годы, пусть и с дефектами, с дырами, было воспитано поколение новых людей, для которых деньги не являлись самым главным.

Советский Союз не только был самой читающей страной, но и качество чтения было совсем другим. Например, что зачастую читают у нас сегодня? Литературу, которую сразу надо выбрасывать на свалку!

У меня много товарищей и хороших знакомых, которые придерживаются разных политических взглядов. Помню, как-то

мы разговаривали с Даниилом Александровичем Граниным – он, как известно, большой демократ. И вот он вдруг сказал:

– Не могу понять почему, но советский период – это был даже не серебряный, а золотой век поэзии! Ни одно время нигде не дало столько великих поэтов: Есенин, Маяковский, Пастернак, Мандельштам, Ахматова, Твардовский…

В. К. Действительно, такие все разные и по-своему замечательные, выдающиеся, великие!..

Ж. А. Наконец, пусть опять и с какими-то оговорками, – решение национального вопроса в Советском Союзе. Само создание Союза республик в 1922 году было единственным способом сохранить страну, ее территориальную целостность и большинство населяющих ее народов в едином государстве. Так что напрасно вешают на большевиков всех собак за то, что они уничтожили систему губерний и прочее. Они на самом деле спасли страну от начавшегося и вовсю шедшего распада! А дальше Союз показал свою силу и мощь.

В. К. И как после этого отнестись к его уничтожению в 1991-м?

Ж. А. Даже отвлекшись от политики, я должен сказать, что самым тяжелым ударом по экономике, по жизни народа, буквально по всему в нашей стране стал развал Советского Союза. Я думаю, что никакая другая страна этого не выдержала бы. Если, например, разрезали бы Соединенные Штаты на пятнадцать частей, я не знаю, что было бы с этой страной.

После революции и гражданской войны, когда было очень тяжелое время, за границей возникла российская эмиграция – два с половиной миллиона человек. А сегодня за рубежом живут 25 миллионов россиян. Какое это несчастье, когда разделены семьи! Я часто бываю на Украине, и если вы поедете там в деревню, на завод, то убедитесь: да никому эта самая «незалежность» не нужна. Разве что на Западной Украине относятся к этому по-другому, но она ведь советской была недолго…

В. К. Я полностью разделяю ваши чувства и оценки. Но возникает вопрос: что же делать? Как восстанавливать утраченное, ну хотя бы в той сфере, которая вам особенно близка, – в науке и образовании?

Ж. А. Трудный вопрос вы задаете… Я повторяться буду. И скажу так: для того чтобы наука у нас успешно развивалась, чтобы мы могли успешно конкурировать на международной научной арене, наши научные результаты должны быть востребованы в своей стране.

Возьмем наш институт. Физтех, к счастью, сохранился. У нас две с половиной тысячи людей работают, из них – 1.100 научных

сотрудников, из них – 200 докторов наук, 70 кандидатов, 15 членов академии. В институте своя собственная образовательная система, мы имеем физико-технический лицей, который создали в 1987 году, как только я стал директором…

В. К. Все это, я уверен, благодаря вашим усилиям.

Ж. А. У нас базовый факультет Политехнического института, базовая кафедра Электротехнического института. Сейчас, уже четвертый год, я борюсь за создание на базе Физтеха академического университета. В нем должны быть только магистратура и аспирантура, и он должен быть небольшим, но где мы, выполняя общие требования Минобразования, вели бы подготовку специалистов ультравысокого класса в наиболее актуальных направлениях современной физики и технологии. Мы можем готовить их иначе, нежели это диктуется обычными стандартами.

Но! Сегодня что-либо пробить, что-либо сделать – необычайно сложно. Такой бюрократии у нас не было никогда. И основная сила этой бюрократии направлена на то, как бы найти в каком-нибудь постановлении или законе зацепку, чтобы не делать. При этом доходит просто и до анекдотических ситуаций!

В Госдуме мною было проведено на этот год финансирование нашего университета, который учрежден постановлением президиума Академии наук. Однако Минфин прекратил финансирование.

В. К. И почему же?

Ж. А. Оказывается, не тот порядок учреждения. Письмо за подписью зам. министра Голиковой пошло в Академию наук. Но при этом сотрудница Минфина, готовившая его, не очень-то разобралась – Физтех, университет. И письмо прибыло с такой формулировкой: «Сообщить о прекращении финансирования из федерального бюджета Физико-технического института имени А. Ф. Иоффе – впредь до принятия решения о его создании в установленном порядке».

В. К. И смех и грех! Ничего не скажешь: бюрократия достигла апогея.

Ж. А. Туг я уж не удержался и написал в ответ как вице-президент академии: «Сообщаю вам, что решение о создании Физико-технического института имени АФ. Иоффе принял Наркомпрос РСФСР 23 сентября 1918 года». А затем рассказал коротко о пути и делах института, заметив в заключение, что наука, образование и технологии «вовсе не развиваются в установленном порядке, а менять его в лучшую сторону вы нам постоянно мешаете».

Так что сделать сегодня что-либо действительно очень и

очень тяжело. Но все равно – надо делать, надо биться, надо драться! И главное, повторю еще раз, – это возрождение наукоемких отраслей промышленности. Потому что иначе мы будем отброшены на обочину всего цивилизационного процесса.

В. К. Нас туда уже изрядно потеснили. Так ведь?

Ж. А Мировая цивилизация – это прежде всего результаты научного прогресса, и вклад в нее российской, советской науки огромен. Мы только что провели в Петербурге (я чаще говорю – в Ленинграде) встречу нобелевских лауреатов. Это был настоящий праздник! Нам, физикам, интересно было слушать физиологов, физиологам – химиков, всем нам вместе – слушать экономистов. И все, кто приехал, хотели бы приехать к нам снова.

Но сегодня я – единственный нобелевский лауреат, который остался в России. Умерли Басов и Прохоров. Мысленно я выстраиваю ряд наших ученых, которые, на мой взгляд, вполне достойны этой награды. Однако же, когда я мысленно называю их фамилии, когда думаю об их работах и о тех, за которые сам получил Нобелевскую премию, сразу отмечаю: ведь это всё работы советского периода!

В. К. Показательно, Жорес Иванович.

Ж. А. Причем все они были выполнены тогда, когда нам было 30–35 лет. Я хорошо знаю, что делается в нашей физике сегодня, и не могу назвать таких имен за последние 10–15 лет…

В. К. Вот очень важный вопрос – о молодежи. Как вы смотрите на нее нынче? Что о ней думаете?

Ж. А. Молодежь – в конечном счете самое главное. И наш лицей, базовые факультеты и то, что я бьюсь за наш университет и добьюсь все-таки, что он будет иметь государственный статус, – это всё продиктовано мыслями о будущем молодежи.

Падение качества населения произошло не только в нашей стране. Оно произошло за последние годы и в Соединенных Штатах. Дело в том, что советский образ жизни, советская идеология в лучшем смысле оказывали огромное благотворное влияние на весь мир.

В. К. Совершенно согласен с вами! Это был, может быть, не всегда ощутимый, но мощный стимул.

Ж. А. И очень много появлялось хорошего в США, потому что хотели показать, что и они тоже… А для развития науки в Соединенных Штатах величайшую роль сыграл 1957 год – запуск нашего первого спутника. Оказалось тогда достаточно умным американское правительство, чтобы развивать не только ракетную технику, космическую технику. Они поняли, что этот рывок Советского Союза – свидетельство успехов науки и образования в целом! И что им нужно прежде всего развивать и

менять в лучшую сторону всю систему образования. Точно так же в свое время, хотя и совершенно по другой причине, когда американцы взорвали атомную бомбу в Хиросиме, Сталин понял, что это – не просто оружие огромной разрушительной силы, а элемент в мировой политике. И мудрость состояла в том, что был не просто возобновлен начатый еще во время войны наш атомный проект, стали не только развивать ядерную физику, ядерные технологии, но было принято специальное постановление, в соответствии с которым начали бурно развиваться все естественно-научные и научно-технические направления. И на новый уровень было поднято образование! Именно тогда у нас возникли и Московский инженерно-физический, и Московский физико-технический институты, и масса новых факультетов в Ленинградском электротехническом и в Ленинградском политехническом…

В. К. А какая в то время была тяга к образованию!

Ж. А. Я первый курс института после войны окончил в Минске. Мы сидели в аудиториях в пальто, в шубах, потому что помещения не отапливались, иногда над нами не было даже крыши, поскольку была только коробка. Но мы учились – и интерес к науке был огромным! Наука для самых широких слоев населения, для крестьянских и рабочих детей была той сферой, куда должно идти и куда стремились пойти.

В. К. В том числе и это, согласитесь, помогло тогда так быстро поднять страну из послевоенной разрухи, а затем – до космических высот. Но что сегодня?

Ж. А. Сегодня все упования – на рынок. Я вообще-то не противник рыночной экономики, но вот вопрос, как ее понимать. Когда в свое время после проекта Шаталина и Явлинского «500 дней» Николай Иванович Рыжков предложил свой проект, где речь шла об элементах рыночной экономики, появился ядовитый такой фельетон: некая ярая экономистка-рыночница иронизировала, что нельзя, дескать, быть немножко беременной.

Но ведь если посмотреть на те страны, которые эти же люди нам ставили в пример, то там – сочетание рынка и планирования, рынка и государственного управления, то есть действительно элементы рыночной экономики. А если бы весь мир посадить на те принципы, которые внедрили у нас наши «чикагские мальчики», то мир жил бы сейчас совсем в другую эпоху. И, знаете, не было бы очень большого числа тех выдающихся научных достижений, которые сегодня в мире имеются.

Август 2003 г.

ПРАВДА

ЕЖЕДНЕВНАЯ РАБОЧАЯ ГАЗЕТА

№ 1.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЕЖЕДНЕВНУЮ РАБОЧУЮ ГАЗЕТУ
„ПРАВДА".

„ЗВѢЗДА"

От редакции

На газету

Первый номер газеты «Правда»

Глава II
Историческая память

Перед уходом в вечность

Часы и минуты из последних ста земных дней Леонида Леонова

Русский эпос Михаила Шолохова

Доктор филологических наук, профессор Федор Бирюков

Что оке с нами происходит?

Писатель ***Юрий*** *Бондарев*

«Наше поколение нагло ограбили»

Писатель Михаил Алексеев

Душа соборная

Писатель Владимир Личутин

У нас поле Куликово, у них – «Поле чудес»

Писатель Валентин Распутин

Предавшим память нет прощенья

Поэт Егор Исаев

На крючке позолоченном

Писатель Виктор Розов

«Варварское разрушение прошлого жестоко мстит будущему…»

Народный артист СССР Сергей Бондарчук

Познай, где свет – поймешь, где тьма

Народная артистка СССР, художественный руководитель МХАТ имени М. Горького Татьяна Доронина

Имя и честь театра

Народный артист СССР, художественный руководитель Малого театра Юрий Соломин

Востребовано ли сегодня настоящее искусство?

Композитор, народный артист СССР Тихон Хренников

«Мы теряем престиж мировой культурной державы»

Дирижер, народный артист СССР Владимир Федосеев

Перед уходом в вечность
ЧАСЫ И МИНУТЫ ИЗ ПОСЛЕДНИХ СТА ЗЕМНЫХ ДНЕЙ ЛЕОНИДА ЛЕОНОВА

Ранним августовским утром 1994 года окончился земной путь мыслителя и писателя Леонида Леонова.

– Человек приходит в этот мир с облачком судьбы над головой и уходит прежде, чем облачко развеется.

Это не были последние слова, которые я слышал от него, да и не выделил он их никак, сказав будто мимоходно, а вот вспомню Леонова – и почему-то сразу тихий голос его произнесет в памяти именно это.

Встречи, о которых считаю нужным рассказать, относятся к последним ста дням жизни великого русского писателя, когда он, будучи тяжко больным и отмечая свое 95-летие, наверное, понимал, что дни эти для него и в самом деле могут оказаться последними. И, коли хотел встреч (а все они, кроме опять же первой, были не просто с его согласия, но и по его инициативе), встреч, замечу, с журналистом, – стало быть, надеялся или даже рассчитывал, что сказанное им будет донесено до людей. Значит, хотел, чтобы его услышали.

* * *

Это уже потом я как-то нечаянно прикинул: от 29 апреля, когда мне впервые посчастливилось свидеться и поговорить с ним, до 8 августа, когда его не стало, прошло сто дней.

А встреч за это время было шесть. Три в больнице и три у него дома. От трех часов самой продолжительной до тридцати минут самой краткой.

Давно, очень давно мечтал я о беседе с классиком литературы нашей, да все не хватало смелости напроситься на разговор. Обстоятельством, побудившим проявить решительность, стало приближение 95-летия писателя.

Но ответ – как удар: Леонов в больнице. Я уж и руки совсем опустил, да спасибо Юрию Васильевичу Бондареву. Обратитесь, говорит, к зятю Леонида Максимовича, он регулярно бывает у него, пусть скажет о вашей просьбе.

Честно говоря, надежды никакой не было. И вдруг на следующий день – звонок:

– Леонид Максимович вас ждет.

О той встрече рассказано много в нашей газете 5 мая прошлого года. Рассказано все как было, лишь с некоторыми умолчаниями, на тогдашний момент совершенно обязательными.

Например, называлась больница, но безадресная, безымянная. А это был институт имени Герцена. Онкология. Так что хоть про диагноз – рак горла – Леонову, разумеется, не сказали, только догадаться не составляло труда.

Знал он, знал, какая угроза над ним, тем более в его возрасте. И от понимания ситуации мне было не по себе. Вопросов-то принес к нему кучу. Да какие уместны тут?

Может, в канун столь почтенного юбилея вспомнить прожитое и людей из разряда великих, с которыми по жизни был близок? Горький, Есенин, Станиславский… Сколько их! Но он легкой шуткой отводит тему:

– Вы еще про любовниц спросите.

Может, поразмышлять о написанных книгах? Какая из них более всего ему дорога? Улыбается:

– Это все равно что из родных детей кого-то выделять.

Однако последний роман «Пирамида», над которым работал он более полувека, не считая завершенным по сей день, – как я понял, мысль его не отпускала. Первая часть новой книги в те дни только что была издана в качестве приложения журналом «Наш современник», и мое упоминание об этом вызвало расспросы, известно ли мне что-нибудь про восприятие его работы читателями и критикой.

Легко было подумать, что обычный авторский интерес, восходящий на честолюбии или даже славолюбии. Но немедленный поворот моего собеседника в иное, глобальное русло дает понять: нет, не суетным тщеславием продиктована его озабоченность. Ведь роман этот, роман-наваждение, стал бы высшей да и последней ступенью непрестанных леоновских раздумий о судьбах родной страны в контексте судеб всего человечества. И перед вплотную приблизившимся уходом из этого мира больше всего он был озабочен, дойдет ли до людей тревожное, горькое, кричащее его предупреждение.

Предупреждение о надвинувшейся катастрофе всей нынешней земной цивилизации.

Позволю себе еще раз воспроизвести полностью тот текст, который Леонид Максимович продиктовал мне тогда и который, по-моему, мы вправе рассматривать как завещание великого писателя своей стране – России и всему миру, своим соотечественникам и всем живущим на Земле.

Одно необходимое замечание. Я написал: «продиктовал». Но гладкое это слово, называя, так сказать, технологию выражения его мыслей, никак не передает мучительный, самоистязательный процесс, очевидцем которого мне довелось стать.

Известно, что в последние годы, почти абсолютно лишенный возможности писать из-за утраты зрения и других недугов, Леонов надиктовывал свои страницы редакторам. Представляю теперь, каким непередаваемым трудом было то «надиктовывание». Но и в сравнении даже с ним, в сравнении с писавшимся ранее, эти несколько абзацев, которые предназначал он через «Правду» донести до внимания всех, рождались, наверное, с особой ответственностью и самотребовательностью.

Уверен, мысленно заготовил он к моему приходу не только тему, почему и отклонил все иные, более второстепенные, но даже продумал какие-то формулировки. Но не остановился, продолжал и продолжал продумывать, доведя и мозг свой, и весь ослабленный болезнями организм до такой максимальной степени возможного и даже, казалось, невозможного напряжения, что мне в какой-то миг стало страшно: вдруг не выдержит так невероятно туго натянутая струна.

Он произносил фразу и тут же «зачеркивал» ее. Произносил новый вариант и, поколебавшись, тоже отменял. Переспрашивал, что получилось у меня после записывания, сосредоточенно думал, выбирая после невидимой внутренней борьбы с самим собой иную редакцию предложения или какое-то другое слово, ища наиболее точное, наиболее верное.

И так три часа, с 14 до 17. По ходу советовал мне, что поля

при писании всегда надо оставлять как можно просторнее – для вставок и переделок. А то вдруг, когда я встревал с неуместным переспросом, нервно вздергивался и пугал раздраженной угрозой:

«Сейчас порву все к чертовой матери!» – после чего я инстинктивно начинал гладить его иссохшую руку, и он постепенно успокаивался, затихал, словно обиженный ребенок. Но вскоре снова входил в неистовство, падал полегчавшим до невесомости телом на кровать, в отчаянии тер руками голову: «Память, память, слова уходят!» И слезы выступали на глазах – от досады, что не дается мысленная высота, которую сам себе поставил.

Хотя, что касается памяти, я был поражен, сколько цифр он держит в голове. Называя их, правда, всякий раз оговаривался: «Уточните у Дрязгова». И по памяти же называл телефоны.

Все это, думается, читатели должны знать, чтобы представить меру взыскательности и ответственности подлинно большого писателя за обращенное к ним слово.

Боже мой! Да разве так работают многие именующие себя писателями? Испытывают ли хоть иногда укоры совести за небрежность свою, поверхностность, за распутное суесловие?

Юрий Бондарев сказал мне о Леонове: «Учитель ведет разговор с вечностью».

Прочтите же завещательное слово того, кто умел слышать голос вечности и провидеть сквозь время.

* * *

– Прошлое, пережитое нами, должно стать надежным уроком на будущее. Тут почти столетний урок. Прошлое так кроваво, так трудно. Оно свидетельствует, до какой степени однобоко и неосторожно увлекались мы материально-социальным, считая его основой, без заглядки в ближайшее завтра. В этой связи моя новая книга заслуживает, вероятно, большего внимания, чем предыдущие.

Все утопии, социальные в том числе, были нацелены на достижение однозначного материального благополучия, которое представлялось нам базой счастья человеческого. И не задавались раздумьем, хватит ли всей жилплощади земного шара для размещения оных, счастливых-то.

Эта тесная жилплощадь становится воистину нашей коммунальной квартирой, гиблая обстановка которой сотрясается неутолимыми ненавистью и враждой к соседу за фанерной перегородкой. Мы на шестой части суши, еще вчера единый

материк, разбиваемся, мельчаем, хлопочем выделить себе свой собственный уголок, хоть чулан, отдельную коечку с непременным учреждением положенных державам ведомств – от дипломатического и военного до таможенного.

Столь печальное зрелище не может не насторожить и благополучную Европу, потому что происходящее грозит зверской мировой междоусобицей. Слишком много симптомов накопилось, заставляющих, не откладывая на послезавтра, обсудить на диктатурно-мировом уровне и устранить безумно расточительные, порочные, перед самим Богом греховные, прежде всего – сугубо амбициозные (памятуя судьбу Гамсахурдиа) претензии бессмысленной нацгордыни, чтобы успеть задержаться человечеству на таком крутом спуске в неизвестность.

Наша нынешняя ситуация должна стать поучительной для еще благоденствующих пока отдельных народов, ибо целостная, мнимо блистательная, но в действительности бесконечно хрупкая сегодняшняя духовно-материальная цивилизация чересчур напоминает Валтасаров пир. И три зловещих непонятных слова, которые предсказали в свое время гибель: мене, текел, упарсин! (Речь идет о библейском мифе. Царь Вавилона Валтасар во время осады города устроил пир. Захмелев, он приказал принести все золотые и серебряные сосуды, вывезенные из Иерусалимского храма. Тогда на стене появились три таинственных слова. Они предсказали гибель Валтасара и Вавилонского царства. – *Прим. В. К.)*

Уже пламенеет это роковое предупреждение в нашем обжитом сообществе, остерегая от грядущей, надвигающейся катастрофы.

Научный прогноз обещает к 20-м годам предстоящего века рост населения Земли до 9,3 миллиарда человек, к 40-м годам – до 13 с половиной миллиардов. А в 2200 году, если демографический процесс будет продолжаться так, как он идет сейчас, на планете нашей ожидается 260 миллиардов человек – это примерно плотность населения сегодняшней Москвы по всей земной поверхности! Что может быть опаснее, нежели взаимная озлобленность и взрывчатая вражда между ними?

Примечательно: мудрейший Запад, хранитель ценностей, в начале нынешнего века был уже озабочен предчувствием своей старости, беспокоился приближением заката (вспомните книгу Шпенглера «Закат Европы»), но он лишь теперь пытается объединиться на пороге будущего. Решает перестроиться в единое множество, чтобы сохраниться и омолодиться, повысить свою жизнеспособность и прочность в преддверии неизбежных перемен. Невольно думаю, как мы пойдем и какими придем к

этим переменам.

К сожалению, многое из того, что хотелось мне сказать в новой моей книге, осталось невысказанным. Малособлазнительную возможную модель страны обрисовать устрашился. Надеюсь, книга эта будет воспринята лишь как прижизненное литературное наследство.

* * *

Вот такие мысли считал он самыми насущными, перед кончиной своей из последних сил обращаясь ко всем нам.

Знаю, многие по разным причинам восприняли это обращение год назад скептически. Что ж, видно, и в самом деле нет пророков в отечестве своем. А надо бы еще раз вчитаться. И вдуматься.

Он сам потом сказал мне, что настоящее наваждение его – это апокалипсическая тема конца света. Можно ли образумить и удержать человечество на гибельном спуске, по которому оно стремительно мчится с зажмуренными глазами? В том-то, по-моему, и был трагизм леоновского мироощущения последних лет, что он кричал, а его не слышали. Это, наверное, как ощущение человека, который один видит языки уже занявшегося пожара и зовет тушить, но, поглощенные бытовой и политической суетой, другие от него только отмахиваются.

Нет, он все-таки был не один. Говорил мне о конференции ООН 1992 года в Рио-де-Жанейро, сделавшей вывод, что если характер развития нашей цивилизации не будет кардинально изменен, то ее ожидает гибель. Видел я у него и книжку с материалами научного семинара, проведенного в 1993 году в Москве по инициативе группы ученых во главе с академиком Валентином Афанасьевичем Коптюгом и ЦИК Компартии Российской Федерации. Здесь тоже бьет колокол тревоги. И вполне закономерна опора ученых на авторитет Леонида Леонова, чьи слова вынесены во введение к сборнику:

«Задувающий ветер непогоды, от которой не спасут ни золото, ни ранг, ни пещерное убежище, заставляет глобально крикнуть людям – всеми средствами сопротивляйтесь ей, берегите будущность ваших малюток, все вместе и каждый порознь – защищайтесь!»

– Лучше бы все вместе, – сказал он, когда я обратил внимание на эту цитату.

Но как? Реально ли такое?

С трудом выговорил я, а все же выговорил, что надежды на

обсуждение «на диктатурно-мировом уровне» и тем более устранение таким образом «сугубо амбициозных претензий бессмысленной нацгордыни» могут оказаться эфемерными.

В ответ на это Леонид Максимович заметно и резко помрачнел. Проронив затем, что надежда всегда умирает последней, признался:

– Все больше становлюсь пессимистом.

Насколько я понял, усилен был этот пессимизм, доходящий, по его выражению, «до отчаяния обреченности», едва ли не в решающей степени распадом нашей страны и всем остальным, что у нас за последнее время происходит.

На мой вопрос, как относится к официально провозглашенному новыми властями лозунгу возрождения России, он поморщился:

– Опять выставили приманку одностороннего и безудержного материального обогащения, разжигают алчные страсти, а о душе и о будущем потомков своих не думают.

Вспомнились его слова про начало «генеральной перестройки человеческого бытия на новый лад, когда прежний движитель прогресса, чисто эгоистический импульс материального самообогащения, сменится желанным, при равном для всех достатке, импульсом обогащения духовного».

Это было сказано в свое время о нашей стране. Увы, начатое взорвано…

– А между тем надо бы стихию собственнических страстей поумеривать, внушая и отдельному человеку, и целым странам: если не хотите погибнуть, сдерживайте хватательные рефлексы, самоограничивайтесь.

Хлеб, тепло, одежда, обувь,
Лев Толстой да лес густой.
Об ином мечтать не пробуй!
Все иное – звук пустой.

– Чье это, Леонид Максимович?

– Вроде бы у Николая Асеева после смерти в бумагах нашли. Мне нравится… Раньше так называемые блатные говаривали: жадность фрайера погубит. А вот она теперь всех нас погубит, всех. Вы знаете, что в результате неимоверных человеческих стараний сейчас ежесуточно исчезают уже два-три вида земной флоры и фауны? Это значит, в течение ближайших двадцати – тридцати лет может погибнуть до четверти всех видов живого. Столько же, сколько исчезло за предыдущие 60 миллионов лет! Каково?…

* * *

Да, эта тема – судьба человечества – была сквозной и главной во всех наших разговорах. Так он хотел. Я же после неудачных первых попыток долго не лез с иными вопросами, мелкость которых на фоне вселенских его размышлений была очевидна. Лишь когда после курса лечения и в связи с наступавшим юбилеем его выписали из больницы, когда на какое-то время он пободрел и голос почти пришел в норму, решился кое о чем спросить.

Один мой коллега, прочитав публикацию о встрече с Леоновым, сказал:

– А знаешь, мама моя чуть не вышла замуж за Леонида Максимовича. Это в 21-м или 22-м году, он тогда вернулся в Москву после Гражданской войны. И не состоялась свадьба только потому, что мама поставила категорическое условие – венчаться в церкви, а он не захотел. Наверное, поскольку ведь был красноармейцем. Ты спроси, если опять с ним увидишься, помнит ли он Марусю, с которой в юности у него была любовь.

– Помню, конечно, – был ответ, сопровождавшийся в свою очередь вопросительным взглядом.

– А не поженились в самом деле из-за того, что вы отказались венчаться?

– Э, нет, тут совсем другое. Сейчас вам расскажу. Я действительно как раз из Красной Армии только что демобилизовался. Мытарился по Москве без угла, жил кое-где и кое-как. Устроился наконец учеником к слесарю и поселился у него на чердаке. Там и спальня, и кабинет, и мастерская – все вместе для меня было. А с Марусей мы тогда стали встречаться. Целовались, да, как водится, гуляли по улицам, но к себе избегал ее приводить. А потом неожиданно как-то попала она в мое чердачное обиталище в разгар работы и увидела руки мои. Черные, в масле, заскорузлые. И, знаете, отшатнулась, и глаза у нее стали растерянные. Испугалась моих рук! Ну про какое венчание после этого мог быть разговор?

Он помолчал и добавил:

– Вот через некоторое время, когда у меня первая книжка вышла, отношение ко мне изменилось. Не только у нее, у многих. Как же, писатель. Но теперь уже поздно было…

А я подумал: настоящая новелла, ненаписанный рассказ.

* * *

Дальше приведу некоторые высказывания Леонова, а также свои наблюдения – бегло, вразброс, как запомнилось.

* * *

В маленькой больничной комнате на одного (слово «палата» тут никак не подходит), когда я приходил, было включено радио. Видимо, оно заменяло ему чтение, возможности которого теперь был лишен. Но меня удивило его замечание, что раньше, оказывается, он даже писал часто при негромко включенном радио, что «создавало привычный звуковой фон, а на прочее внимания не обращал».

* * *

– Как оно бывает? Сидят, скажем, Державин, Жуковский, Батюшков, выкладывают свои карты. И вдруг вам Пушкин – р-раз: козырного туза! Бито…

* * *

Спрашиваю, помогала ли ему в работе критика, читал ли статьи о своих романах и пьесах.

– Читал, куда денешься. Жена даже собирала вырезки из газет. А насчет помощи… Частенько не понимали меня, вот что, и это хуже всего, когда тебя не понимают.

* * *

– Наша земля кровью пропитана до изнанки земного шара. Думаешь: после такого кровопускания может ли устоять сам генотип народа? А теперь, кажется, Россию вконец добивают.

* * *

– Хотят выжить за счет «третьего мира» – и России, туда же скинутой. Мы повымрем, а они, элитные-то, разместятся. Только это с просчетом расчет…

* * *

– Тяжелый момент у меня был, когда Сталин дал указание разделаться с моей «Метелью». Я знал, что это от самого Сталина идет. Думал, приедут за мной, возьмут, ждал с ночи на ночь. Но самое страшное, пожалуй, даже не это, а вот писать не мог. Когда не можешь писать – это самое страшное.

* * *

– Что же, евреи – великий народ. Тысячелетия, встречая новый год, говорить друг другу: «Следующий год – в Иерусалиме!» – для этого надо быть великим народом.

Сказано было без всякой связи с предыдущим нашим разговором, словно в ответ самому себе. Может, думал при этом, что и русским, разорванным теперь, как никогда, по множеству стран, собираться предстоит долгие годы?

* * *

У меня издавна особое было отношение к «Русскому лесу», который прочел сразу после его выхода, в ранней юности. Родился и вырос в русском лесу, отец – лесничий. И для него, как для всех его коллег, книга Леонова стала событием выдающимся. Помню, отец послал автору большое письмо.

– Леонид Максимович, наверное, лесоводы не вникали тогда в философскую глубину романа, видя в нем лишь мощного соратника в своем неравном единоборстве с лесорубами. Вас разочаровывали их письма, выказывавшие столь поверхностное и сугубо практическое восприятие?

– Нет, представьте себе, радовали. У меня много писем таких собралось, я чувствовал через них ниточки, проникающие в толщу России. Уж не знаю, насколько удалось мне перышком своим противостоять армии чиновников-истребителей, однако к этому я ведь тоже стремился, не только о философии думал.

* * *

Болгарская прорицательница Ванга, у которой он не раз бывал и которой доверял, предсказала ему смерть жены, издание «Пирамиды» – при его жизни, а также успех этой книги.

– Леонид Максимович, вы же православный христианин. Как совместить с Вангой?

Не ответил.

Я понимал «между строк», что вера у него какая-то не совсем ортодоксальная, но впрямую тему Бога затронуть не посмел.

* * *

Одиночество. Почему у меня все время было ощущение внутреннего одиночества его?

Вспоминалось пушкинское о Поэте: «Ты царь: живи один». Невольно приходило и другое: «Каждый умирает в одиночку». Переступая порог леоновской квартиры, мысленно повторял также его собственное: «Здесь с моею болью обитаю я…»

С болью поистине вселенской.

Ставший маленьким, очень усталый и какой-то беззащитный, он сидел в прихожей возле столика с телефоном. То ли ждал звонков, то ли сам собирался звонить.

Именно тут в начале июля состоялся последний наш разговор. Через день я уезжал в отпуск в Подмосковье.

– Вернетесь – встретимся, – сказал он на прощание.

А дальше получилось вот как. Мой отпуск, на протяжении которого я много думал об этом человеке, подходил к концу, когда жена, съездив в Москву, сообщила:

– Звонили от Леонова, он просит тебя приехать.

Это было в субботу, а в понедельник утром мне предстояло уже быть на работе. И я решил: сразу ему и позвоню.

До смерти теперь не прощу себе этого! Надо было мчаться, мчаться к нему немедленно. Что-то хотел же он сказать, если звал. А что – никогда уже не узнаю…

8 августа, в понедельник, придя в 10 утра на работу, действительно сразу позвонил ему. Телефон не отвечал. Но тревоги у меня не возникло – может, спит еще, и я позвонил Наталье Леонидовне, дочери, которая живет рядом. Телефон был занят. Второй, третий, четвертый звонки – всё занято.

Иду на заседание редколлегии. И тут вдруг встает наш корреспондент по Москве и говорит:

– Сейчас был в мэрии, там решают, где хоронить Леонида Леонова.

Я ахнул.

Умер в 4.30 утра. Я позвонил ему в 10.

Опоздал на пять с половиной часов – и навсегда.

Вот оно: не откладывай на завтра то, что надо сделать сейчас.

Никакого завтра может просто не быть.

Вместо того чтобы разговаривать с Леоновым, я сел писать некролог о нем…

Здесь можно бы поставить точку, ибо впечатления отличных встреч с великим писателем, подаренные мне жизнью, в основном исчерпаны. Прощание в Центральном Доме литераторов, отпевание в храме Большое Вознесение, известном тем, что венчался тут Пушкин, упокоение в земле Новодевичьего монастыря – это открывает уже иную, посмертную судьбу Леонова.

Однако она неотделима от прижизненного его бытия, равно как от вчерашней, нынешней и завтрашней судьбы России. И, оглядывая мысленно все вкупе, чувствуешь потребность к сказанному что-то добавить.

Вот писал про Леонова, а в голове неотступно билось: да для многих ведь ничего и не значит имя его. Знают однофамильца, прекрасного артиста, может, знают космонавта, – о писателе же, чье творчество составляет славу отечественной словесности, после смерти телевидение и большинство газет ограничились совсем короткими сообщениями. Не слишком людно было и на похоронах.

Что это? Он пережил свое время? Или сказалась сложность его творений, доступных пока в своей бездонной глуби далеко не каждому?

Или это следствие раскола общества и вместе с тем литературы? Мне рассказывали, что несколько известных писателей отказались подписать коллективный некролог, потому что «Леонов – не из нашего союза», ну а уж чтобы проститься пришли – и вовсе ждать не приходилось… Стыдно и больно от сознания чудовищной несправедливости столь суетного подхода к оценке писательского труда! Верится, правда, что по истечении времени политиканство это ничтожное отпадет, как пожухлый лист, и все расставятся, займут свои места в литературе согласно самоценности вклада в нее, а не исходя из того, воевал за белых или за красных, сидел в ГУЛАГе или встречался со Сталиным, был в партии коммунистов или находился в эмиграции.

Хотелось бы верить, что и вкус к истинной литературе в обществе нашем будет падать не беспредельно, что когда-то не с издевкой, а с тоской вспомнит оно свое былое поименование самой читающей страны в мире, что пресловутый «масскульт» потеснится в конце концов перед громадой духа Леонида Леонова, и тогда постижение его станет неизмеримо более массовым.

Но будет все это лишь при одном условии: если будет Россия.

Поспешное и бурное обращение наше во второсортную Америку заставляет вспомнить трагическое признание одного из крупнейших писателей той страны, чем-то близкого, кстати, по складу таланта Леонову, – Уильяма Фолкнера:

«Нет, повторяю, Америке художник не нужен. Америка не нашла для него места – для него, который занимается только проблемами человеческого духа, вместо того чтобы употреблять свою известность на торговлю мылом, или сигаретами, или авторучками, или рекламировать автомобили, морские круизы и курортные отели…»

Вот уж для чего высокий труд Леонова ни при жизни, ни после смерти совершенно непригоден.

– Человек приходит в этот мир с облачком судьбы над головой и уходит прежде, чем облачко развеется.

Вопреки всему верю, что он, русский писатель Леонид Максимович Леонов, никогда не уйдет из этого мира.

Август 1995 г.

Русский эпос Михаила Шолохова
ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР ФЕДОР БИРЮКОВ

Разумеется, каждое поколение читает и будет читать великую книгу по-своему, выделяя наиболее важное для себя. А что прежде всего видится в «Тихом Доне» по прошествии многих десятков лет со времени публикации первых глав?

Мне представилось интересным поговорить об этом с доктором филологических наук, профессором Федором Григорьевичем Бирюковым – старейшим на сегодняшний день исследователем творчества ***М. А.*** *Шолохова в нашей стране.*

Виктор Кожемяко. Я знаю, почти вся ваша многолетняя научная и преподавательская работа была посвящена Шолохову. Читал книги и статьи ваши. Помню, каким событием стала публикация в 1965 году в «Новом мире» Твардовского статьи «Снова о Мелехове», которая шла вразрез с установившейся к тому времени вульгарно-социологической трактовкой «Тихого Дона» и образа главного его, обвинявшегося в «отщепенстве». Вам тогда основательно досталось. Ведь выступили вы против таких официально признанных авторитетов, как Исай Лежнев и Лев Якименко. А их точка зрения, по существу, брала начало в критике Шолохова еще конца 20-х– начала 30-х годов. «Радек обвинял меня в политической неграмотности, в незнании русского мужика и вообще деревни», – вспоминал Михаил

Александрович.

Прошли годы. Вот уже кончается столетие, в котором родился и жил автор «Тихого Дона», когда был создан величественный и трагический роман-эпопея о переломном этапе в истории России. Как теперь, перечитывая его, воспринимаете вы правду времени? В чем, на ваш нынешний взгляд, правда Шолохова и ее уроки для нас?

Федор Бирюков. Он родился в девятьсот пятом. «Тогда империя вела войну с японцем и всем далекие мерещились кресты», – напишет о том времени Есенин.

Русская армия терпела поражение. Тыл и без того лихорадило. Началась народная революция. Бунтовали города. Поднималась деревня – пылали помещичьи усадьбы. Страна вступила в ту критическую полосу, когда низы по-старому не хотели жить, а верхи не могли управлять.

В этой грозовой обстановке особую остроту приобрел казачий вопрос. В «Тихом Доне» казаки перед Первой мировой рассуждают:

«– Я, браток, в тысячу девятьсот пятом годе на усмирении был. То-то смеху!

– Война будет – нас опять на усмирения будут гонять.

– Будя! Пущай вольных нанимают. Полиция пущай, а нам кубыть и совестно».

13 июня 1906 года, выступая на заседании Государственной думы, депутат от Войска Донского писатель Федор Крюков говорил: «Ныне казачество из защитника угнетаемых повернуто в стражи угнетателей; специальностью его определено – расписывать обывательские спины нагайками. Пробовали ли казаки протестовать против этого? Да, пробовали, но безуспешно».

Безуспешным оказалось и это выступление, поддержанное рядом депутатов. Дума, где отражалось кипение народных страстей, повелением императора была распущена.

Так начиналось столетие. С национальной трагедии. Политический кризис будет обостряться, судьба народа становиться все мрачнее и безысходнее. Шолохов – летописец этих страшных лет.

«Тихий Дон» создавался между двумя мировыми войнами. Не успели подернуться пеплом костры первой – империалисты начали подготовку новой.

О той, Первой мировой, написано немало волнующих произведений. Сказали свое слово проклятия писатели мира – русские, немцы, болгары, французы, итальянцы, англичане, поляки, австрийцы, венгры, югославы, американцы. Опаляющим

гневом наполнены воспоминания тех, кто побывал под огнем, уцелел десятым или двадцатым.

Много общего с этой прозой есть и у Шолохова. Но его достижения даже на очень внушительном фоне мастерства А. Барбюса, Б. Келлермана, Э. М. Ремарка, Р. Олдингтона, Э. Хемингуэя, Р. Роллана, Ж. Жионо, С. Цвейга, К. Федина – выдающиеся. По охвату действительности, масштабности обобщений, зримости картин фронтовых сражений.

Если героем военного романа был чаще всего интеллигент – честный, страдающий, растерявший всего себя в боях, то у Шолохова на первом плане – сыны глубинной трудовой России, оторванные от неотложных дел на земле.

Шолоховская правда о войне. Русские воины трупами повисают на проволочных колючих заграждениях. Немецкая артиллерия выкашивает целые полки. Раненые ползают по жнивью. Глухо охает земля, «распятая множеством копыт», когда обезумевшие всадники устремляются в кавалерийские атаки и плашмя падают вместе с конями. Не помогает казаку ни молитва от ружья, ни молитва при набеге.

Разоблачая жадных до власти карьеристов и авантюристов, привыкших распоряжаться чужими судьбами, кто гонит свой народ на другие народы, прямо на минные поля и под пулеметный веер пуль, решительно протестуя против любого посягательства на право человека жить свободно и радостно, – Шолохов противопоставил ужасам войны красоту человеческих чувств, счастье земного бытия. Страницы, посвященные дружбе, доверию, родственным связям, любви – всему истинно человеческому, укрепляют веру в победу добра над злом. Счет человеческих благородных поступков должен быть, по Шолохову, такой: скольких ты спас, скольким облегчил жизнь, сколько сберег красоты на земле, а не скольких истребил, осиротил, скольким отравил существование. Эта гуманистическая настроенность писателя прозвучала еще в «Донских рассказах» – «Чужая кровь», «Алешкино сердце», «Жеребенок»…

В. К. Мировая война для России стала только началом величайших испытаний. Россия пережила еще более неестественное – междуусобицу.

Ф. Б. Огромная территория долгое время находилась в огне Гражданской войны. По «Тихому Дону» мы знаем, что происходило. Повсеместно пальба, трупы и раненые. Грабежи и насилие. Бандитские нашествия. Запои, расшатанная психика людей, вольное поведение жалмерок. Эпидемия тифа. Смерть в отступе, вдали от родных очагов.

Чья ответственность за все это? Белых? Красных? В пылу

борьбы разжигалась взаимная вражда, те и другие как бы соревновались, кто кого скорее уничтожит.

Идущее на смену старому новое общество должно покорять прежде всего привлекательностью нравственного чувства. Так полагали В. Короленко и М. Горький, так мыслит и Шолохов. Каждый раз, когда он изображает физическую расправу над людьми иных убеждений, считает это недопустимым даже в экстремальных условиях. Классовая борьба не однозначна с правом на террор.

В. К. В «Тихом Доне» мы видим, как жестокость вызывает ответную, еще более безрассудную. По-моему, это самые потрясающие, самые пронзительные страницы. Михаил Кошевой записал в черный список контрреволюционеров Синилина, прозванного Авдеичем Брехом. Того – без всякой вины – расстреляли. Теперь сын Авдеича ищет Кошевого, чтобы отомстить за отца. В этот же список Михаил занес Коршунова. Забрали – и расстреляли в тот же день. Митька за смерть отца повесил мать Кошевого. Тот убивает столетнего деда Гришаку, поджигает дом Коршуновых…

Ф. Б. Так вот и кружилась «коловерть». Вконец пала нравственность. Убийства становятся привычным бытовым явлением.

Раздумывая о том, как стала исчезать человечность, Шолохов обвиняет и верхи белого движения, и представителей новой власти. Ведь не только Михаил Кошевой повинен, когда грозит хуторянам: «Я покажу вам, голуби, что такое Советская власть». Диктат шел из Москвы.

В. К. Имеете в виду начавшуюся политику «расказачивания»?

Ф. Б. Конечно. 24 января 1919 года Оргбюро ЦК РКП(б) приняло постановление об отношении к казачеству. Оно в виде секретного циркуляра с сопроводиловкой Я. Свердлова было разослано командующим и политработникам соответствующих армий, карательным органам для неукоснительного осуществления на местах. Казачество Дона, Кубани, Урала и других районов было, по существу, объявлено вне закона. Предписывалось:

«Признать единственной мерой самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления. Никакие компромиссы, никакая половинчатость тут недопустимы…

Провести массовый террор…

Конфисковать хлеб…

… Разработать в спешном порядке практические меры по массовому переселению бедноты на казачьи земли».

И прочее в этом роде.

Циркуляр был подготовлен в то время, когда на Дону казаки в большинстве склонялись к миру, покидали фронт против красных, уходили от Краснова. Теперь же они снова взялись за оружие, спасая родные станицы и хутора, обычаи, верование. Многие искали спасения у Деникина и других генералов, которые оказались им в этой ситуации ближе, чем Свердлов, Троцкий, Сырцов, Белобородов, Смилга, Френкель, Ходоровский, Якир. Не забудем упомянуть и не столь видную, но не менее зловредную фигуру – Малкина, изображенного в «Тихом Доне» под собственной фамилией. Это о нем в романе: «Собирает с хуторов стариков, ведет их в хворост, вынает там из них души, телешит допрежь и хоронить не велит родным… чужими жизнями, как Бог, распоряжается…»

В. К. Можно ли утверждать, что первым об этой авантюре, придуманной людьми, не знавшими народа, особенно Дона и его истории, сказал свое слово в советской литературе Шолохов?

Ф. Б. Так оно и есть. В «Тихом Доне» возница говорит ответственному деятелю Штокману: «Потеснили вы казаков, надурили, а то бы вашей власти и износу не было. Дурастого народа у вас много, через это и восстание получилось… Расстреливали людей. Нынче одного, завтра, глядишь, другого… Кому же антирес своей очереди ждать?»

Да, на расказачивание последовала реакция – Верхнедонское восстание хуторов и станиц. Красная Армия несет тяжелый урон и поспешно отступает. За этим шло подавление мятежников. В приказе по экспедиционным войскам от 25 мая 1919 года Троцкий провозглашал:

«Гнезда бесчестных изменников и предателей должны быть разорены. Каины должны быть истреблены. Никакой пощады станицам, которые будут оказывать сопротивление… Против помощников Колчака и Деникина – свинец, сталь и огонь!»

А после всего – опустошение, головешки на месте домов, сотни тысяч павших с обеих сторон. И утрата веры в честность лозунгов, которые провозгласила Советская власть.

Бездумное отношение к Дону сказалось на моральном состоянии тех красноармейских частей, которые были брошены на подавление восстания. Это стало одной из причин, поднявших на мятеж Сердобский полк. Инквизиторскую стратегию Троцкого – главного вдохновителя расправы над казачеством – осуждали честные советские работники и красные командиры. Особенно резко протестовал командарм 2-й Конной Филипп Миронов, ставший, в свою очередь, жертвой троцкистов.

В. К. Они ведь представляли Дон как сословный монолит,

оплот старого режима. Казаки окаменели в консерватизме, живут без движения и признаков демократических чувств. Это – крестьянская аристократия. В практическом деле – чубатые зверюги с нагайками.

Ф. Б. Именно! Да и дальше шли в своем приговоре: «Казачья масса еще настолько некультурна, что при исследовании психологических сторон этой массы приходится заметить сходство между психологией казачества и психологией некоторых представителей зоологического мира…» Каково? А отсюда – вывод: «Стомиллионный русский пролетариат не имеет никакого нравственного права применить к Дону великодушие. Старое казачество должно быть сожжено в пламени социальной революции».

Это из большой статьи «Борьба с Красновым», опубликованной в «Известиях ВЦИК» в 1919 году. Кто же автор? Как установил ростовский историк А. Венков, им оказался главнокомандующий всеми Вооруженными силами Республики Иоаким Иоакимович Вацетис.

Такой уровень представлений о казаках сложился у многих политиков, идеологов, историков к тому времени, когда Шолохов взялся за «Донские рассказы» и «Тихий Дон». Именно он развеял тогда мрачные легенды о Доне. Казачий вопрос в его представлении – это тот же крестьянский вопрос, но в осложненном варианте.

В. К. Однако, насколько я понимаю, сказать правду и о крестьянстве тоже было делом нелегким. Деревня в двадцатом веке стала объектом непримиримых разногласий.

Ф. Б. Да, для одних она была хранителем традиций, примером труденичества и нравственной высоты, для других – неуправляемой разумом мелкобуржуазной стихией, миром жадных скопидомов, пьяниц, лентяев, неумельцев.

В 20-е и 30-е годы в спорах участвовали многие известные литераторы. Один из хлестких фельетонов Демьяна Бедного, где он лихо прошелся по русской старине, заканчивался словами: «Слезай, деревенщина, с печки!» Правда, после критических замечаний он пожалеет об этом, скажет покаянное слово – «Перекричал…».

В. К. Не случайно, конечно, в 1930 году третья книга «Тихого Дона», где было описано Верхнедонское восстание как ответ на «перегибы» по отношению к казачеству, перекрестилась с замыслом «Поднятой целины» – тоже писательской реакцией на «перегибы». Теперь уже в ходе коллективизации, по отношению к крестьянам…

Ф. Б. Шолохов, обратившись к Горькому в 1931 году с

просьбой прочитать рукопись третьей книги, разъяснил свою позицию: «Думается мне, Алексей Максимович, что вопрос об отношении к среднему крестьянству еще долго будет стоять и перед нами, и перед коммунистами тех стран, какие пойдут дорогой нашей революции. Прошлогодняя история с коллективизацией и перегибами, в какой-то мере аналогичными перегибам 1919 г., подтверждает это. Вот своевременно ли писать об этих вещах? У Вас неизмеримо шире кругозор, и мне хотелось бы получить от Вас ответ на все эти вопросы».

В данном случае кругозор Шолохова оказался неизмеримо шире.

Да и его письма к Сталину о положении дел в ходе и после коллективизации были криком души гражданина страны, озабоченного судьбой голодающих землеробов, что не очень-то тревожило некоторых правителей.

В. К. У «Тихого Дона» ведь очень непростая судьба. А сегодня Шолохова изображают чуть ли не придворным писателем.

Ф. Б. От недоброй пристрастности он страдал всю жизнь. Вот пишет Е. Левицкой 2 апреля 1930 года, какую блокаду объявили третьей книге романа: она не будет напечатана, если автор не согласится сделать Григория большевиком и не примет другие изменения текста. Шолохов категорически отверг такой произвол.

2 декабря того же года сообщает о письме, которое получил от редактора журнала «Октябрь» Ф. Панферова – опять по этому поводу: «6 часть (исправленная) не удовлетворила некоторых членов редколлегии „Октября“, те решительно запротестовали против печатания, и 6 часть пошла в культпроп ЦК. Час от часу не легче, и таким образом три года. Даже грустно становится…»

Роман, как видно, хотели подогнать под ту мерку, какую обозначила написанная тогда Панферовым третья книга «Брусков» – «Твердой поступью». Ее Шолохов активно не принимал, говорил, что так нельзя писать о нашем крестьянстве. Надуманные сцены, искусственные образы…

А вот образец критики в адрес Шолохова – из сборника, выпущенного в 1931 году: у героев «Тихого Дона» «простое, до примитива, до животности, отношение к действительности, пол и жратва с выпивкой – для них основные стимулы существования». Ну а сам автор еще и в том виноват, что «не обрушил на этот быт всю тяжкую силу классово-пролетарского отрицания», «оказался покоренным этим гиблым бытом».

Некий Н. Янчевский, выступавший как историк донского казачества, осудил все: эпиграфы, пейзаж, старинные песни в романе, язык. Это, дескать, порождение отжившего базиса. Окончательная резолюция такая: «Тихий Дон» – произведение

чуждое и враждебное пролетариату».

Очень видный литературный критик В. Ермилов, когда была опубликована финальная часть романа, отказал Григорию в праве на трагедию, предоставив ему трагикомическую роль.

А сколько «разносили» писателя за то, что он якобы героизировал белый стан, особенно Корнилова, Каледина, Чернецова, и приземлил красных!

В. К. Теперь «разносят» за прямо противоположное.

Ф. Б. Я не допускаю даже малейшей мысли о конъюнктуре, о каком-то политическом и идеологическом приспособленчестве Шолохова. Ложь это! Лгут, как видим, и тогда, когда пытаются изобразить его жизнь и творческую судьбу, с первых шагов в литературе, как сплошную удачливость, гладкость, безмятежность. Вот уж чего не было!

И отношения со Сталиным нельзя упрощать – ни в какую сторону. Было, что именно вождь дал дорогу острейшей третьей книге «Тихого Дона»; по его же инициативе, надо полагать, роману присуждена Сталинская премия Первой степени. Но были и смелые, на грани риска, письма Шолохова вождю о недопустимой жестокости во время коллективизации, о голоде в 1933 году; чудом уцелел он и в 37-м…

Ничего нельзя упрощать и примитивизировать в этой сложной судьбе, в этом выдающемся человеке! Шолохова же все время норовят изобразить неким простоватым «Мишей с Пресни».

В. К. Каковы же, в вашем представлении, главные уроки, следующие из шолоховского изображения Гражданской войны?

Ф. Б. Шолохов любил родной народ, осознавал значимость его роли в истории, высокие нравственные качества. Но не закрывал глаза и на то, что наши соотечественники слишком доверчивы по отношению к тем, кто стремится во что бы то ни стало «володеть и княжить» (а на деле оказываются «дурастыми» насильниками), слишком безропотен и безволен в решении своей судьбы. Основательный упрек высказывает фронтовик Михаил Кошевой, когда видит бесконечную уступчивость народа: «Кровью весь изойдет, тогда поймет, за что его по голове гвоздют!»

Как известно, гвоздили и после. Гвоздят и теперь.

Пропитанные кровью страницы романа обращены к нашим дням обвального распада страны. Кипит борьба партий и движений, как в семнадцатом году. Громыхают залпы по своим людям. Встал вопрос: за кем идти? Где конец той ухабистой дороги, уже устланной многими жертвами?

Шолохов как бы держит слово перед поколением конца двадцатого века и призывает: спасайте Родину от расчленения, междуусобицы и распрей! Объединяйтесь только вокруг

истинных, несгибаемых патриотов, не давайте политиканам делить вас на «белых» и «красных»! Это уже приводило к тому, что соотечественники по-первобытному рубили друг друга. Не дозволяйте всяким зазывалам приглашать извне «миротворцев», особенно в вооруженной форме, как это пытались делать некоторые генералы, «спасая Россию». Берите собственную судьбу в свои руки, чтобы не горевать потом, как это случилось с Григорием Мелеховым: «Спутали нас ученые люди… Господа спутали! Стреножили жизню и нашими руками вершают свои дела». Опасайтесь ретивых перестройщиков и реформаторов всего и вся, сокращающих ваши дни, изматывающих души, ибо «коротка человеческая жизнь и не много всем нам суждено истоптать травы…»

Май 1997 г.

Что же с нами происходит?
ПИСАТЕЛЬ ЮРИЙ БОНДАРЕВ

Он – достойный наследник и продолжатель великих традиций русской классической литературы. Высокая оценка его романов, которую дали Михаил Шолохов и Леонид Леонов, свидетельствует о многом. Но Юрий Бондарев совершил свой подвиг не только в литературе, а и в жизни, став образцом честности, принципиальности и настоящего гражданского мужества. Достаточно напомнить его выступление с трибуны XIX Всесоюзной партконференции в разгар так называемой перестройки, когда он сравнил эту самую «перестройку» с самолетом, который поднят, но не знает, где сесть. Или вспомните: весной 1994 года, когда в связи с его семидесятилетием Ельцин вздумал польстить выдающемуся писателю-патриоту своим орденом, Юрий Васильевич от такой сомнительной чести публично отказался.

Он был и остался воином-сталинградцем, тем лейтенантом, который вместе с товарищами насмерть стоял, отражая фашистские танки. Не щадя себя, бился за Родину – и так же бьётся теперь.

Виктор Кожемяко. Дорогой Юрий Васильевич! Наш разговор на исходе века мне хотелось бы начать с последнего вашего романа, которым творчески вы завершили столетие. Уже само название романа – «Бермудский треугольник», напоминающее о

том месте в Мировом океане, где загадочно и бесследно исчезали корабли, – несет в себе пронзительную тревогу. Понимаешь, конечно, что «бермудский треугольник» у вас – это символ случившегося с нами.

А как унижен народ! Не только материально – еще более духовно. И вымирание его, физическое вымирание, идущее по нарастающей все последние десять лет, опережается уничтожением духовным. Вот у вас в романе, среди острослободневных размышлений и споров, которые ведут самые различные персонажи, не случайно ведь возникают строки вашего и моего любимого поэта Николая Доризо:

Неужто тот день на планету придет
В своем безнадежном исходе,
Тот день, когда будет не русский народ,
А память о русском народе?

Серьезнейший вопрос, который бьется, по-моему, в головах у многих, кому не безразлична судьба Отчизны!

Юрий Бондарев. В бессонные ночи я мысленно говорю: Боже, ты можешь покарать меня, но помоги мне постичь истину, познать, что произошло и происходит с моей страной и моими соотечественниками! И вот теперь еще – «Курск», неизбывная трагедия России…

В одном письме внимательная читательница пишет мне: «Я прочитала ваш роман и почувствовала такую безысходность, так жалко стало ваших героев, которых я полюбила, что даже заплакала. Потом увидела заметку в „Независимой газете“, где говорится, что вы описываете злых людей, а жизнь – „как бардак“, и подумала: как глупы и ничтожны защитники ельцинской демократии! Все они лжецы».

В. К. Чувство безысходности. Не у одной читательницы возникло. Вы знаете, что «Правда» организовала на своих страницах заочную читательскую конференцию по вашему роману. Во многих письмах ее участников говорится о том же. То есть чувство у них сходное.

Ю. Б. Вы хотите спросить, почему же такое впечатление, которое опечалило многих моих читателей? Я почувствовал, что Россия начала терять разум, в конце 80-х годов, насыщенных горбачевскими сладкоречивыми обещаниями, ложью и удручающим пустословием. Я будто постоянно находился в запретной лаборатории и видел и изучал недозволенные опыты, и сам был предметом для болезненных вивисекций. России было обещано горбачевское чудо процветания, яковлевская гласность,

материальное изобилие и некая невиданная свобода. И люди поверили, как верят наивные простаки в дармовую манну небесную, в беззаботную легкую жизнь, подаренную кем-то всемогущим!

Впрочем, «пятая колонна», пунктуально подготовленная американскими наставниками, отлично знала, куда ведут под уздцы Россию. И власовского толка интеллигенция, соединенная с «демократической» журналистикой и телевидением, начала обезумелый погром всего святого, – отстегнув запонки и засучив рукава, взялись за циничную торговлю всем национальным, русским, всеми прежними свободами и правами, которые дала Советская власть. А великий народ меж тем безмолвствовал, оглушенный «новизной всепозволенности». Девяностые годы уходящего века стали знамениты повальным разграблением России, так называемой приватизацией, то есть уничтожением первоклассной промышленности гигантской державы, разложением и растлением народа, которому под видом социального поведения теперь разрешалось все: жестокость воли рыночного дельца, безоглядная спекуляция, проституция, разнузданный секс.

Наконец, мы стали свидетелями кровавой любви Ельцина к Отчизне, разумеется, из несравненного чувства патриотизма расстрелявшего Верховный Совет России. И расстрелял несколько тысяч тех, кто нашел в себе мужество и верность справедливости, чтобы попытаться защитить этот последний очаг Советской власти. Они погибли возле «Белого дома» и в нем. А большинство москвичей, да почти вся Россия, обманутая, ограбленная, униженная, пребывала тогда в позе стороннего наблюдателя и тихого безразличия, равного предательству.

Несказанно поразил меня и 96-й год, когда народ, как зачумленный, отупевший и бесчувственный к своей судьбе, отдал голоса пьяному «вождю», беспощадному расстрелыцику – как бы в слепом мазохизме торопясь к бесславному концу нации. В нашей России оказалось множество нерадивых учеников истории: ни ошибки, ни даже преступления, ни предательство, ни унизительное обнищание, ни угроза краха Отечества – ничему не научили их и, видимо, долго не научат. Я сам себе задаю вопрос: неужели омертвело у людей чувство национальной принадлежности и духовной гордости за собственную ярчайшую историю, чувство справедливого разумения?

В. К. Действительно, будто околдовали наш народ. Будто в каком-то чаду, тумане, дурманной замороченности махнул он рукой и на себя, и на всю страну, которая была и остается пока его домом и за которую как-никак он в ответе.

Ю. Б. Несколько лет Россия находится в состоянии «непроросших зерен» и «несобранного урожая». Она еще дышит, но она дышит с усилием. Она на коленях, с дрожащей протянутой рукой умоляюще и слезливо смотрит в сторону Европы и Америки, ожидая подаяния, которое, кстати, мгновенно тонет в таинственных финансовых безднах.

Проклятие моей родной России и в том, что все теперь разобщены, расколоты – все против всех. Можно ли принять человеческую разобщенность как норму существования, напоминающего одичание? Сильных мира сего объединяет общее криминальное дело, договоренность политической вседозволенности, управляющей простодушными «наивняками», безвольной нетрезвой толпой, которую без оговорок трудно назвать сейчас великой нацией с ее былым достоинством и доблестью.

В 93-м я слышал крутой разговор двух перевозбужденных «демократов» после расстрела Дома Советов. Один цинично говорил другому: «Свинье за два дня до убоя не дают есть. В первый день – немного воды. Так вот, наше славное население пьет водочку не первый день, не первый год – и успокаивается. Или в буйстве режут своих жен кухонными ножами. Туземцы, трех мыслей собрать не могут. Только единственное в голове: во-доч-ка». Другой ответил: «Наше счастье – пьяным народом легче управлять. Екатерина Вторая была неглупая баба. Спаивание народа – смазка рычагов власти».

В. К. Алкоголя у нас потребляется в среднем на человека уже больше, чем в любой другой стране мира. Причем это ведь всячески поощряют – рекламой, телевидением, настырными шутками записных эстрадных хохмачей. Пьянство едва ли уже не возведено в ранг главного русского достоинства – начиная с сомнительной заповеди якобы идущей от предков, будто «веселие Руси есть пити» и до новейших «киношедевров» типа «Особенностей национальной охоты», «Особенностей национальной рыбалки» и т. д. и т. п.

Неужели не осталось в стране уважаемых и авторитетных людей, кроме ленинградского профессора Углова, которые всерьез бы подняли голос против всего этого, против вырождения нации? Неужели, видя, что народ окончательно спаивают и он спивается, нельзя начать общенациональную акцию самоспасения, сделав образцом для молодежи трезвого, а не пьяного героя?

Ю. Б. Да, когда страна в нескончаемом тумане алкоголя, есть ли смысл говорить о вере в духовное возрождение, в моральное очищение, наконец – в экономический подъем… Все

неисправимо, пока народ не осознает, что в конце 80-х годов ступил и побрел в безнадежную пустыню, а теперь падает в удушающий сумрак, где происходит отживание человеческих связей, нарастает ощущение ненужности и тщетности бытия, где экономические идеи и культура утратили энергию и прекращается движение интеллекта в бесцельности, подавленности, разброде.

Маркес в романе «Любовь во время чумы» пишет о беспросветности и разложении мира, в котором не слышно детских голосов, повсюду трупы погибших от болезней и нескончаемых бессмысленных войн. Не стоит ли и нам вспомнить о 8 миллионах умерших в годы «великой перестройки», не говоря о тысячах погибших в последних войнах? Не живем ли мы под чумным флагом, зловещим символом ухода в никуда? Быть может, это знак наступающих времен, а трижды обманутые вождением за нос россияне все еще простодушно верят, что завтра будут жить в самой лучшей из обещанных «демократами» цивилизаций, где каждый (по философии самодовольного вольтеровского болтуна Панглоса) будет «возделывать свой лучший из возможных садов»? Не чужой ли он, этот сад, будет? Не сомневаюсь нисколько. Сейчас мы кое-как живем за счет созданного старшими поколениями, проедая хлеб наших внуков и правнуков в конце концов.

И тут я слышу возражения приспособившегося и не очень глупого мещанина, моего знакомого: «Не согласен, жизнь – это наслаждение! А в нелегкой жизни спасает не политика – спасают удовольствия, развлечения и забавы. Надо выжить! К черту мучить самих себя! Они мельница, мы – зерно. Перемелется – мука будет!»

Некий самозваный африканский пророк сказал, что молчание Бога – главный признак божественного существования. Я, грешный и смертный, не могу молчать потому, что не чувствую подземные толчки социальных перемен. Жизнь – река Вселенной, но во времени мы плывем против течения, в обратном направлении, не понимая, что внушаем себе миф – поймать призрак не существующего на земле рая. Иначе говоря, мы все идем по тонкой пленке хрупкого льда, под которым черная непроглядная глубина.

В. К. Я понимаю так: вы роман свой написали с целью раскрыть глаза людям на самих себя, на положение, в котором они находятся. По-моему, вы хотели таким образом как следует встряхнуть их, дабы вывести из состояния некоей оцепенелости. Но… многим показалось, что их лишают всякой надежды. А без надежды плохо, без нее жить нельзя! Пусть она даже иллюзорная

– все-таки как-то в трудной жизни поддерживает. Вспомните, когда под гиканье, улюлюканье одних и равнодушное молчание других уничтожали социализм в нашей стране, а по существу – саму страну, чем утешали людей и чем они утешались, обнадеживая себя: фермер нас накормит, Запад нам поможет. Был создан восхитительный, соблазнительный, гипнотизирующий образ прекрасного Запада. Дескать, там, «за бугром», все только хорошо и замечательно – вот заживем, как они, как в Америке…

Ю. Б. Мекка эмигрантов – «американский рай», куда нацелена «демократами» Россия, давно уже при внешнем благополучии на краю катастрофы. Он в преддверии распада, хотя еще военной силой и долларом распространяет свой уклад жизни на многие страны мира, связанные после великой войны экономическими путами.

Японки делают себе пластические операции, чтобы их лицо приобрело американо-европейские черты, более того – исторические традиции меняют облик исконного национального, подражая американскому образцу, вульгарной моде, захватывающей мир, как та же наркомания, как раскрашенные майки с девизами разных штатов, университетов и сект.

Россия, подобно десяткам других государств, тоже сделала пластическую операцию на лице. И постепенно утвердилось почти метафизическое ощущение несвободы, модернизованных контрреволюцией нравов, анархии самых низких инстинктов и вместе – как неустранимое качество существования – страх за завтрашний день среди урбанистического безумия, асфальтовой шизофрении и грозовых туч массовой голодной безработицы. Где они, добрые и дивные мечты о всеобщем братстве? Порой мне кажется, что в мое сознание вместилась вся Россия и весь ее исстрадавшийся народ, а я оказался плохим самонадеянным пророком, надеясь, что ко мне прислушаются на XIX партконференции, когда я выступил перед пятью тысячами делегатов, сказав, что мы подняли в воздух самолет перестройки, подняли с восторгом фальшивого оптимизма, однако не построили для него посадочную площадку.

Что ж, самолет уже полтора десятка лет блуждает в воздухе, растеряв запасы провианта, с подгнившими парашютами, и горючее на исходе. Но тогда к моим словам народ остался глух и нем. Яковлевская печать открыла по мне огонь залпами вперемежку с автоматными очередями. И чувство «многолюдного одиночества» до сих пор не исчезает в душе – чувство горькой непрекращающейся боли, которая ежедневно преодолевается только работой. Так через боль мы познаем жизнь. Способен ли я показать и помочь читателю понять трагедию нашей несчастной

России?

Мой писательский характер – от Бога или его «испортила» война, научив отвергать евангельское непротивление и покорность, жалкое стояние на коленях? Время пытается меня переделать, втиснуть в новые правила. Но это вряд ли возможно в моем возрасте. У меня нет запасного «я», а мое «я» единственное не в силах ничего изменить.

В. К. Наверное, вы приуменьшаете силу и влиятельность вашего таланта. Хотя образумить народ – задача не для одного, пусть даже самого мощного таланта. Вопросы, вопросы: и все же, как происходящее объяснить, исправить и обрести новую жизнь, свободную от обмана, торгашеских страстей, страданий и заблуждений простого русского человека? Где путь спасения?

Ю. Б. Твердо уверен: все раздававшиеся доныне призывы власть имущих к сладкому западному, американскому благу есть политика лжи, прикрывающей низведение недавно сильнейшей и богатейшей державы к уровню безропотной колонии, к придатку глобальной экономики. Тем более – в Европе и Америке у нас нет друзей. В письме поэту Я. Полонскому еще в 1876 году Тургенев, прекрасно знавший Запад, писал: «Европа нас ненавидит – вся без исключения; мы одни – и должны остаться одни». Знаменательные выводы русского писателя и философа, выводы мудреца, которые, разумеется, вызовут яростное неудовольствие у наших недавних «вождей», назойливо и льстиво лезущих с объятиями к тайным недругам России.

В. К. Но что же в конце концов случилось с нашим народом? Ведь по существу, насколько я понимаю, вы осуждаете сегодня не только вождей, но и народ, что еще недавно для любящего свою Родину русского писателя было немыслимо.

Ю. Б. Вот знаки наступивших времен: равнодушие – как близнец предательства, оно же сродни тупому безразличию; предательство порождается и тем и другим. Россия предала себя. Потому и не видно «светлого» будущего в этом «лучшем из всех возможных миров». Будущее забетонировано для большинства, вместе с тем оно сияет радужными лучами довольства и пресыщенности для единиц, всяческими неправдами сколотивших миллионные богатства.

Я люблю Россию с ее несравненной культурой, с ее историей, с ее снегами и серым дождичком, с ее талантливыми людьми. Но меня до горчайшего недоумения поражают мои соотечественники, потерявшие волю и характер, ставшие «электоратом» – теми механическими избирателями, которые говорят «да», совершенно не думая. Не могу согласиться, что это неспособность к самостоятельному мышлению, к защите

будущего, к сопротивлению волчьим желаниям честолюбцев. И это убеждает в том, что жизнь наша неблагополучна, что мы перестали слышать, понимать и верить здравомыслию друг друга. Нас – как слабоумных – приучили верить рекламе, дешевой телевизионной пропаганде, пошлой политической мистификации. Даже силу интеллекта, как известно, можно заглушить, в худшем случае подавить политическим, психофизическим, социальным действом, и возникает хрупкость человеческого духа перед средствами массовой информации, перед ложью, которая является неким третьим состоянием между жизнью и смертью. Кроме того – когда ты нищ и слаб и что-либо просишь у сильного, твой дух зыбок. Ты проглатываешь бессилие, а потом оно съедает тебя изнутри.

Многие известные политики, стоящие у власти, способны, подобно актерам, убедительно притворяться, создавать придуманную жизнь, театральную правду, а зрительный зал верит им, как верит в пьесу, принимая ее за действительность. Потому-то на обеденный стол народа царственные официанты от «демократии» подают вместо блюд только меню.

Голландский художник Хан ван Меерхерен стал чрезвычайно известен благодаря подделкам в стиле знаменитого Вермеера, подделкам настолько великолепным, что они были признаны самыми лучшими работами самого Вермеера. Меерхерен не был талантливым живописцем, он был талантливым фальсификатором, алчным корыстолюбцем, смысл жизни которого был в достижении славы, денег посредством искусства. Художник дьявольским трудом может научиться воровать чужую манеру, чужое искусство, повторять его. Политик для достижения цели способен фальсифицировать самого себя, свой характер и волю, когда, к примеру, надобно со всей решительностью сказать, что, независимо от разной политической погоды, Россия и Америка – антитеза. И не вчера начатая хитроумная игра, кончившаяся торжеством почти даллесовской доктрины, капитулянтской ратификацией договора СНВ-2 и добросердечным согласием нашим (о гуманисты!) прекратить атомные испытания в России – суть блистательная неудача Государственной думы, фантастическая странная торопливость неполитичной политики, расцвеченной пышными фейерверками демпрессы под победный аплодисман «пятой колонны». И как-то становится очень уж неловко, как-то сверх меры стыдновато за податливость и слабость Отечества. И я чувствую, как в сознании растерянного россиянина невольно смыкаются вера и неверие, измена и жертвенность, свобода и принуждение.

Это легкомысленно-ветреное действо государственных

мужей, страдающих, мягко говоря, фальсифицированным укороченным разумением, нельзя разделить между всеми. Известно: когда виноваты все, то не виноват никто. Впрочем, как в «готическом романе» – за внешними событиями скрывается неуклонное свинцовое давление таинственных мировых сил. Может быть, в угодливом послушании закулисному диктату проступил первый круг преисподней, в которой пока еще нет мученической боли, но ползет желтая тоска в пространстве существования на обочине жизни и смерти.

В. К. А что же народ при всем этом? Что он может, на что способен и не способен, зависит ли хоть что-либо реально от воли его?

Ю. Б. Я теперь говорю так: в то же время вина лежит и на народе, безбурно, то есть преспокойно взирающем на избранных им депутатов, на их непротивление злу, на их трусливо-позорные жесты согласия с обезумелыми разгромщиками России, изготавливающими долгую беду русской нации. Необыкновенная поспешность думских избранников, суета со скользким сюжетом разоружительного голосования рано ли, поздно ли жестко осудится умными и дальновидными политиками, но все же – как сегодня не везет России! Неужели русский человек так бессилен, молчалив, вял и лишь ждет божественное провидение, что оно спасет Россию? А если не спасет?

В. К. Читателей наверняка интересует ваше мнение о Путине.

Ю. Б. Наш новый президент покуда еще неразгаданная загадка, новая непрочитанная книга с короткой аннотацией, сообщающей нам сведения – и нечто обещающие, и весьма общие. И возникает тысяча недоуменных вопросов к Владимиру Путину, когда рядом с ним появляется обрюзгшая физиономия закоренелого пьяницы, бывшего «всенародно избранного» президента, варварски жестоко разрушившего Российское государство, но теперь произносящего вялым коснеющим языком сентенции, отвратительно пахнущие ложью: «Берегите Россию». Ему бы вместе с Иудой Горбачевым и «философом» из Канады Яковлевым стоять на коленях, посыпать голову пеплом, в покаянии царапать грудь и просить прощения у народа перед уходом в монастырь!

Как раскроются человеческие свойства нового президента? Как проявится его натура? Он заурядный политик, как большинство, или цель его – использовать возможность политики не как средство, а как искусство, сохраняющее достойное положение государства, культуру, материальный достаток народа? Как бы это ни звучало сентиментально, но какое было бы благо, если бы новоизбранный президент увлекал наш много

переживший народ благородством идей, состраданием и дерзостью в достижении долгожданного общего добра!

Я убежден, что хороший политик выражает главные процессы общественного развития с его социальными особенностями и противоречиями, заурядный – видит в политике удобное словесное средство, провокационную, без угрызения совести и брезгливости, мистификацию для взлезания к власти, а значит – к личному преуспеянию, которое дает власть.

И вот уже десять лет подряд занавес над Россией и открыты все шатающиеся декорации, все наши безумства «перестройки» – разгромные реформы, нищета, неизлечимые болезни, повышенная смертность, вымирание нации (почти по розенберговскому плану «Ост»), моральное бесстыдство, тирания криминала, современное одичание – продажность и предательство. Подлинные же ценности жизни продолжают надламываться противоестественными условиями действительности, равнодушием людей, изощренными фокусами свободы.

И огромный корабль России в самом деле как бы безжизненно потерял ход среди Бермудских островов в мистическом треугольнике Атлантического океана, где в течение века бесследно исчезали в небытие десятки кораблей и самолетов – в этой страшной ловушке природы. Винты машины моей любимой Отчизны едва работают, стрелка компаса неподвижна, приборы показывают на нуль.

Вот откуда невеселое название моего романа и невеселое настроение его.

Будут ли перемены? Они нужны, крайне нужны!

В. К. Помните, вы дали мне целую пачку записок, полученных за последнее время на встречах с читателями? Там много вопросов к вам. Немало вопросов, вам адресованных, и в почте «Правды», «Советской России». Я отобрал наиболее интересные, на мой взгляд, не только для автора конкретного письма или записки, но для многих. Вот первый вопрос: как вы сегодня относитесь к давним и широко известным своим романам «Тишина», «Горячий снег», «Батальоны просят огня»? Ведь прошло более 30–40 лет со времени их напечатания. А «Берег» был напечатан 25 лет назад… Может быть, сегодня вы написали бы их иначе?

Ю. Б. Наверное. Если бы сейчас я стал писать эти романы, написал бы их по-другому. Но это не значит, что написал бы лучше.

В. К. Вопрос тоже литературный, но спроецированный на сегодняшнюю жизнь: скажите, как относиться в наше тяжкое время к толстовскому «чуть-чуть» в искусстве? Не парадокс ли

это? Толстой ведь писал прямо и резко.

Ю. Б. В искусстве есть удивительный и почти неуловимый инструмент художественности. Да, Лев Толстой называл это качество таланта и художественности «чуть-чуть». Чудодейственное «чуть-чуть» не утончает стиль и форму до изощренности и изысканности, но оно не терпит громоздкой перегруженности материалом, внеисторичности, смещения законов времени и пространства, модернизации, насилия над историей. Прямолинейность, клевета, грубая намеренность, истерический юмор, истина вкось делают современную литературу или непристойно орущей в мрачной общественной уборной с разбитой лампочкой, или весело-пошленькой, виляющей голым задом на авансцене, перед глазами тысячу раз оглупленного зрителя и читателя.

Бесконечно жаль, что нашу величайшую в мире советскую литературу подстрелили на лету, и она, ломая строй, кружит, снижается, но еще держится на высоте раздробленной стаей.

В. К. Несколько читателей спрашивают вас: может ли человек, не воевавший никогда, написать талантливо о войне?

Ю. Б. Возможно, и появится когда-либо такой роман. Но все-таки я испытываю большое сомнение в реальности рождения сильной, яркой, правдивой прозы о войне, написанной отраженной энергией дальних зеркал, в которых нельзя увидеть свое лицо.

Человек, ни разу не ощутивший смертельный ветерок осколка возле щеки, ни разу не вдохнувший удушливый хищнически-чесночный запах тела, или ни разу не видевший огненный жар раскаленного до фиолетового свечения металла, вонзившегося в землю перед ногами, или не испытавший знобящего удара первого ранения – написать о войне правду не сможет. Предполагаемый роман способен нести только «отражение отраженного отражения», бледную тень событий и характеров, заимствованных из знаменитых книг. В нем не будет главного – искреннего чувства, что и есть в конце концов правда.

Рациональная художественная идея вряд ли может нас покорить, хотя имеет право на существование и литература оголенных формул.

Вместе с тем хочу добавить, что в последнее время появились два прекрасных романа, связанных с чеченскими и афганскими событиями – это «Чеченский блюз» Александра Проханова и «Тихая застава» Валерия Поволяева, книги писателей, которых обожгли недавние войны.

В. К. И вот серьезнейшая проблема: экономическая и научная. Вспоминается, что вы ведь до «перестройки» занимались

проблемой поворота рек и, как известно, вместе со своими коллегами защитили нашу землю от чудовищной авантюры…

Ю. Б. Да, это вопрос вопросов, вы правы. Несколько лет назад по телевидению я услышал выступление одного известного академика, решительно утверждавшего, что загрязнение рек, озер, морей, океанов, отравление атмосферы химическими отходами не могут существенно изменить экономический баланс, не могут нарушить естественное течение жизни на земле, а в прессе он, академик, замечает преувеличенные страхи и паникерство малодушных. Он утверждал также, что земных сокровищ хватит нам, нашим внукам и правнукам, вследствие этого надо быть оптимистом, не проливать слезы, а сверхинтенсивно брать у земли ее богатства – добывать, использовать и продавать, продавать, продавать. Не знаю, почему академика не осенила идея продать Байкал с его кристально чистой пресной водой, которой осталось в мире всего 25 процентов. Японцы ведь не расстаются с мыслью о бесценном богатстве Байкала и некоторое время назад уже начинали переговоры о водопроводе «Байкал – Япония».

И тогда я подумал, что выступление этого ученого мужа напоминает тост невежды, обуянного тупым оптимизмом на пиру в момент смертельной болезни матери. У меня нет охоты спорить со жрецом науки, преисполненным неистребимой бодростью духа. Лишь хочется сказать: по меньшей мере преступно думать ученому, что возможности Земли – неисчерпаемый волшебный колодец. В конце концов каждый колодец исчерпаем, как, впрочем, исчерпаема и человеческая жизнь. И очень скоро может наступить день, когда мы поймем, что знали о надвигающейся смертельной опасности, но все же сами убыстряли гибель родного дома. Мы ничем не заменим ни озон, ни кислород, ни воду, не задержим таяние арктических льдов в «парниковом состоянии», не изменим человеческую структуру в смещенной среде обитания. Рецепты научно-фантастических романов здесь смехотворны.

В. К. Чем объясните растущую разобщенность людей в современном городе?

Ю. Б. Развился мегаполис, не похожий на город, скажем, начала или середины XIX столетия. Мы вступили в век неэстетической урбанизации. В современном городе вместе с людьми (его давними и традиционными хозяевами) поселились и новые господа улиц– машины. В крупных городах выхлопные газы заменили кислород. Огромные магистрали, шоссе, «кольца», перекрестки, гаражи, автомобильные стоянки, бензоколонки, станции обслуживания – поистине не оставили свободного

жизненного пространства для давних городских хозяев. Прямоугольные башни, двадцатиэтажные бетонно-стеклянные уродливые коробки рядом с унылыми параллелепипедами кажутся порой марсианскими кладбищами. Жильцы многоквартирных домов молча подымаются и опускаются в лифтах, молча выходят из подъездов, в общем не зная друг друга, молча садятся в троллейбусы или в свои машины.

Дети встречаются на несколько часов в школе, где нет ни вольного места, ни времени пообщаться, как того требует возраст. Вокруг современных жилых домов исчезли «домашние» уютные дворики, спортивные площадки, которые в советские годы объединяли детей. Более того – дети разъединены на богатых и бедных, и это создает новые, «классовые» отношения, чего не было в советскую пору! Мое детство протекало в Замоскворечье, на глазах людей, и в своем маленьком дворе мы знали о каждом человеке абсолютно все. Между семьями были как бы родственные общения. В том невозвратном прошлом мне, пожалуй, трудновато представить холодную злобу или усмешку равнодушия на лице человека из одного с тобой дома.

Я все чаще думаю, что наступает время необоримой неприязни друг к другу и всех ко всем. Тогда горожане начнут еще больше уезжать, бежать в деревни – к солнцу, к траве, к воздуху, к простору, к голубому и зеленому цвету, подальше от безучастных скопищ людей. И в России появятся, возможно, особые «чистые» поселения, ибо урбанизация, изуродованная вдобавок антинародными реформами, уже достигла того предела, когда уничтожается в человеке все живое.

В. К. «Если бы молодость знала, если бы старость могла»… Согласны вы с этим изречением?

Ю. Б. Да, конечно, молодости свойственна поразительная уверенность в себе. На заре жизни кажется, что нет неприступных бастионов, все крепости и препятствия преодолимы, что впереди сияют солнечные дали, что будущее принадлежит тебе, лучезарное и прекрасное, что все человечество дружески протягивает тебе руку, что несомненно будет изобретен вечный двигатель, созданы «Война и мир», «Братья Карамазовы», «Боярыня Морозова», «Четвертая симфония».

Вспоминаю годы послевоенные, возвращение из армии в Москву, когда у моего поколения было столько дерзости, столько отваги! Мы ничем не были похожи на ту молодежь, о которой писал Блок в дневниках 1915 года: «Молодежь самодовольная, аполитичная, с хамством и вульгарностью… Языка нет. Любви нет. Победы – не хотят, мира – тоже». Эти черты молодых людей давних лет странно перекликаются с чертами некоторой

молодежи нынешних 90-х годов, растленной так называемыми демократическими реформами «всепозволенности».

Серьезное время раздумий, ревизия собственной совести и попытка твердого самоопределения приходят с неотвратимой требовательностью, если хотите, к сорока годам. Может быть, сейчас с нашими современниками это случится гораздо раньше. Хочу верить в это. Приходит сезон мучительных осмыслений, и человек начинает задавать себе вечные болезненные вопросы: кто я? И что означает все окружающее? Так ли я живу? И могу ли я изменить свою жизнь? А дальше что? Когда эти вопросы задаются самому себе, возникает неприятная реальность подведения итогов, где сожаление переплетается с угрызением совести и стыдом. Пожилые годы и старость – это продолжение раздумий, но тут уже утрачена надежда на возрождение и возвращение энергии молодости, где так много было потеряно возможностей.

Впрочем, в двадцать лет, к примеру, вряд ли можно с пронзительностью кратковременности красоты увидеть капельку росы на листьях в июньское утро, удивиться разной форме полевых цветов или вечерней тишине августа, или чистому блеску осеннего месяца в проселочной колее после дождя. Только в зрелом возрасте человек особенно осознает подробности мира и приходит к мысли, что он частица великой природы и вместе политизированная частица испорченного людьми общества, в котором рядом существуют красота и уродства, несправедливость, ложь, жестокость, зависть, ненависть, что все это будет на земле всегда, как добро и зло. У людей с воображением это вызывает особую боль. И все-таки, если человек находится в согласии с природой, то полноценная старость заключена в способности работать и мыслить реалистично.

Думаю, в преклонном возрасте нет высшего наслаждения, чем общаться с тем божественным богатством, что накоплено человечеством в мировой культуре. Вместе с тем старость – это осмысление перехода в иное состояние, подведение последних итогов или успокаивающая надежда на бессмертие в семи формах возрождения, о чем заманчиво говорится в восточной философии.

В. К. Ваш нашумевший в свое время роман «Игра» вызвал очень много серьезных мыслей и споров по поводу того, каким вы видите мир нравственных людей. В уста Крымову вы вложили фразу: «Подвижники и правдолюбцы устали, справедливцы притомились и надоели». Почему? На что же тогда можно надеяться? И в связи с этим тот же Крымов говорит: «В войну погиб цвет народа, а дети не стали лучше отцов». Простите, а среди детей, по-вашему, нет ни подвижников, ни

правдоискателей, ни справедливцев?

Ю. Б. Писатель, рождая своего героя, вкладывает ему мысли, чувства, фразы, формулы, умозаключения, исходя из сущности того образа, который он рисует. То есть автор знает, что было, что есть и что будет с его персонажем. Великая книга «Жизнь Клима Самгина» – история предреволюционной интеллигенции. Много там высказано идей и суждений, раздражающих нас. Но это высказывают персонажи Горького, а не лично автор в своем дневнике. Было бы ошибочно полностью соединять в мыслях и поступках писателя с образами, им созданными. Уже обдумывая книгу, автор «проигрывает» роли всех будущих главных героев. Он становится и влюбленным, и ненавидящим, решительным и растерянным до заискивания, робким и гордо непреклонным, то есть – переживает множество душевных состояний. Ведь в каждом из нас посеяны зерна добра и зла, то, что я называю миром и антимиром, поэтому в воображении писатель может преобразиться по мере своего дара в другого человека, прожить чужую жизнь, родиться и умереть.

Что касается детей, то на этот вопрос я смог бы ответить более или менее точно через 10–15 лет. Я не хочу лгать, потому что знаю, какие наряды, какие окраски, какую проверенную парфюмерию имеет бессмертная госпожа ложь! Ложь – правдоподобная, оголенная, завистливая, злобная, опорочивающая, подобострастная, лукавая, святая, спасительная, убивающая, ложь, преподносимая как истина, а истина, подаваемая как ложь…

В. К. А что вы думаете о школьном воспитании сегодня? Ведь учебники и программы за последние годы претерпели радикальнейшие изменения.

Ю. Б. Что ж, если говорить о литературе, например, то многие авторы включены в учебники по программе всевозможных господ Соросов, злых недругов России – с целью извращения сознания нашей молодежи. Разумное воспитание правдой истории изгонялось «демократами» из школы, искалечено безыдейностью, торгашеским прагматизмом. Понятие «воспитание» стерлось, затаскалось по догматическим либеральным углам и стало отдавать отравляющей пылью. А между тем воспитание есть передача опыта разумных правил, норм жизни в обществе, прививание нравственных привычек, что в конце концов и сделало нас людьми.

Иначе сбудется страшное пророчество апостола Павла, высказанное в его послании: «Знай же, что наступят времена тяжкие. Ибо будут люди самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны…

Ибо будет время, когда здравого учения принимать не будут… от истины отвратят слух и обратятся к басням».

Что ж, все это уже заняло в России плацдарм и продолжает (да, пока продолжает!) овладевать господствующими высотами.

Выросшие на химическом навозе «демократических реформ» всяческие эротоманы в современной литературе, неисчислимые циники в кинематографе, величественные бездарности в театре и на телевидении, лжеакадемики разного рода, бойкие политики с незакрывающимися ртами – все это порождение десятилетней оккупации России антидуховной русофобствующей «культурой».

Известный определенному кругу «интеллектуалов» драматург Эжен Ионеско в одном из интервью определил задачу литературы как умение делать из слона муху или же как рассказ консьержки, которую занимает в жизни лишь одна правда: то, что подсмотрено в замочную скважину. Я понимаю напряжение Ионеско выказать себя сверхоригинальным, повторяя всех без разбора абсурдистов. Понимаю, почему герои его пьес изрекают не смысл, а бессмыслицу, разумея высокий смысл в каждом абсурде, где отсутствует политика. Что ж, он был бы прав, если бы отсутствие политики не было тоже политикой. Добавлю: искусство, лишенное общественных мотивов, рождает безмерную скуку.

Все творения бессмертных политизированы насквозь: Гомер, Данте, Сервантес, Бальзак, Толстой, Достоевский, Шолохов…

Когда писатель в нервозном ожидании, трепеща, раскрывает объятия навстречу массовому читательскому лобызанию, горя желанием любой ценой понравиться всем, когда любыми уловками он пытается стать кумиром всех, то он продает свой дар на «блошином рынке», убивает данный ему талант, которому призван служить до последнего часа. Есть некая тайна художника, а ее он не имеет права нарушать, как таинство самовыражения наедине с чистым листом бумаги, где не должно быть места для фальши, предательства и продажности.

Август 2000 г.

Наше поколение нагло ограбили
ПИСАТЕЛЬ МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВ

Основные книги выдающегося русского писателя Михаила Алексеева – о деревне и о войне. Вполне понятно: уроженец саратовского села, он стал воином и с боями прошел всю Великую Отечественную, как говорится, от звонка до звонка. Считает себя необыкновенным счастливцем, что участвовал в двух величайших битвах той войны – Сталинградской и Курской. О своих боевых товарищах Михаил Николаевич написал повести «Мой Сталинград» и «Солдаты». Публикуемая беседа состоялась в 2003 году, в связи с 60-летием исторического сражения на Курской дуге.

Вслед за 60-летием победы в Сталинградской битве мы отмечали такой же юбилей другого величайшего сражения Великой Отечественной войны. Нынче уже немного осталось ветеранов, которым довелось воевать и там и там. Да и само по себе это было подарком судьбы – выдержать две такие кровавые купели и выжить. Писатель Михаил Николаевич Алексеев уже поэтому называет себя большим счастливцем.

А еще он, отметивший недавно свое 85-летие, счастлив тем, что написал книги о боевых товарищах, участниках двух этих великих битв. На сей раз, в связи с памятной датой Курского сражения, попросил я Михаила Николаевича вспомнить, какими

были для него те месяцы и дни, вспомнить находившихся рядом людей и какие-то подробности событий, ставших теперь историческими. Но – не обошлось в беседе и без горькой переклички с временем нынешним…

ОТ СТАЛИНГРАДА – ПОД БЕЛГОРОД

Виктор Кожемяко. Расскажите, пожалуйста, с чего для вас лично началась Курская битва?

Михаил Алексеев. Для меня началась она не 5 июля, когда немцы перешли в наступление, а гораздо раньше – в марте 1943 года, в самом начале марта, то есть вскоре после Сталинградской битвы. Тогда мы вдруг оказались в глубочайшем тылу…

В. К. После того как немцев от Сталинграда отбросили?

М. А. Да. Ведь уже Харьков был взят нашими войсками, и дальше немцев поперли. Но тыловой наш отдых оказался совсем коротким. Вдруг дивизию в срочном порядке начали погружать в теплушки, очень знакомые мне. Мы думали, что нас направят под Москву, откуда мы были посланы воевать под Сталинград, а нас бросили под Белгород. Всю нашу 7-ю гвардейскую армию, бывшую 64-ю. Это было очень тяжело. Пополнить армию не успели, и дивизия наша оставалась только на треть заполненной по численному составу после Сталинграда. И вот такую неукомплектованную дивизию вдруг бросают под Белгород – спасать положение.

Оказывается, немцы Харьков себе уже вернули, Белгород вернули, переправились уже через Северский Донец – и направление было на Москву! Плацдармы уже немцами были захвачены. Наша дивизия одной из первых успела туда прийти, и первым полк Баталова вступил в бои.

Нисколько не отдохнувшие, истрепанные, кое-как заштопанные – и снова в кровавое пекло. Ценой невероятного напряжения всех сил, но с задачей справились. Стояли, что называется, насмерть.

В. К. Это на территории нынешней Белгородской области?

М. А. Где-то на расстоянии примерно тридцати километров севернее Белгорода. Немцы уже двигались на Москву. Село Прохоровка, которое станет потом знаменитым после величайшего танкового сражения, было захвачено немцами.

Так вот, я в это время был переведен – этого мне давно хотелось – в артиллерию. Стал заместителем командира штабной артиллерийской батареи. Она находилась в распоряжении командующего артиллерией всей дивизии полковника Павлова,

который есть у меня и в романе «Мой Сталинград», и в «Солдатах». Я его и там, и тут назвал, как он был, – полковник Павлов. Я его очень любил, и он меня тоже. А командовал этой батареей старший лейтенант Киселев – прекрасный, уже повоевавший парень. С ним я подружился, а потом – особенно крепко – с полковыми и дивизионными разведчиками.

Дело в том, что в какое-то время меня начальник политотдела дивизии направил в дивизионную газету заместителем редактора. Для меня это был удар, я очень не хотел уходить с переднего края. Но вот тут подружился с разведчиками. И как раз командир дивизии или штаб армии потребовал от дивизионных наших разведчиков пробраться в глубокий тыл к немцам. Я таким образом оказался вместе с разведчиками. Пошел с ними. Это все довольно подробно описано в романе «Солдаты».

В. К. В том художественном описании много документального?

М. А. Много. Мы переправлялись на противоположный берег Донца, и наша разведка не боялась приходить к старикам в занятые немцами села и деревни. Фактически рискуя жизнью, рассказывали нам местные жители о количестве немецких танков, описывали их вид, указывали рощи, где танки стоят. Известно уже было, что немцы скапливают новую технику, и задача была – максимально все возможное про нее узнать. Про эти самые «тигры», «пантеры». Например, мы вымеряли ширину гусениц по следам и так далее.

В. К. Михаил Николаевич, о человеке, на которого можно твердо во всем положиться, принято говорить: с ним бы я в разведку пошел. Высшая степень оценки человеческой надежности! А что были за люди, эти ваши друзья по разведке?

М. А. Настоящие люди! Вот разведчик Забаров. Он был старший сержант, у него не было даже офицерского звания, но авторитету его среди товарищей, знаниям и умению многие офицеры могли бы позавидовать. Исключительная смекалка и редкостная отвага. Родом он был из Сибири. Мы вообще пополнение в основном получали из Иркутской, Омской и Новосибирской областей, из Северного Казахстана.

В разведку тогда со мной пошел и один мой земляк саратовский. По фамилии Пчелинцев. Да не просто саратовский – из родного моего села, из Монастырского!

В. К. Какое совпадение. Редчайшее, наверное?

М. А. Конечно. Мальчишка он был совсем, я-то гораздо старше и с опытом, он ко мне тянулся. А в разведроту попал из саперов. Нам разные специалисты требовались, чтобы все как можно лучше про новые немецкие танки разузнать. Так парнишка

этот очень ценные сведения добыл. Потом он погиб. А вот Забаров, постоянно рисковавший жизнью и совершавший, казалось бы, невообразимое, чудом остался жив.

ГЕРОИ В ЖИЗНИ И В ЛИТЕРАТУРЕ

В. К. Вы называете, Михаил Николаевич, героев войны, которые стали героями ваших произведений?

М. А. Да, они вошли в мои книги. Первым моим романом, который я написал сразу после войны, были «Солдаты», посвященные именно событиям на Курской дуге. Командир одного из полков нашей дивизии Григорий Михайлович Баталов, издавший впоследствии свои воспоминания, так рассказал в них о встрече с тем моим романом:

«Уже первые страницы книги чем-то глубоко затронули. Вслед за рядовыми разведчиками появились решительный и строгий командир дивизии генерал-майор Сизов, заботливый и опытный начальник политотдела полковник Демин, беспредельно преданный своему делу начальник артиллерии полковник Павлов… Было что-то удивительно знакомое в их характерах и событиях, в которых они участвовали. Я узнавал не только людей, но и места, где сражались герои романа: река Северский Донец, село Маслова Пристань, Шебекинский лес… Рассказывалось обо всем этом с такой глубокой достоверностью, что я то и дело откладывал книгу и предавался воспоминаниям…»

В. К. Отрадно вам было читать такой отзыв?

М. А. Для каждого писателя, наверное, дороже всего оценка тех, о ком он рассказал в своих книгах и кто сам был участником описанных событий. А я уже в первом романе кое-кому из героев оставил их собственные реальные имена. Это, как упоминал выше, – начальник дивизионной артиллерии Павлов, потом разведчики Забаров и Пчелинцев. Правда, майор Баталов стал у меня там Баталиным, а, скажем, командир батареи Николай Савченко получил фамилию Гунько. Вот кто, кстати, был уж истинным героем! Представьте, про него даже при жизни говорили: легендарный Савченко.

В. К. А воинское звание у него какое было?

М. А. Всего-навсего младший лейтенант. Да не в звании дело! Позже, в романе «Мой Сталинград», я рассказал, как при подходе к станции Абганерово, когда попали мы под очередной авианалет, решил он пострелять из своих 76-миллиметровых полевых пушек по пикирующим «юнкерсам». Обратил внимание, что при выходе из пике, набирая высоту с самой нижней точки

пикирования, самолет резко убавляет скорость, как бы даже зависает в воздухе. И первые же выстрелы его орудий оказались чрезвычайно удачными – на землю один за другим упали два «юнкерса»…

В. К. Это было, значит, на подступах к Сталинграду?

М. А. Встретились мы с ним сначала под Сталинградом, а потом и на Курской дуге. В самые кровавые дни Курского сражения был я на его батарее. У него было 12 пушек 76-миллиметровых, которые уже приспособили для подкалиберных снарядов. Эти снаряды пробивали немецкие «тигры», они ввинчивались в них, как в тесто. Ведь Гитлер перед Курской битвой дал крупповским заводам приказ изготовить непробиваемую броню для «тигров» и «пантер», и они думали, что такая броня сделана, но оказалось…

В. К. Наши тоже не дремали?

М. А. В том-то и суть! Если бы не появились у нас эти подкалиберные снаряды, мы бы с новыми немецкими танками не справились. Но, конечно, и про артиллеристов нельзя не сказать. У меня есть документ из Подольского военного архива, свидетельствующий, что Савченко Николай, командир батареи, которая единственной была сохранена при выходе из окружения, подбил 12 немецких танков. Даже когда у него оставалось только два орудия из двенадцати, он продолжал воевать.

Вот и сейчас стоит у меня перед глазами Шебекинский лес, весь усеянный трупами немецких солдат. Или еще картина. Мимо батареи Савченко, на которой я нахожусь, идут раненые пехотинцы, перевязанные свежими бинтами, и руки в марле несут перед собой, как хлеб-соль на белых рушниках. Этот образ есть в моих «Солдатах». А когда мы Шебекино освободили, видел я впервые, как повесили предателя на площади…

В. К. Были герои, но были и предатели, трусы.

М. А. Первых несравнимо больше! Потому мне и хотелось (а со временем – особенно сильно), чтобы остались для будущих поколений их имена. И если в «Солдатах» у меня Савченко был Гунько, а Баталов-Баталии, то в «Моем Сталинграде», написанном полвека спустя, и они, и все остальные герои носят уже свои подлинные имена и фамилии.

Я полностью отказался здесь от вымышленных героев. Всех называю по их реальным именам. У меня был даже спор на эту тему с моим другом Юрием Бондаревым, тоже участником Сталинградской битвы. Он мне посоветовал не сохранять имена действительные. Сразу, мол, появятся люди, которые начнут тебя опровергать: этот-то был здесь, этот-то – там, этот говорил то, а другой – это. Я чуть-чуть не поддался, чуть не дрогнул. Но все-

таки в конце концов решил по-своему – и, думаю, правильно.

Я знал, как люди воевали, где совершали подвиги, где погибали, где их даже хоронили. И теперь я буду тех людей, живых, настоящих, которые вместе со мной воевали и кровь проливали, подменять какими-то вымышленными? Нет!

Я только одному изменил в «Моем Сталинграде» фамилию. Как раз такому, который оказался трусом. Я подумал: может быть, у него дети, внуки живы – зачем их огорчать?…

ОСКОРБЛЕНИЕ ВЕТЕРАНОВ, ПОКУШЕНИЕ НА ПОБЕДУ

В. К. Однажды вы мне сказали, Михаил Николаевич, что, уже когда писали по горячим следам свой первый роман о войне, у вас было некое подспудное чувство: не все наши враги до конца разбиты.

М. А. Подспудно мы чувствовали: да, врагов открытых на фронте мы разбили, но есть же скрытые. Они остались. А где они?… И вот наступило время, когда враги эти вовсю проявили себя.

В. К. Вы имеете в виду то, что произошло с нашей страной за последние годы?

М. А. Безусловно. И едва ли не первыми жертвами стало наше поколение – участники войны, или, как нас до сих пор иногда называют (увы, зачастую теперь лицемерно!), поколение победителей. Сколь ни дико это звучит, но нас вознамерились лишить нашей же Победы. Нас кощунственно и нагло ограбили!

Дело в том, что из всех ограблений, коим подверглась за последнее время наша страна, самое страшное, может быть, – это духовное ограбление. Что значит Победа в Великой Отечественной войне? Что значат те выигранные великие сражения века? Нами выигранные! Это же нетленные сокровища, богатейшее наследие для поколений, которые придут вслед за нами. И этих-то духовных богатств наш народ лишают. Еще в советское время однажды я был приглашен в Индию. И спросил там военного министра: «Почему Индия в основном все-таки покупает наше оружие, а не американское, английское или какое-либо еще?» Он ответил: «Мы знаем, что немцы были под Москвой, что вы отступили до Сталинграда. Но немцы-то Москву не взяли, а вы Берлин взяли оружием своим».

В. К. Хороший ответ.

М. А. Наше оружие – это оружие Победы!

В. К. В том числе духовное, которое сейчас пытаются выбить, уничтожить.

М. А. Потому что им не нужна наша Победа! И особенно страдают от этого ветераны войны. Вот почему я обратился к Путину с открытым письмом, призвав вернуть Волгограду имя – Сталинград.

В. К. Увы, не прореагировал Путин ни на ваше письмо, ни на обращения других многочисленных ветеранов.

М. А. Это не Сталинграду нужно, это нужно России, нашему народу. Мы когда воевали, в сердце нашем было и Куликово поле, и Бородинское поле, и Чудское озеро – все было при нас. А что нынче сеют в души молодых определенные люди? У них есть программа, популярно изложенная в свое время Даллесом.

Мы сами тоже, конечно, виноваты. Потому что прозевали, как палочку духовной, идейной эстафеты перехватили наши враги и заменили ее ядовитым змеиным жалом.

В. К. А вам не горько, что в этом приняли участие – вольно или невольно – и некоторые участники войны, среди которых ваши коллеги-писатели?

М. А. Как же не горько?! Про покойников вроде бы плохо не говорят. Но я не мог простить Виктору Астафьеву, который утверждал, что мы победили своими трупами. Он как раз сам-то воевал очень мало. Он видел только кровь, ранения, как отрезают руки и ноги в медсанбате. Ему это все остальное закрыло.

В. К. Все это было, что говорить. Но война ведь складывается из многого и многого.

М. А. Начали противопоставлять (и до сих пор противопоставляют!) окопную правду и «штабную», или «генеральскую». Как будто в какой-то войне можно победить без командующих и без штабов. Лукавство все это, однако далеко не безобидное.

В. К. Вы своими книгами и статьями стараетесь бороться с этим.

М. А. Долго откладывал «Мой Сталинград» – все хотел побольше с духом собраться. Но когда уже не только Волгоград вместо Сталинграда появился, но и стали совсем нагло называть «Волгоградская битва», тогда я не смог дальше откладывать.

В. К. Все это горестно, Михаил Николаевич. У французов есть станция метро «Сталинград», площадь «Сталинград»…

М. А. Каково мне было, когда я был приглашен не одним мэром и не одного города, а шестью мэрами шести городов посетить Францию по случаю 50-летия разгрома немцев под Сталинградом! И где бы я ни был, они мне говорили: вы там, в Сталинграде, спасли не только себя, но и нас. Если бы вы видели, говорили они, как немцы после разгрома сталинградского подобрели сразу же к нам, какие они стали заискивающие,

подхалимистые. Вот что такое Сталинград!

Во Франции я видел даже маленькие кафе – «Сталинград», школы – «Сталинград», и учащиеся этих школ подходили ко мне (я, кстати, нарочно повесил весь свой наградной иконостас, да и сами французы попросили меня, чтобы я надел все награды) – и вот дети подходили ко мне и эти награды целовали.

То же самое было в Бельгии и Голландии. В Бельгии красивая новая улица названа Сталинградская. Есть площадь в Англии, названная Сталинградской. А на Родине Сталинграда позорно от него отказались. От славы и гордости своей! Обо всем этом я написал в открытом письме президенту.

В. К. Не можете смириться, что оно осталось безрезультатным?

М. А. Не могу.

Август 2003 г.

Душа соборная
ПИСАТЕЛЬ ВЛАДИМИР ЛИЧУТИН

Пожалуй, более всего Владимира Личутина можно характеризовать так: художник слова.

Северянин, архангельский помор, принес он в современную литературу необыкновенное богатство и выразительность родного языка, раскрывшего талантливому сыну России самые заветные свои сокровищницы.

Он и мыслитель очень своеобразный, в чем убеждаешься каждый раз, читая новую его книгу или беседуя с ним.

Виктор Кожемяко. Прежде всего, Владимир Владимирович, поздравляю вас с премией «России верные сыны». Можно сказать, что все ваше творчество посвящено России. И в эти труднейшие для нашей Родины годы вы очень активно работаете. Буквально подряд печатались в журнале «Наш современник», а теперь вышли в издательстве ИТРК (спасибо ему за это!) трехтомная эпопея «Раскол», затем «Душа неизъяснимая» с подзаголовком «Размышления о русском народе», роман «Миледи Ротман».

Все это, по существу, исследование русской души – то в историческом плане, как на страницах «Раскола», то в сугубо современном, как в «Миледи Ротман». А «Душа неизъяснимая» соединяет разные планы и разные жанры: тут сегодняшний день и

наша история, взгляд тонкого художника и прямая публицистика. Так вот, столько лет с пристальным вниманием вглядываясь в русскую душу, которая испокон веку на Западе считалась загадочной и которую сами вы называете неизъяснимой, что все-таки для себя раскрыли в ней?

Владимир Личутин. Видите ли, душа отдельного человека и племени порою весьма отличны и потому находятся в потаенном единстве и в страстной открытой борьбе. Душу народа нельзя разъять на составные и нельзя суммировать из частностей. Я полагаю, что соборная душа народа – не только и не столько мистическое и религиозное пламя, разлитое в крови нации, сколько норов его и характер, ум и разум, этика и эстетика, быт и побыт – то самое существенное, та самая изюминка, что и отличает одно племя от другого. Душа народа, вроде бы находясь во плоти народа, невольно изливается на все окружающее ее и оставляет свой отпечаток уже сугубо материальный. Душа – физиономия племени, соединяющая в себе множество оригинальных черт, позволяющих обитать в том пространстве, кое было даровано судьбою, а значит, Богом. Душа народа навечно обручена с пространством, и они взаимно одухотворяют, дополняют друг друга, созидая долговекое племя…

О русской «непонятной» душе многие размышляли в мире – с дурным умыслом и без оного, с любовным чувством и неприкрытым отвращением. Но понять душу народа – значит покорить его иль, признав величие его, отдаться ему на милость. А нам-то, глубоко русским, разве не хочется познать себя? Это вопрос… Ибо втайне, мне так кажется, мы знаем себя верно, а кабы не знали своей сути, для чего рождены были, то давно бы рассыпались, превратились в плесень и прах.

В древности говаривали: «Их платье не по нам, наше платье не по ним. Всякий народ своей одеждой живет». И еще: «Подпусти в свою землю инородника – и рассыплет ее». Ибо тот инородник приходит со своей душою, всегда таящей свой умысел и свой интерес.

В. К. Но все же, почему русская душа «неизъяснимая»?

В. Л. Да потому, что безнравственный человек и не должен со своим охальным умом лезть в ее глубины, ее ядро, чтобы разъять на составные. Голый ум все готов разрушить ради своего любопытства, чтобы погреться у чужой (даже и у родной) избы, объятой пламенем.

Сейчас много размышляют в России о душе, потому что Запад, покорив нас (так он полагает), отказался от нашей сути. Но размышляют о душе не полной, почти атомизированной. Размышляют, потому что холодно и голодно в России, потому что

взгляд уперся в тупик, потому что варварская «революция» девяносто первого безжалостно разрубила русского человека наполы, когда одна часть его смотрит изумленно назад, видя в прошлом одни прелести и красоты, а другая вглядывается вперед, ничего в той темени не находя спасительного для себя. И та гнойная власть, усевшаяся на шею народа, нарочито не засвечивает фонари, не освещает тропинку среди губительных топей. И делает это с целью, чтобы народ дольше находился в смятении. Ибо русский народ, объясни ему толково, что предлагаемый путь спасителен и единственно верен, тут же начнет приспосабливать под себя новую дорогу, мостить гати, подсыпать в топи всякого хлама и пусть и с тяжким трудом, но будет двигаться вперед, сохраняя свою сущность.

Собственно говоря, отчего мы так боимся частной собственности? Ведь жили при ней тысячи лет, и даже при общинном труде всяк владел своим и чужого каравая без дозволения не прикусывал. А потому, что лишь при социализме, в конце семидесятых, народ вкусил ровной жизни без встрясок, вкусил ровной дороги, когда не надо кровавить ноги, добывая кусок насущный, и впереди все ясно, без угроз дому своему. И то, над чем издеваются «демократы», говоря-де, народ жил на халяву, издеваются те, кто тяже авторучки ничего за жизнь свою не поднял, – и есть высшее достижение не только прежней власти, но и всего мира. Жить в духовной системе без сбоев есть мечтание всякого народа и его идеал. Значит, смеются ныне над достигнутым, пусть и в чем-то искривленным идеалом, который надо было лишь подправить в его оттенках – и не более того.

В. К. По-моему, многие в нашей стране думают сегодня именно так. Но, увы, задним умом…

В. Л. Уныние в народе усиливается не столько оттого, что жить тяжче, чем прежде, но оттого, что близок локоть, да не укусишь; вот она вроде бы рядом, жар-птица, только протяни руку, и свет от нее еще слепит, почти греет – но, увы, уже не ухватить пера, пока не поймем, откуда слетела та жар-птица и отчего мы заслужили этот дар ее.

Если полагать, что позади все было лучезарно, тогда нынче особенно сиро и скорбно. Но ведь позади-то, братцы, были годы – ох-охонь-ки! Иго на иго, тягость на тягость, слезы на слезы, от хазар, крымских татар и монголов до поляков, французов и германцев. И всех надо было одолеть и не сникнуть. Так и жил, сам себя пестовал народ: из войны и неустроя – в новую войну и неустрой; только воздуха свежего глотнули, а нас опять за шиворот и в воду с головою. Сколько крещений-то было – почитай, раз триста крестили огнем и мечом, а сколько лиха;

собрать бы все горе в сумочку, так ушла бы она в землю до самого ядра и высушила нутряной пламень. И ведь не сник русский народ, не потерялся во времени, не изветрился, не превратился в жалкую плесень. И потому велик он, и подобных ему племен насчитается ли в мире с пяток. Он поклонил под себя огромные северные пространства и стал великим. Именно великие чудные земли, принятые душою народа и ставшие своими, и делают нацию великой, выковывают особый характер, особую душу. На этих трудных для проживания землях не мог бы жить ни один народ мира. И тут приходит невольно на ум: отчего именно нашему племени досталась суровая страна, отчего не обустроился он где-то в палестинах иль в междуречье, иль у Средиземноморья, хотя были к тому все основания. А потому, что Север, Поморье, Сибирь – это древние отчины, земли нашенские, откуда в глубокой древности русское племя под давлением планетарных сдвигов ушло в кочевье; и, окружив белый свет, оно вернулось обратно на родину, подобно птицам, что табором слетаются на родовые места, чтобы вывести потомство. Не смешно ли сказать, но даже пляски русских мужиков очень напоминают свадебные выкрутасы журавлей, а хороводы девушек – танцы лебедей… Их и звали «лебедушками».

И потому, что мы возвращались на родину после долгой отлучки, нас так легко приняли сибирские народцы, посчитав русских за хозяев и богов. Ведь в дружине Семейки Дежнева, когда он потерпел бедствие на Анадыри, оставалось всего двадцать восемь человек, многие были изувечены и больны, не было ни хлебца на пропитание… Но Дежнев пронизал неизведанные дикие пространства, эту безмерную стужу, как нож сквозь масло, и не просто открыл их для Руси, но и присовокупил, приклонил под русского царя и обложил ясаком. А казалось бы, что стоило эти два десятка скорбных людишек порешить в ночном чуме где-нибудь за Леною-рекой, когда на многие тыщи поприщ не слыхать русского голоса. Это разве не чудо? И это разве не подвиг Семена Дежнева, перед которым меркнет поход Колумба!

Ведь когда малая утица стремится на север, изредка останавливаясь на кормных местах, она как бы летит по наследному пути, записанному в ее родовой памяти. Но дает силы ей жертвенность, завещательность, без которых бывание на земле-матери теряет всякий смысл. Та малая утица привязана пуповиною, что может растянуться в тончайшую паутину на многие тыщи километров, чтобы сронить яйцо где-то в осотных лайдах малоземельной тундры. В русском человеке хранится многое от этой невзрачной рыжеватой птицы.

В. К. А в чем же, на ваш взгляд, отличие русского от западного человека?

В. Л. Русский человек – дитя пространства, человек свободы и воли. Западному жильцу хватает лишь свободы, европейцу достаточно, чтобы взгляд его доставал до костела и замка, в этом видя устойчивость и безопасность. Да, европеец пытался проникнуть в другие миры, но как завоеватель, с душою немирной, властной и жестокой; и был изгнан, как чужак, истиравший с земли малые племена. Европеец слабо понимает живот свой, лег под Гитлера, почти не оказав сопротивления. Жертвенный русский освободил Европу от гнета, и она сейчас, самодовольная и сытая, надменно смеется над нами, не понимая куцей душою своей, что рыгочет над собою, податливой, вялой и практически превратившейся в песчаную пирамиду.

Для русских воля выше и желанней свободы; и сейчас под давлением иноплеменников и чужаков мы теряем волю и потому тоскуем. В поисках воли кидались тысячи русских мужиков в Сибирь, чтобы сыскать там Беловодье, чтобы устроить жизнь без насилия. Свобода уже сама по себе полагает присутствие узаконенного насилия, и человек нигде не может чувствовать себя без надзора. От желания безграничной воли воспитались в русских долготерпение, умение обходиться самым необходимым, нестяжательство, созерцательность, дружинность, поклонение Радигостю и Пирогоще – душевным и радостным древним богам.

И не только кусок хлеба отнимают новые управители, ибо живали мы и хуже; неотроцкисты занялись выковкой нового человека, развинчивая основу русской души; они отбирают даже мечты о воле, калибруя и окольцовывая каждого человека.

Из желания воли всевечный конфликт государства и народа. Без крепкого кувшина русское племя растечется по огромным пространствам и превратится в водяные прыски, высыхающие под жарким солнцем. Сильная власть в России – святая необходимость для сохранения нации. На Западе о чувстве воли давно забыли, потому им непонятны наши хлопоты, наши нескончаемые при с государством и системою, которых порою сами мы даже и не представляем, ибо эти конфликты протекают в душе несознаваемые. Для русских распрощаться с волею – это обрезать душу, превратить ее в шагреневую кожу. Из чувства воли возник конфликт «демократов» и русских, ибо демократам (западникам) это желание воли, это стихийное чувство неведомо. Им хватает «кухонной свободы», когда не покушаются на их дом и капиталы. И все… Отсюда разница устремлений и разное чувство Родины. Поклонившийся Западу, невольно теряет оттенки души, он укорачивает, обрезает ее под западный характер, не сознавая

вполне, что если он русский, то, даже при полной слиянности взглядов на жизнь, внутри его будет постоянно жить бунт. Когда Пушкин говорил о русском бунте, он имел в виду не столько ужас его, ибо все бунты в мире ужасны и даже бывают более кровопролитны и безжалостны, чем русский; но то, что русский бунт обычно покушается на основы государства, лишающего его воли…

В. К. Сегодня Россия находится в тяжелейшем положении. В бездну нищеты и униженности ввергнут народ. Однако он словно бы смирился со всем этим! Как за должное принял, что нагло ограблен, что над ним надругаются, что родную страну лишают будущего. Может быть, тут не лучшим образом сказывается знаменитое русское терпение, которое не раз в истории помогало нам?

В. Л. Я уже говорил об этом особенном качестве нашего племени и повторяться не буду, но без терпеливости нам не владеть этими по-своему безжалостными пространствами, когда большую часть своего труда мы тратим на то, чтобы обогреться. На севере мужик идет в отпуск лишь затем, чтобы заготовить дрова; это настоящая суровая битва за будущее выживание. Я сам, помнится, испытывал этот труд на своих плечах, когда на тяжеленном крабасе на веслах сплываешь к морю, там сбиваешь плавник в плитки и после на гребнях тянешься назад к дому, вымотанный до последнего; а после надо бревна выкатать на берег, распилить двуручной пилой, вывезти к дому на горку и расколоть. А зимой печи обжорны и меры не знают… А еще одежды, а особое жилье, а покрова, а еда – ой, Боже ты мой, сколько всего надо! Это не под пальмами юга жить, иль в надменной Англии, где огромный замок обогревают камином. Поселить бы такого джентльмена в нашем Поморье да вручить нашу судьбу, так он за год-другой отбросил бы коньки, даже не обрадовавшись белым ночам и полярному сиянию.

… Надо понять терпенье русских баб, даже в годы лихолетий не забывавших протяжную песню: на покосе – поют, сено гребут – поют, после застолья – поют, с работы – поют, в радости поют и в горе, потосковав и улившись слезами, тоже поют, поевши картох с солью и житних колобов с высевками. Нет, за это терпенье нельзя хулить. На этом терпенье мы сломали хребтину германцу и дали урок спесивому французу, который из-за теплого нужника и литра молока, подвезенного к дому невовремя, с легкостью пожертвовал не только волею, о которой позабыл, но и свободой. Это не критика француза, но лишь напоминание о том, что они потеряли в историческом сражении за свое племя.

В. К. Значит, вы считаете, что терпение и покорность – это

разное и нельзя их путать?

В. Л. Нельзя. Терпеливые, как ни гни их в калачик, все равно втайне думают о своем, как бы обречь воли. Вспомним «Судьбу человека» Михаила Шолохова. Покорные подбирают объедки с чужого стола, думая, как бы занять место капо, надсмотрщика; терпеливые хранят душу до последнего, понимая, что плоть временна; покорные с легкостью прощаются с душою, полагая, что плоть вечна. Какое существенное различие, верно? Покорные никогда бы не покорили северных пространств и не обжили их, а остались бы захудалым племенем между Окою и Волгой. Кстати сказать: в семнадцатом веке у Франции и России было почти одинаково населения, но через двести лет Россия заселила одну шестую всей суши, а Франция осталась в своем куту, в своем кухонном чаду, притерпевшись к своим запахам. И даже из Алжира, где повыбили сотни тысяч жителей, в конце концов ей дали доброго «пинкаря». Так кто же покорливей? Россия или Франция, что с легкостью панельной девки легла под фашиста? Мы спасли Францию, но получили клеймо варваров; спасли евреев от повальной гибели, дали им государство, но получили ярлык «антисемита». А из чувства неблагодарности вызревает в душе нации гнойник, который не истребить никаким снадобьем.

В. К. Ваши слова из «Души неизъяснимой»: «… Слава Богу, что долгий неустрой, несмотря на всю его тягостную, сокрушающую однообразную силу, и за триста лет не повредил коренным образом национальный характер, не иссушил его родников, не исказил, не заилил родовой матицы». Однако, придя к такому выводу, дальше вы замечаете: «И только пришедший нынче к власти ростовщик, меняла, процентщик и плут может, как клещ, впиться в сердцевину нации, чтобы впрыснуть яду и, устроив там гноище, потиху вытравить исконный норов».

Насколько же, по-вашему, успешно действует сегодня «процентщик»? Что ему уже удается сделать с русской душой и не видна ли в этом возможность конечной его победы?

В. Л. Да, это коренной повод, что отделяет нас от Запада. В старообрядческой молитве Ефрема Сирина говорится: «Господи, грех уныния и стяжательства отжени от мене…» В нынешней молитве, переделанной Никоном, эти слова звучат так: «Господи, грех уныния и стяжательства не даждь ми…» Словно бы Господь насылает на нас грехи, которые взросли в нас еще от чрева матери.

Русский народ всегда презирал ростовщика, менялу, видел в них главное зло; ибо процентщики, что клопы, живут, пия чужую кровь. И в этом суть всякого менялы, что добывает деньгу, отдавая деньги в рост. Западные ростовщики ввели в России в

оборот проценты, ссуды, банки, меняльные конторы, всякие подлые денежные операции, сутяжничество и т. д. Ибо западный человек живет брюхом, животом, земным раем, скапливая сокровища для рода своего. Наверное, это хорошо в какой-то мере, ибо строится дом добротный, на много лет, чтобы выспело в нем потомство и научилось уму-разуму, чтобы сын вступал в жизнь не с нищенской сумою и т. д. Но суть души русского иная: «Голым пришел в мир, голым и уйду», «Деньги даются богатому нищих ради» и т. д. Русская торговля велась на доверии, на православном сознании, когда не составлялось никаких актов, записных листов, всяких страховых свидетельств, но хватало зарубки на палке или честного слова, чтобы доверить ближнему тысячи рублей.

Академик Берг, путешествуя по Северу, писал позднее, что однажды экспедиция Пахтусова у Новой Земли потерпела крушение. Суда погибли, но люди спаслись на льдине. Промышленник Еремин, что оказался на то время на Новой Земле, уступил ему судно со всем экипажем и с провиантом за две тысячи рублей. Пахтусов возвратился в Архангельск и вскоре умер. Тогда Еремин обратился в казначейство, чтобы ему вернули долг две тысячи рублей. Его спросили, было ли письменное заключение с Пахтусовым, на что Еремин с гордостью ответил, что он и не думал об этом, когда, найдя Пахтусова на пустынном острове, принял к себе его и его людей с ним, кормил их, служил им и лишился добычи от целого промысла…

И таких обстоятельств в русской истории сколько угодно: промышленник, предприниматель, купец часто были верны клятвенному слову, божбе.

И вот главное, может, и центральное чувство русской души – нестяжательство всячески попирается со всех сторон. Золотой телец, деньги, обман, игра, шулерство стали обычаем жизни и заслугою; ловкий мошенник, обманувший миллионы граждан, становится почетным гражданином, его сияющее жирное мурло не слезает с экрана. Условия новой жизни, фетиш «капусты», этот зеленый ярлык наклеиваются на физиономию России, чтобы через масонскую пирамидку с доллара мы взирали на божественный мир. Яд накопительства проникает в поры слабой души, расшатывает тысячелетние устои, подрывает заветы; нет страшнее врага для русского народа, чем дух стяжательства, поклонение мамоне, когда хитрость, лукавство почитаются за ум выдающийся. Мировой ростовщик, породив на Руси банду выкормышей, сутяжников, крючкотворов, восхваляющих оборотистых денежных тузов, своим цепким меняльным когтем кровавит душу до неизлечимых язв. Что скрывать, если даже тем

доброхотам, что из награбленных миллионов отстегнули на храм Христа Спасителя копейку, повесили памятную доску на соборе и выбили зубилом имена на вечное поминание. Ишь вот, каков прохвост: ограбил вдовицу, затоптал младенца, пролил реки крови в Чечне, а ныне отстегивает от щедрот латунный грошик и велит, чтобы мы поклонились ему земным поклоном за его взносы. Стяжатель-процентщик, он, словно мышь домовая, в любую щель утянется в нитку, только успевай хватай. Прозевал – он уж гнездышко уконопачивает в твоей душе, нехристь коварная.

И ведь не сами деньги зло, но то, как они пополняют карман, как они воспринимаются сердцем, сколько чувств отдается, какое место занимают в душе, насколько обрезают мир и заслоняют Бога. Если деньги заработаны честным трудом, то они благо. Как и сам труд – великий подарок. Без постоянного вековечного труда не выстраивается храм в душе. Деньги ростовщика развращают, ибо окружающие видят легкость их добычи, безрисковость; они порождают тоску, зависть, жестокость. Деньги ростовщика походят на паутину, в центре которой сидит меняла и пьет кровцу из жертвы.

В. К. А как, на ваш взгляд, соотносятся, сосуществуют, взаимодействуют разные национальные характеры? И как здесь ведет себя в нынешних условиях наш характер, русский? «Иван Жуков, что из поморской деревни Жуковой, решил стать евреем…» Так начинается новый ваш роман «Миледи Ротман». Интересное, надо заметить, желание, любопытный эксперимент: Ивану евреем стать…

В. Л. Я думаю, что свойство всякого национального характера – замкнуться в себе, обособиться, заузить мир, чтобы не потонуть в нем. В чем духовная гибель Запада? Позабывшие волю иль только смутно помнящие ее, они сейчас удаляют границы, чтобы искусственно возродить то чувство. Но, увы, безнациональному человеку вовсе воли не видать, он везде будет пред всевидящим оком мирового процентщика.

Двадцать первый век – век борьбы национального чувства, национального самолюбия, национального характера с мировым пауком, пожирающим красоту мира, созданного Господом; борьба стяжателей с нестяжателями. В этом скрыт и наш смысл борьбы, наше неприятие Запада; противоречия кроются даже не в том, насколько Европа и Америка ушли от Бога, изменили Христу, но в том, что борьба нестяжателей со стяжателями из частной превратилась в общемировую. Вот почему мы так неприятны Европе, потому как не даем своим присутствием жить так, как они хотят, досадим им даже молча, не упрекая; вот почему так зол «золотой миллиард», кормящийся у доллара, на весь

арабский мир, потому что и те, в силу свойств души, тоже исповедуют нестяжательство. Конфликт будет расширяться и не станет ему конца, пока всякий маленький народ не почувствует в полноте свою красоту и зрелость, пока не разглядит себя, особенного, в мировом цветнике культур. А стяжатели этот Божий букет хотят подстричь под нулевку, оставив на память лишь жесткий скелет, столицы и сухие ветви от погубленных цветов.

Я думаю, что и русский народ был не так вселюбив, как то проповедовали церковь и писатели. «Несть ни эллина, ни иудея» лишь в храме, под прикровом церкви, но выйдя из нее, каждый как бы надевает свои привычные плотские одежды и становится тем, кем создала судьба: русский – русским, татарин – татарином и т. д. И это хорошо; лишь так сохраняется благословенная и благодатная красота мира с его неповторимыми красками.

И прежде редко какой русский, например, женился на ненке, или башкирке, или чеченке: не позволяла не только замкнутость среды, но и верования. Даже живущие в одной деревне инаковерующие ложились на разные кладбища, гостились чаще в своем кругу, вели свой национальный быт, говорили своим языком, носили свои платья. Лишь московская знать в силу политических причин изменяла своим уложениям. Словом, предки наши каким-то особенным природным чутьем понимали, что нельзя смешивать расы, что от слияния кровей возникают особенные пламенные, нетерпеливые люди, с расхристанной, онеприюченной душою, способные принести на землю раздор и бучу.

Да, у меня в романе «Миледи Ротман» Иван Жуков решил стать евреем; вернее, не своей волею он пустился в опасное приключение, но новые переделыцики нации понудили, воззвав к перековке человечьего материала. Смутители ровной жизни, они весь двадцатый век баламутили Россию, и с этой опасной болезнью мы, к сожалению, перекочевали в третье тысячелетие. Передельцы мира постоянно хотят обезличить народы, превратить их в пыль, сеево, в песчаные пустыни, по которым, не зная пределов, катятся в вихре перемен злые и неуживчивые, эгоистические и безверные перекати-поле.

Но что получилось из этого предприятия? Снова вспоминается: «Их платье не по нам, наше платье не по ним».

В. К. Что еще хотели бы вы сказать о теме нового своего романа, который, как я заметил, очень быстро расходится?

В. Л. Собственно, роман-то не на еврейскую тему, а о новых лишних людях. Безумные люди, начав перестройку России, в первую очередь обрушились на мозг нации, на ее интеллект, и так-то подточенный, лишенный веры в двадцатом веке. На

примере двух провинциальных «культурников» я показал, под каким безжалостным прессом оказалась наша земля. В соковыжималку пустили все лучшее, чтобы на выходе оказалась лишь липкая «капуста», а все остальное – вековые привычки, национальная этика, совесть, доброрадность, все Божьи заветы – пущены в отходы за ненадобностью. Но только внешне нация встречает это нашествие «гуннов» смиренно, порою и с учтивою улыбкою, но в почти каждой русской душе неугасимо тлеет пламень самовыражения и остерег: «Туда ли катимся?» Эта внешняя податливость обманывает многих и разочаровывает, понуждает отступиться от перековки русского человека. Горнило долгих тысячелетий, наверное, что-то стоило для нас, закалило внутренний сердечник, который не так-то просто истереть.

Кстати, эксперимент вовсе не новый: кто-то стремился стать англичанином, иной надел французскую шкуру, немцы и евреи пытались натянуть русское обличье и, впрочем, порою не без пользы для государства. Во многих сторонах культуры и наук они сыграли учительную роль. А вспомним Синявского, что жил под еврейской личиною. Я уж не вспоминаю уроки диффузии в мировом масштабе; но в осадке чаще всего оставались личная драма, угрюмое доживание иль запоздалое прозрение. В эти игры играть опасно…

В. К. Невольно задумываешься и о том, что какие-то свойства нашего национального характера нуждаются в определенном совершенствовании с учетом жесткого нынешнего времени. Ваш «опыт психоанализа» весьма поучителен. Но скажите, может ли народ, учась на собственных горьких ошибках, сделать выводы из них и в чем-то себя «перевоспитать»?

В. Л. Норов каждой нации гранили долгие времена; жизненных коллизий и у русского народа за тысячелетия случалось много, и если по каждому поводу, при тяжелой ситуации дополнять или переписывать натуру, то племя бы не состоялось. Готовые к перековке по чьему-то желанию угождают в конце концов в такой исторический шторм, что едва выплывают на берег, растеряв почти все нажитое в истории.

Мы не знаем, не помним, какими были наши предки, но, безусловно, они были более выносливыми, созерцательными, многомудрыми, ибо жили в полнейшем слиянии с природою; более мужественными, ибо всякое сражение проходило на расстоянии стрелы, копья и меча; более зоркими, ибо охота, пространства требовали взгляда чистого; более решительными и богобоязненными, ибо долгие ходы по землям требовали натуры рисковой, – а значит, не боялись смерти. Череда дней, испытаний, чересполосиц, сбивание в города, в огромные скученные

безголосые орды, конечно, приисказили норов, нарушили этику и эстетику, взгляд опустили в землю, но стержень русской души, несмотря на перемены в мире, оставался нетронутым (по крайней мере, до последних лет).

Еще на моей памяти сельская Русь не знала замков, можно было попроситься на постой в любую избу, – а это многое значило для народной жизни в ее бесконечных дорогах. Конечно, рухнул прежний быт, а значит, поиссякли национальная этика и эстетика, душа народная стала грубее, примитивнее, несмотря на все образование. И нынешняя перемена общественного строя заставит мимикрировать народ, приспособляться, затаиваться в своей сущности, порою и засыпать. (Но спящий народ не есть мертвый, беспробудный.) Однако нельзя говорить, что народ нуждается в совершенствовании, ибо русский народ – это наше все, мы лишь крохотные малосилые зернышки его.

Народ нуждается в любви, но не в покровительстве: нуждается он в воле, которую почти отобрали. Всякая рыба ищет своих стихий, русский народ – народ глубины, бесконечного поиска, волнения, внутреннего постоянного недовольства собою, народ тихой драмы и самоустроения. Я говорю лишь о том народе, что живет на земле, собирает из нее не только на прокорм всем нам, но и духовно окормляет, храня и прикапливая исподволь национальную культуру. А пока кормилец наш, как и в прежние времена, – изгой, страдалец, как бы человек низкого сорта; себялюбивые города, похитив у крестьянина его волю, уничтожают и его смысл быванья, а значит, и себя изгоняют со света, бессмысленные и жалкие. Города похищают народ и истребляют его, доводя и себя до плесени.

Пространства диктуют условия жизни русскому народу; пространства – его школа, и сколько бы поколений ни приходили до или будет после нас, они все будут больно ушибаться, спотыкаться, падать, стеная, снова подыматься и двигаться наощупку вперед. Разве можно научить молодую семью, чтобы она жила, не расплескав чувств, не спотыкаясь на сварах, нытье, на внезапных вздрязгах. Нет. Так и нация, любой народ мира, перемогая тысячелетия, всякий раз накапливает свой, личный опыт. Даже свод эстетики и этики, накопленный в совместном прожитии, не оберегает народ от своих же ошибок. Увы! Хвори и выздоровление; встряхнул головой – и, помолясь, дальше.

Лишь самонадеянные «образованны», блуждая в трех соснах, любят воспитывать свой народ, почитая себя за апостолов. И тем приносят много горей…

В. К. В разговоре с писателем Личутиным не могу не коснуться вопроса о языке. Ваш язык называют самобытным,

самоцветным, необыкновенно сочным. Но сегодня не о личных творческих секретах вашей работы над словом хочется вас спросить. Сегодня вполне реальна угроза уничтожения русского языка в целом. Вы чувствуете эту угрозу? И что, на ваш взгляд, нужно делать, чтобы ее предотвратить?

В. Л. Язык русский скукожится, изветреет лишь тогда, когда народ вовсе сойдет с земли и закроется в городах. Земля – родильница слова, его повествователь. И печаль не столько от того, что телевизор принакрыл нас голубым мраком, мерцающим сполохом затмил взгляд; печально, что земля скудеет крестьянином, а мы и не охнем.

«Слово, неправильно сказанное, неправильно и существует. Оно особую силу имеет». Так говаривали наши предки. Они считали, что слово не потухает, но, обладая особой энергией, заселяется в эфире, существуя в особом, может быть и райском, мире. Иначе неужели людские души, отлетая в рай, живут в вечном молчании, и неужели все живые звуки природы потухают и ложатся под ноги, вроде палой листвы, а не возносятся вслед за отлетающими душами? Этого никто не знает.

И каждый из нас, как почка, как листок на гигантском древе нации, не может верно знать, что с языком, в какую сторону он движется – в поре созревания он или усыхания. Наверное, три тысячи лет тому речь предков наших была победнее нашей (а может, и богаче?) – ибо были свои понятия, свой гармонический мир, осколки того словарного свода упали в наше время и обросли новой живой тканью.

Вот я написал роман «Раскол» о семнадцатом веке; не насилуя себя, не сочинив ни одного слова, не заглядывая практически в словарь Даля, я вынул народную речь из своей скверной памяти, даже и не подразумевая, сколько образов роится во мне.

Откуда нам знать, что такой же свод не носит живущий рядом с нами кочегар Петр Иванович? Ведь никто не знал в России, что на берегу Белого моря живет Марфа Крюкова, одноглазая бобылка, у которой в старушечьей головенке хранится весь былинный эпос, что эта бабенка помнит в несколько раз больше, чем легендарный Гомер. А случайно нашли ее – и поразились.

Конечно, нам скучно смотреть на этот пошлейший телевизор, растирающий наше национальное сознание в пыль и труху. Но что с них взять, с племени пересмешников, не умеющих запрячь русского жеребца? Пусть тешат себя иллюзиями, рассыпаясь мелким бесовским смешком. Это их завоеванное право.

Но куда хуже, на мой взгляд, что на русскую деревню наслан

мор, ее хотят изжить со света, загнать в стойло. Не так ли и в прошлом веке «прохвессоры» натягивали на русский язык хомут – на кого барский, на кого тягловый; де, это слово устаревшее, то – старославянское, то – диалектное, а значит, второго сорта и без нужды вспоминать их.

Я пишу на русском, на том самом языке, на котором говорили мои предки тыщу лет, и никакой угрозы не чувствую. Меня порой шпыняют «образованны», рыгочут над моим стилем, отупелые от газетчины и того «консенсуса», которым хотят повязать и превратить Великий народ в сброд, расселив его нищетою по резервациям.

Собака тявкает, а караван идет…

Русский народ ничего не мог сказать в простоте, и отсюда сила, красота, волшебство его речи.

Слово – душа нации; гибкость языка, его многообразность, его ласковость, его многомерность и видимая податливость, его игривость при внутренней скрытности, его отчаянность и прицельная зоркость, его пронзительная певучесть, звуком своим соединяющая с небесами, – все это и есть содержание души русского народа.

Январь 2002 г.

У нас поле Куликово, у них – «Поле чудес»
ПИСАТЕЛЬ ВАЛЕНТИН РАСПУТИН

Эта беседа с выдающимся писателем Земли русской продолжалась три месяца. Начали мы разговор в январе, а закончили – в марте. Так получилось. За это время Валентин Григорьевич хоронил Свиридова, на несколько недель уединялся для работы над рассказами и для приступа к повести, затем получал новую российскую литературную премию «Сократ», а теперь вот улетел в Иркутск и оттуда, наверное, еще дальше, по Сибири…

Но чем бы ни был занят этот человек, которого по праву зовут совестью народа, как бы ни складывались обстоятельства его личной жизни, сердце постоянно болит об одном, и мысль изо дня в день возвращается к тому же. Судьба Родины, судьба России – вот самое заветное в чувствах и размышлениях Валентина Распутина.

Виктор Кожемяко. Дорогой Валентин Григорьевич! Истекает XX столетие. В свое время, в разгар так называемой перестройки, нас, читателей ваших, буквально обжег опубликованный вами «Пожар». Очень точный возник образ всего переживавшегося нами тогда и вместе с тем – состояния души самого писателя. А есть ли у вас какой-то емкий художественный образ для выражения нынешнего состояния России? И чем стал в вашем видении XX век для нашей страны?

Валентин Распутин. Этот век явился для России веком трагическим, страшным. Никакой другой народ тех ломок, потерь, напряжений, какие достались народу нашему, не

выдержал бы, я уверен. Ни времена татарского ига, ни Смута XVII века ни в какое сравнение с лихолетьем России в XX столетии идти не могут. Страшнее внешних ломок и утрат оказалась внутренняя переориентация человека – в вере, идеалах, нравственном и духовном прямостоянии. В прежние тяжелые времена это прямостояние не менялось. Не менялось оно и в поверженных во Второй мировой войне Германии и Японии, что значительно облегчило им возвращение в число развитых стран, а ущемленное национальное чувство – ущемленное, а не проклятое и не вытравливаемое, – стало в этих странах возбудителем энергии.

У нас же оказались убиты не только убитые, у нас убитыми оказались живые. Я имею в виду последнее десятилетие. И имею в виду прежде всего не нищету – хотя и она косит «пулеметными очередями». Но гораздо страшнее психический надлом от погружения России в противоестественные, мерзостные условия, обесценивание и обесцеливание человека, опустошение, невозможность дышать смрадным воздухом. Вымирающая Россия – отсюда, от этого выброса без спасательных средств в совершенно иную, убийственную для нормального человека атмосферу. Здесь причины эпидемии самоубийств, бездомности, кочевничества, пьянства, болезней и тихих нераскрытых смертей – от ничего, под тоскливый вой души.

Ничуть не сомневаюсь, что и это предусматривалось «реформаторами» заранее. «Инакомыслящие» пошли в оппозицию, живут в постоянном сопротивлении новому порядку вещей, «инакодушные», более чувствительные к жестоким и унизительным условиям, растерянные, не видящие просвета в жизни, уходят в могилу до срока.

Что касается «знакового» художественного образа для выражения нынешнего состояния России – его литература предложить не смогла. Я думаю, потому, что реальность оказалась за гранью возможностей литературы. Больше того – наступила эпоха за гранью жизни. Для нее есть единственный образ – Апокалипсис в Откровении Иоанна Богослова.

В. К. Завершается не только век – завершается тысячелетие. Это было тысячелетие русской православной духовности. Близится и двухтысячелетие Рождества Христова. Такие этапные, эпохальные вехи! И невозможно не думать сегодня о судьбе православия, переживающего, на мой взгляд, тяжелейшие времена. Я говорю, конечно, в первую очередь о России. С одной стороны, казалось бы, кончился период государственного атеизма, восстанавливаются и строятся храмы, детей без всяких утеснений крестят, молодых – венчают, усопших – отпевают. А с

другой?

История с демонстрацией по НТВ кощунственного фильма «Последнее искушение Христа», по-моему, предельно ясно показала, что творится у нас сегодня в так называемой культуре и что с нами творят. А если добавить к этому воинственный вызов экуменизма, небывалый разгул всяческих сект, завлекательную для многих подмену православия суеверием во всех возможных видах, то поводов серьезно озаботиться – больше чем достаточно.

Да что там! Угроза с абсолютной откровенностью сформулирована одним из самых лютых ненавистников нашей страны Збигневом Бжезинским. Заявил же он без околичностей: теперь, после уничтожения коммунизма в России, главная задача состоит в том, чтобы уничтожить здесь православие. И мне, кажется, понятна такая связь и такая очередность. Вроде бы одно и другое находилось в кардинальнейшем противостоянии, а на самом деле духовно скрепляло Россию: православие – тысячу лет, коммунизм – почти сто лет последних. Причем и все эти годы православие, несмотря ни на что, жило в стране в наших людях, в том числе весьма своеобразно и в «коммунистической вере». Будет ли жить – истинно, глубоко – после всех операций, которым хитро и беспощадно подвергается в эру «демократических» реформ?

В. Р. Да, это вопрос: что лучше для народной нравственности – атеистическое государство, предлагающее под своей вывеской евангельские заповеди, или государство неограниченных свобод, где не утесняется вера, но махровым цветом расцвело зло, направленное как против веры, так и вообще против нравственности.

Плохо, разумеется, и то, и другое. Плохо, когда дорога в храм перекрыта и верующий сразу превращается в неблагонадежного гражданина; но не лучше, когда дорога в храм изгажена «свободами», хватающими каждого идущего туда за руки и за ноги. Плохо, когда храмы взрываются и оскверняются, а верующие отлучаются от Бога; но многим ли лучше, что над открывающимися храмами вновь звучит перезвон колоколов, однако закрываются заводы и смолкают их гудки, а безработный человек, не имея средств к существованию, насильственно отлучается от жизни.

Хорошо, что храмы не пустуют и все больше людей ищет утешения в молитве; но ведь одновременно не меньше, чем храмы, заполнены церковные паперти людьми с протянутыми руками.

Уходя от богоборческой власти, церковь невольно поддержала власть народоборческую. Церковь освобождена от

теснений, но отдана на растерзание всем, кому она мешает. Так же, как кемеровских и воркутинских шахтеров, ее использовали, использовали даже и на последних президентских выборах, и такая же, как шахтеров, ждет ее «благодарность». Вы правильно говорите: «цивилизованное» западное общество объявило православию войну – и что же, в стороне останется власть, пляшущая под дудку этого общества?!

Президент уже накладывал вето на закон, ограничивающий деятельность сотен различных сект и инославий, науськанных в первую очередь на нашу церковь, он уже «рыкал», аки зверь, на Синод, который позволил себе усомниться в подлинности останков царской семьи. Сейчас церковь еще нужна власти – для утешения несчастных и, возможно, для будущей коронации. Сейчас впереди еще закон о продаже земли. Если он будет принят, останется единственное препятствие для устранения национальной России – православие. Его постараются расколоть, растлить и обезобразить с помощью «свобод», этим и сейчас занимаются вовсю, против него еще больше будут стянуты все воинствующие силы.

В грязном мире, который представляет из себя сегодня Россия, сохранить в чистоте и святости нашу церковь чрезвычайно трудно. Нет такого монастыря, нет такого заповедника, где бы можно было отгородиться от «мира». Но у русского человека не остается больше другой опоры, возле которой он мог бы укрепиться духом и очиститься от скверны, кроме православия. Все остальное у него отняли или он промотал. Не дай Бог, сдать это последнее. Помните у Шукшина: «Народ весь разобрался». Но тогда он еще не «разобрался», у Шукшина это было предчувствие возможного, а теперь убери или даже ослабь духовную связующую силу – и все, больше связаться нечем.

В. К. Знаете, иногда я думаю: может, мы действительно преувеличиваем наши тревоги по поводу нынешнего состояния и будущего родной страны? Может, все и не так страшно? Может, правильно обвиняют нас оппоненты в безосновательном апокалипсизме, в нагнетании страстей, в сгущении черных красок? Многие ведь чувствуют себя сегодня если и не вполне удовлетворительно, то достаточно уравновешенно и внутренне спокойно. К тому же смирение вроде бы и ближе православной сути, православному характеру, нежели ропот и противление…

В. Р. Я бы и рад согласиться с мнением, что мы превратились чуть ли не в профессиональных плакальщиков, что картина современной России не столь мрачная, как нам представляется… Рад бы, но… Достаточно поглядеть вокруг.

Вот вам жизнь моей родной деревни на реке Ангаре, теперь там Братское водохранилище. Судите сами, жизнь ли это? Почти сорок лет назад моя Аталанка была перенесена из зоны водохранилища на елань, сюда же свезли еще пять соседних деревень. Вместо колхозов стал леспромхоз. В прошлом году он пал смертью храбрых на рыночном фронте. В большом поселке не осталось ни одного рабочего места.

Магазин и пекарню закрыли, школа сгорела, солярку покупать не на что, электричество взблескивало ненадолго в утренние и вечерние часы, теперь, думаю, погасло совсем. Но это еще не вся беда. Воду в «море» брать нельзя, заражено много чем, а особенно опасно – ртутью. Рыбу по этой же причине есть нельзя. Почту могут привезти раз в неделю, а могут и раз в месяц. Два года назад, в то время леспромхоз еще слабенько шевелился, мои земляки выкапывали по весне только что высаженную картошку. Что будет этой весной, что будет дальше, сказать не берусь.

И если бы в таком аховом положении была одна моя деревня… Их по Ангаре, по Лене, по Енисею множество. Никакого сравнения не только с войной… сравнивать не с чем.

И тем не менее петь отходную я бы не стал. Человек возвращается в жизнь и из состояния клинической смерти, то же самое чудо способно произойти и с государством. Конечно, это происходит в том случае, если всерьез берутся за его спасение, а не делают ложных движений.

В. К. Тут возникает очень серьезный (и крайне актуальный!) вопрос. На пороге 1998 года вы пожелали «гражданам второй, патриотической России еще большего мужества в новом году в нашем общем стоянии за землю отцов и дедов, за честь и достоинство русского имени, за нравственное и духовное спасение». Но есть ли оно, «общее стояние», сегодня? Больше того, ощущает ли народ наш в массе своей, что ему нужно это стояние, это мужество, что есть необходимость бороться за что-то святое и дорогое?

Приведу выдержку из письма, опубликованного в том же номере «Советской России», что и ваше новогоднее слово. Двадцатилетняя Таня Орлова из Челябинска пишет с максимальной искренностью и прямотой: «Где же гордость некогда могучего, сильного и непокорного народа? Я не расистка, не антисемитка, не националистка, но мне больно от того, что все, кому не лень, стараются пнуть, унизить, втоптать в грязь русского человека. А если задуматься: ведь мы сами позволяем над собой глумиться и издеваться. Пора же все-таки это прекращать.

И мне ни капли не жаль стучащих касками голодных

шахтеров и многих других, положивших на блюдечке с голубой каемочкой свои права, честь и достойную жизнь в 1991-м и 1993 годах. Тогда мне было 14 лет, и уже в этом возрасте я понимала, что происходит непоправимое. А где были вы? Вы радостно ликовали и пели оду Ельцину? Что ж, сами виноваты. Теперь всего этого вам никто по доброте душевной не отдаст. Придется опять завоевывать, если у вас осталась хоть капля памяти, гордости и мужества».

В письме немало и других резких слов. Но кому они адресованы, если вдуматься? Народу. А вправе ли кто-то из нас ТАК разговаривать С НАРОДОМ?

В продолжение этой своей мысли поделюсь такими наблюдениями. Всегда политики ругали политиков – одни других, взаимно. Теперь стали все чаще ругать народ. И если Гайдар называл и называет его инертной массой, в которой вязнут реформы, то некоторые патриотические, оппозиционные газеты – ни больше ни меньше, как «козлами». А по сути – за то же: за пассивность, инертность. И еще – за чрезмерную доверчивость, доходящую до глупости: их ведут на убой, а они бредут себе да бредут…

В. Р. Мы не знаем, что происходит с народом, сейчас эта самая неизвестная величина. Албанский народ или иракский нам понятнее, чем свой. То мы заклинательно окликаем его с надеждой: народ, народ… народ не позволит, народ не стерпит… То набрасываемся с упреками, ибо и позволяет, и терпит, и договариваемся до того, что народа уже и не существует, выродился, спился, превратился в безвольное, ни на что не способное существо.

Вот это сейчас опаснее всего – клеймить народ, унижать его сыновним проклятием, требовать от него нереального образа, который мы себе нарисовали. Его и без того беспрерывно шельмуют и оскорбляют в течение десяти лет из всех демократических рупоров. Думаете, с него все как с гуся вода? Нет, никакое поношение даром не проходит. Откуда же взяться в нем воодушевлению, воле, сплоченности, если только и знают, что обирают его и физически, и морально.

Народ надо понять. Его все предали. В коммунизме он усомнился, потому что тот, владея огромной мощью, им же, народом, созданной, сдал себя без всякого сопротивления; бравые генералы, патриотические басы которых действовали взбадривающе, принимались торговать народом, как дворовыми людишками при крепостничестве, прежде чем взлетали во власть; знаменитые выходцы из народа, прославленные на весь мир, вроде Михаила Ульянова и Виктора Астафьева, взяли сторону

власти, которая откровенно отдала народ на заклание.

Да и что такое сегодня народ? Никак не могу согласиться с тем, что за народ принимают все население или всего лишь простонародье. Он – коренная порода нации, рудное тело, несущее в себе главные задатки, основные ценности, врученные нации при рождении. А руда редко выходит на поверхность, она сама себя хранит до определенного часа, в который и способна взбугриться, словно под давлением миновавших веков.

Достоевским замечено: «Не люби ты меня, а полюби ты мое», – вот что вам скажет народ, если захочет удостовериться в искренности вашей любви к нему». Вот эта жизнь в «своем», эта невидимая крепость, эта духовная и нравственная «утварь» национального бытия и есть мерило народа.

Так что осторожнее с обвинениями народу – они могут звучать не по адресу.

Народ в сравнении с населением, быть может, невелик числом, но это отборная гвардия, в решительные часы способная увлекать за собой многих. Все, что могло купиться на доллары и обещания, – купилось; все, что могло предавать, – предало; все, что могло согласиться на красиво-унизительную и удало-развратительную жизнь, – согласилось; все, что могло пресмыкаться, – пресмыкается. Осталось то, что от России не оторвать и что Россию ни за какие пряники не отдаст. Ее, эту коренную породу, я называю «второй» Россией, в отличие от «первой», принявшей чужую и срамную жизнь. Мы несравненно богаче: с нами поле Куликово, Бородинское поле и Прохоровское, а с ними – одно только «Поле чудес».

В. К. Скажите, как вы считаете: нужен сегодня герой-боец русской литературе и русскому обществу? Я вспоминаю известную статью Сергея Булгакова «Героизм и подвижничество», где подвижничество ставится выше героизма. Но в нынешних условиях, по-моему, потребно и то, и другое.

В. Р. Согласен с вами: нужно то и другое, одно другому ничуть не мешает. Подвижничество – как надежные и обширные тылы, как необходимость укрепления духа и постепенное теснение чужих. И героизм – как передовая, где идет откровенное борение сил. Без героизма не явятся к нам выдающиеся личности, полководцы, подобные Александру Невскому, Дмитрию Донскому, Георгию Жукову.

В. К. Борьба за наши святыни, конечно, в жизни идет. Есть и духовные борцы, заслуживающие самого глубокого уважения. Однако как часто приходится испытывать разочарование, досаду, почти отчаяние! Речь именно о действенности нашей борьбы, о результатах, которые бывают нередко… ну никакими. Имею в

виду, скажем, и газетные выступления, к коим причастен. Ничтожная конкретная результативность журналистских и писательских материалов нынче стала уже привычной.

В. Р. Знаете, мне кажется, есть предел убеждения, особенно в истинах очевидных. Слово от многократного повторения стирается, теряет смысл, произносится лишь звуково. Сейчас как раз такое время и наступило. Имеющие уши да услышали, имеющие глаза да увидели. Все разошлось по своим позиционным местам, политическая фразеология надоела, обличение разбоя и бесстыдства в обществе, где стыд отменен, результата не приносит: они, воры и растлители, своего добились и теперь лишь ухмыляются, глядя на то, как наша энергия уходит на ветер. Теперь нужны дела. Чем обличать тьму, лучше зажечь свечу. Подобного рода разговоры, как наш с вами, нужны лишь в двух случаях – когда они дают поучительный и глубокий анализ происходящего и когда предлагают надежду. Надежда, сейчас больше всего нужна надежда – и она есть, ее только нужно назвать.

Я склонен считать, что ни одного патриота, то есть человека, гражданина, способного выработать в себе любовь к исторической России, но не выработавшего ее по недостатку нашей агитации, мы не потеряли. Патриотизм не внушается, а подтверждается – многого ли стоили бы мы, если бы нас нужно было учить думать и говорить по-русски! Я не знал слова «патриот», но сызмальства нес в себе благодарность родной земле за свое рождение и за свою принадлежность к русскому народу. Убить эту благодарность можно было только вместе со мной.

Отшедшие, отслоившиеся от России, сознательно или бессознательно вступившие с нею в противоречие, в конфликт с самой природой ее бытия так и должны были поступить. Российский демократ образца 80-90-х годов – это особый тип человека, созданного не убеждением, а каким-либо изъяном, нравственным или психическим, какой-либо неполнотой, неуравновешенностью, неукорененностью. Сейчас это сделалось особенно заметно. Юрий Афанасьев, один из вождей начальной демократии, позже признавался, что он по характеру не строитель, а разрушитель; небезызвестный Виталий Коротич, сбежавший от плодов своей «деятельности» в Америку, читает в Бостонском университете курс лекций на тему «Ненависть как основная категория общественного сознания» – речь идет о России. Ненавистник России, он пытается свою душонку выдать за душу страны, которой пакостил. Нормальный человек на такое не способен.

Я говорю это к тому, чтобы мы знали, с кем имеем дело.

Вспомните Бурбулиса, Гайдара, Козырева – да это же все гоголевские типы! А ныне восседающие?! Президенту за то, что он слишком громко лгал, Господь оставил всего несколько слов, но он умудряется и с ними обходиться весьма неаккуратно.

В. К. Если говорить о низкой действенности противостояния сатанинским силам, то вот пример иного уровня. В связи с намеченной демонстрацией на общедоступном телеканале фильма «Последнее искушение Христа» к руководству телекомпании НТВ обращается Патриарх Московский и всея Руси Алексий П. И что же? Обращение его проигнорировано! Мало того, уже после вызывающего показа этого кощунственного фильма, болью отозвавшегося в сердцах множества людей, Патриарх обращается к президенту Ельцину и мэру Москвы Лужкову, призывая «не остаться безучастными к оскорблению религиозных чувств своего народа, в какой бы форме это ни выражалось». А результат? По-моему, президент публично даже не ответил Патриарху!

Ну о чем после этого можно говорить? Какова у нас действенность Слова, если и на столь высоком, казалось бы, уровне остается оно пустым звуком? Гласом вопиющего в пустыне!

В. Р. Демонстративный показ «Последнего искушения Христа» – оскорбление не только верующих, это оскорбление и вызов всей России. Вызов не первый и не последний, который господа Гусинский, Березовский и иже с ними делают заради издевательства над нашей душой, они происходят ежедневно и ежечасно, но этот особенно гнусный. Протест, надо признать, был слабым, и НТВ, не получив достойного отпора, с «этим народом» оставило последние церемонии.

Что мог ответить президент Патриарху? Нечего ему отвечать. Это Гусинский и его компания сделали его президентом, он в долгу перед ними по гроб жизни и по гроб же жизни будет этот долг отрабатывать. Вся властная верхушка опутана подобными отношениями: кто кому обязан, все сплетены в один клубок зависимо-корыстных связей – до России ли им, до народа ли, до его ли христианских и нравственных чувств? Это уже и возмущения не вызывает, а только глухую боль: а ведь доведете, господа, доведете, лопнет христианское терпение. Власть Божьего попущения и Господом не защищается. Года три-четыре назад по стране прокатилась волна самосудов, матери сами, не доверяя продажным и «гуманным» судам, расправлялись с насильниками своих малолетних дочерей. Сейчас рабочие коллективы то в одном, то в другом местах начинают брать в заложники руководителей-воров. Самосуд оправдывать нельзя, но и осуждать

этих людей у меня не поворачивается язык: народ вынужден сам защищать себя, если его не защищает государство. То, что вытворяет телевидение, – это множественное и жестокое насилие над всеми нашими детьми и внуками, и если такое действие не подпадает под государственный Уголовный кодекс, то не может где-то не зреть назначающий наказание кодекс народный. Не переусердствуйте, господа! Это – Россия. Вы по 1993 году должны были запомнить, что первый адрес накапливающегося возмущения – «Останкино». Всякое имя, говорят, имеет свой сакральный смысл.

В. К. А скажите, русского писателя Распутина хоть единожды пригласили на телевидение за последние годы? Кроме «Русского дома», я не видел вас ни на одном канале, ни разу. Тоже показатель, насколько действенны (а точнее – бездейственны!) наши усилия, какова их результативность. Уж сколько говорилось о том, что для лучших русских писателей и других деятелей культуры телевидение закрыто! А оно для них закрыто по-прежнему и до сих пор. Кто же у нас, выходит, полные хозяева положения? И как его все-таки изменить? И хотят ли наши люди, чтобы положение было изменено?

Честное слово, у меня создается порой впечатление, что большинству ТАКОЕ телевидение уже и нравится. Игры, викторины, мыльные оперы, американские боевики – все вполне устраивает. Не хотят другого! Наркотик уже впитался в кровь и делает свое дело.

Вот, кстати, опять возникает большой вопрос. Говорят, что провалилась коммунистическая затея воспитать нового человека. По-разному понимается этот «новый человек», но в моем представлении речь шла прежде всего о воспитании нравственности, по сути – нравственности христианской (вспомним моральный кодекс строителя коммунизма!). Но как обстоит с нравственным воспитанием сегодня? Не отброшены ли мы далеко назад? Если учесть, ЧТО смотрят сейчас люди, ЧТО читают… Но, может быть, натура человеческая и в основе не предрасположена к Евангелию, Пушкину и, скажем, Валентину Распутину, а гораздо ближе, милее ей какая-нибудь «Империя страсти» или «Золотая лихорадка»? А мы все пытаемся внушать свои ценности, которые просто не интересны людям и не нужны…

В. Р. Я странный человек, я изначально не люблю телевидение. Даже когда оно было приличным. «Доставка на дом» всего и вся меня не устраивает. Спектакль нужно смотреть в театре, книгу обсуждать с друзьями, на футбол ходить на стадион. Сидеть несколько часов подряд, уставившись в светящийся угол, и потреблять то, что на тебя вываливают, – это и

неестественно и как-то глупо. И можно было с самого начала не сомневаться, что огромные возможности телевидения будут использованы во вред человеку. Как есть женщины, не способные к постоянству, так есть и искусства, придуманные в недобрый час, предрасположенные к уродству. А сегодняшнее российское телевидение – самое грязное и преступное в мире. Я его перестал смотреть, разве что изредка новости, и участвовать в нем желания не испытываю.

Но вы правы: и не приглашают. За последние шесть-семь лет раза два был зван на передачи сомнительной полезности – и отказался. Там «свои», одержимые одной задачей, составляющие один «батальон» лжи и разврата. Геббельсовская пропаганда по сравнению с ними – изысканные проповеди, вальпургиевы ночи рядом с «рождественскими встречами» и спецпередачами типа «Про это» – собрания сестер милосердия. Надоело об этом говорить.

После фильма «Последнее искушение Христа» Союз писателей России принял решение бойкотировать НТВ как канал антирусского и антигосударственного направления. А точнее говоря, как трубу, перекачивающую яды и нечистоты. НТВ от нашего бойкота, разумеется, ни жарко и ни холодно, оно с нами и не зналось, но вместе с Православной Церковью мы кое-что представляем. Вызов сделан – вызов принят, посмотрим, чьей стороне придется отступать.

«Дьявол с Богом борются, и поле битвы – сердца людей» – эти слова Достоевского будут вечным эпиграфом к человеческой жизни. В каждом человеке сидят два существа – одно низменное, животное и второе – возвышенное, духовное. И человек есть тот из двух, кому он отдается. Да, многие привыкли к той телевизионной жвачке, которой пичкают их с утра до вечера, многим она нравится. И боевики со стрельбой и кровью, и Содом в обнимуку с Гоморрой, и пошлости Жванецкого с Хазановым, и эпатажи Пугачевой, и «Поле чудес», и прочее-запрочее. Ну что же – на то и сети, чтобы ловить наивные души. Одно можно сказать: жалко их, сидящих то ли на крючке, то ли на игле.

Сейчас уже ничему нельзя удивляться. Но на меня произвела впечатление информация в одной из газет об опытах над крысами. Их приучили лапками нажимать на кнопки, которыми регулируется подача в центры удовольствия (есть такие и у людей, и у животных) электрических толчков малой мощности. Выставлялись эти электрические приборы, а неподалеку выставлялась пища. Крысы, погибая от голода, не могли оторваться от кнопок, которые посылали им удовольствия.

Вот так-то!

В. К. Русскому народу исконно было свойственно чувство справедливости. По-моему, это важнейшая особенность русской души. А сейчас именно чувство справедливости пытаются в людях вытравить. Как и соборность нашу, коллективизм. Ведь, говоря о примирении и согласии, по существу, имеют в виду необходимость согласиться и примириться с утвердившейся вопиющей несправедливостью. Неужели примет это Россия, как вы думаете?

В. Р. Если не приняла, несмотря на огромные потери, боюсь, года через два-три, ежели ничего не изменится и волынка с властью, которая служит чужим интересам, будет продолжаться, то Россию силой заставят принять капиталистические «завоевания», а они к тому времени станут еще разительнее и свирепее. С Россией уже сейчас не считаются, и чем дальше, тем меньше будут считаться. Государство, сознательно убивающее самое себя, – такого в мире еще не бывало. На нее, слабеющую все больше и больше, уже заведены свои планы, свои расчеты, и потерять Россию как своего вассала, потерять ее с возвращением в самостоятельную и самодостаточную величину не захотят.

> Вот мы с вами говорим, а я все думаю: для чего говорим, кого и в чем хотим убедить? Экономисты считают, что с той экономикой, которая у нас осталась, Россия уже не должна жить, и если она худо-бедно живет, то только за счет того, что проматывает наследство предыдущих поколений и расхищает наследство, которое необходимо оставить поколениям будущим. Россию обдирают как липку и «свои», и чужие – и конца этому не видно. Для Запада «разработка» России – это дар небес, неслыханное везенье, Запад теперь может поддерживать свой высокий уровень жизни еще несколько десятилетий. Ну а домашние воры, полчищами народившиеся из каких-то загадочных личинок, тащат буквально все, до чего дотягиваются руки, и тащить за кусок хлеба им помогают все слои населения. Повалили
> Отечество и, как хищники, набросились на него – картина отвратительная, невиданная!

Десять лет назад мировое государство с единым правительством, единой экономикой и единой верой могло еще считаться химерой. После крушения СССР и прихода в России к власти демократической шпаны, с восторгом докладывавшей американскому президенту об успехах разрушения, мир в несколько лет продвинулся в своих мондиалистских усилиях

дальше, чем за многие предыдущие столетия. Пал бастион, которым держались национальное разнообразие и самобытные судьбы. После открытия Америки и устроения там могучего космополитического государства прорыв в Россию стал главным событием второй половины заканчивающегося тысячелетия. Это слишком важная победа, чтобы ее захотели отдать обратно. Сейчас Запад еще прислушивается: что происходит в недрах нашей страны? – а через два-три года с нами начнут поступать так же, как с Ираком и Фолклендскими островами.

В. К. Наше общество сегодня лишено ведущей, объединяющей его идеи. Как вы относитесь к попыткам «сверху» эту идею придумать? Ведь президентом дано задание группе каких-то ученых «разработать национальную идею», правительственная «Российская газета» объявляет на такую идею конкурс! Не кажется ли вам все это нелепым? И не является ли та же справедливость одной из важнейших основ нашей действительно органической национальной идеи?

В. Р. Объявлять конкурс на национальную идею – все равно что объявлять конкурс на мать родную. Это абсурд, который может прийти в голову только сознательным путаникам, взявшимся наводить тень на плетень. Вообще, «верховные» поиски объединительной идеи шиты белыми нитками и имеют целью не что иное, как сохранение своей власти, приведение к присяге ей всей России. Этого никогда не будет. Сегодня заканчивается расслоение России не только на богатых и бедных, но и на окончательно принявших теперешний вертеп и окончательно его не принявших. Это гораздо больше, чем классовые расхождения в 1917 году.

Национальную идею искать не надо, она лежит на виду. Это – правительство наших, а не чужих национальных интересов, восстановление и защита традиционных ценностей, изгнание в шею всех, кто развращает и дурачит народ, опора на русское имя, которое таит в себе огромную, сейчас отвергаемую, силу, одинаковое государственное тягло для всех субъектов Федерации. Это – покончить с обезьяньим подражательством чужому образу жизни, остановить нашествие иноземной уродливой «культуры», создать порядок, который бы шел по направлению нашего исторического и духовного строения, а не коверкал его. Прав был Михаил Меньшиков, предреволюционный публицист, предупреждавший, что никогда у нас не будет свободы, пока нет национальной силы. К этому можно добавить, что никогда народ не будет доверять государству, пока им управляют изворотливые и наглые чужаки!

От этих истин стараются уйти – вот в чем суть «идейных»

поисков. Политические шулеры все делают для того, чтобы коренную национальную идею, охранительную для народа, подменить чужой национальной или выхолостить нашу до безнациональной буквы.

В. К. Больной вопрос сегодня – молодежь, поскольку это все-таки будущее страны. Как вы считаете, насколько глубоко она отравлена? Не может ли это привести к каким-то уже необратимым переменам в нашем недалеком будущем?

В. Р. У меня впечатление, что молодежь-то как раз не «вышла» из России. Вопреки всему, что на нее обрушилось. Окажись она полностью отравленной и отчужденной от отеческого духа, в этом не было бы ничего удивительного, потому что от начала «перестройки» она вырастала в атмосфере поношения всего родного и оставлена была как государственным попечением, так и попечением старших поколений, которые разбирались между собой и своими партийными интересами.

Из чего я делаю эти выводы? Из встреч с молодежью в студенческих и школьных аудиториях, из разговоров с ними, из наблюдений, из того, что молодые пошли в храмы, что в вузах опять конкурсы – и не только от лукавого желания избежать армии, что все заметней они в библиотеках. Знаете, кто больше всего потребляет «грязную» литературу и прилипает к «грязным» экранам? Люди, близкие к среднему возрасту, которым от тридцати до сорока. Они почему-то не умеют отстоять свою личностность. А более молодые принимают национальный позор России ближе к сердцу, в них пока нетвердо, интуитивно, но все-таки выговаривается чувство любви к своему многострадальному Отечеству.

Молодежь теперь совсем иная, чем были мы, более шумная, открытая, энергичная, с жаждой шире познать мир, и эту инакость мы принимаем порой за чужесть. Нет, она чувствительна к несправедливости, а этого добра у нас – за глаза, что, возможно, воспитывает ее лучше патриотических лекций. Она не может не видеть, до каких мерзостей доходят «воспитатели» из телевидения, и они помогают ей осознать свое место в жизни. Молодые не взяли на себя общественной роли, как во многих странах мира в период общественных потрясений, но это и хорошо, что студенчество не поддалось на провокацию, когда вокруг него вилась армия агитаторов за «свободу».

Еще раз повторю: сбитых с толку и отравленных, отъятых от родного духа немало. Даже много. Но немало и спасшихся и спасающихся, причем самостоятельно, почти без всякой нашей поддержки. Должно быть, при поддержке прежних поколений, прославивших Россию…

Апрель 1998 г.

Предавшим память нет прощенья поэт ЕГОР ИСАЕВ

Истинный поэт острее других чувствует и переживает свое время. Истинному поэту дана неостывающая память.

Все это было и есть в душе Егора Исаева. И совсем не случайно две главные поэмы его, лауреата Ленинской премии, Героя Социалистического Труда, названы «Суд памяти» и «Даль памяти». Совестливая память в самом деле строго судит и далеко, высоко зовет…

Во время нашей встречи я предложил замечательному поэту-фронтовику высказаться о том, что больше всего волнует его сегодня.

Егор Исаев. Вот с чего начну – со средств массовой информации. Что это такое? Средства есть, и мощные, технически мощные. Массы налицо. А насчет информации…

Информация – это изложение фактов, а потом уже какое-то сопровождение, какие-то комментарии. А получается, что для массы людей, для народа, который живет в полях, в городах и которому нужно знать, что происходит в стране, что болит, этого не дают. Между тем в моем представлении информация – служба скорой помощи, а не болтовни. Так вот, информация должна сообщать – что болит, где болит, как оказать первую помощь.

Виктор Кожемяко. Вы считаете, сегодня такой информации недостаточно?

Е. И. Что-то не очень я ее вижу и слышу! Особенно на телеэкране. Говорят о демократии. Рассуждают о многоприсутствии народа. Но на такой большой народ, на такую большую страну и с такими разными больными проблемами, в том числе проблемами души и человечности, – какой-нибудь

пяток-десяток одних и тех же голов, которые изо дня в день талдычат нам одно и то же.

А ведь при всем, что с нами произошло за последние страшные годы, мы вконец не расчеловечились. Может быть, мы по-прежнему самый человечный народ на земле? Об этом надо говорить. Через все трудности прошли – и остались людьми. Мы победили фашизм! Не озлобившись. Такого народа другого, может быть, и нет. Я принадлежу к этому народу, и говорю с гордостью. Я принадлежу к советскому народу. Народу народов и языку языков!

Молодые – народ, который в будущем, то есть впереди. У которых все впереди. Так вот задача информации – донести до них правду. Не потерять память! В будущих поколениях.

И что же получается, если брать электронную информацию? На один школьный класс в тридцать человек обычно приходится несколько учителей. По каждому предмету. А тут на миллионы народа – один какой-то… Да простят мне, я человек добрый. Но как же – на миллионы людей каких-то пять-шесть или пусть десять-двадцать не столько умных, сколько умствующих. И поучающих! И не доносящих настоящую информацию о настоящей жизни.

Да, собственно говоря, в своей показной многозначительности, в словоигре они информацию, стоящую рядом с правдой, – топят. То есть мы имеем не столько информацию, сколько комментаторство.

Берут на себя многовато.

В. К. Это если мягко сказать, да? И ведь многие темы при этом полностью отсутствуют. Словно проваливаются! Ну, скажем, тема труда.

Е. И. В философии человека, труд занимает самое первое место. Отнять труд у него – значит отнять его необходимость другим. А как человек может быть без людей? Человек дальше самого себя во много раз! Дальше дня своего рождения. Он, человек, когда его еще не было, уже присутствовал при встрече одного прекрасного лица с другим, не менее прекрасным и мужественным лицом.

Да, ты был еще до матери с отцом – в красоте, которая свела и сделала мать и отца семьей. Вот что начало человека! А дальше – насколько он необходим людям. Личность – не индивидуальность. Ведь индивидуальность – насколько один человек не похож на другого. Лицом не похож, характером не похож, темпераментом. Энергией слова и мыслью. Ведь мы же не найдем в природе ни одного дерева, чтобы оно было копией другого. Все деревья тянутся к небу вершиной, но у каждого на

земле есть свой угол. Вот это и есть индивидуальность. Нам природа подарила это великое качество.

В. К. А личность? Как вы понимаете личность?

Е. И. Это насколько один человек необходим другим. И чем больше он необходим другим – своим делом, своим поступком, своим трудом в конце концов, то есть чем больше его труд необходим другим людям – труд ума и умных рук – соседям, односельчанам, одногорожанам, народу, – тем больше личность. Не важно, кто ты по профессии – ученый или, скажем, токарь, токарь тоже продолжается в летящем самолете и в летящей ракете! Вот что такое труд. Вот что такое личность.

Я хотел бы немножко оглянуться и сказать, что в нашем замечательном прошлом мы все-таки несколько перериторизировали понятие – труд.

В. К. В каком смысле – «перериторизировали»?

Е. И. А в том, что нередко слишком уходили в риторику. Одно дело – декларировать, то есть провозглашать, а другое – исполнять, то есть соответствовать декларации. И мы настолько поверили своей философии, что, веря в нее, как-то нерасчетливо доверили эту философию лозунгу. «Слава труду!» – написали лозунг, а потом некоторые легли в тени лозунга и – подремывали.

Что же, труду действительно слава! Но это понятие требует такой глубочайшей расшифровки! Как совесть, как честь, как долг. Раскрытия требует, а не только упоминания.

Труд – второе Солнце. На земле. Которое рождается в человеке. И только человечество живет трудом. Трудом мысли, трудом мускулов, трудом взаимопонимания и взаимоотношений. Так вот, с лозунгом мы действительно несколько переборщили, не утруждая себя раскрытием смысла.

В. К. Ну а сейчас?

Е. И. Я недаром начал с информации. Нет сейчас никакой информации о труде! Вот земля. Она же трудится. Потому что корень соприкасается с землей в каком-то неразгаданном, неизъяснимом поцелуе. Вот где-то корешок, где-то корешочек от корешка, где-то договорился – совершает поцелуй с землей. Серой, черной. И вдруг… от этого поцелуя идет цветок. Через корень, через ствол, через клетки и клеточки. И вот уже образуется почка – и цветок объявляет себя! Объявляет свою красоту! Красоту соединения, труда, великой свадебности. Корня и почвы. И вот загораются цветы…

Тут мы могли бы перейти к другому вопросу – красота и труд. Почему цветы так красивы? Мы говорим, что по законам эстетики человек видит красоту. А я думаю, и природа сама себя видит! Ведь вы посмотрите – пчела летит к цветку. На красоту! Берет

мед, это ее труд. Я помню, был в Англии, и мне говорят: вот что-то вы у себя к порнографии больно стеснительно относитесь. Да вы, мол, ее разверните. А я отвечаю: так ведь любовь, если это действительно любовь, – она самое стеснительное чувство. Секс – это по-вашему. А по-нашему – сначала любовь, а уж потом. С прилавка у вас яблоко, а у нас – с ветки. Особой красоты.

Так вот, красота и труд рядом идут. Это не декларация. Только вглядитесь в природу, вдумайтесь! И вы увидите нерасторжимую связь. А нынче у нас не говорят о красоте труда и о тех, кто красиво трудится. О них не говорят и их не показывают. Не труженики, а воры стали героями времени.

В. К. По-моему, никогда не было столько лжи как в последние десять лет и сегодня, никогда слово и дело не расходились в жизни столь разительно.

Е. И. Слово и дело… Слово – великое. Не я первый об этом говорю. До нас всех сказано: в начале было Слово. Но… вы знаете, какая вещь: у дьявола ведь тоже слово есть. Слово и с дьявольским содержанием бывает. Знаете, я не всегда верю в Церковь, но в Бога верю. И верил всегда. Даже объявляя себя безбожниками, мы были более божественными, чем те, которые объявляли свою веру в Бога. Капитализм – антибожественное состояние, эксплуатация одного другим, это жить за счет другого. Христианству же такое противно!

Вот ведь какой парадокс получился: официально мы вроде бы христианство отвергали, а в душе и на деле были более христианами, чем те, которые провозглашали его…

Человек – он от природы единица заботливая. Думай о других, делай для других. Вот что определяет основную суть человеческого имени, человеческой натуры, творческого его сознания. А если брать сегодняшнюю информацию, которую нам предлагают, в ней ничего этого нет. Как работают поля? Насколько они засорены? Насколько они безработны? То есть безработица полей. Во время войны все работники земли ушли на фронт, потому что на крестьян бронь не распространялась. Крестьяне – линия первого огня. Это пехота, танки. Трактористы стали танкистами. Представьте, не было бы у нас трактористов в селе… Первый окоп и первая пуля – крестьянину в шинели, который очень хорошо знает, что такое земля. И любит. Богом тебе приказано любить свою мать. Река должна любить родник. Любовь к родникам и делает речку! А река уходит в море. А море – в океан.

Теперь же происходит воистину чудовищное. У крестьянина, который трудится на земле и всей душой ее любит, хотят эту землю отнять. Пустить ее на продажу! То есть хозяином

становится уже совсем не тот, кто на ней трудится, а кто денег больше наворовал…

Вы знаете, отменить или унизить труд, или замолчать труд – равносильно тому, что отменить Волгу. Или отменить Черное море. Труд – как океан, как море, как река лежит в образе человека. И это не просто мое какое-то декларативное отношение.

В. К. Но сейчас-то изымают это все, изымают!

Е. И. Сейчас идет не созидание, а разрушение. Как началось пятнадцать лет назад, так и продолжается. А ведь разрушать легче, нежели строить, хотя и для подготовки разрушения нужен ум. Дьявольского, конечно, содержания…

Как-то я спросил своего большого друга Михаила Николаевича Алексеева, одного из уже немногих оставшихся участников Сталинградской битвы, прочитав замечательный его роман-документ «Мой Сталинград»: «Миша, а за сколько дней Сталинград был разрушен?» Он отвечает: «За три дня». Я аж ахнул. А он продолжает: «Если уточнения хочешь, то за три волны». «Каких волны?» «Люфтваффе, то есть авиации немецкой».

Оказывается, Сталинград в основном был разрушен еще до боев в самом городе. За три массированных налета – я уж не знаю, по сколько там самолетов было, по пятьсот или по тысяче… Но вот три таких налета – и огромного города нет.

А построить город? Восстановить страну? Сколько у нас в ту войну городов было разрушенных! Минск, Киев, весь Донбасс с его шахтами, Воронеж мой родной… Да разве перечислишь! Я уж не говорю о селах и деревнях…

В. К. Вы Воронеж после освобождения видели?

Е. И. Да, я видел его абсолютно разрушенным. Ужасное зрелище! Представьте себе: город насквозь просматривается. Торосы из бывших домов на бывших улицах – и виден горизонт…

Так вот, за сколько все это можно восстановить? А мы за сколько восстановили? Забыто сегодня. Что-то господа телеинформаторы об этом помалкивают. А ведь это был подвиг, равный военному!

Мы остановили фашизм, отбросили его, освободили себя и все человечество. И сами отстроили страну в невероятно короткий срок. И тут же подвиг наших женщин в деревне. Федор Абрамов великолепно сказал: «Второй фронт открыли наши женщины». Потому что страна воевала не только передним краем, а всей своей глубиной…

По западным подсчетам, нам для восстановления разрушенного в войну должно было потребоваться никак не меньше двадцати пяти лет. А когда у нас полетел Гагарин? Вот какой арифметики хочется от телеинформаторов! От этих

умствующих… Вы подсчитайте и скажите. И люди увидят себя в своем подвиге. Народ себя увидит.

В. К. Который сегодня принизили до предела.

Е. И. Еще как принизили… А ведь в 1957-м уже полетел наш спутник. И при этом не надо забывать, что ведь мы были спровоцированы на гонку вооружения.

В. К. Забывается! Увы, слишком многое постарались вышибить из памяти у людей…

Е. И. Как же не вспомнить, что в 1945-м, сбросив атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки, Америка предъявила главный ультиматум именно нам. Это для нас атомные бомбы сброшены были. Дескать, подчинитесь! И занимать нам тогда было не у кого…

Опять думаешь о нашей истории и о нашем характере. Мы уступчивые вообще-то, но – до определенного предела. Мы, русичи. И белорусы, и украинцы. Мы – народ трех языков. Мы – трехнародный народ. Мы – народ трех культур. Так какое может быть разъединение? А советский наш народ?!

Земля земель сомноженных народов,
Соборный свод согласных языков.

Это я когда-то написал о Советском Союзе и считаю, правильно написал.

В. К. Вот вы говорили, Егор Александрович, что иногда те самые «телеумствующие» называют вас советским поэтом, чтобы оскорбить. То есть выражают таким образом презрение. А сами вы как относитесь к этому? Как воспринимаете?

Е. И. Как награду. Что такое советская литература, советская поэзия? Великое явление, иначе сказать не могу.

Говорят, писали под пистолетом. Дескать, все можно заставить сделать. Но кто заставил Гастелло совершить его подвиг? А что, командир роты под пистолетом гнал Матросова на вражескую амбразуру? А сколько у нас было Матросовых и Гастелло?! Это говорил характер, убеждения говорили в человеке. Маресьева что двигало – безногого на самолет и в бой?…

Во Второй мировой войне участвовали нации великих литератур: Англии, Франции, Германии, Италии и Соединенных Штатов… И давайте зададимся вопросом: создана ли там такая поэзия во время той грандиозной войны? Где есть еще, скажем, свой «Василий Теркин» – под именем Том или Ганс? Нет, не может предъявить его ни великая немецкая, ни великая английская литература.

Так что же, Твардовский «Василия Теркина» под пистолетом

писал? Или Сурков свою «Землянку» тоже под пистолетом?

А Исаковский! У меня всегда мурашки по коже бегут, когда я слышу: «С берез неслышен, невесом слетает желтый лист…» Или «Враги сожгли родную хату, сгубили всю его семью…» Не убили, как некоторые иногда произносят, а именно сгубили, потому что убить можно и равного по силе, а сгубить – беззащитного: женщину, ребенка. Вот как точен был в слове Исаковский!

И наши фильмы, многие из которых до сих пор вызывают восхищение, созданы под пистолетом? У нас же был великолепный кинематограф! А сегодня? Что, вообще, создано за последние десять – двенадцать лет?

… Конечно, если возвращаться к советской литературе и в целом к советскому искусству, то они держались не только на пафосе. Там и юмор был (но не который от дьявола, а от Бога), и лирика. Песни-то лирические какие!

Да и вообще, все самое человечное мы брали из мировой культуры. У меня про это – стихотворение «Железный занавес». Если он и был, занавес, – то против отравы. А великая литература Запада была в каждом нашем доме. Когда я выступал в английском парламенте, сказал так: конечно, Шекспир – ваш, а Пушкин – наш, но загляните в домашние библиотеки советских людей, и вы убедитесь, что Шекспир тоже наш!

О чем это говорит? Не только писатели и поэты у нас были великие, но и великий читатель, равного которому, я думаю, не было и нет во всем мире! Я многие годы возглавляю общество книголюбов России. В советские годы десять миллионов человек! Ну ладно, пусть сколько-то были в обществе формально. И все равно миллионы любящих книгу художественную, научную, политическую. Где еще в мире есть что-нибудь подобное?

Помню, на роман Анатолия Иванова «Вечный зов» пришло с мест три миллиона заявок. И мы досадовали в издательстве «Советский писатель», что можем выпустить только двести тысяч…

Феномен, который еще будут изучать и изучать! Я беру сравнительно небольшой отрезок времени – около двадцати лет и только один, как нынче принято говорить, регион – Сибирь. Сколько же вышло отсюда замечательных писателей! Шукшин, Чивилихин, Распутин, Вампилов, Куваев… Да и Петр Проскурин, по существу, отсюда. Астафьев, которого я очень любил. Удивляюсь, зачем он вдруг пошел против самого себя – против своей натуры, против собственного таланта! Неужели тщеславие оказалось выше?…

А возьмите наш Север. Личутин там появился – небольшого росточка и таланта огромного. А раньше – Федор Абрамов,

который очень сильно свое слово сказал…

Уралец Юрий Бондарев, волжанин Михаил Алексеев. Первоклассные поэты – русские, белорусские, украинские, грузинские… Да не обоймешь ее, советскую-то литературу. Один Шолохов – эпоха целая.

В. К. Раз уж об этом зашла речь, давайте вспомним, как входил в литературу советский русский поэт Егор Исаев.

Е. И. Не люблю о себе говорить. И вообще, как-то стыдновато бывает: народ в бедствии, а столько вокруг разных чествований, презентаций, юбилейных тостов…

В свое время, когда состоялся у меня творческий вечер на телевидении, в студии «Останкино», задали мне вопрос: «Кто были первыми вашими учителями в поэзии?» Надо бы блеснуть приближенностью к великим. Ну, конечно, Пушкин, конечно, Лермонтов, Некрасов, Есенин… А я говорю: да воронежские девчата. Вот кто были первые мои учителя.

Они же почти все были поэтами, почти все сочиняли частушки! И не потому, что жанр такой, а потому что необходимость. Как необходимость быть красивой, необходимость любить. Вот она любит Петьку – и сочиняет частушки не для кого-нибудь, а для Петьки. Песни она от матери берет, а частушки – свои. От них я и пошел.

Мне говорят из зала: «Ну-ка, а спойте частушки-то». А у меня сразу из тех лет:

Я иду – они лежать,
Три майора на лугу.
Тут уж я уж растерялась,
Тут уж я уж не могу.

Зал взорвался от восторга. Продолжаю – теперь парень поет:

Я, бывало, лёдом, лёдом,
Лёду нету – я водой,
Я, бывало: «Нюрка! Нюрка!»
Нюрки нету – я домой…

В. К. Наших читателей, несомненно, интересует ваша родословная. Где ваша родина?

Е. И. Село Коршево, Бобровского района. Это исконно русская воронежская земля. Суворин в Коршеве родился – знаменитый потом издатель, для Чехова, в частности, много сделавший. Он же крестьянин! Ленин писал: Суворин начал как

крестьянин, а кончил как черносотенец… Ну вот, отец его, будучи солдатом, стал уважаемым по службе, и потому сыновья получили возможность учиться. Один пошел в кадетский корпус, а другой вот – в гимназию. И так далее. Две школы после на свои средства в родных местах построил, об этом тоже забывать нельзя…

Удивительное мое село. Как всегда, мать – удивительная. Удивительные люди! В простоте, но и в мудрости. Бывало, приеду к матери, и она мне пересказывает про меня: «А чего это он картошку сам роет? А чего к нему начальники не едут? Чего-то мяса не выписывает в колхозе?» Приглядывались. Да, между прочим, у Воротникова Виталия Ивановича, в свое время члена Политбюро, мать тоже бобровская, а сам он родился в Воронеже. И я ему, моему ровеснику, по-землячески рассказывал иногда, как народ оценивает начальников и руководителей. Вот он в моих глазах был именно руководителем в лучшем смысле – не начальником. Связи с народом не утратил, взглядам своим и сегодня не изменил…

В. К. А как вы-то в поэты вышли?

Е. И. Получилось так. Напечатал я заметку в дивизионной нашей газете «На разгром врага». Видно, чем-то понравилась она. И пришел один лейтенант, спрашивает: «Какое у вас образование?» Говорю: «Девять классов».

В. К. А звание какое было?

Е. И. Гвардии младший сержант. С отличием окончил курсы радистов… И вот выходит приказ – перевести меня в редакцию газеты, поручив прием информации. Ночью принимал сводки Совинформбюро и прочее, а днем редактор меня по полкам посылал – я жизнь-то солдатскую знал хорошо. Стал писать не только статьи, но и стихи. Посылаю в газету 1-го Украинского фронта «За честь Родины». Приезжает потом оттуда полковник и забирает меня.

А я уже и в Москве печатаюсь. В «Смене» – у Долматовского, в «Советском воине» – у Грибачева. Вот какие были люди! Это тоже относится к понятию «советские». Какой-то там младший сержант, где-то в Австрии… И они письма мне пишут, советы дают. В газете «За честь Родины» – встреча с Михаилом Алексеевым. Первые страницы своей повести «Солдаты» он читал мне.

Потом демобилизация. Меня уговаривали окончить курсы военных журналистов во Львове, но я уже нацелился в Литературный институт. А меня задержали, пока уговаривали. И как я бежал по Москве с Киевского вокзала, как бежал, чтобы успеть!! Нет, опоздал. Говорят, приемная комиссия уже

распущена. До следующего года.

Спускаюсь я по лестнице совсем унылый – и слышу: «Что опечалился, младшой?» Человек в гимнастерке. Как потом оказалось, был это Юрий Бондарев. Говорю, вот – опоздал. «Это не ты опоздал – армия опоздала». Ведет меня обратно в ректорат. Но опять: «Что же, из-за вас комиссию теперь заново собирать? И рекомендаций у вас нет». А у меня же были письма Долматовского и Грибачева. «Давайте сюда! Чего же вы раньше-то не сказали?…» Так помог определить мою дальнейшую судьбу прекрасный писатель Василий Александрович Смирнов…

А потом встреча с Паустовским. Тут уже начинается мой «Суд памяти». С образа стрельбища. Забрел я после войны под Веной на заброшенное старое стрельбище. И какое-то страшное возникло чувство! Земля – как не земля. Никогда она не работала. Заросшая. Там не пасли никогда никого. Все пули, все оружие здесь прошли. А значит, солдаты всех поколений и войн, вплоть до Гитлера. То есть самое массовое предприятие, где учили убивать…

И вот это во мне ходило, как облако в сердце. Не знаю почему, но в институте решил рассказать Паустовскому. Константин Георгиевич выслушал очень внимательно. И очень он меня вдохновил: «Молодой человек, а ведь вы нашли ключ к философии войны вообще! Обязательно пишите. Только прошу вас – пишите прозой».

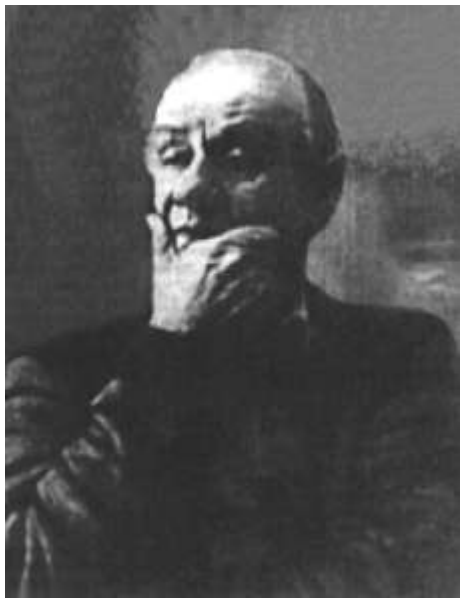
Вот в этом я его не послушался… Но за поэму «Суд памяти» готов нести ответ перед любым судом – земным и небесным. Не стыжусь называться ее автором.

Как-то Леонтьев, который ведет по телевидению передачу «Однако», ехидно к чему-то прилепил: был, дескать, такой поэт советский – Егор Исаев, который писал партийные поэмы…

Хочется спросить: «А ты читал?…»

Август 2001 г.

На крючке позолоченном
ПИСАТЕЛЬ ВИКТОР РОЗОВ



На телеэкране Виктор Розов не мелькает. Какое там, многие последние годы его почти вовсе туда не зовут. Конечно, идут время от времени знаменитые фильмы по его пьесам – шедевр мирового кино «Летят журавли» или более скромный, но до сих пор волнующий «Шумный день».

Как объяснить его феномен? Миллионы соотечественников, воспитывавшихся в советские годы на прекрасных пьесах Розова, несут в душе их свет и тепло, передавая самые добрые чувства детям, внукам, новым поколениям. Так что живы «В добрый час!» и «В поисках радости», «Вечно живые» и «В день свадьбы», «Затейник» и «Традиционный сбор»…

А МХАТ имени Горького под руководством Татьяны Дорониной поставил самую первую, почти полвека назад написанную и тогда же впервые показанную Центральным детским театром пьесу замечательного драматурга – «Ее друзья». И спектакль стал событием, еще раз подтвердив молодость и насущную востребованность такого таланта. Как иногда нужна людям в нынешнее жестокое время искренняя, сердечная розовская доброта!

Я к нему всегда иду с вопросами «самыми-самыми». О том, что в жизни острее всего тревожит и более всего заставляет думать.

Виктор Кожемяко. Виктор Сергеевич, вас вполне можно назвать свидетелем века. Давайте с этого и начнем сегодня наш

разговор. Какие воспоминания и мысли приходят «под занавес» XX столетия?

Виктор Розов. Да, этот век почти целиком я прожил. Изобиловал он разными разностями. Были и хорошие времена, и невыносимо тяжелые…

Дело еще в том, что человек о каком-либо времени судит по собственной судьбе. Моя судьба была очень суровой до 36 лет. Крайне суровой. Но… счастливой. Вот что поразительно! Скажем, сейчас я более обеспечен, чем тогда, гораздо более обеспечен, но я, как ни странным может показаться, – более несчастен. Да что там, я просто несчастен по сравнению с теми временами, когда было мне и холодно, и голодно, и припев в доме был: «Мама, нет ли чего укусить? Дай какой-нибудь кусочек хлебца!»

Когда маленький был, можно сказать, многое воспринималось бессознательно. Голодовки тех лет, беспризорщина после Гражданской войны… И многое потом стало понятно, во всяком случае, объяснимо. Произошел ведь великий слом – революция. Но почему же тогда, в те времена и позднее, я чувствовал себя счастливым, а теперь – нет?

Вот сейчас – мы сидим с вами в теплой комнате, чистой и уютной, и не видно вроде бы вокруг той разрухи, но – боли в сердце неизмеримо больше, чем тогда! И это не только потому, что тогда я был очень молод, и молодость сама по себе кипела и радовала. Нет, суть в другом. Не может же меня оставить, допустим, сознание того, что если в Гражданскую войну было два миллиона беспризорных детей, то сейчас – тоже два миллиона. Или даже еще больше! Казалось бы, без войны…

Вот это для меня совершенно необъяснимо. Вернее, я могу объяснить лишь как следствие неслыханного и невиданного ограбления народа частью общества. Ну как назвать ту часть? Их называют иногда почему-то новыми русскими, называют нуворишами. А надо говорить прямо – воры!

Называть вещи своими именами. Впрочем, и воры – для них, пожалуй, слабовато. Вор – он на чем-то себя останавливает. А эти… хищники! Хищнику надо все больше, больше, больше. Он ненасытен! И чем это кончится, какая будет развязка – предугадать не могу. Но тревожусь, скажу вам, очень. Потому что может произойти какой-то ужасный взрыв в обществе.

Такой взрыв, что только щепки полетят от всего этого! Вот чего я опасаюсь! Хотя есть люди, которые этого не опасаются, а даже ждут. Мне кажется, я смотрю более трезво. Потому что я знаю, что реально значит такой взрыв.

Но, с другой стороны, как теперь может измениться жизнь, чтобы снова пойти по нашему, православному, русскому руслу, –

я даже не знаю как. Слишком далеко зашло, слишком все серьезно! И, наверное, должны те политические фигуры, которые действительно болеют за судьбу государства и каждого человека в нем, – как-то объединиться. Все лучшие силы должны объединиться и сплотиться! Во имя спасения Отечества.

Сейчас разделение общества на супербогатых и сверхбедных настолько велико, пропасть между ними так глубока и широка, что – не знаешь, как разрешится этот вопрос. Тут нужна какая-то величайшая мудрость, чтобы обошлось без миллионных человеческих жертв. Все это – первое, пожалуй, что больше всего сегодня меня волнует.

Второе, о чем хочу сказать: государство наше приобрело уголовный облик. Поразительно, что произошедшее буквально на глазах перерождение значительной части нашего общества – неслыханная, массовая уголовщина! И тоже – не видишь тут ни конца, ни края. Порой возникает чувство, что уголовные элементы захватили уже буквально всю страну, начиная, конечно, с самого верха. И не знаешь, что же против этого делать…

В. К. Однако вы, Виктор Сергеевич, все же поднялись на борьбу против этого. Несмотря на свой возраст, нездоровье. Вы поднялись и делаете, по-моему, все, что только в ваших силах.

В. Р. Может быть, потому, что я никогда не был в шорах. Что я понимаю под шорами? Они могут быть надеты на себя добровольно, могут быть надеты хозяином – «по сторонам ты не смотри, а смотри лишь прямо».

Так вот, на мне этих шор никогда не было, и всегда я видел жизнь такой, как она есть, без всяких прикрас. Видел плохое, что было раньше, и видел хорошее, что тоже тогда было. Меня поражают люди (я уже не раз об этом говорил), которые зачеркивают свое собственное прошлое, клянут его. Несмотря на то, что именно тогда эти люди сделались известными, знаменитыми, прославленными. Это все равно, что плевать на своего родного отца и родную мать!

В. К. Увы, среди так называемой творческой интеллигенции подобных немало.

В. Р. Мне такое непонятно. Учились бесплатно, начиная с детского садика и до вуза. Выдвинуты на сцену, если о нашем театральном деле говорить. Стали народными артистами СССР или РСФСР, лауреатами Государственных и Ленинских премий, Героями Социалистического Труда. Все в то время! Стали знамениты на весь мир – и теперь плюют на свое прошлое…

Считаю аморальным, безнравственным и очень некрасивым. На этой почве у меня с достаточно значительной частью нашей интеллигенции негласное, но явственное расхождение. Они

сердятся на меня, что я придерживаюсь каких-то старомодных взглядов, приписывают мне, что я оправдываю все беды, которые были в прошлом, винят в том, что не принимаю происходящего сейчас.

Да, не принимаю! И не понимаю, как можно принимать. Как может у них не болеть душа, если они знают, сколько миллионов людей оказались у нас сегодня за чертой бедности, что больше двух миллионов детей в невоенное время – беспризорники…

Невольно все это обращаешь в адрес власти, которая неправильно правит государством. Наверное, мои понятия и представления во многом, что называется, доморощенные, возможно, в чем-то даже наивные. Но я считаю, что нам надо было идти сейчас по пути ленинского нэпа.

И тогда все-таки страна вышла бы на социалистический путь развития. Без иллюзий общества коммунистического, ибо в моем представлении это больше литература, а социалистический путь – реально наиболее справедливый. И если бы мы пошли в нынешнее время по пути нэпа, мы бы, как мне кажется, вернули все наши социалистические завоевания.

Сегодня я все чаще думаю об этом, возвращаюсь мысленно к периоду нэпа, вспоминаю, сопоставляю. Даже статью об этом хочу написать. Конечно, мои личные впечатления того времени – полудетские. Мне хочется кое-что почитать, поглубже разобраться, как разрабатывал Ленин свой экономический план. Ведь за короткий срок тогда удалось при экономической многоукладности, но, сохраняя Советскую власть, достигнуть очень многого. Не знаю, может быть, в Китае за последние годы сделано нечто подобное…

В. К. Словом, насколько я понимаю, Виктор Сергеевич, вы не за капитализм, а за социализм.

В. Р. Одни люди живут более богато, другие – менее, но бедных нет! Вот это, по-моему, справедливо. Всех абсолютно уравнять, наверное, нельзя, да и не нужно. Я всегда с пониманием относился, например, к тому, что академик получал более высокую, чем другие, зарплату. Имел дачу, особенно хорошую квартиру. На то он и академик – у него голова какая! Мозговые клетки стоят всего дороже. Или гениальный актер, талантливый писатель…

В. К. А теперь академики объявляют голодовку, стреляются или выходят с протестом, чтобы отстоять институты, которые душат и уничтожают.

В. Р. Я всегда понимал разделение по степени таланта и по той пользе, которую люди приносят обществу.

В. К. Но не по талантливости прохиндейства, верно я

понимаю?

В. Р. Да, да, конечно… А сейчас в «новой культуре» просто глаз по-хорошему не на ком остановить. Посмотрите, уже целая эпоха, больше десяти лет прошло, как все это у нас началось. Но десятилетие в нашей сфере – в сфере искусства – ничего не дало! Или почти ничего.

После Октябрьской революции хлынули (буквально хлынули!) таланты во всех видах литературы и искусства. Вспомните первое десятилетие Советской власти: Маяковский, Есенин, Шолохов, Вахтангов, Мейерхольд, Эйзенштейн, Довженко, Пудовкин, Шостакович… Всех не перечислишь. И в живописи, и в архитектуре – да везде! Очень ярко рождались тогда и новые формы, и новое содержание. А сейчас – ничего. Просто поразительно! Вот открыли на телевидении канал «Культура» – и он кормится только прошлым. Ибо нынешнее состояние культуры, я уж не знаю, как точнее сказать… Убого.

В. К. И если на том же канале «Культура» показывают что-либо из нынешнего, особенно очевидно, как в сравнении проигрывает…

В. Р. Я давно уже понял, что вступили мы, вернее – поставили нас не на тот путь, который нам нужен. Я поначалу был сторонником горбачевской реформы.

Когда объявили плюрализм мнений. Но… свобода была подавлена односторонней распущенностью! И чем обернулось? Словоблудием.

В. К. Когда вы говорите о резком упадке нашей культуры, я думаю, что немалую роль в этом сыграло и обезьянничанье многих деятелей, носителей культуры перед Западом.

В. Р. У меня тут свое мнение. Когда Хрущев впервые поехал в Америку, он пришел от нее в восторг. Потом отправился туда Ельцин. Он облетел два раза вокруг статуи Свободы, и – почувствовал себя свободным…

А я вот частенько вспоминаю, как вскоре после окончания Карибского кризиса послали туда, в Америку, нашу маленькую писательскую делегацию. Для налаживания отношений. И нас принимал не кто-нибудь, а госдепартамент. Совалось нам в нос самое великолепное, что только можно было найти в США! Начиная от самых шикарных гостиниц, где нас поселяли, до встреч с богачами, вплоть до сенатора, который вскоре стал вице-президентом. И везде – самый роскошный прием.

Когда полетели обратно, Катаев лукаво смотрит на меня и спрашивает: «Виктор Сергеевич, ну как?» Я говорю: «Потрясающе!» А он в ответ: «Нас пытали роскошью».

Да, действительно, нас пытали роскошью, но – ничего не

вышло! Мы вернулись такими же советскими людьми. А Хрущев испытания роскошью не выдержал. Сразу: «Догоним и перегоним Америку!» Какие-то пустые и нелепые слова.

Ельцин дважды облетел статую Свободы – и переродился. Ну лазили мы на эту статую. На плечах у нее – смотровая площадка, виден океан, видны Манхэттен и все небоскребы. Все действительно очень красиво и очень хорошо. Но – ничего не изменилось у нас внутри по отношению к нашей родной стране!

А у этих… Произошла какая-то аберрация: «Давайте и мы сделаем вот так!» Слушайте, более глупого не придумаешь. Как будто игрушку какую-то сделать – давайте и мы выточим.

В. К. Нелепо. Страна скроена на свой манер. Люди иные, культура совершенно иная…

В. Р. Россия – особая цивилизация. Да к тому же многонациональная страна. Причем я не беру то, что сегодня Россией называют. Я беру Советский Союз. Великий, единый и неделимый, многонациональный Советский Союз! Это было устройство очень хорошее.

В. К. И жилось в нем, прямо скажем, хорошо…

В. Р. В целом – очень хорошо. Я бывал во всех республиках. Хотя бы на свои премьеры ездил. Везде приветливо, везде дружно, везде весело. Были, конечно, свои проблемы, без этого в жизни не бывает – у каждого и дома свои проблемы.

Но сейчас, наряду со всеми казино (в Москве, по крайней мере), сверкающими вывесками, всякими ресторанами, гостиницами роскошными, – какая-то серость. Как ни странно – серость и унылость!

В. К. Вы ее ощущаете?

В. Р. Я ее ощущаю. Очень. И тут понятно: у государства нет идеи. Оно не знает, что оно делает, к чему стремится.

В. К. Неизвестно, куда мы идем. То есть куда ведут. Хотя догадаться можно – отнюдь не к хорошему, не к лучшему…

В. Р. Получается для многих, даже для большинства, бессмысленность жизни. Очень остро ощущаю эту бессмысленность!

Я бы еще и поэтому предложил обратиться сейчас к периоду нэпа. Изучить как следует все документы того времени. Была частная собственность, была государственная. Но у общества была также идея, большая советская, социалистическая идея, которая его объединяла и вела. Вообще, на протяжении всей нашей советской истории благороднейшие идеи человечества – идеи добра, справедливости, равенства и братства – играли очень большую роль. В том числе во время самой великой войны – Отечественной. Идея Родины, которую нельзя не защищать, даже

ценой собственной жизни. Потому что она, Родина, – выше и дороже.

В. К. Я хотел о вашей «малой родине» спросить. О Костроме. Вот вам исполняется 85 лет, и многое ведь за эти годы с Костромой связано. Что она для вас? Тянет ли душу туда? Что при встрече в душе возникает?

В. Р. Ну это возникает, наверное, у каждого человека. Там, где ты рос, где духовно родился, а Кострома именно моя духовная родина, потому что физически я родился в Ярославле, но жил там совсем немного.

В Костроме я впитал все лучшее, что мне внушалось, начиная с матери и отца. Друзья мои дворовые, школа, книги, которые читал, Волга, Молочная гора… Этот охватывающий душу простор!

В. К. Вы давно были там последний раз?

В. Р. Да нет, совсем недавно с Надей, женой, были. Не упускаем ни малейшей возможности побывать. Знаете, душу питает. Это – родное, особенно родное и близкое. Без этого, наверное, русскому нельзя. Трудно.

В. К. Чувство Родины в большом и даже великом смысле начинается, видимо, все же с так называемой «малой родины»?

В. Р. У меня – да. А за всех говорить не берусь. Очевидно, для других наций их родина – это тоже Родина. И тоже есть любовь к Родине, какое бы государство ни было. Я-то считаю: у англичан, французов, японцев, китайцев, вьетнамцев, испанцев – да у всех свои корни.

Испанцы не отдают свою Испанию, и англичане не отдают свою Англию, французы – свою Францию и даже какая-нибудь маленькая Голландия, или Дания, или Бельгия… Во всех этих странах я бывал, и везде чувствуется дух Родины.

В. К. А у нас? Что же происходит у нас? Раствориться хотим?…

В. Р. Идет атака, чтобы истребить у нас чувство Родины. Уже территорию разбили, военный приоритет Америки безусловен – им только сейчас не хватает убить наш русский дух. Вот и идет разложение русского духа всеми способами. С одной стороны – жвачкой, рекламами всякими, пропагандой всего заграничного, а с другой – искусством западным, то есть в основном американским, кино. Всегда с погонями, всегда с убийствами и часто с безнравственностью. Это – самое главное!

В. К. Да, убийство русского духа…

В. Р. Покушение на русский дух. Его растлевают всяко. В том числе материально. Смотри, дескать, вон тот человек получает сколько – и ты можешь, если будешь делать то-то и то-то. Пусть и грязное, подлое, мерзкое. Ой, даже говорить об этом не хочу…

Выброшен же лозунг: каждый отвечает за себя сам и живет в одиночку, а государство вроде вообще ни за что не отвечает.

Наше общество в этом отношении было гораздо более справедливое. Хотя мы жили всегда скромно, но во всяком случае обеспеченно. Мы знали, что 14-го зарплата, и она была – 14-го, а не 15-го.

В. К. Не искушали нас «золотым тельцом». А теперь он воздвигнут в полный рост.

В. Р. Брошен «позолоченный крючок», на который клюют люди. И все делается, чтобы они поглубже его заглотили.

В. К. Погубят нас этим вконец, как вы думаете?

В. Р. Испытание нам выпало суровое. Очень суровое! Испытание на сытость.

В. К. Пожалуй, в чем-то оно еще пострашнее, нежели испытание голодом.

В. Р. Бесспорно, бесспорно.

В. К. Дух или заплывает салом, или разлагается, растлевается.

В. Р. Я до 36 лет жил бедной жизнью, иногда очень бедной, голодал и одеться не во что было. Но, как уже говорил, я был счастливым. Это парадокс, однако это – реальность.

В. К. Вы мне рассказывали о счастье, испытанном тогда после мхатовских спектаклей…

В. Р. Великое было счастье и радость – любимые театры. Книги, конечно. Музыка, выставки, да и все окружение… Свое представление о ценностях было. Идет нарядно одетый человек – ты смотришь: ах, как красиво! Но, кроме этого ощущения, что идет красиво одетый человек, ничего и нет. Не то что: вот мне бы так!..

В. К. То есть зависти не возникало?

В. Р. Никогда.

В. К. Вот это – свойство души.

В. Р. Конечно, душа так должна быть устроена. Но это еще и следствие воспитания. Потому все мои друзья, костромичи, они были такие. Сейчас осталось нас только двое – Катя Шелина и я.

В. К. А она кто?

В. Р. Она окончила пищевой институт и стала крупным специалистом по этой части. Другая девочка, ее подружка, – тоже…

В. К. Это ваши одноклассники?

В. Р. Да.

В. К. И вы с одноклассниками все время поддерживали отношения?

В. Р. Постоянно. Собирались у нас дома, накрывали стол,

говорили, пели…

В. К. И кто были эти люди?

В. Р. Порядочные все люди. Во-первых, трудящиеся. И потом, надо сказать, многие вышли в крупные государственные фигуры. Вон Игорь Волнухин заведовал какими-то очень ответственными приборами на военных кораблях. Изобретал. Его хоронили с воинским салютом. Федя Никитин в подмосковном Калининграде был главным инженером, занимался металлом, который делали для спутников и космических кораблей. Тоже не шутка! Кирилл Воскресенский окончил военную академию и стал преподавателем высшего артиллерийского училища. Наталья Воскресенская, его сестра, – текстильщица, работала на фабрике в Костроме, потом ее перевели в Иваново, а потом в Смоленск, где она заведовала огромным комбинатом текстильным. И затем – в Министерство текстильной промышленности, на какую-то очень высокую должность.

Причем я подчеркну: никто никогда не добивался высоких должностей, а просто своим трудом, своими способностями выделялись – и их выдвигали. Ну, многие погибли во время войны.

В. К. Да, это – поколение. Лицо поколения. Вы в каком году окончили школу?

В. Р. В 31-м.

В. К. Какая была школа?

В. Р. 4-я девятилетка имени Энгельса.

В. К. И что бы вы отметили как наиболее характерное для своего поколения?

В. Р. Дружба. Отсутствие пьянки – мы водку попробовали я уж и не помню когда, взрослыми… Верность слову. Трудолюбие. Честность. Полное отсутствие карьеризма! Полное… И – никакой погони за деньгами.

В. К. То есть деньги нужны просто для жизни, но никакой специальной погони за ними, поглощающей душу?

В. Р. Именно.

В. К. Отсюда, наверное, и такое настроение ваших пьес – светлое.

В. Р. Я оказался в Костроме в самой обычной школьной и дворовой среде, но – идеальной.

В. К. А чувство Родины тогда уже было?

В. Р. Вы знаете, слов-то этих высоких не было.

В. К. Это я понимаю. Но дело не в словах. А ощущение… Ведь вот началась война – и вы же пошли воевать. Добровольно. И сколько пошло…

В. Р. Я в книжке написал. Когда решался вопрос, идти мне на

войну или не идти, я мог не идти, был белобилетник, меня и из военкомата отправили: «Чего ты пришел? У тебя белый билет!» А я пошел. Понимаете, как-то нехорошо иначе… В пьесе «Вечно живые» я вставил фразу – Борис отвечает: «Я должен быть там, где всего труднее». А всего труднее было на фронте.

В. К. Как вы думаете, сейчас совсем это утрачено?

В. Р. Нет, и сейчас есть увлеченные люди. Не хищники. Я уж не говорю о старшем поколении, которое держится в целом очень достойно. Однако и молодое поколение в чем-то меня радует, хотя оно разное. Многие, к сожалению, сворачивают с пути истинного. И тут общая обстановка, которая у нас создана, конечно, сказывается.

В государстве сейчас ведь по всем статьям плохо. Бюджет… Дома разваливаются. То и дело стреляют. А что такое с самолетами, которые постоянно падают?

В. К. Вы знаете кого-нибудь близко из молодого поколения?

В. Р. В основном это дети и товарищи детей.

В. К. Но какие-то отрадные впечатления, наверное, бывают, раз вы так небезнадежно говорите о молодых?

В. Р. Конечно! Я иногда и в школах выступаю. Вижу молодых зрителей на спектакле по моей пьесе в театре Татьяны Дорониной. У меня такое впечатление: несмотря ни на что, хорошей молодежи сейчас много.

В. К. Действительно, ведь на вашем спектакле всегда молодежь. Что-то же их тянет сюда!

В. Р. Меня подчас это даже удивляет. Однажды был 35-градусный мороз, когда мой спектакль должен был идти. И представьте себе: было в зрительном зале 900 человек!

В. К. Видимо, на этих людей – наша надежда…

В. Р. И потом иногда встречаешься, говоришь, смотришь в глаза молодых людей, как они реагируют, – хорошо глядят! Думаю, испоганить русского человека все-таки трудно.

В. К. До конца…

В. Р. Да, да.

В. К. Ваша общественная деятельность последних лет, которая уже не только как литератора выдвинула вас пред очи народные, но и как радетеля за Родину, за Россию, она требует большой самоотдачи. Все время надо что-то отстаивать, за что-то бороться, куда-то спешить. Это дает вам удовлетворение?

В. Р. Это дает мне жизнь. Значит, я кому-то нужен. И надо, очень надо что-то говорить и повторять. Повторенье – мать ученья. А не так: сказал – и ладно, и не важно, что будет…

Где-то мои слова отклик находят. Я в этом не раз убедился. Люди благодарят. Меня не очень популяризируют, но где удается

сказать свое слово, я стараюсь сказать.

В. К. И конкретно удается кому-то помочь? Помню, вы рассказывали о хождениях по разным просьбам…

В. Р. Вот и сейчас на столе два таких дела лежат. Жду, когда встречусь с мэром нашим или его заместителем Шанцевым.

В. К. А что за дела?

В. Р. Один из племянников моих, по линии жены, занимается полезным для государства делом. Такая фирма у них, по сбору металлолома, которая очищает Москву от ржавых автомобилей, стоящих по дворам, и прочих таких предметов. Но у них мал круг, где они могут действовать, – просят расширить территорию. Доброе дело, я считаю, они работают хорошо.

А другой вопрос вроде бы частный, но для человека, который обратился ко мне, – весьма серьезный. Жизненный. Простой работяга… Тоже надо помочь.

В. К. Я недавно читал в газете вашу статью о новом спектакле в театре имени Ермоловой. Значит, находите время, чтобы смотреть?

В. Р. Стараюсь. Сейчас на очереди спектакль в «Современнике». Борис Галин – для меня интересный драматург.

В. К. А кого-нибудь из молодых драматургов выделяете?

В. Р. Сейчас, к сожалению, не очень. Читаю пьес много, но не хватает в них чего-то главного. А не хватает потому (вернусь к уже сказанному), что у государства нет идеи.

В. К. Вы счастливы в семье? Жена, с которой прожили в любви и согласии более полувека, сын и дочь – по-моему, замечательные, внучка и внук – достойные своего дедушки. В этом ведь тоже счастье?

В. Р. Еще бы! Семья – это дом. Я часто думаю, что нашему обществу нужно вернуть семью. Сейчас все больше замечаешь: семьи-то нет.

В. К. Колоссальная проблема. И это, по-моему, тоже влияние Запада, что семья разрушается. Прививают молодежи отношение к семье пренебрежительное. Принесли оттуда: не жених, а бойфренд, то есть временный какой-то сожитель. Все переводится на контрактную основу, в семье не любовь, а контракт, брачный контракт.

В. Р. Да, но я старомоден.

В. К. Как бы вот эту хорошую старомодность по возможности восстановить и укоренить! Русская семья, наверное, тоже поддерживала всегда русский дух, о котором вы говорили. Что для вас это понятие – русский дух?

В. Р. Очень большое. Очень глубинное. Многие столетия ведь складывался он, этот дух, который мне так мил. Люди

бездуховные часто говорят: вот вы превозносите свой национальный дух, русский дух, вы националисты, шовинисты… Но я не считаю, что, если, скажем, татарин исповедует свою религию и следует своим татарским обычаям, он обязательно националист или шовинист. А почему же обвиняют нас?

Мне иногда кажется, что во многом от тех же американцев такое идет Потому что вот там этого нет. Ведь не скажешь «американская духовность».

В. К. В самом деле, не звучит.

В. Р. «Американский дух» – так можно сказать, но – полуиронически. Потому что американский дух – это как раз бездуховность. А у нас… В каком веке духовность наша возникла, в каком тысячелетии и как – на это я ответить не берусь, тут ученые пусть отвечают. Но это не только уклад жизни.

Русский дух для меня – это Чехов, Достоевский; понятно, всех, даже очень ярких выразителей русского духа в великой русской литературе, не перечислишь. Вот говорят о загадочности русской души, и она действительно в чем-то загадочная, и для меня загадочная, удивительная, эта русская душа…

В. К. А в чем, Виктор Сергеевич?

В. Р. А в том, что не до конца она мне понятна. Вот хотя бы один случай недавний. Сидит возле ермоловского театра инвалид – без ноги или без обеих ног, перед ним кепка, в которую денежки бросают. Я иду и тоже наклоняюсь, чтобы бумажку какую-то положить… А мне трудно наклониться, у меня нога, как вы знаете, на фронте подбита. И вдруг он посмотрел на меня так удивленно и воскликнул: «Да ты же сам инвалид!»

В. К. Характерный случай, ничего не скажешь…

В. Р. Целая поэма! Или пьеса, новелла. Я, знаете, по привычке сразу начал домысливать и досочинять…

Чтобы глубже понять русскую душу, надо читать и изучать Достоевского. Я с огромным увлечением это делал всю жизнь, а особенно когда работал над своей инсценировкой по «Братьям Карамазовым».

В. К. «Брат Алеша»?

В. Р. Да, Достоевский в этом романе берет все аспекты русской души. Он берет святость Алеши (и ведь не случайно намерен был именно его сделать дальше главным своим героем), берет разум Ивана – разум, мучающий человека, доводящий его буквально до сумасшествия, страсть Дмитрия, безудержную русскую страсть. Тут, в трех братьях, – многое о русской душе!

В. К. Есть и еще один брат, сводный: Смердяков. Не находите, Виктор Сергеевич, что сегодня он вышел чуть ли не на самый первый план?

В. Р. Ну если и не на первый, то достаточно наглядно себя проявил… Так вот, читая Достоевского, Чехова, других наших великих писателей, можно понять, что такое русский дух. Примитивизирую: это все нравственные и духовные ценности человека. Русский дух не продается! А если продается, он перестает быть русским духом. Он становится тогда духом инородным.

Вот сегодня говорят: «новые русские». Да простят они мне, но эти «новые» – потеряли русский дух. Они взяли американскую бездуховность в образец. А русский дух не продается – ни за какие деньги…

В. К. Когда вы говорите о предпринимаемой попытке убийства русского духа, вы имеете в виду и попытку его купить?

В. Р. Так, так, совершенно верно. Слишком сильна власть денег. Деньги – изобретение дьявола!

В. К. И как вы все же думаете, Виктор Сергеевич, выдюжим? Удастся ли врагам убить последнее, чем еще держимся, – русский дух? Недавно Татьяна Васильевна Доронина очень точно, по-моему, сказала: «Утратить дух – значит, утратить силу».

В. Р. Я уже говорил, мы действительно сдали очень многое. Как в первый период Великой Отечественной. Мы сдали тогда Брест, сдали Минск, сдали Киев, Одессу, Смоленск – до Сталинграда. Но что было потом? Был Сталинград.

Вот и сейчас. Страна разбита на куски. Фабрики и заводы стоят. Поля не убираются. Мы сдаем, можно сказать, город за городом. Приезжают какие-то дряхлые «роллинг стоуны» – и вокруг них устраивается странный ажиотаж.

Да, мы отступаем пока на всех направлениях. Но я верю, наступит наш Сталинград!

В. К. Все-таки верите?

В. Р. Верю. Очень трудно, конечно, будет поправлять все, что с нами сделали. Но – все вернется на круги своя. И русская культура, и наука, и экономика наша с мощнейшим ее потенциалом. И Союз наш вернется – Союз, разрушенный ужасным событием, Беловежской Пущей. Потому что мы были и есть интернационалисты.

Вот это слово сейчас почти не употребляется. Между тем я считаю себя интернационалистом. Я – русский патриот и интернационалист. И это ведь одна из особенностей русского духа – умение понимать другие народы и жить с другими народами.

В. К. Белоруссия внушает вам какие-то надежды? Ее стремление быть с нами…

В. Р. Безусловно. Я невероятно обрадовался, когда стало

известно, что Белоруссия снова хочет создать с нами Союз, воссоединиться с Россией. И был страшно огорчен, когда начались яростные попытки всячески помешать, не допустить, сорвать, когда принялись лить грязь на Лукашенко – очевидно, очень хорошего человека.

Это все происки наших врагов! Врагов русского духа! Ну и, кончено, окрик из-за океана: что, вздумали опять соединяться? Они-то столько денег потратили, чтобы нас разъединить, небось уже посчитали, сколько истратили на это.

Однако история показывает: многим народам вместе лучше, чем порознь. Многие ведь по доброй воле соединились в свое время с Россией, хотя нынче стараются это позабыть. Та же Грузия. Она же добровольно вошла в состав России, еще в самом начале прошлого века. У Лермонтова поэтически запечатлено. Помните первые строки «Мцыри»? В грузинском монастыре:

Старик седой
Сметает пыль с могильных плит,
Которых надпись говорит
О славе прошлой – и о том,
Как, удручен своим венцом,
Такой-то царь в такой-то год
Вручал России свой народ.
И Божья благодать сошла
На Грузию! – она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасался врагов,
За гранью дружеских штыков.

В. К. Да, удивительно злободневно звучит сегодня!

В. Р. Не говорите. Поразительные бывают воспоминания, поучительные переклички времен. Не правда ли, стоит оглядываться в прошлое, думая о будущем?

Август 1998 г.

«Варварское разрушение прошлого жестоко мстит будущему…» НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР СЕРГЕЙ БОНДАРЧУК

Классик отечественного и мирового кино. Не будет ни малейшего преувеличения сказать так о Сергее Бондарчуке. От природы богато одаренный, страстно любящий искусство и отдающий ему все силы, он сумел мощно и ярко реализовать свой талант. Мы немало знаем о его легендарно сложившейся творческой биографии, о крупнейших, самых престижных наградах, которыми увенчаны его создания. Гораздо меньше известно – по вполне понятным причинам – о напряженной внутренней жизни этого выдающегося художника. Между тем она проникнута глубоким драматизмом. Горечь неравнодушного, страдающего человека – в его мыслях о сегодняшнем состоянии родной страны и родной культуры.

Виктор Кожемяко. Среди наиболее волнующих киновпечатлений мне по-особому дорога одна сцена из «Судьбы человека». Разговор Андрея Соколова с Ванюшкой в кабине машины. «А знаешь, Ванюшка, кто я? Я – твой отец». – «Папка! Родненький! Я знал… я знал, что ты меня найдешь!» Сколько раз смотрел фильм – и всегда не могу в этом месте сдержать слез.

Всегда испытываю высокое очищающее чувство. Скажите, Сергей Федорович, как такое искусство рождается? От литературы идет оно, от режиссера или от актера?

Сергей Бондарчук. Здесь великая литература, великий писатель прежде всего. И кинематограф со своими средствами подключился. Помню, когда Шолохов посмотрел материал и увидел крупный план Соколова, он сказал: «Мне потребовалось бы написать шесть-семь страниц, чтобы выразить то, что я увидел в этом крупном плане».

Он любил кинематограф, и в работе я очень часто советовался с ним. Помогли многие мысли и наблюдения Шолохова. Он и к этой роли меня подготовил. Я ему показывал материал. Словом, у меня было то, чего сейчас не хватает, – человек, о котором постоянно думаешь в работе: как это воспримет Шолохов?

В. К. Вроде высший судья?

С. Б. Да, да. Когда картина уже была смонтирована, он, посмотрев, заплакал, ничего не сказал и ушел. Мы даже не знали, понравилось ему или нет. Потом я ему позвонил, говорю об этом. А он в ответ: «Да я рассопливился…» Он высоко оценил работу.

Когда есть литература великая, хочется в меру своих возможностей сделать если не такое же, то во всяком случае достойное кино. Помню, Ванюшка, то есть Павлик Борискин, исполнитель этой роли, с трудом осваивался перед камерой. Иногда его поставишь, а он падает. Не выдерживал напряжения. Я ушел с ним в степь, втроем ушли – звукооператор, он и я, и в течение многих часов я буквально выбивал из него эту фонограмму: «Папка! Родненький! Я знал…» А потом сгусток отобрал из нескольких часов записи – самое лучшее, что он смог. Это не озвученное, как часто бывает, другой, профессиональной актрисой-травести. Наверное, точность интонации воздействует.

В. К. Большая тема – искусство и нравственность. Как соотносятся для вас они? Ведь сегодня многие творцы разделяют их, даже противопоставляют. Искусство становится все более безнравственным, и общество – тоже.

С. Б. Многое из того, что мне удалось сделать в кино, связано с большой литературой. А большая литература, как правило, преследует высокие нравственные цели: помочь людям полюбить жизнь, стать добрее, чище, достигнуть душевного единения, постичь, откуда и зачем человек, куда он уходит… Толстой это называл так: значительное содержание, важное для жизни людей. Он считал главной задачей искусства объединять людей в добре. Сейчас же такое значительное содержание в нашей литературе почти отсутствует.

Кино начинается со сценария, то есть с литературы, а она подменена макулатурой. Макулатурная литература. Ее можно не читать или, прочитав, тут же выбросить. Не оставляет она в душе доброго следа. Довлеют цинизм, обращение к самым низменным свойствам человека. И это служит разрушению – человека, культуры, страны. Если в таких условиях даже обратиться к настоящей литературе – вот я завершаю «Тихий Дон» для телевидения и кино, – не уверен, как это будут воспринимать на фоне нынешнего нашего телевидения, которое часто напоминает мне сумасшедший дом.

В. К. Вы против перемен, происходящих в российском обществе?

С. Б. На днях я перечитывал «Опыты» Монтеня. Французский просветитель высказывал мысль, которую уже выразил и наш Пушкин устами Бориса Годунова, дающего перед смертью последний наказ сыну-наследнику: «Не изменяй теченья дел. Привычка – душа держав».

Я много думаю об этом. Об уважении к традициям – народным и государственным. Нет, я не против перестроек и реформ. Они бывают нужны, но – выверенные, разумные, не с бухты-барахты! А обращаясь к истории и к нашим сегодняшним дням, удивляешься, как быстро люди все забывают и повторяют прежние ошибки.

Чтобы переделать жизнь в стране, причем к лучшему, надо быть гением. Что-то таких гениев в руководстве нашем я не вижу. Правят страной невежество и дилетантизм.

В искусстве тоже дилетанизм господствует. Неглубокое знание предмета, своей профессии. Сказывается и отсутствие здравых критериев при оценке сделанного. Целая армия критиков нацелена на уничтожение, а не на созидание. Если и дальше так продолжится, будет катастрофа. Народ окончательно потеряет себя и уже не поймет, где истинное искусство, а где – подделка, где его обманывают нагло, где пытаются вернуть его в пещеру, а не наоборот – поднять к звездам.

В. К. Но чем же, на ваш взгляд, порожден кризис, который переживает сегодня наше искусство, в том числе родное для вас кино?

С. Б. Истоки нашего глобального кризиса – в отношении к прошлому. Ведь прошлое – это фундамент любого общества, любой культуры. А что бывает с домом, если фундамент развалить? Вот и разваливается здание российской духовности, которое веками в неимоверных трудах возводили наши предки. Кто не дорожит своей историей, тот непременно – рано или поздно – несет суровое наказание судьбы. Варварское разрушение

прошлого жестоко мстит не только настоящему, но и будущему. Отказ от завещанного нам великого наследства обедняет не только нас, но и грядущие поколения. Мы же от такого бесценного богатства отказались, в одночасье забыв его, перечеркнув, наплевав на него!

В. К. Говорят, новаторство требует смелости.

С. Б. Невозможно прыгнуть с первого этажа на двадцатый. По ступенькам иди. Или на лифте поднимайся. И то он не сразу взлетает, а проходит второй, третий, четвертый этажи и так далее. Есть законы. В искусстве они есть, как в любом другом деле. Надо их знать и им следовать. У нас же стремятся все сразу перевернуть с ног на голову. И результат печальный.

В. К. Это называется «революционный подход». Вы ведь помните: перестройка с самого начала была провозглашена новой революцией. Только я думаю, как бы ни относились нынче к Октябрьской революции…

С. Б. Я занимался темой Октябрьской революции.

В. К. Да. фильм «Красные колокола»… Но моя мысль вот в чем. Октябрь вызвал невиданный подъем искусства. Достаточно сказать, что в 1925 году, восемь лет спустя после революции, на экраны вышел великий «Броненосец „Потемкин“, признанный мировой киноэлитой лучшим фильмом всех времен и народов. На подходе был уже первый том „Тихого Дона“. А у нас что создано за восемь лет после 1985-го? Невольно задумаешься: в чем же дело? Нет ли здесь повода поговорить о вдохновляющей силе общественных идеалов? У Толстого я прочитал: „Идеал – это путеводная звезда“. Октябрьская революция все-таки выдвинула идеалы справедливости и добра, которые вдохновляли людей искусства. Особенно молодых. А что может вдохновить художника сегодня? Лозунг „Вперед к победе капитализма!“, который один бойкий пародист, а ныне рьяный политолог то и дело провозглашает?

С. Б. Мы знаем, что такое капитализм. Это не рай.

Поэтому кричать в картине: «Дорогой капитализм! Приди, я люблю тебя, я восхищен тобой, я буду тебя воспевать!» – такого и у них там не бывает.

Что же касается отображения событий наших дней художниками… Наверное, тут действует еще и закон, который открыл учитель Ленина – Плеханов. У него есть великолепные работы по искусству. И вот он говорил, что для создания подлинно великого произведения о тех или иных событиях художнику нужно определенное расстояние во времени от них. Пока все это отлежится, осмыслится. Конечно, нужны не только большие события, но и большой художник. Например, чтобы в

искусстве отобразить трагические события у «Белого дома»… Потребовалось ведь не только время – потребовался гений Толстого, чтобы силой его пера Бородинское сражение получило такое глубокое и яркое художественное воплощение – навеки!

В. К. Дистанция во времени для художественного осмысления исторических событий, наверное, требуется. Однако плеяда талантливейших советских кинорежиссеров, создавших выдающиеся произведения о революции и Гражданской войне, появилась сразу после Октября. Да и целый ряд замечательных артистов, писателей, поэтов, живописцев, музыкантов…

С. Б. Что ж, вы правильно сказали: была великая идея – преобразование общества на началах справедливости. Художники в нее поверили. Для них это стало сильнейшим творческим стимулом. Для очень многих.

А ныне… «Деньги решают всё». Вот вам и стимул. Ну какую картину я могу сделать, вдохновляясь таким, с позволения сказать, идеалом? «Деньги – это политика, политика – это деньги». А я знаю, что деньги – это грязь. Как же я буду возводить в идеал власть денег?

В. К. Вот сейчас на том же телевидении параллельно идут такие рубрики: «Наше старое кино» и «Наше новое кино». Новое кино – это, к примеру, «Бабник».

Старое – «Весна на Заречной улице». Мне-то ясно, насколько старое кино лучше нового. Однако некоторые критики пытаются убедить меня и других в обратном. Внушают, что у нас примитивная ностальгия, что понятие «советское кино», как и советская культура в целом, будто бы выпадает из мирового культурного процесса. А что вы об этом думаете? Советов уже нет, Советскую власть похоронили и отпели. А советское кино осталось?

С. Б. Конечно, о нем много доброго можно сказать. И, будьте уверены, скажут еще! Для меня же особенно важно, что в лучших своих работах это кинематограф реализма.

Разумеется, художник далеко не всегда думает о методе, которому он следует. Когда Шолохова спросили, каким методом он писал «Тихий Дон», Михаил Александрович ответил: «Я не думаю об этом. Я просто пишу. А насчет метода социалистического реализма спросите у Фадеева». Который к тому времени уже застрелился…

Словом, важен не метод, а художественный результат. Время определяет значимость той или иной работы. Только время. Вы упомянули «Весну на Заречной улице». Сколько лет уже прошло, а ведь смотрят люди с удовольствием. И с добрым чувством. Пусть наивность картины в чем-то очевидна, но… Есть талант и

есть искренняя человечность, которые преодолевают время. Если в основе фильма не конъюнктура, а вечные человеческие чувства, ему годы не страшны. Так и у нас и, скажем, у американцев. Вот «Унесенные ветром» с каким успехом до сих пор идут.

В. К. Хотя вполне традиционалистский фильм. Нет там никаких новаторских изысков. Это опять к вопросу о традициях и новаторстве.

С. Б. Новаторство – иногда опасная вещь. Смотря как его понимать. Если как вседозволенность, дров много наломаешь. Был, например, такой архитектор Посохин. Построил в Кремле Дворец съездов. Когда ему говорили, что он корежит Москву, наверное, стыдился внутренне. Отбивался: «Это не я, это Хрущев». Однажды мы с ним встретились в ЦК – я тогда выступал против неосторожной реконструкции старого здания МХАТа, боялся, что там уникальную акустику порушат… И сказал Посохину: «В Бразилии захотели возвести новую столицу – и построили ее на пустом месте. Так бы и нам: руки чешутся – давайте искать гладкую площадку для реализации своих гениальных замыслов».

В. К. Нигилизм в обличье новаторства… Я все вспоминаю злосчастный пятый съезд Союза кинематографистов СССР 1986 года. Когда и вас с упоением уничтожали, и других наших выдающихся мастеров старшего поколения.

С. Б. Дело не во мне. Кинематограф разрушили. Посмотрите на «Мосфильм»: мертвое заведение! В таком состоянии он встретил свое 70-летие – поистине черный юбилей. А перспективы? Один павильон сдать под гараж, другой – под фабрику чулок… И это происходит на студии, где было сделано столько прекрасных, обошедших весь мир фильмов! Беда, что государство отвернулось от кинематографа, как и от всей культуры. Сегодня у нашего государства нет идеологии, а кино – все-таки идеология.

В. К. На недавнем втором съезде Союза кинематографистов России атмосфера была уже совсем иная, нежели тогда, в 1986-м. Ощущение такое, что многие спохватились, образумились. Видимо, не случайно докладчик Сергей Соловьев извинился перед старшим поколением. Не случайно, по-моему, вас избрали первым заместителем председателя Союза кинематографистов. Время собирать камни?

С. Б. В заметном изменении атмосферы я вижу добрый знак. На доверенном посту буду стараться сделать все возможное для своих коллег. Но, боюсь, наших, общественных усилий недостаточно, чтобы спасти российское кино. Здесь не обойтись без серьезного изменения государственной политики в отношении культуры.

В. К. Кого из российских кинорежиссеров выделяете сегодня?

С. Б. Михалков, я считаю, успешно работает. Не только в кино – и как общественный деятель, патриот. Таланкин интересно поставил «Бесов». Данелия не сдается. Говорухин громко заявил о себе…

В. К. Говорухин и в политическую борьбу основательно втянулся. А вы, как я замечаю, политики избегаете.

С. Б. Возраст сказывается. Если бы помоложе был… А так – надо делать то, что умею. Фильмы. Увы, многие талантливые режиссеры фильмов сейчас не ставят. Вот Элем Климов. Я так ждал его «Мастера и Маргариту». Однако его работа, к величайшему сожалению, не состоялась. Или Жалакявичус, очень крупный мастер. «Никто не хотел умирать» – классика. Он одно время работал на «Мосфильме», в нашем объединении «Время». Но Литва теперь стала самостоятельным государством, а кино там уже нет.

В. К. Горько. Нет больше литовского кино, грузинского, киргизского… А какие это были яркие национальные кинематографические школы, известные во всем мире! Вы украинец по рождению, но жили и работали в основном в Москве. Хочу спросить: какие у вас нынче ощущения – в связи с разъединением Украины и России? Слышал недавно на юбилейном вечере Юрия Бондарева, с каким глубоким чувством читали вы стихи Тараса Шевченко…

С. Б. Россия и Украина настолько близки, что разъединить их невозможно. Что бы ни делали, как бы ни старались, сколько бы ни кричали о самостийности. Жить нам порознь – противоестественно. Я не только с болью это воспринимаю. Я такое просто не могу понять.

О своем национальном самочувствии могу ответить словами Гоголя: «Скажу вам, что я сам не знаю, какова у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому перед малороссиянином. Обе природы щедро одарены Богом, и, как нарочно, каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой».

В. К. Связи с Украиной у вас сохранились?

С. Б. Я не изменил своего отношения к людям, которых знаю много лет, с которыми работал. Они остались близкими мне. Дружу, например, с режиссером Николаем Мащенко, у которого снимался в «Оводе». Теперь он не у дел. Да все киностудии в бывших союзных республиках фактически перестали существовать. А ведь это действительно было уникальное явление – наши национальные кинематографии. Было у нас

взаимопонимание, постоянный обмен идеями и опытом, всепроникающий ток крови. Каждый режиссер из республик мог снимать на «Мосфильме», а мы – на Украине или в Белоруссии, в Армении или в Казахстане… Теперь погибает и такой уникальный организм, как Театр-студия киноактера. Такого не было нигде в мире. Он служил прекрасным испытательным полигоном для кинематографических режиссеров и актеров. Давал им работу в период вынужденного простоя на студиях, радовал интересными спектаклями.

В. К. Вы завершаете «Тихий Дон». Это третье ваше обращение к Шолохову после «Судьбы человека» и «Они сражались за Родину». Между тем отношение к этому писателю сейчас тоже, мягко говоря, неоднозначное. И третируют его, и снова ставят под сомнение авторство «Тихого Дона». Скажите, что значит для вас Шолохов?

С. Б. Для меня он, говоря словами Гете, врожденный гений. Я много раз внимательнейшим образом прочел от корки до корки все, что он написал. И, думается, имею право судить. А ненависть к Шолохову у некоторых объясняется, уверен, элементарным чувством зависти. Потому что сами не смогли достигнуть таких художественных вершин.

Я провел с Шолоховым немало времени, поэтому могу сказать: даже в повседневном общении человек он был гениальный. Это было абсолютно очевидно. Вот сидел передо мной гений. Рассказывал. Так, как он рассказывал, никто другой не мог. Так, как он давал оценки событиям и людям, тоже не мог никто. Неспроста же он сразу и всеохватно покорил при встрече такого одареннейшего и умнейшего человека, как Шукшин.

А «Тихий Дон» писал он всю жизнь. Все время возвращался и что-то совершенствовал. Такая высочайшая требовательность к себе – тоже свойство гения. Леонид Леонов несколько десятилетий спустя после первого издания полностью переписал своего «Вора». И сейчас, когда печатается его новый роман «Пирамида», 95-летний Леонид Максимович звонит в издательство и просит: у меня там есть на такой-то странице такое-то слово – замените, пожалуйста…

В. К. А как вы относитесь к обвинениям в адрес Шолохова, что он приспосабливался к режиму? Вас ведь в том же обвиняют. Он – как бы официальный писатель, вы – официальный режиссер.

С. Б. Может, он и шел на какие-то компромиссы. Великий художник в частностях, по-моему, имеет право себе это позволить. Но он никогда не изменял своим убеждениям. Никогда.

Помню, показал я ему сценарий «Они сражались за Родину».

А там был опущен монолог во славу красного знамени. Как он возмутился! Еле мы его с сыном Михаилом Михайловичем успокоили.

В. К. А не смущает вас, Сергей Федорович, что ваш «Тихий Дон» создается на иностранной базе и основные актеры – иностранцы? Григорий – англичанин, Аксинья – француженка…

С. Б. Не было у меня возможности осуществить в нынешних условиях мою заветную мечту на отечественной базе. Увы! А ведь это была и мечта Шолохова – чтобы появился максимально полный телевариант «Тихого Дона».

В. К. Напомню одну уже довольно давнюю вашу мысль – она относится ко времени работы над «Степью»: «Чем больше сделал художник, тем обычно печальнее он. Печаль рождается от сознания того, что прошли годы, и он, анализируя свои произведения словно бы со стороны, как правило, разочаровывается во многом…» А есть ли теперь у вас это ощущение и как относитесь к созданному в прошлые годы?

С. Б. Многое переделал бы. Видишь: можно было сделать лучше, сильнее. С годами взыскательность к себе возрастает. Не сочтите за нескромность обращения к таким именам, но Микеланджело сказал, что в девяносто лет он только постиг азбуку искусства. А Чаплин выразился так: всей жизни не хватает, чтобы сделать один шедевр. По природе я максималист. Мечты мои были безумные: и «Божественная комедия», и «Фауст», и Александр Македонский, и жизнь Толстого. Хотелось снять и картину на современную тему без сценария.

В. К. Как без сценария?

С. Б. Был такой режиссер бразильский – Кавальканти, который снимал картины без сценария и без профессиональных актеров. Великие картины. Допустим, облюбовал он поселок, где находится шахта, и вот он там живет, присматривается, изучает. Находит героев, постепенно складывается сюжет… У меня был уже на примете один колхоз рыболовецкий на Азовском море, который я хорошо знаю. Думаю, сегодня так и нужно снимать на современную тему.

В. К. А как обстоит дело с «Тарасом Бульбой»? Тоже мечта вашей жизни.

С. Б. Недавно хотел обратиться к Президенту Украины с этой идеей. Да потом махнул рукой: пожалуй, ему сейчас не до Тараса Бульбы – Черноморский флот надо делить…

Вообще, с Бульбой мне фатально не везло. Уже было решение украинского ЦК об этом фильме, уже начал снимать – и вдруг картину закрыли. Польский вопрос. Я встречался с Тереком на «Мосфильме», когда он туда приезжал во главе польской

делегации. Говорю: вот мне не дают «Тараса Бульбу» снять. Да, отвечает, сейчас это действительно сложно, однако обещаю вам вернуться к этому через пять лет. Но… вскоре его сняли.

В. К. Извините, коль зашла речь о сильных мира сего, позвольте задать такой вопрос: со Сталиным вы встречались? Были всякие разговоры про особое его отношение к вам, когда вас, тридцатилетнего исполнителя Тараса Шевченко, сразу произвели из заслуженных артистов РСФСР в народные СССР. Через ступеньку, так сказать, да еще в таком молодом возрасте – факт беспрецедентный.

С. Б. Со Сталиным ни одной встречи не было. Сын его Василий как-то завез к себе. Пил он крепко, а мне пришлось соответствовать. Он даже вдруг погрозил пальцем, подмигнув: «Смотри, отец этого не любит». Затем пошли фильм какой-то смотреть, и он тут же заснул. Я все переживал, как бы чего с ним не случилось.

В. К. Еще мне рассказывали, будто парижская газета, высоко оценив ваш фильм «Война и мир», сделала одно замечание: Бондарчук допустил неточность, показав Наполеона в очках. А потом опровергла себя, когда профессор Сорбонны отыскал документы, подтверждающие, что Бонапарт действительно носил очки.

С. Б. Это было. Я стремился к точности в исторических фильмах. Во время съемок «Войны и мира» комендант Кремля повел меня в кремлевские подвалы. Натыкаемся на ящик. Длинный такой. Спрашиваю: «Что там?» Никто ответить не может. Вскрыли – статуя Наполеона, которую, как выяснилось, он привез с собой, чтобы установить в Кремле. Статуя трижды появлялась потом в фильме.

В. К. Вот мысль Толстого, вынесенная вами в эпиграф фильма «Война и мир»: ежели люди порочные связаны между собой и составляют силу, то людям честным надо сделать только то же самое. Ведь как просто вроде бы. Однако не получается пока. А как вы считаете, может получиться?

С. Б. Хочу верить. Вспомните, как объединились люди во время Великой Отечественной войны…

Прежде всего мысль Толстого относится к сфере государства. Люди порочные – это ведь в его представлении люди, составляющие власть. И это звучит сегодня архизлободневно.

В. К. На какой основе может состояться сегодня объединение честных людей?

С. Б. На нравственной. Патриотической. Национальной. Не побоюсь так сказать, ибо то, что происходит сейчас, уже составляет угрозу нации. Она может полностью деградировать,

нас действительно загонят в пещеру дикого капитализма, где люди будут грызть друг другу глотки и вырывать друг у друга кусок хлеба. Как было на Кубани в страшный голодный год– 1933-й, воспоминания о котором меня преследуют. Да, сейчас нависла реальная угроза нации, о чем и Говорухин в своей последней книжке говорит. Чтобы одолеть угрозу, требуются объединение и мощные, дружные усилия массы людей.

Май 1994 г.

Познай, где свет – поймешь, где тьма
НАРОДНАЯ АРТИСТКА СССР, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ МХАТ ИМЕНИ М. ГОРЬКОГО ТАТЬЯНА ДОРОНИНА

Татьяна Доронина… Ну кто еще мог бы с такой искренностью и внутренней силой выразить любовь к театру, как она, – от имени своей Нади Резаевой в «Старшей сестре», особенно в знаменитом исповедальном: «Любите ли вы театр?…» В журнале «Наш современник» напечатан «Дневник актрисы» – исповедь еще более полная и откровенная, раскрывающая в становлении личность большого художника и человека. Достаточно прочитать, как пишет она о своих родителях, о товарищах по искусству, о наставниках и учителях (хотя бы о Борисе Ильиче Вершилове в школе-студии МХАТ!), чтобы понять: совершенно не случайно, пройдя такие замечательные творческие коллективы, как БДТ великого Товстоногова и театр имени Маяковского с изумительным Гончаровым, она в конце концов снова вернулась в свой отчий дом – во МХАТ. И абсолютно закономерно она, именно она была облечена доверием коллег в труднейший, кризисный для МХАТа момент, и проявила незаурядные качества настоящего

лидера, организовав и сплотив талантливых, но близких к отчаянию людей, поведя их сквозь неприязнь и прямое противодействие власть имущих к новым высотам русского театра. Все это дает право говорить о явлении в нашей культуре по имени Татьяна Доронина.

Виктор Кожемяко. Кончается XX век, и вместе с тем завершается столетие Художественного театра. В уходящем веке много было всяческих пророчеств о том, что театр не выживет, что его победит и вытеснит кино, потом – телевидение. Но театр все-таки продолжает жить, как мы видим. Однако возникает вопрос: в каком состоянии он продолжает жить?

Татьяна Доронина. Уничтожение театра – по-прежнему сегодня одна из острых проблем. Я имею в виду попытку уничтожения идеи театра в принципе. Существует в мире оценка времени как «нетеатрального». Отсюда театр – как бы немоден, он в загоне. И вот, скажем, сообщения об американском театре – драматическом, не музыкальном – свидетельствуют, что как такового его там уже нет. А с учетом того, что у нас уже давно, гласно и негласно, внедряется такой «замечательный» лозунг, как «Равняйся на Америку!», то многие, в первую очередь – наши идеологи, равняются. И, равняясь на Америку, уничтожают отечественный театр.

В. К. Меня, например, коробят бурные восторги по поводу гастролей одного московского театра на Бродвее. Чувствуется какое-то заискивание перед американцами. А с другой стороны, в тех же статьях отчетливо видно, насколько далеко состояние американского театра от того, чтобы им восхищаться. Так вот, не скатимся ли мы в результате к тому же самому?

Т. Д. Вполне может произойти. По воле тех фигур, которые командуют нынче в искусстве. Очень много сегодня безумств – в их ряду может оказаться и это.

Давайте судить по Москве – по тому, что мы знаем, что нас окружает. Слава Богу, здесь достаточное количество стационаров, которые сохранились, и большое количество новых театров. Меня это чрезвычайно обнадеживает. Следовательно, та команда, которая определяет театральную жизнь Москвы, мыслит здраво, разумно и главное – перспективно. Поэтому у меня здесь есть надежда и вера.

Ну а что касается гастролей театра «Современник» в Америке, я убеждена, что успех его действительно существует. И не может не существовать, потому что начиная с руководителя театра Галины Волчек и заканчивая ведущими его актерами – Гафт, Неелова, Кваша, Фролов, Нина Дорошина, Люся Иванова и другие, – очень одаренные личности, обученные Художественным

театром. Они все ученики Художественного театра, и то, что они имели успех в Америке, меня очень радует, я горжусь ими, и дай Бог им дальнейших успехов.

В. К. Беспредельно занятая, насколько я понимаю, своим театром, имеете ли вы возможность смотреть работы других коллективов?

Т. Д. Я не имею возможности смотреть все подряд. Стараюсь смотреть в первую очередь то, что является как-то особо заметным, принципиальным, по-новому прочтенным знаком темы.

Мне интересно смотреть в Малом театре Островского. С большим удовольствием смотрю в Малом театре спектакли, которые публика и пресса называют «про царей». И очень хорошо, что они заняты «царями», поскольку там есть очень хорошие, сильные актерские работы, раскрываются еще и крупные исторические темы, наиболее значительные страницы прошлого нашей великой и многострадальной страны. Я благодарна руководителям Малого театра: Коршунов и Соломин – большие актеры, а наряду с этим какая требуется затрата сил, чтобы держать на уровне всю труппу, великий отечественный театр.

Периодически хожу на спектакли театра имени Маяковского…

В. К. Поскольку ваша творческая судьба была связана с ним?

Т. Д. Не только. Основная причина в том, что Андрей Александрович Гончаров – большой мастер, крупный театральный режиссер, обладающий даром неожиданной трактовки известных драматургических произведений. В частности то, что он назвал «Жертва века», – вместо «Последней жертвы». Оправдано – по тому, как он решил тему спектакля. Действительно, жертва века!

В. К. У вас не вызвал сомнения хотя бы факт изменения названия пьесы Островского? Внутреннего протеста не вызвал?

Т. Д. Это все-таки вариант самого Александра Николаевича Островского, во-первых. А во-вторых, – Андрей Александрович как никто другой умеет сделать очень сильные эмоциональные взрывы в спектакле, что вполне соответствует теме – жертва века. И потом, это «приближает», имеет прямое отношение к сегодняшнему дню. Деньги и чувство – вот что существует у Островского как основное. Женщина, способная любить во времени, когда чувство ничего не стоит, когда деньги – все.

В. К. Да, уж очень злободневно.

Т. Д. Все можно купить! Насколько все можно купить? Об этом Гончаров и ставил спектакль. При том остается главное, что есть у Александра Николаевича Островского, – то, чего купить нельзя.

Трагичность сегодняшнего дня, наиболее грустное и драматичное состоит в том, что самые прекрасные чувства, свойственные человеку, – ничего не стоят. И это все в спектакле поставлено, это «звучит».

В. К. Наверное, вы взяли для постановки «Доходное место» Островского тоже исходя из такой темы?

Т. Д. Да, конечно. Если Жадов говорит о себе, что он не герой, это вовсе не значит, что он им не является. Он написан героем! Потому что он – борец. Его основная цель – то, что мы, актеры, называем сверхзадачей, – существовать в мире нравственном, возвышенном. Как ни неуместно сегодня звучит – идея для него определяет жизнь. У нас из жизни это все больше уходит. (За редким исключением – исключения, слава Богу, есть).

Немодно! Немодно существовать по большой, красивой идее!

В. К. Жить бедно, но честно теперь немодно. Даже смешно.

Т. Д. «Смешно» циникам. И особенно много смеются над этим по «ящику», совершая глумление над людьми, которые хотят жить честно и нравственно.

В. К. Выражение специально придумано на сей счет: «Если ты такой умный, то почему такой бедный?» Звучит не шуточно – вполне серьезно.

Т. Д. Цинизм сегодня – одна из самых больших бед. Господом заложена в каждом из нас «мера» существования в этом мире. Каждый внутри себя знает, «что такое хорошо и что такое плохо». Но вот в чем беда: сегодня очень сильно размывается грань между плохим и хорошим!

В шекспировском «Макбете» в переводе Бориса Пастернака текст у ведьм – персонажей, которые начинают пьесу и заканчивают ее: «Зло есть добро, добро есть зло. Летим, вскочив на помело». Так вот, сегодня это двустишие Шекспира – Пастернака стало ведущей идеей для тех, кто определяет темы и содержание каналов на телевидении. Опять-таки за некоторым исключением.

У Блока читаем:

Познай, где свет, – поймешь, где тьма.
Пускай же все пройдет неспешно,
Что в мире свято, что в нем грешно,
Сквозь жар души, сквозь хлад ума.

Как видите, совсем иная позиция, четкое разделение добра и зла. Да и у других авторов нашей литературы – тоже. Задача театра состоит в абсолютно точном акценте: что есть плохо – что есть хорошо.

Сегодняшняя «размывка», соединение одного с другим и подмена одного другим является позицией идеологической. Она разрушающая, неперспективная, она приносит нынче очень много горя. Люди состоявшиеся, имеющие другую прочную и выстраданную позицию – труднее поддаются, их сбить с толку достаточно сложно. А вот молодежь…

В. К. Так больно и тревожно видеть, в каких условиях оказываются молодые, что льется на них с телеэкрана, из газет, из пестрых и ярких книжонок!..

Т. Д. Мальчики и девочки в страшной ситуации. Причем сами-то они это навряд ли понимают. Все, что имеется из радостей физических, им нынче преподносится и внушается как смысл жизни. Когда они станут взрослее, поймут, что обделены в главном, что дано каждому от Бога, – воспринимать красоту мира.

Потеряны ориентиры. Они обречены на несчастье. Неудовлетворенность, которая окажется с ними на всю жизнь, будет им непонятна и мучительна. Это самый большой грех, который берут на себя господа, сами существующие и направляющие молодых по формуле: «Зло есть добро, добро есть зло».

В. К. Ваш театр стоит крепко на позициях нравственных. Во всех спектаклях водораздел между добром и злом проходит очень ясно и зримо. Я понимаю так, что тема Жадова, тема героя, живущего нравственно в безнравственном мире, для вас нынче стоит на первом плане. Можно сказать, что МХАТ имени Горького идет к своему столетию с этой темой как ведущей? С чем, на ваш взгляд, наиболее ценным приходит Художественный театр, которым вы руководите, к своему столь значительному этапу?

Т. Д. Художественный театр по своим первоначально определенным позициям, которые и создали это явление под названием МХАТ, принял за основу самое гуманное, самое нравственное и самое высокопрофессиональное. Мера правды, которая существовала на театральной сцене к 1898 году, когда возник Художественный театр, уже не устраивала Константина Сергеевича Станиславского и Владимира Ивановича Немировича-Данченко. Даже в таком величайшем театре, который оба они очень любили, как Малый. Именно поэтому и необходимо было им создать свой театр – им была нужна иная мера правды!

То, что новый театр начинался с великой драматургии, – закон его создания. Новым он был не по зданию, а по принципам правды. Пьесы Чехова! Мало сказать, что его пьесы великие, – они были новые в смысле постижения правды жизни, и в чем-то даже предвосхитили будущий кинематограф. А. П. Чехов потребовал

иной правды существования на сцене.

Начало нового театра с пьес Чехова было принципиальным для всего молодого коллектива. Мне очень жаль, что на новый виток не вышел МХАТ, когда появились пьесы Вампилова.

В. К. Действительно, Вампилов в нашей драматургии последних десятилетий особенно близок к Чехову. Если иметь в виду постижение глубин жизненной правды.

Т. Д. Близок Чехову, близок всей великой русской литературе – в своей правдивости необыкновенной. В создании очень сильных образов – не просто характеров, а именно образов. В понимании времени и предвидении трагедии страны. Та же «Утиная охота» – страшнейшее предсказание! Можно только представить, какие пьесы он написал бы сегодня. Это, наверное, было бы мощным откровением и обязательно создало бы новый театр. Истинно новый.

Этого, к сожалению, не произошло. Сегодня мы в драматургии не видим аналогов – по мощи дарования, по уважению и любви к стране, к народу, что в высокой мере было у Вампилова.

В. К. В названии Художественного театра с самого начала появилось слово «общедоступный». Я думаю: как народность Вампилова – не «простонародность», так и тут – особый все-таки смысл?

Т. Д. «Общедоступный» – понятие позиционное. Давайте сравним нынешний зрительный зал с залом, который был в начале нашего века. Кто самый неинтересный собеседник для нас сегодня? Ведь зритель для актера – всегда собеседник. Так вот, сегодня самый неинтересный собеседник – человек, сидящий с телефоном в зрительном зале. «Телефон» – обозначение определенного материального положения.

В. К. Как вы считаете, это именно демонстративное обозначение своего положения?

Т. Д. Тема нравственности и культуры исключена почти из всех средств массовой информации, здесь сказывается просто-напросто элементарное непонимание. Пищащий телефон представляется владельцу как знак его возвышающий. Такое «возвышение» себя над всеми с помощью телефона – смешно, нелепо.

Идеальным зрителем всегда была подлинная интеллигенция. Сегодня ее понятие размыто и сильно скомпрометировано. А во времена Чехова и создания Художественного театра основу зрительного зала составляли студенты, которые «становились» интеллигенцией. В зале были небогатые служащие, которые не Бог весть сколько получали, но не тяготились этим, поскольку и

не принято было этим тяготиться и стыдиться, с чем все чаще сталкиваешься сегодня. Далее – были врачи, учителя, юристы, инженеры, очень хорошо обученные и с хорошим уровнем литературного воспитания…

Назвав театр «общедоступным», Станиславский и Немирович определили аудиторию. Чтобы понимать трагизм предсказания «Чайки», необходимо быть подготовленным к этому. Всем своим воспитанием, своей жизнью и той литературой – самой сильной в мире отечественной литературой. Скажем, монолог Нины Заречной, который так блистательно, по воспоминаниям, произносила на репетициях Вера Федоровна Комиссаржевская, – это же тема пьесы. Это не скучный и заумный текст, взятый из Мережковского, а бездонной глубины и грандиозного масштаба тема!

«Все жизни, все жизни, все жизни, свершив свой печальный путь, угасли…» Единоборство всемирной души с… дьяволом. И конечно – победа души! Какой же должна быть жизнь, если «конечность» всех определяется маленьким земным шаром, который далее будет двигаться в пространстве наподобие светящегося холодного камня.

В. К. Действительно, тема космическая по масштабу. И, знаете, мороз по коже, настолько пронзительно…

Т. Д. Соотношение человеческой жизни с космическим. Что стоит твоя сегодняшняя жизнь, если ты не думаешь о «конечном», которое для всех одинаково. «Конечность» – и сегодняшняя суета, мелкие желания. Если ты в состоянии думать о конечности, как же должен корректировать свою жизнь?… Как беречь, «взращивать» душу свою?

Антон Павлович Чехов, врач по специальности, когда писал эту пьесу, знал близкую «конечность» своей жизни. И с высоты своего знания и необыкновенной, исключительной гениальности поэтически представил свой счет под названием «Чайка».

Чтобы вы поняли пьесу, а не увидели в ней то, что увидела публика при первой постановке ее в Александрийском театре («гостинодворцы», так ту публику называли), нужна «иная игра». И когда Художественный театр создавался как общедоступный, то имелась в виду публика, которая в отличие от гостинодворцев была готова для восприятия истинного, глубокого искусства, а также имела потребность в таком искусстве.

Например, учительницы. Антон Павлович хорошо их знал. Его любимая сестра Маша была учительницей. Он знал, сколько они получают, а с другой стороны – какой широкий у них круг воздействия. Он и для них писал, чтобы ширилось, «шло» дальше…

В. К. Татьяна Васильевна, честно скажу: вы первая раскрыли мне так впечатляюще космизм «Чайки». Ну а что касается восприятия ее – можно только представить, как все было тогда, в 1898-м, сто лет назад… А что волнует вас больше всего сегодня, когда вы оглядываетесь на большой путь, пройденный родным вам театром, и думаете о его будущем?

Т. Д. Более всего волнует то, с чего я и начала: уровень зрительного зала. Потому что уровень либо тебя поднимает (не в плане успеха, а как собеседник), либо… Нельзя же беседовать, имея в виду человека с телефоном или пьяного школьника.

В. К. А такие тоже бывают?

Т. Д. Бывают, во всех театрах. Я сейчас обобщаю. Беру как бы две крайности.

Мы имеем своего зрителя, и он прекрасен. Но даже если в массе перед нами наш зритель и лишь несколько человек с телефонами и несколько пьяных школьников – «беседовать» уже чрезвычайно тяжело…

Публика «питает», дает тебе добавочные силы, компенсирует твои эмоциональные затраты, но твоя обязанность – говорить с публикой серьезно, честно и на пределе сил.

И еще: не превращать драматический театр в иные формы. Скажем, в музыкальный театр, в дурной мюзикл, как сейчас, увы, все чаще бывает. Мюзикл, конечно, может быть и прекрасным, высокопрофессиональным, но все равно это – другой театр, к драматическому не имеющий никакого отношения. Однако сегодня очень многие театры к этому идут. Стремясь «угодить» публике, привлечь публику, особенно молодежь, которая без децибелов, кажется, уже и жить не может.

Мы этого не делаем. Во-первых, не имеем права – традиции Художественного театра обязывают. А, во-вторых, я считаю, в этом есть большая доля падения.

Что мы стараемся делать, не имея драматургии, которая так желательна сегодня? Позицию свою, в полном соответствии с нашими основоположниками, мы определили в самом начале, еще десять лет назад. Поскольку пьесы не пишут, обобщать не могут, растеряны чрезвычайно, а многие, как ни горько, – продажны, мелкотемны, поскольку «не выявлены» современные Чеховы и Горькие, значит, мы занимаемся Чеховым, Горьким, занимаемся Островским, Достоевским и, конечно, Михаилом Афанасьевичем Булгаковым. У нас в репертуаре три пьесы Булгакова, которые идут неизменно с очень большим успехом.

В. К. В вашем «Дневнике актрисы» я прочитал: «Булгаков – Бог». Это относится к тому времени, когда он только открывался нам как автор многих дотоле неизвестных произведений. Теперь

прошло немало лет, но ваше отношение к Булгакову не изменилось?

Т. Д. Большой автор – всегда провидец, всегда пророк, всегда предупредитель. Такими предупредителями, предсказателями были и Пушкин, и Достоевский и, безусловно, Булгаков. К ним относится и такой большой сегодняшний писатель, как Валентин Распутин, который предсказывал многое, сколько лет назад. Вспомните хотя бы «Прощание с Матерой» и «Пожар». Или «Деньги для Марии». Уже в самих названиях звучит как бы предостережение. Распутин – на уровне нашей классики.

В. К. В общем, недаром он в вашем репертуаре?

Т. Д. Да, причем в постановке такого талантливейшего режиссера как Андрей Борисов. Мне очень бы хотелось, чтобы он у нас и еще что-то поставил. Его последняя трактовка «Короля Лира» с атрибутикой Якутии – событие в театральном искусстве. Это не умалило Шекспира, а наоборот, выявило его мощные образы крупно, в необыкновенном ракурсе и с удивительным чувством современности.

Я просила Валентина Григорьевича связаться с Андреем Борисовым и предложить от моего имени постановку у нас.

В. К. Борисов – иркутянин? Или якутянин?

Т. Д. Он в Якутске руководил театром, а сейчас министр культуры Якутии. Мне хочется, чтобы он перенес на нашу сцену «Лира», повторил «ход». Андрей Борисов вывел спектакль на узнаваемый сегодняшний трагизм. Предательство! Предательство своего отца, предательство Отечества… Это одна из самых больных тем сегодня! Повсеместность предательства…

Люди что-то умели, о чем-то высоком говорили, – а потом, в одночасье, легко и просто, стали «перевертышами». Полностью изменили свои позиции, предали и свое окружение, и учителей, и своих детей в конце концов. Это и есть результат размытости: «Зло есть добро…»

Если же обратимся во времена Чехова, так люди понимали во всяком случае, что такое порядочно, а что такое непорядочно. Вспомните позицию Антона Павловича по отношению к Академии, когда в силу определенных причин Горькому было отказано в звании академика. И это была не только личная позиция, но и выражение единственно верной для всех позиции под названием «Как надо». Как надо жить!

В. К. Необыкновенно важно, чтобы сегодня были такие люди, которые бы это демонстрировали…

Т. Д. Нет, надо не демонстрировать – так надо жить! Не думая о том, насколько трудно и неудобно тебе. Веришь ты или нет, Бог просто есть – и все. Наличие Бога в душе и определяет на

сегодня: либо ты человек, либо скот.

В. К. Темы предательства вы коснулись. Предательства по отношению к Отечеству. А в другой связи прозвучало имя Булгакова. Знаете, недавно я уже в который раз посмотрел ваш спектакль «Белая гвардия». И вот когда Мышлаевский говорит вполголоса, очень тихо, едва слышно: «Да здравствует Россия!» – зал каждый раз отвечает аплодисментами. Я обратил внимание, что это неизменно бывает на каждом спектакле! Значит, доходите вы до людей…

Т. Д. По поводу Михаила Афанасьевича Булгакова и его современного звучания – естественно. Он современен, как, скажем, Достоевский. А тема России у него проявляется не в лозунгах. Она изнутри существует. Поэтому и актерам были даны соответствующие ходы – согласно личности Булгакова, для которого органично, если живешь на этой земле, и все твои предки похоронены в ней и стали частью этой земли, то предавать ее не просто безнравственно. А абсолютно недопустимо!

В. К. Вы Булгакова цитируете?

Т. Д. Нет, это режиссерский ход, заданный актерам. В частности – для этой сцены.

В. К. Тема Родины, тема России – она ведь в целом ряде спектаклей вашего театра, поставленных и лично вами, и другими талантливыми режиссерами, которых нередко вы приглашаете, так сказать, со стороны. Россия, как правило, предстает в самые сложные, переломные, трагические и вместе с тем героические моменты ее истории. Мы говорили о «Белой гвардии» в вашей постановке – Гражданская война. «Теркин жив и будет!» по Твардовскому – война Великая Отечественная. Недавно на малой сцене Николай Пеньков поставил пьесу «Наполеон в Кремле» Владимира Малягина – 1812 год. А буквально перед этим Валерий Белякович осуществил весьма сложную постановку «Козьмы Минина» – драмы Островского, к которой редко обращается театр и которая посвящена 1612 году. Тоже борьбе за освобождение России от захватчиков. Не случайно все это, как я понимаю?

Т. Д. Не случайно. И Валерий Белякович, в частности, создал значительный спектакль. Он – эмоциональный, одаренный режиссер, ученик Равенских, а Равенских – ученик Мейерхольда. Это особая форма театральности, чрезвычайно интересная, она всегда была в некоем противостоянии с реалистическим театром, но приглашение Беляковича и на Шекспира, и на Островского, и на Дударева (замечательный был поставлен спектакль по его пьесе «Свалка»!) – не потеря реалистических традиций, которые

исповедует МХАТ, а желание обучать молодую труппу быть смелой в любых формах театрального существования.

Не будем забывать, что Всеволод Эмильевич Мейерхольд был учеником Владимира Ивановича Немировича-Данченко. И обратите внимание: при всех своих гениальных открытиях в поисках формы он выигрывал, когда в его спектаклях играли реалистические актеры – Мария Бабанова и Игорь Ильинский, Эраст Гарин и Николай Боголюбов, мхатовский впоследствии актер. Мейерхольд выигрывал, когда большие актеры оправдывали эту острую форму, великолепный урок, предполагающий весьма сложное освоение, но мне хотелось бы, чтобы наши молодые актеры все это умели.

Кстати, на днях я еще раз посмотрела по телевидению совершенно гениальный фильм Эйзенштейна «Иван Грозный» – и снова убедилась, как много дает сочетание блестящей, максимально выразительной формы с мощными и яркими актерскими индивидуальностями…

Так вот, вернемся к Беляковичу. Он сначала поставил у нас пьесу «Свалка» Алексея Дударева. Пьеса широко шла по стране, но автор определил именно наш спектакль как самую большую победу. Затем Белякович ставит Шекспира – «Макбет». Условные декорации, в которых нам, привыкшим к декорациям реалистическим, надо было существовать. Очень интересно – работать «безусловно» – в условном, почти публицистическом ходе, заданном режиссером.

Пьесу Островского «Козьма Минин», о которой вы заговорили, он «раскрыл», на мой взгляд, замечательно.

В. К. Ведь трудная пьеса, правда?

Т. Д. Очень трудная. Надо, чтобы в полную силу прозвучала заложенная в пьесе гражданственность, которая, как ни странно, была «неудобной» даже в год ее написания.

В. К. Пьеса эта и при жизни автора мало шла?

Т. Д. Редко ее ставили в Александринке, что очень огорчало Островского. Хотя, когда ставили, зал был переполнен…

Итак, Козьма Минин и Россия на стыке противоборствующих сил. Россия растерянная, униженная. Аналог сегодняшнего состояния страны… Возрождение, осознание ситуации и борьба. Противостояние.

В. К. Это, очевидно, и побудило вас обратиться к забытой пьесе?

Т. Д. Побудила необходимость поиска героя. Потому что сегодня, в этой растерянности и униженности, даже армия теряет у нас былую силу. Да и вообще силовые структуры таковыми могут быть названы уже весьма относительно. Происходит то, что

делать не дозволено. Доводить до такого состояния постоянной травлей армию, доводить до такого состояния мужчин в стране – недопустимо! Если уж силовые структуры, если армия доведены до такого жалкого состояния, то что же делать остальным, которые не силовые и не армия? Если такие бравые унижены, что же делать другим мужчинам, не столь бравым?

Отсутствие героя… Вы правильно сказали, что для массы людей с подачи «демократических» СМИ героем теперь является тот, кто имеет много денег. И получается страшный круг – соединение всех и вся с криминалом. И тогда героем становится тот или иной господин, который занимается делами недозволенными. А задача искусства – разделять, что дозволено и что не дозволено, что хорошо и что плохо.

Существует потребность сегодня в создании героя. Пусть кто-то не хочет, пусть издевается над понятием «делать жизнь с кого», но – это было необходимо всегда. Это, в сущности, первопричина явления под названием «искусство».

С чего оно начиналось? Боги и герои! Сегодня – отсутствие в душе у многих Бога и отсутствие героев. Когда вещают сегодня об отсутствии идеологии – это заведомая ложь. Идеология есть, идеология сатанизма. Идеологами стали бездарные ансамбли и безголосые певицы. Идеологами становятся примитивные люди, которые пишут тексты к чудовищным… их даже песнями назвать нельзя. Главный звукорежиссер нашего театра называет их «музыкой для гениталий».

В. К. Очень точно сказано! И этой музыкой, этими, с позволения сказать, песнями переполнен эфир, они без конца звучат по телевидению.

Т. Д. Думаю, не всю молодежь это устраивает. Есть среди молодежи немало мальчиков и девочек, которые жаждут смысла, которые тянутся к высокой литературе и настоящему искусству.

В. К. Наверное, они и идут в ваш театр?

Т. Д. Надеюсь, да. Хотя многие, к сожалению, довольствуются теми безобразными циничными выкриками, которыми заполнен эфир. Такого количества бездарных музыкантов и бездарных авторов текстов – не было никогда!

В. К. Налицо – резкое снижение уровня массовой культуры, так ведь?

Т. Д. Снижение уровня языка. И мне кажется, что это целенаправленно делается сегодня. Потому что уничтожение языка – уничтожение народа, а следовательно – уничтожение страны.

В. К. Надо, конечно же, противостоять этому! МХАТ под вашим руководством – противостоит.

Т. Д. Я думаю, противостоит этому изнутри – основная масса народа. Люди именно «изнутри» чувствуют и понимают неприемлемость, опасность того, что изо всех сил им навязывают. Другое дело, что у людей нет возможности высказаться. Им не дают ни эфирного времени, ни газетных страниц.

Существует большое число людей высокоодаренных, которые не имеют творческого выхода и не могут проявить себя. Звучат одни и те же имена – в течение уже долгих лет. Но ведь помимо них есть тысячи других, зачастую гораздо более достойных. Однако их как бы и не существует вовсе! О них молчат. Их мало кто видит, слышит, читает.

Что касается нашего театра, то я считаю: мы не одиноки. Мы находимся в отряде единомышленников. И я уверена, этот отряд будет множиться. До каких пор возможно «непротивление злу насилием»? Думаю, не бесконечно.

Будут выявляться имена, и они уже выявляются – скажем, в литературе. Жаль, что пока их нет в современной драматургии. Для Московского Художественного театра и Чехов, и Горький, и Леонид Андреев были современниками. Такой мощи талантов сегодня, к сожалению, в драматургии нет, хотя, может быть, где-то они есть уже – просто им не дают выявиться. Уверена, заявят о себе так или иначе!

Основная задача нашего коллектива – продолжать лучшие традиции Московского Художественного театра. И то, что работающие на эту идею актеры понимают важность задачи и свою ответственность, дает веру: обязанности и обязательства, связанные с сохранением самой идеи реалистического Художественного театра, мы выполним.

Актеры МХАТ говорят о себе так: мы – «нутряки». То есть мы работаем через себя, через нерв, через сердце. Работаем на эмоциональном пределе. Это гораздо сложнее, чем в условном театре. Условный спектакль можно и четыре – пять раз в день сыграть, когда тобой овладевает жажда халтуры. А если работать не только техникой, всем существом своим…

Но, повторяю, мы не одиноки! По принципам реалистического театра успешно работают многие. И это дает надежду на победу. Она – за актерами, которые умеют играть больших авторов, в состоянии понять глобальность темы и через себя донести ее до зрителей, подключив их к теме своими нервами. От нерва к нерву, от сердца к сердцу – вот принцип, за которым, по моему убеждению, будущее русского театра.

Таланты в России всегда были и всегда будут. В Америке есть великие драматические авторы – и Юджин О' Нил, и потрясающий Теннеси Уильяме…

В. К. Кстати, ваш автор, Татьяна Васильевна! «Кошку на раскаленной крыше» невозможно забыть.

Т. Д. Хотелось бы посмотреть, как американские актеры играют Юджина О' Нила и Теннеси Уильямса. Мне говорят: ничего этого ты не увидишь, потому что их там не играют. И хотя меня каждый год приглашают в Америку, и я благодарна за приглашения, но – не еду.

Если даже в мире все забудут, что есть такое чудо – под названием «драматический театр», то России это не грозит. У нас эмоциональная память дольше, страдания больше, искусство выше. Так было и есть.

Если говорить об укреплении веры в смысл жизни, то следующим после церкви идет у нас именно драматический театр. И он никогда не кончится.

Февраль 1998 г.

Имя и честь театра
НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ МАЛОГО ТЕАТРА ЮРИЙ СОЛОМИН

Юрию Соломину, одному из талантливейших воспитанников школы Малого театра, на рубеже веков выпало стать в полном смысле спасителем «Дома Островского» от разрушительных атак на него со всех сторон.

Приняв должность художественного руководителя Малого в самое трудное время, Юрий Мефодьевич вместе с народным артистом СССР Виктором Ивановичем Коршуновым, директором театра, сумел отбить все попытки сделать из гордости русской сцены нечто совсем другое. Болит у него душа и за русский театр в целом…

Виктор Кожемяко. В начале года состоялся всероссийский, как это было названо, форум «Театр. Время перемен». Я видел вас на телеэкране в ходе форума, вас спрашивали о вашем впечатлении, и я понял из короткого вашего высказывания, что вы не особенно оптимистично настроены по поводу «времени перемен» для отечественного театра. Не могли бы несколько подробнее поговорить об этом?

Юрий Соломин. Когда проводятся форумы или какие-то съезды под лозунгом типа «Театр. Время перемен», то я в это не

очень верю. Потому что театр – живой организм, неразрывно связанный со всей окружающей жизнью. И время перемен, если уж об этом говорить, оно касается всех. А тут, когда такое кидают, по-моему, вкладывают нечто другое и больше формальное. И все-таки, почему он живой? Потому что вся актерская наша профессия, а стало быть, и театр сотканы из живых связей с людьми, из живых мыслей, которые волнуют нас ежесекундно, из того биения сердца, которое связывает людей, находящихся в одном помещении. Ведь мы в зрительном зале со зрителями находимся в одном помещении, нас разделяет лишь узенькая полосочка света рампы, а так как бы нечто одно целое. Одно бьющееся сердце, одни бьющиеся мысли, одни слезы, которые возникают в зрительном зале, – то по ту сторону рампы, то по эту. Аплодисменты, смех… Потому я и говорю, что время перемен, которое касается нашей жизни, вообще всех нас, существующих, окружающих, всей жизни вокруг нас, – оно касается и тех людей, которые наполняют зрительный зал – и справа от рампы, и слева. У нас одни проблемы, у нас одни чувства, у нас одна боль и одна радость. Я бы сказал так: мы настолько близко стоим к зрителю, к народу, настолько близко мы с ними соприкасаемся всеми нашими нервными окончаниями, можно сказать, что нам не надо самих себя искусственно выделять в особую какую-то статью. Мы особые уже тем, что имеем возможность говорить от лица миллионов людей то, что их волнует. Пожалуй, даже ни один депутат не имеет такой возможности, хотя у них свои округа есть. На мой взгляд, как никто другой, мы выражаем те чувства и выступаем от имени тех миллионов людей, которые доверяют нам и как профессионалам, и, наверное, как людям, потому что некоторые из нашего брата-актера ведь становятся символами того или иного времени.

В. К. То, что вы стали символом, – безусловно. Это я уже от себя говорю.

Ю. С. Мне трудно так говорить, но я бы мог назвать символом определенного времени, скажем, Мордюкову. Это очень талантливая актриса, мы даже приглашали ее когда-то в наш театр, и жаль, что она отказалась, поскольку, дескать, никогда не играла на сцене. А разве не стал символом своего времени Вячеслав Тихонов? Я многих мог бы назвать…

В. К. И в вашем театре такие есть тоже. Если взять из другого времени, то артисты-символы Евгений Самойлов, Николай Анненков, который столетие свое скоро отметит…

Ю. С. Мне как бы неудобно называть моих коллег по сцене Малого театра, но я скажу, что каждый театр, даже из провинциальных, небольших, имеет свой символ. То есть в

каждом есть артист, которому по-особому верят, на которого ходят… Я бы так сказал: артист, на которого ходят, – это артист, которому верят.

Вот почему не надо нам выгораживать себя в какую-то отдельную касту. Сейчас мы знаем, что в нашей стране очень многие страдают, экономически страдают, все это мы прекрасно понимаем. И большинство театров, особенно провинциальные театры, актеры, испытывают те же самые тяготы, те же самые страдания, что и окружающие их люди. Вот почему я говорю, что они не могут выражать других каких-то чувств и эмоций. Потому что они живут в одном доме, ездят в одном транспорте, у них одна боль. Смотрят одну и ту же телепрограмму… То есть это та боль, которая существует сегодня у большинства наших людей.

В. К. К сожалению, сейчас, когда говорят «актер-символ», чаще всего выражаются несколько иначе: «секс-символ». Например, Владимир Машков – секс-символ. Как вы на это реагируете? Неужели актеру может нравиться, если про него так пишут в газетах, говорят по телевидению и радио?

Ю. С. Понимаете, когда говорят «секс-символ» или «секс-» что-то там еще, мне хочется этих людей направить к врачу. Потому что это уже медицина, клиника. И все порнофильмы, секс-фильмы, они, наверное, должны продаваться по рецептам врача. У меня сразу неприличные какие-то напрашиваются выражения, когда слышу: «секс-символ». Хочется сказать: ну что же он, ходит и шипит весь от похоти, что ли? Почему его назвали так? Хороший артист! Вы знаете, Машков мне нравится как артист. Я не знаю, оскорбляет ли его или семью его, когда так про него говорят. Он для меня олицетворяет мужское начало, но вовсе не подразумевая то «начало», о котором обычно теперь идет речь…

В. К. А Малый театр остается хранителем высоких традиций духовности нашей отечественной культуры, на которые идет яростное со всех сторон наступление. Совершенно же очевидно. И для меня, как для многих, Малый театр – один из оплотов, которые держат то, на чем росло наше поколение, чем мы жили, да и предыдущие поколения тоже. Оплот нашей отечественной русской духовности, без которой, собственно, не может быть России.

Ю. С. Что ж, это действительно коренная, истинная традиция нашего театра. Мы стараемся ее сохранить. И вот, видите, слава Богу, дотянули до 175-летия. У нас таких проблем, о которых вы говорили, как бы не возникает. Почему? Потому что прежде всего в нашем репертуаре – классика. Спрашивают: «А какой у вас портфель?» У нас портфель – весь мир! От Шекспира и Мольера

до Распутина. В нашем распоряжении неисчерпаемый объем работы, и, должен вам сказать, когда ты работаешь на этом материале – а мы работаем уже со студентами на материале классики – и Пушкин, безусловно, и Лермонтов, и Островский, и, конечно, Чехов, и Пиранделло и так далее – все это не дает возможности заниматься разными глупостями.

В. К. Нет, многие все равно занимаются. Даже на таком репертуаре, на классике! Чего стоят хотя бы шекспировские «Укрощение строптивой» и «Двенадцатая ночь» в постановке Владимира Мирзоева на сцене столичного Театра имени К. С. Станиславского! Не Шекспир, а сплошное секс-кабаре.

Ю. С. При очень большом желании можно и в «Ромео и Джульетте» увидеть пьесу на сексуальную тему. Первая любовь, первое влечение. Что такое первая любовь? Тут многое замешено. Наверное, и сексуальное чувство есть. Но я категорически против того, чтобы на этом все сосредоточивалось, чтобы оно выпячивалось на первый план и тем более чтобы весь, так сказать, процесс показывался в кино или на сцене. Шекспир такого не писал. Островский не писал. И Пушкин, и Чехов. Не писали они этого! Они писали совершенно другое! А когда классика насильственно препарируют (он сам ведь, увы, не может себя защитить), когда из контекста «вытягивают» то, чего там вовсе нет, но что сегодня режиссеру «очень хочется», – получается безобразие. Понятно, таким способом режиссер хочет «выскочить» на массового зрителя, его как бы заинтересовать, пощекотать. Но это же жульнический прием! Ты выскочи на Шекспире или на Пушкине по-настоящему, на их глубине.

В. К. Из Тургенева даже ухитрился тот же Мирзоев сделать «секс-автора», из пленительного и проникновенного «Месяца в деревне»…

Ю. С. Малый театр 26 декабря прошлого года представил зрителям премьеру спектакля «Коварство и любовь».

В. К. Почему вы взяли именно «Коварство и любовь» Шиллера?

Ю. С. Во-первых, Шиллер – автор мира. Шекспир, Шиллер, Достоевский. Понимаете, он в этой категории. Во-вторых, Шиллер всегда был автором Малого театра. И почти все его пьесы шли на сцене Малого театра. Но с 1949 года «Коварство и любовь» у нас не идет. Между тем меня не оставляла мысль, что пьеса сегодня особенно нужна. Конечно, там есть, казалось бы, все, на чем можно было бы «заработать» крепко, выскочить в какую-то «новизну». Любовь двух молодых людей, безумная любовь – тут есть ведь на чем поиграть.

Но дело в том, что Шиллер написал об этом не так, как пишет

какой-нибудь современный спекулянт от драматургии. Он написал совершенно другие чувства. И, честно вам скажу, когда 26 декабря мы играли ту премьеру и я увидел, что половина зрительного зала – молодежь, я был на грани шока. Боже мой, я об этом и не подумал! Что же будет? И вот пошел спектакль. Гробовая тишина была на всех сценах, когда герои не валили друг друга, а стояли, смотрели в глаза и говорили о своих чувствах. Не целовались зубами, так сказать, как это сейчас делается, а едва друг друга касались. Это первое прикосновение шестнадцатилетних. А потом – обвал аплодисментов в конце. И именно когда на поклоны выходила эта молодая пара – артисты Василий Зотов и Татьяна Скиба, играющие Фердинанда и Луизу, а они последними выходили, – гром аплодисментов увеличивался. И так каждый раз. Три дня назад я снова был на спектакле. И – та же самая реакция! Там играют наши замечательные мастера – Евгений Валерианович Самойлов, Валерий Александрович Баринов, Василий Иванович Бочкарев, Алевтина Николаевна Евдокимова и другие. Но молодые герои – в центре. И так же на протяжении всех этих месяцев откликается зал. Значит, оказывается, зрителей что-то другое волнует, а не примитивное «вали!». Понимаете? Не это их волнует, а они внимательно вслушиваются в то, что на сцене говорят! Значит, за сотни лет человеческое сердце не изменилось, человеческие чувства не изменились, и я думаю, что где-нибудь в тишине и темноте зрительного зала какая-то пара робко и нежно взялась за руки. Вот в этом-то и заключается сила искусства!

Правда, недавно одна критикесса по фамилии Агишева попыталась как бы уничтожить молодую пару в своей рецензии.

В. К. В «Московских новостях»?

Ю. С. Да. Она попыталась ее изничтожить. Ну, наверное, им рикошетом досталось через меня, потому что, уверен, все-таки основной удар был нацелен на меня. Но ведь логики в профессиональном построении критикессы никакой нет! Она сравнивает молодых героев с Отелло и Дездемоной. Ума у нее все-таки хватило сравнить с Отелло, только она забывает, что это дети, совсем еще молодежь. И по их возрасту уровень актерского мастерства мне представляется наиболее высоким. Это можно не заметить лишь при условии, если ты видеть и слышать не хочешь! Но как же можно не услышать хотя бы зрительный зал, его реакцию? А какой удар по актерам! Слава Богу, это мои ученики, они мне верят, поэтому я сказал: «Ребята, спокойно, это не вас, это меня».

В. К. Серьезная травма для молодых… А вас, насколько я понимаю, некоторые критики и критикессы все время держат на

особом прицеле?

Ю. С. Еще бы! Удивляюсь при этом вопиющей непрофессиональности. Хотя бы та же Агишева в своей статье: оказывается, оркестр играет блестяще, а дирижер – плохой. Понимаете, какая штука! Пишут, что, дескать, Соломин – сильный художественный руководитель, даже они согласны признать, но… вроде бы не режиссер. Как же такое быть-то может? И вот эта тенденция – с пренебрежением говорить об актерской режиссуре. Они называют «актерская режиссура», имея в виду, что это «не очень профессионально», а ведь сегодня девяносто процентов художественных руководителей и главных режиссеров в театрах – бывшие актеры. Но почему-то вот эта проблема волнует только по отношению к Малому театру.

В. К. По отношению к Дорониной – тоже…

Ю. С. Ну, ее вообще замалчивают. Аналогичный вариант. Значит, мы не нравимся. Хотя такая актриса, как Доронина, – она просто не может, в совершенстве зная эту профессию, не может она сделать хуже, чем какой-нибудь Пупкин. Хотя Пупкину дают премию! А не Дорониной.

В. К. Юрий Мефодьевич, злые нападки на вас, на Татьяну Васильевну Доронину… Мне кажется, нечто большее за ними стоит, нежели просто нападки на актеров, которые берутся за режиссуру. В моем представлении эти атаки на русский национальный театр, на его традиции, попытки если не уничтожить его, не ниспровергнуть, то утвердить несколько такое пренебрежительное к нему отношение – как к чему-то второсортному, несовременному, изжившему себя…

Ю. С. Вы знаете, мне бы не хотелось в это верить, но… Я вообще не считаю себя националистом, я интернационалист. И разве не интересно, что первый национальный театр из России, который гастролировал в Израиле, был Малый театр? Он был выбран! Продюсер такой – Фридман, приехал сюда, он посмотрел, наверное, все спектакли в Москве. Был у нас, был в других театрах. Это в 1990 году. Отбирал театр для первых гастролей в Израиле. И потом он с нами встречался. Вот какая его реплика была: «Скажите, почему к вам так плохо относятся театральные деятели?» Мы с Коршуновым ничего не ответили – сказали: не знаем, ну, наверное, у них есть на то свои причины. Он сказал: «Я сделаю все зависящее от меня, чтобы первым театром из России в Израиле был Малый».

И мы поехали туда. И вот тогда были буквально ошеломляющие гастроли, когда зрительный зал вставал после спектакля и не кричал «браво», а кричал «спасибо» по-русски. Когда пожилые люди в первом ряду сидели, я не могу этого

забыть, – они не могли встать, просто физически, – и они плакали.

Репертуар тоже выбирала принимающая сторона. Мы возили туда Чехова – «Вишневый сад» и «Лешего», а еще «Царя Федора Иоанновича». Этот спектакль играли меньше, поскольку все-таки Чехов более современный. Было запланировано поначалу всего два или три спектакля. Но потом попросили: нельзя ли добавить еще «Царя Федора»? Мы добавили, отдали свой выходной день. Затем была опять просьба: нельзя ли еще? И когда мы играли «Царя Федора», скажу честно, я испытывал потрясение такое же, какое испытал, когда сыграл эту роль в 1976 году – 27 сентября…

В. К. Что это за день был?

Ю. С. Это был срочный ввод мой, когда я первый раз сыграл ее. Смоктуновский перешел во МХАТ, и вот тогда за десять дней мне надо было ввестись. Казалось, подобного потрясения уже не будет. И вот второй раз – когда мы играли в Израиле, довелось пережить. Потрясающий прием и потрясающая реакция! Когда люди слушают, затаив дыхание и ловя каждое слово! Я такого не испытывал больше, хотя играю эту роль уже двадцать четвертый сезон. Мы играли «Царя Федора» в Германии, играли в Болгарии, в Венгрии, в Японии… Да у нас обширная гастрольная афиша! Мы играли во Франции и в Греции, в Южной Корее – везде нас принимали хорошо. Хотя об этом почти не писалось в нашей прессе! Не странно ли? А они там говорили: вот – русский театр! И там они это хотят видеть, понимаете?

В. К. Поразительно, как все складывается…

Ю. С. Здесь нас пытаются сравнять с каким-то полузападным театром, который в нашей стране все больше насаждают. А он уже там неинтересен стал! Я говорю это вполне ответственно, потому что общаюсь с деятелями театральными из многих стран. Они говорят: уже волна эта спала, это уже не вызывает интереса. Некоторые говорят о Малом: да, это традиционный такой театр. Мы согласны: совершенно верно. А «традиционный» можно сказать ведь с разным подтекстом. «Кабуки» в Японии – тоже традиционный театр. В Корее есть национальный театр – тоже традиционный. В Китае Пекинская опера – традиционная, Шекспировский мемориальный театр в Англии, «Комеди Франсез»…

Поэтому я говорю: и в России должен быть такого уровня коллектив. Мы не претендуем на первенство. Если кто-то будет в этих традициях лучше – пожалуйста, ради Бога! Но пока нету такого театра. Если он появится, мы с удовольствием протянем руку и уступим место. А пока этого нет. Хотелось бы, чтобы к возрасту этого коллектива и к тем традициям, которые не так

просто сохранить, относились нормально. На большее мы не претендуем – нормально надо относиться.

В. К. Хотел бы, Юрий Мефодьевич, спросить по поводу того же форума «Театр. Время перемен». Когда так говорят, здесь ведь вкладывается еще какой-то смысл реконструкции организационной. Вот эта антреприза, например, да? То есть отказ, как я понимаю, от постоянной стабильной труппы. У вас какое вызывает отношение?

Ю. С. Вы знаете, я считаю: пусть цветут все цветы. Вскрытие покажет. Но традиционность, стабильность труппы, воспитание ее в определенной школе – традиция Малого театра. На этой основе возник не только Малый театр, но и МХАТ. Станиславский создал науку о театре. Опираясь, как он сам об этом пишет в своей книге, на опыт Малого театра. Он учился у мастеров Малого театра. Но он пошел дальше.

И вот была создана целая школа. На этой науке и в этой школе стали обучаться актеры, утвердилась и наша школа театральная. Скажем, Якутский театр полностью создан был коллективом нашего училища. Четыре выпуска… И так далее. Многие театры. В Казани национальный театр татарский – тоже несколько наших выпусков было. С киргизами я работал, прекрасные были ребята. Таджики. Я учился с таджикской студией. Северная Осетия. Вот сейчас у меня обучается группа из Южной Кореи. Уже третья группа в нашем училище, и они заказывают еще.

Поэтому антреприза, может быть, в чем-то хорошо, но нельзя забывать, что это появилось уже после того, когда была создана матка-театр. Все-таки Шекспир 400 лет назад ездил со своими артистами, и у него была постоянная труппа. Нам по сегодняшний день все актеры мира завидуют – нашим постоянным труппам, нашему репертуарному театру, ибо репертуарный театр – создает и сохраняет те традиции, о которых мы с вами вели разговор. Только репертуарный, какие бы звезды ни были! Антреприза? Пусть работают. У нас в Малом театре многие актеры приглашаются в антрепризу, работают там наши звезды, и мне предлагалось тоже не раз. Но я не могу, потому что я здесь занят. Пусть работают они, пусть возникают новые театры, однако нельзя при этом рубить сук, на котором сидишь. Новшества бывают хороши, но они должны идти параллельно с уже опробованными путями.

В. К. Не стоит выплескивать вместе с водой ребенка?

Ю. С. Нельзя. Тем более что у нас уже есть примеры, и не только у нас, а во всем мире. Разрушить легче всего, создать – труднее. А вот то обстоятельство, что сегодня в нашем обществе

какая-то группка людей может диктовать свои вкусы и правила, навязывать весьма агрессивно, третируя несогласных, вот что тревожит. Причем ведь это те самые люди, которые кричали: «Нас зажимают! Свободу!» А теперь сами хотят зажать других. Свобода? Так будьте любезны писать и о других справедливо. Умейте понять и оценить тех, у кого иной вкус, умейте быть к себе самокритичными!

В. К. Беда еще в том, согласитесь, что законы бизнеса, коммерции диктуют театру и вообще искусству свои требования. Деньги! Отсюда процветание так называемого шоу-бизнеса, да и всего, что заполонило эстраду, сцену, телевидение. Отсюда массовое дурновкусие – очень низкий пошиб, засилье пошлости, дешевки, грубо говоря. Ведь вы сами все это видите, особенно на телеэкране. Коммерциализацией душат! Скажем, начинают показывать «Метель» пушкинскую со Свиридовской музыкой, и только титры кончились, пошел фильм – уже «памперсы», «кариес»… Ну это ли не разрушение культуры?

Ю. С. Меня еще крайне раздражает, как на телеэкране говорят. Плохо говорят, неправильно, речь зачастую какая-то полублатная. И потом… кроме коммерциализации – повальная криминализация. Убийства во всех видах! Не удивительно, что и в жизни их все больше. Думаю, что от лица нескольких миллионов телезрителей я могу сказать: нам бы хотелось видеть не столько печальные последствия всяческих преступлений, сколько – передачи из зала суда. Наказуемость! Что преступник пойман, ответил. Тогда в подкорке у нас у всех останется: вот за это можно получить, за это можно ответить. А когда без конца кровь, насилие, мордобой и в художественном варианте, и в документальном, то мне кажется, это никак не на пользу обществу.

В. К. А все большая зависимость культуры от неких «доброхотов» – спонсоров не беспокоит вас?

Ю. С. В России было другое слово – меценаты. Они много сделали для нашей культуры. Мамонтов, Третьяковы, Морозовы… Они создали и театры, они создали музеи, они собрали великолепные коллекции для нашего народа. Мне кажется, таких людей сейчас почти нет. Если есть, то очень мало.

Понимаю, не каждый, конечно, отдаст свои деньги на что-то «просто так». Значит, надо создавать какието условия, чтобы отдавали. Чтобы вкладывали деньги в культуру.

Это, кстати, важно не только для самой культуры. Я не перестаю повторять: образованный, культурный и здоровый человек поднимет нашу экономику! Стало быть, надо вложить хорошие деньги прежде всего в медицину, культуру, образование

вкупе с наукой. Только эти три «кита», на мой взгляд, могут поднять Россию. А у нас пока, увы, они-то и находятся в самом обделенном, самом бедственном положении.

В. К. Да, такое впечатление, что государство нынче совсем ничего не делает для поддержки этих «китов». Раньше сетовали: финансирование культуры осуществляется по остаточному принципу. Но все же было финансирование! А сейчас? Ну что может сейчас Министерство культуры? Скажите, пожалуйста, как бывший министр культуры Российской Федерации.

Ю. С. Много странного и непонятного. Вот говорят: уходят куда-то деньги, отследить невозможно. Как же это? Создается бюджет. Государственный. Тебе – столько-то, тебе – столько-то, Министерству культуры – столько-то. Сидят вроде бы умные люди, экономисты, которые по телевидению нас учат, как жить. А дальше что получается? Потом оказывается, что промышленности недодали столько-то денег, медицине – тоже, образованию, культуре тоже денег нет. Но их же ведь распределяли! А куда они делись? Ведь их послали по почте или как? Кто-то расписался? Ну так проследите. Вы же видите, что везде нет!

В. К. Мы узнаём сегодня, где наши деньги. На зарубежных счетах.

Ю. С. Такое, конечно, не может не возмущать. Чтобы разграбили богатейшую страну! Чтобы она, стояла на коленях с протянутой рукой! Нет, никто нам не поможет. Но у нас есть все для того, чтобы самим себе помочь. У нас есть ресурсы, у нас есть недра наши, которыми мать-земля питает нас, у нас все есть. В каких-то там Арабских Эмиратах, где, кроме нефти и песка, ничего нету, человек, родившийся на этой земле, коренной житель, уже при рождении имеет определенные деньги. Мы же имеем лес, мы имеем и запасы ископаемых, и драгоценные камни, и нефть, и все что угодно, а при рождении – только талончик под номером таким-то…

В. К. Юрий Мефодьевич, вернемся к театру. Перед закрытием прошлого сезона я еще раз посмотрел у вас «Дядю Ваню». Была жуткая июльская жара, невозможно душный вечер, а зал между тем – почти полный. И какая напряженная тишина в зале, какое внимание, сколько продолжались овации после спектакля! Это же совершенно искренне – как говорится, не по заказу, а от души. Возникает мысль, что уникальный зритель наш, отечественный. Это радует, дает надежду. Когда становлюсь свидетелем и участником такого, у меня душа испытывает необыкновенный подъем. А все-таки зритель как-то изменился за последние годы? В лучшую, в худшую сторону – как вы это ощущаете?

Ю. С. В общем зритель, конечно, изменился. Изменилась

жизнь – и человек в чем-то не может не измениться. Но я думаю, что существует у каждого театрального коллектива свой зритель. Или, может быть, так: еще и у каждого репертуара существует свой зритель. И мне думается, что все-таки у Малого театра зритель свой. И те люди, которые приводят к нам своих детей, и те ребята – школьники, которые приходят, чтобы посмотреть у нас классику, они воспитываются в определенном духе. Наверное, уже в первые моменты соприкосновения с нашим театром, с детских заветных лет и происходит воспитание зрителя.

Сентябрь 1999 г.

Востребовано ли сегодня настоящее искусство?
КОМПОЗИТОР, НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР ТИХОН ХРЕННИКОВ

Один из крупнейших деятелей советской культуры. Выдающийся русский композитор двадцатого века. Народный артист СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий, профессор… Всё это он, Тихон Николаевич Хренников, готовившийся в те дни отметить свое девяностолетие. И при этом – продолжающий активно работать, творить! За последние годы им созданы балеты «Наполеон Бонапарт» и «Капитанская дочка», музыкальный спектакль «Чудеса, да и только» в Театре имени Наталии Сац, а сейчас вместе с Омским музыкальным театром работает над сценической версией знаменитого фильма «В шесть часов вечера после войны».

Мне давно хотелось побеседовать с патриархом отечественного искусства. И вот наконец, в апреле 2003 года, эта встреча состоялась.

МУЗЫКА ВРЕМЕНИ И БЕЗВРЕМЕНЬЯ

Виктор Кожемяко. Тихон Николаевич, есть такое выражение:

музыка времени. Александр Блок призывал: «Слушайте музыку революции!» И в его поэме «Двенадцать» это звучит. Своя музыка была у предвоенного, послевоенного нашего времени и, конечно, в годы великой войны. Тут при воспоминании в душе сразу же зазвучат оратория «Вставайте, люди русские!» Прокофьева и Ленинградская симфония Шостаковича, песни Александрова и Соловьева-Седого, Блантера и Хренникова… А вот скажите, какова, в вашем восприятии, музыка времени нынешнего?

Тихон Хренников. Нынче у нас, пожалуй, не время, а безвременье. Ну а у безвременья, собственно, никакой музыки нет. Я не хочу сказать, что нет талантливых людей и что не пишется хорошая музыка. Талантливых людей сегодня много, даже очень много! Я до сих пор профессор Московской консерватории, у меня свой класс, свои ученики, аспиранты, ко мне приводят начинающих композиторов, и я вижу, сколько сегодня талантов.

Конечно, этим всегда отличалась Россия. Но, знаете, в нынешних условиях иногда просто поражаешься. Казалось бы, всё против, ничто не способствует: и учение сопряжено с огромными трудностями, и безденежье большинства, и вся эта бытовая неустроенность, а таланты идут и идут. Причем они, юные, всё очень быстро схватывают, они быстро созревают…

В. К. В чем же тогда дело? Таланты есть, консерватория работает, и в ней такие профессора… А чего не хватает?

Т. Х. Прежде всего, нет востребованности. Общественной, государственной. Давайте взглянем конкретно. Чтобы исполнить крупное музыкальное сочинение сейчас, нужно самому нанимать оркестр, платить деньги дирижеру, снимать зал. Все это требует огромных средств! А откуда они у композитора?

Словом, это вам не советское время, когда о талантливом произведении, если оно появлялось, заботились все – и Союз композиторов, и радио, и Министерство культуры. Были заинтересованы. А если шире сказать, было заинтересовано государство! В развитии настоящего искусства.

В. К. Выходит, сейчас не заинтересовано?

Т. Х. По-моему, нет. Или уж, во всяком случае, не очень. Да, что-то делается. Какие-то произведения даже Министерство культуры закупает. Но это крохи всё! Выделил президент средства для поддержки нескольких ведущих музыкальных коллективов – Большого театра, Мариинки, Московской и Ленинградской консерваторий, двух оркестров. Но это же единицы! Лично я, скажем, не бедствую материально, потому что, кроме обычной пенсии, получаю пенсию так называемую президентскую. Да недавно еще премию президентскую получил. Но ведь совсем

немного таких, как я, у кого есть подобные субсидии.

В. К. А остальные? Как им выживать и работать?

Т. Х. Серьезнейший вопрос! Приходится как-то выкручиваться, искать каких-то покровителей. Но, знаете, одними покровителями искусство развиваться по-настоящему не может. Для этого обязательно нужна основательная государственная поддержка! Раньше было несколько по-другому, когда творцы, будь то поэт или композитор, были в основном из аристократических, дворянских семейств. Они не испытывали нужды. Но и тогда Чайковский, например, хотя он был дворянин, жил на то, что он сочинял, и на помощь Надежды Филаретовны фон-Мекк. А если бы она ему не помогала, не мог бы он так свободно творить. В советское же время невероятный подъем, расцвет искусства был достигнут благодаря великой идее, которая была в обществе, и, конечно же, благодаря постоянной поддержке государства.

В. К. Значит, эта проблема на сегодня – одна из главных?

Т. Х. Безусловно. Если о музыке говорить, у нас ведь замечательные традиции, великолепная педагогическая школа. Я бы сказал, лучшая педагогика в мире! Возьмите Московскую консерваторию – какие колоссы здесь преподавали: Игумнов, Нейгауз, Гольденвейзер, Файнберг и так далее. Потом их ученики пошли – Флиер, Гилельс… Это всё традиции, которые перешли к нам от братьев Антона и Николая Рубинштейнов, один из которых был в Петербургской консерватории, а другой – в Московской, от великих композиторов Чайковского и Танеева, которые были профессорами Московской консерватории.

И эти традиции, слава Богу, пока сохраняются. Хотя многие педагоги, должен вам прямо сказать, в последние годы работают на одном энтузиазме, поскольку оплата их труда чисто символическая.

В. К. А многие исполнители и коллективы, причем из лучших, в поисках заработка вынуждены уезжать за границу и работать в основном там. Отечественному же слушателю они фактически становятся недоступными. Есть ведь такая проблема?

Т. Х. Есть. Опять-таки упирается в то, что искусство наше почти полностью лишилось поддержки родного государства.

КАКИЕ ПЕСНИ ПЕЛИ

В. К. Сейчас, насколько я понимаю, вы говорили в основном о музыке, которую именуют серьезной. Но есть и так называемая легкая музыка, есть песня, без которой наш народ, по-моему,

просто не может существовать. Вот о песне, Тихон Николаевич, хотелось бы потолковать особо. В одной из телепередач вы сказали о современных песнях так: мусор. И я подумал: до чего правильно и точно! А ведь советская песня тоже составляла цвет нашей культуры.

Т. Х. Еще как! Советская песня – явление мировое, исключительное, нигде в мире и никогда такого расцвета песни не было, как у нас.

С чем это связано? Если в дореволюционное время музицирование обычно шло в салонах, по частным домам, то с революцией все резко переменилось. Началось в небывалых ранее масштабах коллективное пение, по-настоящему родилась массовая песня. Другие уже задачи встали и перед композиторами. Сама революция требовала массовых песен, и такими были, например, песни братьев Покрасс – «Конармейская», «Мы – красные кавалеристы» и другие.

Потом наступило другое время. Нэп принес свой налет – мотивы западные, не лучшие, и те, что назывались кабацкими. Тогда даже такие композиторы, как молодой Блантер или Юрий Милютин, прославившие в будущем советскую песню, отдали этому дань: «Джон Грей был всех смелее, Кетти была прекрасна…» К счастью, такое продолжалось недолго, и наша песня вернулась на свою орбиту.

Да, каждое время в жизни страны рождает свою музыку, свои песни.

В. К. Именно это мне представляется ключевым!

Т. Х. Вы правы. Вот до революции, как я уже сказал, было в основном салонное музицирование. Правда, были и Вяльцева, и Вера Панина, и Вертинский, то есть появилась своя эстрада, но она тоже носила все-таки зауженный, как бы клановый характер. Оговорюсь: русская народная песня – явление особое…

А революция рождает и ширит новую массовую песню. И после некоторого спада в годы нэпа – необыкновенный подъем тридцатых годов, первых пятилеток, когда центральной фигурой становится гениальный Дунаевский. Вместе с фильмами Георгия Александрова – «Веселые ребята», «Цирк», «Светлый путь», «Волга-Волга» – он буквально ворвался в советскую жизнь. Это же был любимец народа! Когда устраивались авторские вечера Дунаевского в Колонном зале Дома союзов, приходилось вызывать конную милицию – столько желающих было попасть на концерт. И суть как раз в том, что его песни очень талантливо выражали дух времени, отражали тот созидательный период с его делами, настроением и атмосферой.

В. К. Появляются фильмы Пырьева – и здесь уже вы

подхватываете музыкально-песенную эстафету. Причем так все органично получается, так естественно, будто само собой.

Изумительная «Песня о Москве» Тихона Хренникова из фильма «Свинарка и пастух» поется до сих пор и будет петься, я уверен, всегда – до тех пор, пока будут Москва и Россия. А «Марш артиллеристов» из пырьевской картины «В шесть часов вечера после войны»? Он сегодня, можно сказать, начал свою вторую жизнь вместе с восстановленными в правах словами: «Артиллеристы, Сталин дал приказ! Артиллеристы, зовет Отчизна нас! Из сотен тысяч батарей за слезы наших матерей, за нашу Родину – огонь, огонь!»

Т. Х. Если о годах войны, то тут в песне появилась целая плеяда выдающихся, совершенно замечательных авторов. И первый среди них для меня – Соловьев-Седой, гениальный композитор. Сын ленинградского дворника, он обладал удивительным мелодическим талантом, своеобразным, индивидуальным, неповторимым. Какого не было ни у кого! Причем какие это песни – с душой, со слезой: «Прощай, любимый город», «Соловьи»… Да можно перечислять и перечислять.

И ведь не только он в это труднейшее время создавал песни, поистине принятые народом как свои. Вспомните: Анатолий Новиков…

В. К. Шахтерский сын из маленького городка Скопина, из моей родной Рязанской области. Потрясающие, действительно до слез, его «Дороги».

Т. Х. А вскоре после войны – «Гимн демократической молодежи мира». В полном смысле пел весь мир! «Дети разных народов, мы мечтою о мире живем, в эти грозные годы мы за счастье бороться идем…» Любой композитор может мечтать о такой популярности, какая была у Анатолия Новикова!

В. К. У вас переход от войны к мирной жизни был очень ярко обозначен музыкой и песнями к кинофильму «Поезд идет на восток», который сам по себе, всей своей светлой, мажорной атмосферой стал как бы знаковым в этом смысле. И ведь вы там появились сами как актер – юный морячок с баяном в вагоне поезда Москва – Владивосток сразу задавал основную песенную тему: «Дай мне руку, незнакомый спутник мой!..» Захватывающая, стремительная, духоподъемная и вместе с тем очень лирическая музыка, которая так нужна была исстрадавшимся на войне людям…

Т. Х. Было много фильмов, для которых я работал: «Донецкие шахтеры», «Кавалер Золотой Звезды», «Гусарская баллада», «Верные друзья»…

В. К. О, «Верные друзья» – это же целый букет прекрасных

песен! Они многие годы спустя остаются молодыми, напоминая всегда и первых своих исполнителей в той картине – Чиркова, Меркурьева, Александра Борисова, Лилию Гриценко. Чудесный сплав талантов – композиторского, режиссерского и актерских, что нередко бывало в советских музыкальных фильмах.

Т. Х. Я продолжу свою периодизацию советской песни через имена. Итак, если до войны безусловным лидером в песне был Дунаевский, а во время войны Соловьев-Седой, то в послевоенные годы появляется Алечка Пахмутова. Она появилась в середине 50-х годов и до сих пор, скажу так, держит эстафету первого песенника нашей страны! До сих пор…

В. К. Я с вашей периодизацией согласен. Достойные имена.

Т. Х. Но, конечно, ими все не ограничивается, ибо в песне работало множество, действительно множество ярких талантов, которые очень долго пришлось бы называть.

В. К. И главное в том, что творчество их находило отзвук в народе!

Т. Х. А потому, что это было востребовано. Радио. Массовые концерты по всей стране. Коллективное пение. Такое великое явление советской жизни, как художественная самодеятельность, охватывавшая миллионы людей… Это же было уникально! Оттуда выходили профессионалы, нередко выдающиеся. Тот же Лемешев!

В. К. Ярчайший пример. Хочу заметить, что слова для советских песен писали такие прекрасные поэты, как, скажем, Исаковский или Алексей Фатьянов, а исполняли эти песни не только так называемые эстрадные певцы, но и оперные – Обухова и Максакова, Вера Давыдова и Сергей Лемешев… Высочайший уровень!

Т. Х. Да. У меня есть записи с Лемешевым, я с ним выступал, аккомпанировал ему, когда он исполнял мои песни. Это наслаждение было с ним выступать, потому что он певец был, как я говорю, – сама музыка! Он так чувствовал музыку, как только композитор свою музыку чувствует. И так он отзывался душой…

А ЧТО ТЕПЕРЬ ПОЕМ

В. К. И вот этот звучный, мелодичный, мощный песенный экспресс, с которым мчалась в будущее вся страна, вдруг сошел с рельсов и покатился под откос. Или врезался в тупик. Словом, катастрофа. У меня лично такое ощущение, и, судя по вашим высказываниям, у вас тоже. Что произошло?

Т. Х. Скажу свое мнение на сей счет. Чтобы композитор, поэт, певец создавали достойные песни, нужно прежде всего

соответствующее содержание жизни. Которое диктовало бы музыку и содержание песен! А о чем сейчас петь? О том, что люди не получают зарплату, голодают, мерзнут, что у них выключают электричество?…

Искусство – это жизнь. Таково и песенное искусство. В чем был главный результат работы советских песенных композиторов? Они создали такую музыкальную атмосферу, в которой жили советские люди.

В. К. Вот тут, Тихон Николаевич, вы сформулировали, по-моему, действительно самое главное. Советская жизнь вдохновляла творцов, а они создавали музыкальную атмосферу этой жизни, которая помогала людям строить, жить, любить. Воистину так! Но, знаете, сегодня часто говорится, будто делалось все это творцами чуть ли не из-под палки, насильно, что их заставляли и от них требовали. Дескать, социальный заказ. Но если нет отклика в душе художника, разве что-то получится? Должен ведь быть душевный отклик?

Т. Х. А иначе какое творчество! Социальный заказ был, но – совершенно особый. Это был заказ народа, его жизни, его мечты, его дел. Вот Аля Пахмутова ездила на сибирские стройки и писала песни о тех людях. Ее же никто не заставлял, она сама, что называется, по зову сердца (это не просто слова!) туда ехала. А кто Соловьева-Седого заставлял во время войны писать гениальные песни? Никто! Это был крик души. И вот все песни во время войны, лучшие в послевоенное время – это крик души. Она, душа композитора, как и поэта, откликается на то, что вокруг происходит. Художник, любой, живет не в безвоздушном пространстве, и жизнь диктует ему. Так что это был заказ народа и отклик души творца на жизнь народную.

В. К. А что мы имеем сейчас?

Т. Х. Какая жизнь, такое и искусство. Расцвел дилетантизм, то есть страшный непрофессионализм. У нас профессионалы великолепные и сейчас есть, но если взглянуть в этот «ящик», кто там изо дня в день с утра до вечера подвизается, охватывает просто отчаяние.

В. К. Результат нетребовательности? Падение вкуса?

Т. Х. Всё вместе. Например, сейчас очень популярны стали электроинструменты, и композитору достаточно настукать три-четыре ноты, а инструмент этот тебе и оркеструет, и хор припишет… Очень легко! Но это не искусство. Настоящее искусство должно быть живым. А электроинструменты – искусство мертвое. Оно может быть где-то использовано, скажем, иногда в кино, в специальных каких-то целях, но делать на него ставку полностью – это значит убивать, уничтожать искусство.

Ди-ле-тан-тизм!

В. К. И у композиторов, и у поэтов, и у певцов…

Т. Х. Певцы, так называемые нынешние звезды!.. Это же безголосые несчастные люди! Они-то думают, что они звезды, выходят в блестящих костюмах, вокруг них танцуют, пританцовывают и пляшут, под всякие световые эффекты носят их на руках, а на самом деле – убожество. Именно так, если посмотреть с высоты подлинного искусства.

В. К. Так почему же, Тихон Николаевич, произошло это обрушившееся вдруг падение? Падение всего – профессионализма, вкусов, культуры, взыскательности…

Т. Х. В советское время государство занималось воспитанием людей. Воспитанием не только нравственным, но и эстетическим. По радио, а с появлением телевидения и на домашнем экране все время давались лучшие спектакли – драматические и музыкальные, выступали лучшие артисты, шли беседы об искусстве, музыкально-образовательные передачи… А вспомните, Кабалевский с оркестром регулярно выступал для школьников в Колонном зале – это был превосходный, на высочайшем уровне, образовательный лекторий!

В. К. Или Ольга Доброхотова, ее увлекательные просветительские выступления с оркестром Владимира Федосеева и другими артистами – для самых разных категорий слушателей. Куда подевалось все это?

Т. Х. Что-то еще продолжается, вот Жанна Дозорцева с Вероникой Дударовой иногда выступают в том же роде. Но теперь это лишь эпизоды, а раньше была сиетема! Система воспитания музыкального вкуса у людей. И система всестороннего воспитания человека.

В. К. Охватывавшая всю страну. Были ведь по стране тысячи народных университетов культуры, университетов эстетических знаний, музыкальных лекториев… Названия различные, но дело все они делали великое!

Т. Х. И сейчас кое-что осталось. Например, я уже много лет ректор музыкального университета при Академии МВД. До меня там Арам Хачатурян был, а потом ко мне это перешло. Дело по традиции поставлено там серьезно. Однако много ли такого найдется сегодня? Только эпизодически где-то. Прежней системы нет. Нет того размаха, того масштаба, когда продуманной, разработанной системой воспитания к высотам искусства поднимались миллионы людей.

В. К. Мало того, что это уничтожено. Так над этим еще издеваются, ёрничают, глумятся! Стали ведь поносить все доброе и хорошее, что было у нас в советское время и чем искренне

восхищался мир.

Т. Х. Надо быть полным идиотом, чтобы позволять себе такое, чтобы допускать такое. Дошли уже до того, что Горький – это не писатель, Маяковский – не поэт, подобрались уже к Есенину!.. И так далее, и так далее. Если это будет продолжаться, молодежь останется просто ни с чем. Только с этими жалкими безголосыми «звездами»…

Апрель 2003 г.

«Мы теряем престиж мировой культурной державы»
ДИРИЖЕР, НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР ВЛАДИМИР ФЕДОСЕЕВ

Большое, давно мечтаемое счастье – встретиться с этим великим деятелем отечественной культуры. Он не из тех, кто постоянно мелькает на каких-то публичных тусовках, привлекающих внимание телевидения, да и газетной шумихи, по-моему, избегает. Художественный руководитель и главный дирижёр Большого симфонического оркестра имени П. И. Чайковского весь в работе.

Но очень хотелось узнать, чем он сегодня живёт, о чём думает, как относится к процессам, происходящим в нашей культуре. И вот – неожиданная встреча на заключительном заседании X Всемирного русского народного собора. В перерыве удалось поговорить, и Владимир Иванович любезно согласился ответить на вопросы корреспондента «Правды».

Виктор Кожемяко. В первую очередь мне хочется выразить искреннее восхищение концертом, который вы, Владимир Иванович, организовали в прошлом году перед 60-летием Победы. Это было потрясающе – самое лучшее из всего, что довелось слышать и видеть в те дни! Сравнимо, пожалуй, только с концертом Хворостовского…

Владимир Федосеев. Спасибо за высокую оценку. Сама дата

обязывала. Мы очень долго все готовились. И для меня лично это было событие особенное.

В. К. Сказалась память о военном детстве, блокадном Ленинграде?

В. Ф. Безусловно. Всё это живо и очень глубоко.

В. К. Причём вы ведь не только дирижировали своим оркестром, а, насколько я понимаю, были именно организатором, главным составителем и главным режиссёром всей программы. Вы с таким удивительным вкусом, так продуманно и тщательно – штучно, я бы сказал, – отобрали каждое произведение и каждого исполнителя, будь то певец или мастер художественного слова (тут один Алексей Петренко чего стоит!), вы на таком высочайшем уровне всё выстроили, вложили во всё свою душу. Постарались, что особенно замечательно, передать самое основное – дух того времени. Даже место выступления выбрали такое, откуда во время войны чаще всего транслировались по радио концерты лучших мастеров советского искусства для фронтовиков: Колонный зал Дома союзов. И слава Богу – это ведь теперь совсем не часто бывает! – канал «Культура» решился в прямом эфире показать ваш концерт. Но скажите, что произошло тогда в первом отделении? Почему вдруг во время трансляции почти пропал звук? Да и надолго! Я слышал потом множество недоуменных вопросов, в том числе от ветеранов войны, которые были сильно огорчены и озадачены. Неужели кто-то специально хотел испортить такой концерт?

В. Ф. Да, по-моему, это была провокация. Иначе трудно объяснить. А хотели мы, чтобы всплыло в памяти людей многое и очень важное. Хотели, чтобы молодёжь почувствовала, что такое была эта война и каким был путь к нашей Победе. Нынешняя молодежь ведь воочию ничего этого не видела, не знает, не помнит.

Средствами искусства, я думаю, лучше всего можно души молодых пробудить и поднять.

В. К. Вы сказали: поднять. Но сегодня больше их «опускают».

В. Ф. К сожалению. Попса, голое тело… И это переполняет телеэкран! Ни в одной стране такого нет. Вот недавно я был во Франции. Там есть телеканалы по-настоящему культурные, и ведь не один. Есть каналы серьезной музыки. А у нас царит просто безобразие. Публика, знаете, она же бывает очень всеядна, особенно молодая. А пошлость легче, доступнее, она быстрее проходит в душу. И отравляет. Засоряет. Портит.

Люди сегодня не только информацию, но и, так сказать, духовную пищу получают в основном по телевидению. Но какую пищу! Где-нибудь в провинции, вне Москвы, вдалеке от театров и

концертных залов, телевидение вообще единственный, что называется, источник культуры. Только источник этот загажен. То, что несёт он, страшный урон причиняет человеческой душе. Гигантский вред!

В. К. Так что же, истинная культура от нас уходит?

В. Ф. Сегодня – уходит. Но, я верю, она не уйдет. В конце концов, по-моему, это невозможно. Когда-то Николай Васильевич Гоголь сказал: «Что бы стало с нами, если бы музыка нас покинула». Он сказал о музыке, но имел в виду и общую культуру, в целом. Думаю, всё-таки она не исчезнет совсем в такой стране, как Россия. Однако всё нынче у нас делается для того, чтобы исчезла. И с телеэкранов она уже почти ушла. Впрочем, в других сферах нашей жизни тоже творится нечто ужасное.

В. К. В чем видите причину?

В. Ф. В руководстве. Некоторые министры – просто враги своего народа и своей страны. Тот же министр образования. Что он делает? Это же убиение наших умов и знаний! Вообще, по-моему, не те люди занимаются руководством на разных направлениях. Необразованные, непонимающие, нечитающие. Они сегодня командуют. В том числе культурой. Есть и запал такой – убить всё национальное, русское…

В. К. Помните, Владимир Иванович, наши разговоры в начале и в середине 90-х годов? Тогда мне пришлось несколько раз выступать на страницах «Правды» в защиту вашего оркестра, бывшего к тому времени Большим симфоническим оркестром Всесоюзного радио и Центрального телевидения. Прославленный, выдающийся творческий коллектив – и вдруг в одночасье оказывается вышвырнутым буквально на улицу из знаменитого Дома радио. Дикость! До сих пор в голове не укладывается. Вы, человек великой русской культуры, наше национальное достояние, возглавили тогда Венский филармонический оркестр – после гениального Герберта фон Карояна. И, как следовало ожидать, марки не уронили. Вам, насколько я знаю, даже присвоили звание почетного гражданина Вены – города Моцарта и Штрауса, а о руководимом вами оркестре австрийская пресса писала, что это «последний бастион оркестровой культуры». Но осталось ли у вас при всем этом ощущение, что вы – русский музыкант, русский дирижёр?

В. Ф. Конечно! Может ли быть иначе? Процитированное вами из австрийской прессы – это же о Большом симфоническом оркестре имени П. И. Чайковского, как стал называться наш оркестр радио и телевидения. Он давно родной для меня, я руковожу им более тридцати лет. И руководства – в самое

трудное время – не оставлял. А что касается русской музыки, русской классики, она была и есть в основе нашего репертуара. Мы гастролируем по всему миру, исполняем музыку великих композиторов разных стран, и сотрудничаю я с разными музыкальными коллективами мира, но наш Большой симфонический всегда занимает в моей жизни особое место. И где бы мы ни выступали, исполняем Глинку и Чайковского, Бородина и Мусоргского, Римского-Корсакова и Глазунова…

В. К. А где за последнее время вам довелось выступать?

В. Ф. Мы только что вернулись из поездки в Болгарию и Сербию. Рассматривали эту поездку как своего рода миссию. Процессы в этих странах происходят страшные. Там активно действует Запад, вся его мозговая система – еще активнее, чем в России. Я это очень ощутил. Все эти так называемые неправительственные организации, руководимые из Вашингтона, глубоко проникают, всюду протягивают свои щупальца. А правители слабые…

В. К. Да и проамериканские тоже?

В. Ф. Вот мы своей поездкой как бы показали кулак американцам. Разумеется, не в буквальном смысле, а в культурном, но оказалось это очень и очень сильным. После такого большого перерыва и отчуждения, после войны, результаты которой мы видели, после бомбежек, которые американцы устроили в Югославии, наша культура опять захватила там людские сердца.

Нас встречали как самых дорогих гостей. Было настоящее паломничество. Это воистину потрясающе, когда народ не вмещается в самый большой зал, и установили экран на улице, чтобы наш концерт напрямую люди могли слушать.

В. К. В Белграде?

В. Ф. Да. Зал на три с половиной тысячи человек, но не хватило мест, и экран на улице стоял огромный, в пять метров, и всё транслировалось. Были все посольства, все министры пришли на концерт. Получилось, что это не просто гастроли, а политическая акция русской культуры.

Но главное – это, конечно, реакция так называемых простых слушателей. Представьте, когда весь зал поднимается в ответ на наше исполнение… И овация. И многие плачут, плачут…

В. К. Вы русскую музыку исполняли?

В. Ф. Мы привезли туда Чайковского. Исполнялся Чайковский.

В. К. Замечательно! Тем более что ведь в самом деле – приехал русский оркестр после большого перерыва в общении, когда, наверное, там почти не было нашей культуры.

В. Ф. Она была закрыта. А тяга у людей огромная. Народы близкие, православные. Соборы в Софии и в Белграде. Я побывал там в церквах – и русских, и сербских… Чувство глубинного единства нашего – необыкновенное!

В. К. Да, духовная, культурная миссия, которую выполняете вы, весьма влиятельна.

В. Ф. Это миссия великой нашей культуры! В Париже мы исполняли недавно композицию Прокофьева – его музыку к фильму «Иван Грозный». Сделал я такую концертную версию. Обычно эту музыку исполняют оркестр, хор, участвуют чтец, баритон и меццо-сопрано. Я же сделал версию для Алексея Петренко – он и чтец от лица Ивана Грозного и от автора, и он же поёт. Сидит на царском кресле на авансцене – и совершенно потрясает зал! Это было и в Австрии, и в Швейцарии – в Цюрихе. Везде проходит с величайшим успехом. Петренко создаёт очень сильный образ истинного защитника России.

В. К. Он гениальный актер.

В. Ф. Гениальный. И всё это происходит по-русски, на русском языке. И французский хор поет по-русски. Хор французского радио. Проникновение в нашу культуру, духовное проникновение у них всё-таки осталось.

В. К. Ну а в своей-то стране вам удается нынче выступать?

В. Ф. Удается, удается.

В. К. Где были в последнее время?

В. Ф. В Оренбурге, в Челябинске… Едем сейчас в Пермь, в Казахстан, в Смоленск, на родину Глинки. Должен заметить, что провинция, несмотря ни на что, более духовна сейчас, чем столица наша и Петербург.

В. К. Многое мы всё-таки потеряли из того, что имели в советское время.

В. Ф. В области культуры – очень многое. Престиж потеряли, мировой престиж. Теряем престиж мировой культурной державы!

В. К. И что же, с вашей точки зрения, нужно сделать, чтобы переломить такую тенденцию?

В. Ф. Надо, чтобы в руководство пришли другие люди.

Апрель 2006 г.

Глава III
Очерки о героических и трагических судьбах

Зоя Космодемьянская – яркая звезда в нашей памяти

Но честь героини пришлось защищать

Коммунист, патриот, солдат

***О** жизни и смерти маршала Сергея Федоровича Ахромеева*

«Как летит под откос Россия, не могу, не хочу смотреть…»

Поэт, фронтовик Юлия Друнина

Мы не имеем права забыть

Трагедия защитника Брестской крепости Тимеряна Зинатова

Испытание совести

Почему писатель-фронтовик Вячеслав Кондратьев покончил с собой

Он отстаивал правду и закон

Доктор юридических наук, профессор Валентин Семенович Мартемьянов погиб как боец

Ответственно быть лицом поколения

Народный артист СССР Василий Лановой

«Родина моя в венце терновом…»

Размышления о жизненной и творческой позиции народного артиста России Николая Губенко

Слово о бескорыстии пенсионера Молчанова

В нем воплотился русский, советский характер

Зоя Космодемьянская – яркая звезда в нашей памяти
НО ЧЕСТЬ ГЕРОИНИ ПРИШЛОСЬ ЗАЩИЩАТЬ

Для начала приведу краткую биографическую справку, как давалась она в энциклопедических словарях советского времени.

«Зоя Анатольевна Космодемьянская, советская партизанка, героиня Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

Родилась 13 сентября 1923 года в селе Осиновые Гаи Тамбовской области в семье служащего. Член ВЛКСМ с 1938 г. Училась в 201-й средней школе Москвы.

В октябре 1941 года, будучи ученицей 10-го класса, добровольцем ушла в партизанский отряд. У деревни Обухово, близ Наро-Фоминска, с группой комсомольцев-партизан перешла через линию фронта на занятую немецкими оккупантами территорию. В конце ноября 1941 года при выполнении боевого задания была схвачена фашистами в деревне Петрищево Верейского района Московской области. Несмотря на чудовищные пытки и издевательства палачей, не выдала товарищей, не открыла своего настоящего имени, назвалась Таней. 29 ноября 1941 года была казнена.

16 февраля 1942 года Зое Космодемьянской посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.»

Было время, когда название подмосковной деревеньки Петрищево знали все в нашей стране. И, конечно же, все знали,

кто была Зоя Космодемьянская.

Недавно я спросил в одной из московских школ, кто такая была Зоя Космодемьянская, и оказалось, что среди 21 ученика в выпускном, одиннадцатом классе только двум известно ее имя.

Да мог ли я представить еще сравнительно недавно, что такое когда-нибудь произойдет? Я уж не говорю про мое поколение – детей Великой Отечественной, выросшее с этим именем. В школе, куда обратился, училась в свое время моя дочь, и для ее сверстников Зоя Космодемьянская тоже была самой почитаемой, любимой героиней.

Что же случилось потом? Почему приходится теперь давать справку о ней, а школьники растерянно смотрят на меня, когда спрашиваю: кто она была, Зоя?

Пожалуй, в открытые ворота ломлюсь. Что случилось да почему – неужто еще неясно?

На глазах убивали и убивают нашу историю, наших героев, нашу память.

Результат налицо! Горький, скорбный результат, от которого впору кричать.

Мне немало пришлось писать за последние годы, как отстреливают память тех, кто был путеводным светом для нас. И среди трагических историй судьба Зои едва ли не самая трагическая.

Поэт сказал: «Если звезды зажигают – значит – это кому-нибудь нужно».

Если гасят – тоже нужно кому-то.

Зоя Космодемьянская была одной из самых ярких звезд для поколений советских людей. Удивительно ли, что именно ее с особым рвением старались погасить те, кто уничтожал советский строй и советскую жизнь.

По дороге в Петрищево опять вспомнил свою поездку туда шесть лет назад и все, что ей предшествовало.

… Осенью 1991-го, вскоре после августовского переворота, в редакцию «Правды», которая только начала выходить, пережив ельцинский запрет, пришли несколько пожилых женщин и мужчин. Боевые друзья и подруги Зои Космодемьянской – бывшие воины разведывательно-диверсионной части 9903.

Это сюда она была зачислена осенью 1941-го, когда и в райкоме комсомола, и в военкомате просилась на фронт. Это здесь, в той части под командованием бесстрашного Артура Карловича Спрогиса, принимала суровое боевое крещение на ближних подступах к столице. Это они, тогдашние комсомольцы и комсомолки, были рядом с ней все безмерно тяжкие оборонные дни, а потом в стылую ночь провожали на последнее задание, с

которого девушке не суждено было вернуться.

… Чувство боли и возмущения собрало их пятьдесят лет спустя. Дело в том, что тогда на страницах спецвыпуска «Аргументов и фактов» появилась серия материалов, ставивших задачу перечеркнуть подвиг Зои и даже личность ее.

Некий «писатель» Жовтис, ссылаясь, что слышал от другого «писателя» – Анова, сообщал как сенсацию: немцев в Петрищеве, оказывается, и не было! Они располагались «в другом населенном пункте» («к сожалению, я не помню, в каком именно», – делалась походя оговорка). А поскольку известно, что Зою казнили за поджог домов, где размещались немецкие солдаты, и сарая с их лошадьми, то сразу получалось: не было ничего этого!

Дальше – больше. Тему продолжал некий Леонидов. «Расскажу вам, что я слышал (опять „слышал“!) примерно в 1948 году… Бои в Петрищеве не шли. Немцы ушли. Через некоторое время в деревню приехала комиссия и с ней 10 женщин. Выкопали Таню. Никто в трупе не определил своей дочери, ее снова закопали. В газетах тех времен появились фотографии издевательств над Таней. Наконец, за подвиг девушке посмертно присвоили звание Героя Советского Союза. Вскоре после этого указа приехала комиссия с другими женщинами. Вторично вытащили из могилы Таню. Началось чудо-представление. Каждая женщина в Тане опознавала свою дочь. Слезы, причитания по погибшей. А потом, на удивление всех жителей деревни, – драка за право признать погибшую своей дочерью. Побоище было страшное. Всех разогнала длинная и худая женщина, впоследствии оказавшаяся Космодемьянской. Так Таня стала Зоей».

Жутко было читать этот кощунственный бред! Было же ясно, что это ложь, выдумка, причем вовсе не случайная, а вполне целенаправленная: ставилась под сомнение не только Зоя – возводилась хула как бы на всех женщин-матерей наших, которые, оказывается, лишены материнских чувств, а плакать и причитать, даже драться могут за право обладать привилегиями матери Героя Советского Союза.

Разве не так читается приведенный текст? Между тем в нем ведь отсутствует элементарная логика, и редакция, будь она озабочена действительно поиском истины, а не чем-то совсем иным, противоположным, никогда такой материал не напечатала бы.

Вы только вдумайтесь. Получается: при первом приезде комиссии и матерей Зою не опознали. И тем не менее вскоре ей присвоили звание Героя Советского Союза. Но кому же присвоили? Бесфамильной Тане? Такого, естественно, не было и

не могло быть. Бесфамильным, неизвестным званий не присваивали и наград не выдавали. Звание Героя Советского Союза было присвоено Зое Анатольевне Космодемьянской (именно ей!) Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 февраля 1942 года. Акт же опознания, который я держал в своих руках, будучи в архиве, подписан 4 февраля. Значит, не было никакой надобности вторично вскрывать могилу и свозить матерей. Невозможны были никакой спор, а тем более – драка, побоище (!) за право стать матерью Героя Советского Союза. Мать уже была установлена, коли вышел Указ.

Где же, спрашивается, логика? И как можно было в редакции не заметить явной нелепости? Сознательно «не заметили», потому что нелепость-то была выгодная…

Когда кто-либо пишет и печатает о других, он рассказывает тем самым и о себе. Признаюсь: после той истории до сих пор не могу брать в руки «Аргументы и факты».

И все то воронье, что слетелось как по команде на чистую, прекрасную память Зои, на светлое имя ее, – все эти жовтисы, леонидовы и т. п., одержимые одной лишь патологической страстью – оклеветать и уничтожить, – как они после всего себя чувствуют? Довольны выполненной миссией?

Вряд ли кого-нибудь из них мучает совесть. Чтобы мучила, надо ее иметь.

Теперь, подъезжая к Петрищеву в такое же сумрачное и промозглое ноябрьское утро, как шесть лет назад, я раскрыл старый блокнот.

Вот они, свидетельства очевидцев, записанные тогда.

Мария Ивановна Шилкина, 62 года: «Это как же немцев у нас не было? Битком набита ими была вся деревня. Почти в каждой избе, разве что кроме самых плохих, – по нескольку человек. Мой старший брат сперва в лесу прятался. Нас же с сестренкой мама на санках в Златоустово перевезла. А когда мы вернулись, в домах немцы уже нары двухъярусные понаделали, нам же места почти не оставалось».

Егор Степанович Тарасов, 63 года:

«У нас в доме жил какой-то важный немецкий начальник, офицер. Помню, по утрам приходили брить его. А вообще немцы размещались почти во всех избах. Когда Зоя подожгла соседний с нами дом Кареловых и сарай с лошадьми возле него, немцы выскакивали полуодетые. Это я тоже запомнил».

Антонина Семеновна Филиппова, 76 лет:

«За моим домом немцы устроили кузню, где ковали и перековывали своих лошадей. Стоял во дворе молодой вяз – на него нанизывали подковы. Они так и остались потом, заросли.

Видите вот это толстенное дерево? Распилите – там железо заросшее».

Больше всего, пожалуй, взволновала меня тогда встреча с 80-летней Марией Ивановной Седовой и ее дочерьми Валентиной и Ниной. Они жили в доме на самом краю деревни, куда немцы сразу привели захваченную Зою и где обыскивали ее. В доме тоже было полно незваных постояльцев. Перестреляли на еду и кур, и овец, поросенка, корову. Перед Рождеством елку срубили около избы (в лес пойти, очевидно, боялись) и установили ее в комнате. Перепились, бросались бутылками в стену, орали песни. А потом вывалились на улицу. Тело казненной Зои оставалось на виселице – для устрашения жителей деревни – полтора месяца, до самого прихода наших, и в ту рождественскую ночь пьяные солдаты еще раз надругались над ним: искололи штыками, кинжалами, отрезали грудь…

Это к вопросу о том, были немцы в Петрищеве или нет.

А к вопросу об опознании – та же Мария Ивановна Седова и две ее дочери рассказали: после освобождения деревни жителям, близко видевшим эту девушку, предъявляли целую стопу комсомольских билетов с девичьими фотографиями. И среди них все смотревшие – каждый сам по себе – признали ее, Зою.

Это первое.

Второе: на опознание, кроме Любови Тимофеевны, знавшей некоторые интимные приметы дочери, приехала также ближайшая подруга Зои по отряду – Клава Милорадова, с которой я тоже встречался. И она знала характерные приметы – на теле, в одежде.

Но и это еще не все. В 1943 году под Смоленском у убитого немецкого офицера, а потом в 1945 году, в Германии, были обнаружены фотографии казни Зои (о том, что ее казнь гитлеровцы фотографировали, писал уже в своем первом очерке в «Правде» Петр Лидов). Так вот, на фотографиях, сделанных в разных ракурсах, Зою узнавали совершенно четко и, думалось, безошибочно.

Думалось… Стая воронов, набросившаяся на свою жертву, терзала и эту уверенность, казавшуюся несомненной!

«Не Зоя, не Зоя, не Зоя!» – каркали они.

Ну мог ли я когда-нибудь вообразить, что в связи с Зоей Космодемьянской, которая с детства была для меня святой, придется прибегать к помощи Научно-исследовательского института судебных экспертиз?

Не пользуются же услугами судебных экспертов для идентификации личностей православных святых.

Но – пришлось. Не для себя, конечно. У меня-то сомнений не

было. Чтобы заткнуть глотку всем воронам и воронятам.

Заключение, которое поступило в ответ на официальный запрос, – подробное, обстоятельное, с детальным описанием проделанного исследования, – завершалось вполне определенным утверждением: «На фотографии трупа повешенной девушки запечатлена Зоя Космодемьянская».

Я позвонил тогда проводившему это исследование Александру Александровичу Гусеву – одному из опытнейших и самых квалифицированных специалистов в области судебно-портретной экспертизы.

– Трудная была работа?

– Да, трудная. Но легких у нас не бывает.

– Приходилось ли вам в вашей практике сталкиваться с чем-то подобным?

– Не один раз с 1948 года доводилось устанавливать по фотографиям личности наших партизанских командиров, действовавших в том числе, например, и на территории Польши. У них были измененные имена, различные псевдонимы. Многим удалось вернуть подлинное имя.

– Но ведь Зоя Космодемьянская, согласитесь, имя особенное.

– Да, в народе оно всегда пользовалось особой любовью, и я рад, что внес какую-то лепту в утверждение правды о ней.

– А нет ли сомнения в достоверности результата?

– Ни малейшего. Абсолютно убежден, что вывод полностью соответствует действительности.

Вывод, обнародованный шесть лет назад, казалось, должен был остановить надругательство над памятью Зои, положить конец посмертным мучениям ее.

Но вот опять, как и тогда, я схожу с автобуса на краю той деревни, неся тяжкий груз тревоги в душе.

Знакомый дом – деревянный, просторный, окрашенный в цвет небесной синевы, изрядно поблекшей от времени. Потом мне скажут, что за последние годы «новые русские» уже не раз примеривались закупить это здание, специально построенное в свое время для музея Зои.

Замираю у входа перед знакомыми ее словами, сказанными под виселицей и звучащими сегодня с необыкновенной, забытой силой: «Это счастье – умереть за свой народ!»

И знакомые люди встречают меня: Надежда Серафимовна Ефименкова – директор музея, Татьяна Григорьевна Тенькова и Надежда Владимировна Савосина – научные сотрудники.

Все они работают здесь много лет. Все неотделимы от дорогого их сердцу музея, преданы ему беспредельно и, как могут, дают ему жизнь.

Чтобы громкие слова не воспринимались абстрактно, скажу для примера. Татьяна Григорьевна и Надежда Владимировна, получающие на руки по 216 тысяч рублей в месяц (да и то нынче нерегулярно!), живут на станции Дорохово, а билет оттуда и обратно каждый раз обходится в 6400 рублей. (Речь идет о неденоминированных рублях. – *Прим. авт.)* Но они другого места себе не ищут!

Я разговаривал с ними, а сам думал, сколько же вот таких подвижников в России – музейщиков, библиотекарей, учителей, врачей – не дают, вопреки всему, окончательно разрушить нашу культуру и накрыть нас мраком дикости.

Меня заботило, что сделано для спасения музея после постановки этого вопроса в Госдуме и публикаций в печати. Спросил:

– Помогли вам чем-нибудь?

– Видите, крыльцо новое, а то совсем завалилось… Был генеральный директор «Мосгаза» Бусанкин Вячеслав Алексеевич: у них детский лагерь здесь недалеко. Распорядился – и сразу привезли пиломатериалы, рабочие приехали. Заезжал также Иван Петрович Самохин – начальник треста № 6 Мособлстроя. Когда-то он в Рузе работал начальником ПМК, детей его в этом музее принимали в пионеры. «Мне жалко, – сказал, – что здесь все разрушается». Пообещал перекрыть крышу и сделать для начала хотя бы косметический ремонт.

Мы сидим в комнате музея, где немногим теплее, чем на улице: отопление не работает уже несколько лет. Вот можно теперь хоть к электрообогревателю руки и ноги прислонить – погреться.

Это подарок от комитета по делам молодежи администрации Московской области. Пять таких обогревателей привезли. Плюс – пишущую машинку, часы, два телефонных аппарата. Выделили 10 миллионов рублей для издания буклетов и путеводителей. Будут делать на заказ новые музейные витрины…

На этот комитет у директора музея надежды особые. И не только в плане материальной помощи. Порадовало, например, что они, как в былые времена, провели здесь слет командиров поисковых групп, занимающихся установлением имен погибших в Великую Отечественную войну. Собираются восстановить в Тучкове турнир по художественной гимнастике памяти Зои и Шуры Космодемьянских, который проводился ежегодно, а потом был забыт. Планируют создать на базе музея областной центр, посвященный участию молодежи в партизанском движении на временно оккупированной территории Московской области в 1941–1942 годах.

– Вы, если будете писать, – просит директор, – не только наши беды перечисляйте. Скажите, что мы все-таки на плаву, мы не погибли. Пусть люди приезжают!

Когда-то народная тропа сюда, в Петрищево, не зарастала ни на один день. В середине 80-х годов принимали за год больше 200 тысяч человек. К началу 90-х эта цифра упала до трех тысяч.

За последний год они приняли около 20 тысяч посетителей. Конечно, пока вдесятеро меньше, чем было в лучшие годы, но уже значительно больше, чем пять – шесть лет назад…

– Едут не только из Москвы и Московской области, но и из Калуги, Козельска, других мест…

Всем нам свойственно искать духовную опору в надежде. Сегодня, в труднейшие для Родины времена, – особенно.

Вместе с работницами музея, слушая их, я радовался каждому проявлению благородных человеческих чувств, о которых они говорили.

Однако – душу не отпускала тревога! Да, больше стало приезжать людей в Петрищево, и заметно, что на них обвал наглой лжи и клеветы не имеет прежнего действия. Но…

Я же помню, в выпускном классе столичной школы из 21 ученика 19 вообще не знают, кто она такая, Зоя Космодемьянская.

Значит, вслед за казнью петлей и казнью клеветой, которые довелось ей пережить, хотят подвергнуть еще одной казни – забвением.

В музей приезжают 20 тысяч человек в год.

А сколько учится в школах России? Увы, многие из них, как я сам убедился, ничего не знают ни о Зое Космодемьянской, ни о других героях Великой Отечественной.

Да и войну все чаще называют иначе – Второй мировой. В учебнике А. Кредера «Новейшая история. XX век», изданном на деньги американца Д. Сороса, сказано: «СССР стал соучастником развязывания новой (Второй мировой) войны…» Вот так!

А когда и где произошел перелом в этой войне? После Сталинградской битвы, как признано было, кажется, во всем мире? Нет! Совсем нет! «Первым вестником перелома во Второй мировой войне стало сражение… у атолла Мидуэй», – поучает профессор Кредер.

Вообще, в его (и не только его!) трактовке главные, решающие военные действия происходили не в полях под Москвой, не на Волге и не под Курском, а в Африке и Атлантике. На описание тамошних сражений автор не скупится, посвящая им множество страниц, а вот Сталинградская и Курская битвы уместились у него… в четыре с половиной строчки. И такой учебник нашим детям выдается бесплатно – как подарок от

дядюшки Сороса! То есть, по существу, навязывается забвение той великой роли, которую сыграла родная страна в разгроме германского фашизма.

– У детей укореняется чувство, что не повезло им, – родиться в такой стране, на задворках мировой цивилизации, – говорили мне учителя. – Мы стараемся противостоять, но силы бывают неравны. Телевидение – это страшный дурман! Плюс газеты, книги определенного толка, вроде пресловутого Резуна-Суворова, которыми завалены все прилавки. Хорошо еще, если в семье есть ветераны, – помогают правильно все понять. А если нет?…

Перед отъездом из Петрищева я долго стоял возле дома колхозницы Прасковьи Кулик, где Зое суждено было принять жестокие вражеские пытки, где она провела последнюю ночь своей жизни, откуда ушла на смерть и в бессмертие.

Домик покосился, накренился. Он – на запоре. В него уже не водят посетителей, боясь, как бы не рухнул потолок. Что потеряем мы, если не сохраним памятный дом, в стенах которого переживаешь ни с чем не сравнимые чувства?

В свое время писатель, претендующий на звание пророка, бросил фразу о «дурочке Зое». Дурочка она, конечно, потому, что отдала свою жизнь бездумно – «за сталинский режим».

О, эти мудрецы! Ведают ли, что натворили?

Теперешние молодые, лишенные идеалов и героев, – на их счету. Растерянные, разобщенные, не верящие ни во что. Ну как им понять: «Это счастье – умереть за свой народ!»

В завирухе последних лет много раз доводилось слышать, что ведь ничего особенного и не совершила она на войне, девочка Зоя. Действительно, не полководец же, выигравший крупные битвы.

Только пошла добровольно в бойцы.

Только темной и холодной ночью, восемнадцатилетняя, пошла в промерзший лес, в тыл врага.

Только не сломилась и не предала под пытками, когда тело жгли огнем, вонзали иголки под ногти и босиком выгоняли на снег.

Мученица. Православными святыми становились мученики. За веру. И она тоже была сильна величайшей верой, которую вырвали и продолжают вырывать из сердец нынешних молодых.

По разумению расчетливых «мудрецов» она сделала совсем мало и, конечно, не то.

Но если по правде – сделала она безмерно много! Ибо никаким мудрецам не дано подсчитать, сколь огромную духовную энергию рождает в людях нравственный и патриотический подвиг героя. «За Зою!» – с этими словами шли в бой. И победили.

Сможем ли теперь победить, если будем позволять и дальше посмертно казнить своих героев, казнить свою историю?

Ноябрь 1997 г.

Коммунист, патриот, солдат о жизни И СМЕРТИ МАРШАЛА СЕРГЕЯ ФЕДОРОВИЧА АХРОМЕЕВА

Время идет, и уже есть немало людей, которые не знают, кто такой был Сергей Федорович Ахромеев.

Обращаюсь к светлой памяти этого человека. Прежде всего потому, что, глубоко восхищаясь им, считаю необходимым напомнить некоторые нравственные уроки его жизни, особенно актуальные сегодня.

Из материалов следствия:

«…24 августа 1991 года в 21 час 50 мин. в служебном кабинете № 19 „а“ в корпусе 1 Московского Кремля дежурным офицером охраны Королевым был обнаружен труп Маршала Советского Союза Ахромеева Сергея Федоровича (1923 года рождения), работавшего советником Президента СССР…»

Дальше в цитируемом документе будет еще не одно обращение к теме: добровольная смерть или насильственная? Обращения понятные. С такого вопроса всегда начинается следствие в подобных ситуациях, и на него пытаются в первую очередь дать ответ.

Заключение судебно-медицинской экспертизы вроде однозначное: не обнаружено признаков, которые могли бы свидетельствовать об убийстве. Опрошены свидетели – никто из них имя убийцы не назвал.

Этого, оказывается, вполне достаточно, чтобы с абсолютной

категоричностью записать: «Лиц, виновных в наступлении смерти Ахромеева или каким-либо образом причастных к ней, не имеется».

И вот уже зам. Генерального прокурора РСФСР Е. Лисов, тот самый Евгений Кузьмич Лисов, который вместе со своим шефом, прокурором Степанковым, играл главную роль в подготовке «процесса над ГКЧП», спешит дело о смерти Ахромеева прекратить. «За отсутствием события преступления…»

Но… о «невыгодных» фактах в итоговом постановлении просто не упомянуто. Они просто опущены, дабы любому (и сразу!) не стало очевидно, что концы с концами здесь во многом не сходятся…

Восстановим хронику некоторых событий, непосредственно предшествовавших роковому дню – 24 августа 1991 года.

6 августа, по согласованию с президентом Горбачевым, его советник Ахромеев отбыл в очередной отпуск в Сочи. Там, в военном санатории, он и услышал утром 19-го о событиях в Москве. И сразу принял решение: лететь.

Вечером он уже был на своем рабочем месте в Кремле. Встретился с Янаевым. Сказал, что согласен с программой, изложенной Комитетом по чрезвычайному положению в его обращении к народу. Предложил начать работу в качестве советника и. о. президента СССР.

Конкретное дело, порученное ему, состояло в сборе информации с мест о создавшейся обстановке. Организованной им вместе с Баклановым группой было подготовлено два доклада. Кроме того, по просьбе Янаева работал над проектом его выступления на Президиуме и на сессии Верховного Совета СССР. Задача – обосновать необходимость мер, принятых ГКЧП. Участвовал и в заседаниях комитета – точнее, той их части, которая велась в присутствии приглашенных.

Излагаю все это по тексту его письма в адрес Горбачева («Президенту СССР товарищу М. С. Горбачеву»), где маршал как бы докладывал потом о степени своего участия в действиях ГКЧП. Другие свидетельства, содержащиеся в деле, эти факты подтверждают.

Письмо датировано 22 августа. Провал ГКЧП уже очевиден, и Ахромеев пишет, что готов нести ответственность. Однако раскаяния в письме нет.

Значит, если письмо подлинное и если самоубийство все-таки произошло, решение о нем стало окончательным не 22-го, а позже?

Согласно материалам следствия, на рабочем столе в кабинете Ахромеева после смерти его обнаружены шесть записок. Так вот,

по датам первые две относятся к 23 августа. Одна, прощальная, – семье. Вторая – на имя маршала Соколова и генерала армии Лобова с просьбой помочь в похоронах и не оставить членов семьи в одиночестве в тяжкие для них дни.

Как же прошел для него предпоследний день жизни, когда (если опять-таки не подвергать сомнению, что он убил себя сам) с жизнью и самыми дорогими ему людьми мысленно он уже прощался?

Было трудное заседание Комитета Верховного Совета СССР по делам обороны и безопасности. И вел себя на нем Сергей Федорович, как запомнилось очевидцам, необычно. Если раньше он всегда выступал и вообще был очень активен, то на этот раз заседание просидел в одной позе, даже не повернув головы и не проронив ни единого слова.

Есть и другие аналогичные показания людей, видевших его на работе. Темное лицо, состояние заметно подавленное. Что-то писал в кабинете, стараясь, чтобы входившие не видели, что он пишет. Можно предположить: те самые записки. Предсмертные…

Словом, налицо, кажется, признаки назревавшего и готовившегося им самим конца.

Но немало серьезных оснований и для сомнения!

Прежде всего (это почти у всех и с самого начала) возникает вопрос: почему маршал выбрал такой необычный для военного способ самоубийства?

Повеситься, да еще вот так – в сидячем положении, на куске шпагата, привязанном к ручке оконной рамы… Не по-военному это. Говорят, в криминальном мире, в тюрьмах, к такому методу прибегают нередко, но откуда знать про него Ахромееву?

Следствие акцентирует внимание на том, что свой пистолет маршал сдал, уходя с поста начальника Генерального штаба; сдавал и оружие, которое позже дарилось ему высокими иностранными гостями.

Верно, сдавал. Однако были же у него снотворные и транквилизаторы, которые, как справедливо заметила в показаниях следствию его дочь, позволяли уйти из жизни гораздо менее мучительно. Почему не прибег к ним?

Почему, готовясь к смерти, местом ее определил не квартиру, которая в это время пустовала, поскольку семья находилась на даче, а (очень странно!) кремлевский кабинет? И кому адресована странная записка – судя по всему самая последняя? «Я плохой мастер готовить орудие самоубийства. Первая попытка (в 9.40) не удалась – порвался тросик. Очнулся в 10.00. Собираюсь с силами все повторить вновь». Перед кем он отчитывался?

Обе дочери Сергея Федоровича, с которыми он провел на

даче последний вечер и утро последнего дня, не заметили в нем ни малейших признаков предстоящей беды. Как обычно: ранним утром, очень долго, полтора часа, делал зарядку на улице. Во время завтрака обсуждал с ними, как лучше встретить жену и внучку, которых ждали в тот день из Сочи: «Когда мама уточнит номер рейса, обязательно позвоните мне на работу». Уезжая, обещал младшей внучке после обеда повести ее на качели, то есть к обеду этого субботнего дня собирался быть дома.

Не укладывается в голове у дочерей и дальнейшее.

Ведь после ожидавшегося звонка матери из Сочи Татьяна Сергеевна сразу позвонила отцу и сообщила, что едут в аэропорт встречать. Было 9.35 – выходит, как раз в то время, когда он готовился надеть на себя петлю? Но они же хорошо поговорили, и голос у него был бодрый, даже веселый!

Впрочем, если этот факт, как и что-то из предыдущего, можно мотивировать исключительной силой воли и самообладанием маршала, то затем, при изучении двух толстых красных томов, предоставленных мне в Военной коллегии Верховного суда России, я наталкивался на факты, которые объяснить уже никак не мог.

Хотя бы относительно того же утра 24 августа. В показаниях Платонова Николая Васильевича, водителя автобазы Генерального штаба, который работал с маршалом, а тогда привез его в Москву с дачи, я прочитал:

«Приехали в Кремль. Ахромеев сказал: „Езжайте на базу, я вас вызову“. И не вызвал. В 10 час. 50 мин. я позвонил ему в Кремль и отпросился на обед. Он меня отпустил и сказал мне, чтобы я в 13.00 был на базе. Более я с ним не разговаривал и его не видел».

Невольно подчеркнул я в этой выписке время: 10 час. 50 мин. Но ведь в 10 час. 00 мин. Ахромеев, согласно его записке, очнулся после неудачного покушения на свою жизнь и собирался «все повторить вновь»! Скажите, до того ли тут, чтобы поднимать трубку в ответ на телефонный звонок и разговаривать с шофером? Да и зачем?

Время смерти маршала судебно-медицинская экспертиза определила весьма расплывчато и приблизительно: «Смерть наступила не более чем за сутки до начала вскрытия трупа». Оговорены «значительные трудности при определении давности наступления смерти в том случае, если исследование трупа проводится более чем через 10–12 часов после наступления смерти и если перед этим не были проведены на месте специальные судебно-медицинские исследования». Но почему же они не были проведены?

А между тем вот еще одно показание – Вадима

Валентиновича Загладина, тоже советника президента СССР. Его кабинет под номером 19 «в» находился в общем коридоре с кабинетом Ахромеева 19 «а». Про день 24 августа Загладин свидетельствует следующее:

«Был на работе с 10 до 15 часов. Может, чуть дольше. Ахромеева не видел. Его кабинет был открыт, я это определил по тому, что в кабинет входили и выходили, но кто – я не знаю, я считал, что это входит и выходит Ахромеев, так как секретари в субботу не работали… Когда я уходил, то в двери Ахромеева ключ не торчал, выключил свет в коридоре между нашими кабинетами (там маленький коридор) и ушел. В кабинете Ахромеева было тихо. Я ушел из кабинета в 15–15.20 примерно. Я точно помню, что ключа в двери Ахромеева не было, иначе бы я не выключил свет в коридоре».

Ключ… Про этот ключ следователь переспрашивает: «Уточните, пожалуйста!». И Загладин, повторив то же самое, поясняет: «Обычно, когда С. Ф. Ахромеев был в кабинете, то ключ торчал в двери с наружной стороны».

Итак, в 15.00 или 15.20 ключа в двери не было, а в 21.50, когда дежурный офицер проходил мимо кабинета, его внимание привлек именно ключ! Когда же он появился в двери? И кто входил и выходил из кабинета после 10 часов утра? Сам Ахромеев? Но, повторю, он же в 10.00 как бы очнулся и снова предпринимал попытку самоубийства…

Гречаная Алла Владимировна, референт Ахромеева, свидетельствует: «От кого-то из охраны, его зовут Саша, я слышала, что он видел Сергея Федоровича около 2 часов дня в субботу». Обратите внимание: около двух!

Только этих трех загадочных фактов – со звонком шофера, с ключом и охранником Сашей, – по-моему, вполне достаточно, чтобы следствие было продолжено и попыталось ответить на возникающие в связи с ними вопросы.

Нет, даже следов такой попытки я в деле не обнаружил! А Сашу, судя по всему, даже и не допросили. Дело, как уже выше сказано, поспешили закрыть…

Скажу еще об одном обстоятельстве, которое привлекло мое внимание, причем каким-то зловещим отблеском. В показаниях упоминавшегося офицера охраны Кремля Коротеева Владимира Николаевича, который, осматривая вечером кабинеты, обнаружил С. Ф. Ахромеева «без признаков жизни», далее читаю: «Об обнаружении я доложил коменданту Резиденции Президента Барсукову М. И.»

Барсуков? Михаил Иванович?!

Да, тот самый. Один из двух человек, наиболее

приближенных к Ельцину в течение нескольких последних лет, поминавшийся все эти годы в неразрывной и многозначительной связке «Коржаков – Барсуков». Выходец из КГБ, возглавивший в конце концов новую, ельцинскую спецслужбу…

Случайно ли именно он появился на месте смерти Ахромеева той таинственной ночью? И когда появился?

Согласно его показаниям, Коротеев доложил ему около 24 часов. Однако сам Коротеев называет другое время – 21 час. 50 мин. Причем прямо говорит, что труп обнаружил он (помните, «без признаков жизни»?). Но в показаниях Барсукова происходит иначе!

«… Коротеев В. Н. доложил мне, что в 19 „а“ – кабинете советника Президента СССР Ахромеева С. Ф. ключ в замочной скважине, а света в кабинете нет и что он просит меня прибыть… Я поднялся на 2-й этаж в 19 „а“, заглянул в кабинет. У окна в неестественной позе я увидел советника на полу…»

То есть, выходит, Коротеев в кабинет даже не заглядывал, а труп обнаружил Барсуков? Странная разноголосица, ставящая под сомнение все остальное в этих двух показаниях.

Сам собой возникает и такой вопрос: кто же он был тогда, Михаил Иванович Барсуков? Официально, по должности – комендант комендатуры корпуса № 1 Кремля. Коротеев называет его комендантом резиденции президента. Разумеется, президента СССР. Но не работал ли он уже и на казавшегося горбачевским антиподом президента России?

В самом деле, один из будущей одиозной пары ельцинских приближенных уже неотлучно следует в те августовские дни за своим «хозяином» по коридорам и подвалам «Белого дома» и даже запечатлен рядом с ним на «историческом» танке. Другой в это время – в кремлевских коридорах, куда Ельцину победителем скоро предстоит войти. Кто-то ведь, наверное, должен был готовить место.

Много тайн, очень много скрывают коридоры власти…

Я привел немало доводов, возникающих при внимательном изучении материалов следствия и вызывающих очень серьезные сомнения, что смерть маршала была добровольной. Беседы с близкими ему людьми такие сомнения укрепляют.

Никогда не верила и до сих пор категорически не верит в самоубийство жена его Тамара Васильевна. Не верят дочери Наталья и Татьяна. Не верят генералы армии Валентин Варенников и Михаил Моисеев, учившиеся и работавшие рядом с ним долгие годы, хорошо его знавшие. Да многие, с кем я говорил, не верят.

Один из главных аргументов против самоубийства –

характер.

«Я откровенно скажу, что такой человек, как Сергей Федорович Ахромеев, не мог, просто не способен покончить жизнь самоубийством».

Это говорил, давая свидетельские показания, Малинецкий Георгий Геннадиевич – зять, муж дочери Татьяны. Чувствуете, насколько твердо говорит? Он-то имел возможность соприкоснуться с характером своего тестя больше в бытовой, семейной обстановке, но и для него несомненны огромная сила воли и стойкость маршала, непоколебимый его природный оптимизм. Словом, крепчайший внутренний стержень, будто специально созданный и закаленный для трудной воинской службы.

Послушаем жену. Она знала Сергея Федоровича с детства – учились в одной школе. Знает его характер и жизнь, наверное, лучше всех.

– Он рано остался без отца, с матерью. В школе увлекался историей и литературой, даже собирался поступать в ИФЛИ – знаменитый в свое время Институт философии, литературы и истории. Но получилось так, что мама его вынуждена была уехать к дочке, вышедшей замуж, он остался один. Приходилось подрабатывать. Жил в кабинете директора школы. А в 1939 году по комсомольской путевке пошел в военно-морское училище.

– Это было призвание или долг?

– И то, и другое. Сами знаете, какое было время: все дышало предчувствием войны. Она через два года и началась…

– Сергей Федорович сразу попал на фронт?

– Фактически сразу. Он был в училище имени Фрунзе, в Ленинграде. Ну вот, июль – отражение морских и воздушных десантов в Прибалтике, затем – блокада, тяжелое ранение. Выжил чудом. Буквально с того света его вытаскивали. Между прочим, врач в госпитале сказал ему тогда: хочешь жить – бросай курить. Больше он за всю жизнь не выкурил ни одной папиросы. Это к вопросу о характере.

– И он всегда был таким?

– Сколько его помню. За пятьдесят один год службы не имел ни одного выходного дня, ни одного полностью использованного отпуска. Подъем каждое утро – в пять двадцать, полтора часа – зарядка во дворе, в любую погоду. В семь тридцать уезжал на работу, а возвращался в двадцать три ноль-ноль. В общем, сила воли действительно необычайная.

– Вам доводилось видеть его в разных состояниях, связанных со службой?

– Мы много кочевали. После войны и окончания Академии

бронетанковых войск – Дальний Восток, потом Белоруссия, Украина, опять Белоруссия и опять Дальний Восток… Знаете, у него как у командира, отвечавшего за очень большие коллективы людей в войсках, бывали тяжелейшие ситуации, всякого рода ЧП. Естественно, переживал, иногда очень остро переживал, он ведь не железный. Но в растерянности, а тем более – в панике я не видела его ни разу. Вот поэтому и не верю, что мог руки на себя наложить…

Да, судьба испытывала его на излом не раз, но он стойко держался.

Мало кто знает, что Ахромеев, будучи первым заместителем начальника Генерального штаба, один из немногих в военном руководстве решительно возражал против ввода наших войск в Афганистан. Мало кому известно, какую роль сыграла наша армия в ликвидации последствий чернобыльской катастрофы, и Ахромеев, тогда начальник Генштаба, стал одним из ведущих организаторов беспрецедентных по масштабу и сложности работ.

Получается что же? Выдержал и Великую Отечественную, и Афганистан, и Чернобыль, а тут, когда ни войны, ни аварии ядерного реактора, вдруг проявляет непонятную слабость.

В самом деле, трудно понять и принять.

Николай Николаевич Энгвер, народный депутат СССР, много общавшийся с депутатом Ахромеевым по делам воинов-афганцев и не раз говоривший с ним об «афганском синдроме», знает, что маршал считал самоубийство для военного именно слабостью. Допускал его лишь в одном случае: когда являешься носителем информации высшей секретности и не можешь предотвратить захват себя врагом. Ибо пытки, а особенно современные психотропные средства, позволяют многое «вытянуть» из человека, даже против воли его…

Еще тогда, вскоре после рокового августа-91, возникла версия, что Ахромеева принудили к самоубийству, угрожая репрессиями против семьи. На такую мысль наводят, в частности, и строки из адресованного семье прощального письма:

«Всегда для меня был главным долг воина и гражданина. Вы были на втором месте… Сегодня я впервые ставлю на первое место долг перед вами…».

Если представить, что окончательную и теперь вполне конкретную угрозу расправы с семьей он услышал, уже приехав на работу в последнее утро, то получают объяснение и спокойный его уход из дому, и намерение быть к обеду, когда прилетят из Сочи жена с внучкой, и записка, в которой он с кем-то объясняется по поводу неудачной первой попытки убить себя. Кстати, те, с кем он объясняется, могли предложить ему и этот

используемый в криминальном мире способ самоубийства.

Кому и зачем понадобилось убрать маршала?

Есть разные варианты ответа. Но все сводится, по существу, к тому, что он слишком много знал и для многих стал слишком неудобен.

Известно, например: в тот критический момент готовился выступить на сессии Верховного Совета СССР, которая была назначена на 26 августа. Честное и прямое его слово представляло серьезную опасность для тех, кто приступил в это время к решающему акту осуществления своих коварных планов.

Впрочем, кристальная честность, несгибаемая принципиальность этого человека давно уже стали опасностью и для него самого. В свидетельских показаниях Г. Малинецкого читаю:

«Неоднократно говорил, что его политическая борьба как депутата и общественного деятеля может угрожать благополучию его семьи, его свободе, а возможно, и жизни. После опубликования статьи в „Советской России“ „Кому мешают генералы“, по его словам, звонили на работу и угрожали расправой».

Да что там телефонные звонки и анонимные письма! Грозили весьма недвусмысленно даже с газетных страниц.

У меня все вздрогнуло внутри, когда в одном из набросков ахромеевского выступления в Верховном Совете, где он намеревался сказать, в частности, о кампании травли и клеветы, организованной против него «демократической» прессой, я прочитал: называют военным преступником, пишут, что Ахромеева должна постигнуть «судьба Шпеера и Гесса».

Оба, как известно, были осуждены Нюрнбергским трибуналом, а Гесс, приговоренный к пожизненному заключению, в конце концов умер в петле.

Что-то уж чересчур прозорлив оказался «демократический» автор в зловещем своем предсказании, каким образом маршал должен уйти из жизни…

Я написал: кампания травли и клеветы. Но ведь многие, наверное, уже забыли, а молодые и не знают, что была за кампания и почему объектом ее, одним из центральных объектов, стал Ахромеев…

Маршал не сразу, как и мы все, осознал глобальные масштабы угрозы, нависающей над страной. Восприняв всей своей широкой душой провозглашенные цели перестройки, благородные и красивые, поначалу считал коробившие его публикации в некоторых изданиях просто плодом безответственности отдельных журналистов в погоне за

сенсацией. Так сказать, издержки гласности. Однако вскоре поймет и напишет: «Они осуществляют вполне определенную политическую линию. Все наше прошлое перекраивается. А ведь без достойного прошлого у страны не может быть и нормального настоящего, не может быть будущего. Дорого обойдется Отечеству разрушительная работа новоявленных демократов».

Читаю в дневнике Ахромеева:

«По отношению ко мне, например, сегодня органы печати, начиная с газеты „Известия“ до „Литературной газеты“, развернули настоящее преследование, изо дня в день пишется заведомая неправда. Совершенно бесполезно говорить о какой-то справедливости. Шабаш преследования можно сравнить с кампаниями, которые были организованы против Лигачева Е. К. Цель одна – заставить меня замолчать. Не удастся – скомпрометировать».

Поразительно, до какой оголтелости доходили в обвинениях его! Больно читать наброски выступлений и статей, в которых он вынужден доказывать нелепость многочисленных обвинений:

«Газета „Известия“ говорит неправду:

– что скрывал данные о состоянии Вооруженных Сил в своей стране и раскрывал их в США;

– изображает меня сегодня воришкой, залезающим в карман государству…»

Может, и вы вспомните горящие глаза и холодный прокурорский голос белокурой девицы, вскакивающей на телеэкране из депутатских рядов и обличающей, обличающей, обличающей…

А о чем, собственно, шла речь? Маршалу предложили на госдаче, где он жил с семьей из восьми человек, по государственной цене выкупить мебель, которую он до этого арендовал. Старую мебель.

Сопоставьте это с тем, как вскоре «борцы с привилегиями» разворуют и распродадут всю страну.

Видя сегодня на телеэкране модно одетую белокурую мадам, что-то лепечущую о социальной защите сирых и бедных, я всегда думаю: неужели не является тебе по ночам тень маршала Ахромеева? Того, который за величайшую скромность и аскетическую неприхотливость друзьями был назван спартанцем. Который, перейдя на должность советника президента, отказался от повышенного в полтора раза оклада. Который, даже прощаясь с жизнью, не забыл, что он должен в столовую несколько рублей, и в одной из последних записок попросил вернуть долг, приложив деньги.

Вы, нравственные пигмеи, злобно и жестоко травившие

такого человека, разве вы способны – ну не подняться до его высоты, нет, а хотя бы эту высоту понять?

Наконец еще об одной, важнейшей стороне пережитой им драмы, которая обернулась трагедией.

Давайте повнимательнее подумаем: с кем боролся он в последние годы своей жизни?

«Мне понятно, – пишет в дневнике, – что соответствующая пресса свое дело будет делать и дальше. Всегда найдутся бойкие перья, которые за хорошие деньги напишут любую гнусность, тем более что отвечать за это никто не будет. И есть политические силы, которые им эту гнусность закажут».

Так в каких же политических силах видит своих противников?

Он называет печатные издания: «Огонек», «Московские новости», «Аргументы и факты»…

Использует вошедшие в обиход определения: «демократы», «межрегионалы»…

Резко критикуя перевертышей типа Волкогонова, отмечал: «Теперь генерал-полковник Волкогонов – антикоммунист. Сегодня он изменил делу КПСС и встал под знамена одного из бывших руководителей КПСС, а теперь воинствующего антикоммуниста Б. Н. Ельцина».

Значит, противники – антикоммунисты… Но с кем он, коммунист Ахромеев, вступивший в партию на фронте, не менявший и не предававший своих убеждений, оказался в сложный исторический момент? Он был, как принято говорить, в команде Горбачева. Был волею судеб в ближайшем окружении его.

Вскоре после смерти Ахромеева в издательстве «Международные отношения» вышла последняя его книга, написанная в соавторстве с бывшим заместителем министра иностранных дел Т. Корниенко, глазами маршала и дипломата: «Критический взгляд на внешнюю политику до и после 1985 года».

Очень маленьким тиражом вышла, да и то удивляюсь, как выпустили ее тогда! Так вот, книга в чем-то исповедальная, вместе с дневником помогает конкретнее представить очень непростые его отношения с тем, в чью «команду» он входил, и глубже понять драматизм положения, в которое был поставлен.

Известно, что Ахромеев, будучи начальником Генштаба, а затем «советником» президента страны по военным вопросам, принимал активное участие в подготовке важнейших советско-американских переговоров, связанных с сокращением вооружений. В 1987 году на повестке дня был договор по ракетам

средней и меньшей дальности.

Понятно, вести дело так, чтобы согласие достигалось и решения в конце концов принимались, но без ущерба для наших государственных интересов, было нелегко. Американцы-то о своей выгоде ни на минуту не забывали!

В этот раз наиболее серьезное «перетягивание каната» возникло по поводу советской ракеты «Ока». Почему? Ракета новая, последнее достижение нашей военно-технической мысли. Американцы заинтересованы, чтобы у нас ее не было.

Но под условия договора она не подпадает. Ликвидации подлежат ракеты средней дальности – от 1 000 до 5 500 километров и меньшей – от 500 до 1 000. Максимальная испытанная дальность «Оки» – 400 километров. И тем не менее… она попала под уничтожение! Каким же образом это могло произойти?

Ахромеев, конечно, твердо стоял на своем, парируя все хитрые уловки американской стороны. Как всегда. Недаром имевшие с ним дело американские военные так уважали его за патриотизм и высочайший профессионализм. Вот и теперь в конечном счете им было предложено: что ж, давайте по-честному – запретим все ракеты в диапазоне не с 500, а с 400 до 1 000 км. Тогда была бы поставлена преграда для создания модернизированной американской ракеты «Лэнс-2» с дальностью 450–470 км. Паритет был бы сохранен.

Однако, приехав в Москву, Госсекретарь США Шульц ставит вопрос перед Шеварднадзе о подведении «Оки» под понятие «ракеты меньшей дальности». И получает ответ: для нас это не будет проблемой.

На встречу экспертов, состоявшуюся в тот же вечер в МИДе, представителей Генштаба даже не приглашают. А во время состоявшейся на следующий день беседы Горбачева с Шульцем о включении в понятие «ракеты меньшей дальности» говорилось, как о решенном вопросе. Без всяких оговорок, что нижний предел дальности должен уменьшиться и для американцев!

Ахромеев в книге пишет:

«На состоявшейся 23 апреля беседе М. С. Горбачева с Дж. Шульцем мое участие не планировалось, и первая половина ее (в ходе которой была закреплена упомянутая договоренность о ракете „Ока“) прошла без моего участия. Однако в середине их беседы я совсем неожиданно был вызван Генеральным секретарем для выяснения некоторых обстоятельств переговоров в Рейкьявике в составе рабочей группы Нитцке – Ахромеев. Я дал необходимые разъяснения и был оставлен на беседе, где пошел разговор о конкретных вопросах будущего договора по

сокращению СНВ. О решении же в ходе первого этапа этой беседы вопроса о ракете „Ока“ я узнал только на следующий день из газет, прочитав сообщение о встрече М. С. Горбачева с Дж. Шульцем, да еще с указанием, что на беседе присутствовал начальник Генерального штаба».

Вот оно как! На вторую часть беседы его и пригласили-то, видимо, для того, чтобы дать именно такое сообщение в газетах. А по существу – обманули. И его, и всех.

«Военное руководство было возмущено случившимся», – замечал Ахромеев. Он писал предельно сдержанно, хотя чувствуется, что и спустя время в душе его все клокочет. О непосредственной же реакции мне рассказывал Валентин Иванович Варенников, который был тогда первым заместителем Ахромеева в Генштабе:

– Приехал я из Афганистана, где находился в длительной командировке, и сразу к нему. А он, как будто предвидя мой первый вопрос, буквально бросился мне навстречу: «Не думай, что это сделал я!» Видно было, сильно мучается.

… Ему уже ясно, разумеется, что дело не только в «межрегионалах», в так называемой «демократической оппозиции». Он видит своих противников уже в руководстве страны. Называет поименно: Яковлев, Шеварднадзе, Медведев… А для Горбачева все-таки находит оправдания – наверное, его «подставляют».

Драма честного человека, живущего по совести и не представляющего, что совесть может быть эластичной, что можно думать одно, говорить другое, а делать третье. Драма доверия и верности!

Между тем, как я уже тогда почувствовал, а теперь совершенно отчетливо понимаю, для Горбачева и действительно близких ему людей Ахромеев не был «своим», приглашен был в советники явно для прикрытия. И становился все более неприемлемым.

Запомнился случай, происшедший где-то в конце 1989-го или в начале 1990-го. Главным редактором в «Правду», сменив «консерватора» Афанасьева, был уже прислан «прогрессивный» Фролов – полномочный и доверенный ставленник Горбачева. Однажды дает мне статью. С недовольным, каким-то брезгливо-кислым видом:

– Ахромеев написал. Поглядите.

– Готовить к печати?

– Я же сказал: поглядите!

Кричать на подчиненных Иван Тимофеевич умел – по поводу и без повода, а в данном случае причина раздраженности его

стала мне абсолютно ясна, когда прочитал статью. Это был сгусток боли, резкий протест против того, что вело все к большему и большему развалу страны.

Конечно же, статья не была напечатана, хотя я довел ее до газетного объема и сдал Фролову.

– Позвоните автору, пусть подождет, – был его ответ.

Пришлось что-то невнятное бормотать в телефонную трубку. Увы, не раз бывало в связи с острыми статьями и других неудобных авторов, которые без всяких объяснений «заворачивались» главным редактором.

По-моему, Ахромеев все понял. Даже «Правда», которую считал самой своей газетой, переставала быть таковой. Что оставалось? «Советская Россия» и «Красная Звезда»? Пожалуй, вот и все печатные трибуны, где он мог выступить.

А ведь так много нужно было сказать! Словно чуткий сейсмограф, воспринимает он всем существом своим нарастающую трагедию Родины. В дневниковых его заметках бьется напряженная мысль, и оценки происходящего – все резче, все определеннее.

«1. Люди потеряли перспективу – веру в Президента и КПСС. 2. Сломать все сломали – ничего не сделали. Бедлам, никакого порядка нет. 3. 1985–1991 год. Когда было лучше. В чем Вы нас хотите убедить… 4. Нет сырья, нет комплектующих. Производство расстроено. 5. Все продано в Румынию».

Эта запись сделана, очевидно, после поездки в Молдавию, где он был избран народным депутатом СССР. Начался уже 1991 год. И он не может больше уходить от прямого ответа на вопрос о вине Горбачева.

Задолго до августа, где-то весной, работая над выступлением в Верховном Совете, записывает:

«О М. С. ГОРБАЧЕВЕ. После 6 лет пребывания М. С. Горбачева главой государства коренным вопросом стало:

КАК ПОЛУЧИЛОСЬ, ЧТО СТРАНА ОКАЗАЛАСЬ НА КРАЮ ГИБЕЛИ. Какие причины создавшейся ситуации объективные, они должны были проявиться независимо от того, кто возглавил бы страну в 1985 году, а чему виной являются политика и практическая деятельность Горбачева.

В 1985–1986 годах М. С. Горбачев, да и другие члены Политбюро, вели себя как легкомысленные школьники.

И это делали серьезные люди?

Кто и почему организовал антиармейскую кампанию в стране.

Как нам сегодня относиться к нашему прошлому.

Словом, делалось все, чтобы кризис доверия в стране

наступил.

Кому и зачем он был нужен?

С чьей стороны имело место это легкомыслие или злой умысел?».

Ответ четкий: «Путь Горбачева – не состоялся. Страна ввергнута в хаос».

Я вижу, что Ахромеев как человек исключительной честности в злой умысел до последнего поверить не может. Однако недопустимость дальнейшего пребывания Горбачева у руководства страны для него уже несомненна:

«О ЧЕМ НАПИСАТЬ М. С. Остался один шаг до отставки. Виноват в первую очередь сам М. С. – его приспособленчество и компромиссность… Оставка неизбежна. М. С. Горбачев дорог, но Отечество дороже».

Написал ли он это Горбачеву? Наверняка. Или написал, или высказал. Упоминавшийся уже Энгвер, со слов самого Сергея Федоровича, так передает кредо президентского советника: говорить не то, что хочет услышать Горбачев, а то, что есть в действительности.

Но почему не выступил с требованием отставки Горбачева публично?

Георгий Маркович Корниенко, работавший в то время вместе с Ахромеевым над книгой, вспоминает, что публично выступать против президента Сергей Федорович считал неэтичным, поскольку был «при должности»: советник же его!

Трижды писал заявления о собственной отставке. Ссылался на ухудшение здоровья, на последствия ранения и контузии, что было правдой. Но еще большая правда была в том, что должность советника при главном руководителе государства, на которой он надеялся сделать для государства немало полезного, теперь, в критической ситуации, не позволяла ему сделать, может быть, самое необходимое – во всеуслышание выступить против этого руководителя.

А Горбачев не давал ему отставки, думаю, именно потому, что знал: тогда-то уже он будет выступать без всяких «самоограничений». Кстати, следующую свою книгу Ахромеев собирался написать о Горбачеве. Представляю, какая это была бы книга!..

Но 19 августа ринется в Москву не против Горбачева лично выступать. За Отечество!

Ему, остававшемуся официально президентом СССР, через три дня напишет:

«Дело в том, что, начиная с 1990 года, я был убежден, как убежден и сегодня, что наша страна идет к гибели. Вся она

окажется расчлененной. Я искал способ громко заявить об этом».

И тут же, опять-таки как советник президента (не освобожденный от этой должности!), пишет о своей ответственности за участие в работе ГКЧП…

Мне давно хотелось услышать из уст Горбачева, что он чувствовал, когда узнал о трагической смерти Ахромеева, что чувствует и думает в связи с этим теперь.

Поймать в Москве бывшего президента страны, а ныне – личного фонда очень нелегко. «10 сентября Михаил Сергеевич улетает в Германию. Вернется только 25-го. Но 30-го опять улетит. В Америку. Это до 12 октября. А 19-го снова в Америку…»

И все-таки после четырехмесячных настойчивых моих звонков разговор состоялся. Что же услышал?

Горбачев, по его словам, тяжело пережил смерть Ахромеева. Относился к нему с большим уважением и доверием. Он повторил два раза: «Я верил ему». Назвал человеком морали и совести: «Покраснеет, но прямо скажет все, что думает». А прилет его в Москву тогда, в августе, воспринял «как удар».

– Это была тяжелая ситуация для президента и Генсека. С одной стороны – близкие люди выступили против. С другой – набирала силу российская власть, российское руководство, они считали, что они на коне. Я должен был пойти на российский Верховный Совет.

Разговор все дальше уходил от Ахромеева – Горбачев говорил о себе, и пришлось прервать его вопросом, который меня волновал:

– Скажите, а нет ли у вас хоть какого-то чувства вины перед маршалом? Ведь смерть его стала, так или иначе, следствием трагического положения, в которое была ввергнута страна. Написал же вам: «Вскоре она окажется расчлененной».

– У меня чувства вины не было и нет.

Гулом отдалось во мне: «Не было и нет», «не было и нет»!.. Вряд ли нужно еще комментировать разговор с Горбачевым. Может, только одно слово, которое остро резануло меня:

– Ахромеев был переживальщик большой.

Слово, походя и небрежно брошенное, по-моему, выразительно характеризует и того, о ком сказано, и того, кто сказал.

Когда свой вопрос: «Самоубийство или убийство?», с которым я обращался ко многим, задал генералу армии М. Гарееву, Махмут Ахметович ответил так:

– В любом случае это было убийство. Его убили подлостью и предательством, тем, что сделали со страной.

– Но ведь с этим не один он столкнулся! Если допускаете, что

сам мог руки на себя наложить, почему именно он?

– Он наиболее совестливый из нас.

Что ж, такое поймет только совестливый. А для тех, в чьем представлении совесть – понятие абстрактное, он останется странным «переживальщиком».

«Не могу жить, когда гибнет мое Отечество и уничтожается все, что считал смыслом моей жизни. Возраст и прошедшая моя жизнь дают мне право из жизни уйти. Я боролся до конца».

Принимал ли он смерть добровольно или насильно, в этих последних словах – главное: Отечество гибнет! Он отдал за него все, что мог. В конце концов, окруженный врагами и преданный, отдал жизнь.

Во время Великой Отечественной, храбрым бойцом которой он был, про героев так и писали: «Отдал жизнь за Родину».

Вскоре после его смерти, как он предвидел, Родина окажется расчлененной. Выходит, напрасными были его борьба и смерть? Думаю, нет.

Когда-то мы говорили о погибших наших героях как о горьковском Соколе: «Пускай ты умер!.. Но в песнях смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером…»

Сейчас редко звучат эти слова. «Поле боя после битвы принадлежит мародерам» – название одной из современных пьес довольно точно обозначает, кто сегодня хозяева жизни. В этом смысле надругательство над могилой Ахромеева (неслыханное, чудовищное надругательство!) стало зловеще символическим – ознаменовало, так сказать, вступление в новую эру.

Только не будет же так всегда. Битву за Родину мы продолжим, дети встанут потом в этой битве на место отцов. И они должны знать: в наше время были не одни лишь «герои» Фороса и Беловежья. Был маршал Ахромеев. Он был и навсегда останется Маршалом Великой Державы – Союза Советских Социалистических Республик, – не предавшим свои идеалы.

На его могильном камне – три слова, выражающие самую его суть: Коммунист, Патриот, Солдат. И недаром на могилу приходят борцы из оппозиции самых разных, порой несовместимых направлений – он как бы объединяет их всех. Так же, думаю, своим высоким авторитетом мог объединить в жизни, если бы остался жив. Может, именно поэтому не оставили его в живых?

Дмитрий Тимофеевич Язов, тоже Маршал Советского Союза, оказавшись в камере «Матросской Тишины» и узнав там о гибели своего боевого друга, записал в тюремной тетради: «Появится когда-нибудь талантливый автор и создаст об этом удивительном человеке, настоящем человеке чести, достойную книгу, которая

дополнит и украсит серию „Жизнь замечательных людей“.

Замечу: сам Дмитрий Тимофеевич жизнью своей тоже заслужил право на хорошую книгу.

Да, сегодня честь не в чести. Но в нынешнем политическом и нравственном беспределе, когда правят бал корысть и чистоган, шкурнические интриги и бандитские разборки, светлый пример людей, для которых Родина воистину дороже собственной жизни, особенно необходим.

Давайте помнить, что у нас были такие люди. Давайте верить, что они обязательно будут.

Ноябрь 1996 г.

«Как летит под откос Россия, не могу, не хочу смотреть…»
ПОЭТ, ФРОНТОВИК ЮЛИЯ ДРУНИНА

Юлия Владимировна была достойным представителем поколения фронтовиков. Она прошла ад войны, сполна испив горькую ее чашу, и многое сумела сказать о войне в своих стихах. Дело литературных критиков расставлять поэтов по ранжиру, определяя каждому ту или иную ступеньку на лестнице заслуг перед отечественной словесностью. Про Друнину можно сказать главное: народ принял и полюбил ее стихи. Значит, их уже невозможно исключить при разговоре о военной литературе, а стало быть, и о военном поколении.

Я познакомился с Юлией Владимировной в редакции «Правды», где последние два года она печатала не стихи, а нервные, взвихренные и тревожные публицистические статьи. Потом говорил о ней с давними ее товарищами, с другом юности и первым мужем Николаем Старшиновым – тоже замечательным поэтом фронтового поколения. И, наконец, недавно в издательстве «Русская книга» вышел необычный сборник Юлии Друниной, составленный дочерью двух поэтов-фронтовиков. Она, Елена Липатникова, назвала его строкой одного из последних стихотворений матери, которая звучит поразительно современно: «Мир до невозможности запутан…»

Основной интерес новой книги Юлии Друниной именно в

том, что она дает возможность сравнить, сопоставив разные состояния ее души.

Нет, никакой запутанности не было роковым летом 1941 года для московской школьницы Юлии Друниной. Как и для другой школьницы-москвички – Зои Космодемьянской, как для многих и многих их сверстников. Была ясность. Тогда они не колебались.

… Школьным вечером,
Хмурым летом,
Бросив книги и карандаш,
Встала девочка с парты этой
И шагнула в сырой блиндаж.

Беседуя с Николаем Константиновичем Старшиновым, я задал ему такой вопрос:

– Вот вы прожили вместе пятнадцать лет. Скажите, что в характере Юлии Владимировны раскрылось вам как самое преобладающее?

– Пожалуй, решительность и твердость. Если уж она что решила, ничем ее не собьешь. Никакой силой. Наверно, это особенно проявилось, когда она добровольцем прямо со школьной парты уходила на фронт. Их семью тогда эвакуировали из Москвы в Заводоуковку Тюменской области, они едва успели кое-как там устроиться, и родители – школьные учителя были категорически против ее шага. Ведь единственный ребенок в семье, да еще очень поздний: отцу тогда было уже за шестьдесят, он там, в Заводоуковке, и умер. Словом, Юля рассказывала мне, как родители уговаривали ее остаться, как плакали, просили. Но она все-таки настояла на своем.

Я ушла из детства в грязную теплушку,
В эшелон пехоты, в санитарный взвод.
Дальние разрывы слушал и не слушал
Ко всему привыкший сорок первый год.
Я пришла из школы в блиндажи сырые,
От Прекрасной Дамы в «мать» и «перемать»,
Потому что имя ближе, чем Россия,
Не могла сыскать.

Скажу от себя: две последние строки здесь мне всегда казались по форме не очень точными. Но по смыслу… Вот это резкое сближение самого, казалось бы, низкого («мать-перемать») и наиболее высокого (Россия!) – не оно ли в сочетании с

негромкой, искренней интонацией так задевает сердце?

Это вообще огромная тема – соединение на войне высокого и низкого, героического и самого что ни на есть тяжелого, кровавого, страшного. Об этом, еще со времени своих «Севастопольских рассказов», думал Л. Н. Толстой, написав, что главный герой его есть правда. Об этом по-своему скажет и Юлия Друнина:

Я только раз видала рукопашный,
Раз – наяву. И сотни раз – во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

Однако замечу: умышленно поставленная злая цель, сосредоточившая объемное полотно об Отечественной войне в основном лишь на одной неизбежной той стороне – «мать-перемать», привела недавно большого современного писателя (кстати, сверстника Друниной) не к созданию новой «Войны и мира», что почти прямым текстом было читателям обещано, а к очевидному едва ли не для всех поражению. Начиная со злого названия: «Прокляты и убиты». Кем они **прокляты?** Как ни гадай, ни прикидывай, получается, что проклял-то их в конце концов сам автор…

Я вернусь к Юлии Друниной, к войне и миру в ее жизни и в ее стихах.

Еще был вопрос Николаю Старшинову:

– Делилась с вами, каково ей пришлось на войне?

– Кое-что рассказывала. Да я и сам из фронтового опыта знаю, что значит для женщины война, где и мужику-то зачастую невмоготу. Надо еще подчеркнуть, кем на войне была Юля. Медсестрой, санитаркой в пехоте, самом неблагоустроенном роде войск, и не где-нибудь в госпитале, а на самой передовой, в пекле, где под огнем приходилось некрепкими девичьими руками вытаскивать раненых. Смертельная опасность и тяжкий труд вместе. В общем, намучилась и насмотрелась…

В газетах того времени нередко можно было прочитать, что поголовно все выздоравливающие из госпиталей рвались обратно на фронт. Нет, не все. Я помню, как при мне двое контуженых в палате симулировали потерю речи, чтобы не возвращаться в этот ад. А Юля дважды ходила туда добровольцем.

– Как дважды?

– Ее тяжело ранили, осколок чуть не перебил сонную артерию – прошел буквально в двух миллиметрах. Но, едва поправившись, опять рванула на передовую. Только после второго ранения ее

списали вконец. Тогда она пришла в Литинститут.

Там они и познакомились – в Литературном институте имени А. М. Горького. В конце 1944 года.

Мне хочется когда-нибудь написать очерк о них обоих. Есть даже заголовок: «Николай и Юлия». Уж очень типичны их судьбы. Он пришел в институт на костылях, прямо из госпиталя. Весной. Она – несколькими месяцами позже. Как и многие другие, в солдатских кирзовых сапогах, в поношенной гимнастерке, шинели. Позже она напишет:

Я принесла домой с фронтов России
Веселое презрение к тряпью —
Как норковую шубку, я носила
Шинельку обгоревшую свою.
Пусть на локтях топорщились заплаты,
Пусть сапоги потерлись – не беда!
Такой нарядной и такой богатой
Я позже не бывала никогда.

Удивительно ли, что и первая книжка ее стихов была названа – «В солдатской шинели». Но это потом. А красоту девушки, несмотря на грубоватую и стандартную мужскую одежду, Николай оценил сразу. Подумал: на Любовь Орлову похожа! Это была самая популярная тогда киноактриса. И после лекций пошел Юлю провожать…

Наш первый большой разговор с Николаем Константиновичем о Юлии Друниной состоялся два года спустя после ее смерти – поздней осенью 1993-го. Ну а с тех далеких времен их студенческой юности и подавно столько воды утекло. Однако нельзя было не заметить, с каким волнением он, по-моему, человек весьма сдержанный, вспоминал разные подробности и детали первого провожания. Как они взахлеб всю дорогу читали друг другу стихи. Как говорили о фронте. Как, коснувшись довоенного времени, неожиданно выяснили удивительное обстоятельство: оказывается, в конце тридцатых годов оба ходили в литературную студию при Доме художественного воспитания детей, которая помещалась в здании Театра юного зрителя. А спектакль «Том Кэнти» смотрели вместе.

Я слушал и думал: вот прошла целая жизнь, они были женаты, затем развелись, у каждого была другая семья, в чем-то, может быть, даже более счастливая, но… Он же ее до сих пор любит!

Недавно точно таким впечатлением поделился со мной в разговоре о Друниной и Старшинове Юрий Васильевич Бондарев.

Ему Николай Константинович однажды рассказывал примерно то же, что мне. Правда, еще при жизни Юлии Владимировны. Бондарев сказал:

– Слушай, Коля, да ты ее любишь и сейчас!

– Наверное, да, – помолчав, сказал Старшинов.

Многое об их общей юности я прочитаю и в посмертно вышедшей книге интереснейших его воспоминаний «Что было, то было…». Одна из самых больших глав – «Планета „Юлия Друнина“. О ней, которую он любил и к которой мысленно возвращался все время, особенно в последние годы. Название же главы подсказано фактом, имевшим не только в восприятии Николая Константиновича значение символическое: „Крымские астрономы Николай и Людмила Черных открыли новую малую планету, получившую порядковый номер 3804, и назвали ее именем Юли. Это не только естественно вписывается в ее жизнь, но и говорит об уважении и любви, которые живут в сердцах ее читателей и почитателей…“

Он упомянул, что, как романтик, она нередко писала о космосе, о необъятной вселенной. Однако больше всего – о войне.

«Думаю, – отметил он, – что среди поэтов фронтового поколения Юля осталась едва ли не самым неисправимым романтиком от первых шагов своей сознательной жизни и до последних своих дней».

На этом определении Николая Старшинова я остановлюсь. Возьму на себя смелость сказать, что в определенном смысле именно так и было.

Война страшна и кровава, война несет смерть, на войне убивают. Они-то, солдаты и поэты фронтового поколения, знали это лучше других. Но они знали на войне и необыкновенную дружбу, верность, самопожертвование. С ними была вера в Родину и надежда на нее, великая к Родине любовь.

Однако настал час, пришло время, когда нотации обрушились на них уже не по литературной части. Больше, нежели о грусти, проскальзывающей в стихах, и серьезнее, чем даже обвинения в безразличии кого-то когда-то к делам своей страны. Их всех, все поколение обвинили, что и жили они не так, как надо бы, и воевали не так, и делали не то, и с судьбой России, оказывается, подвели очень сильно.

В чем подвели? Попробуешь теперь выразить это от имени обвинителей четко и коротко – не получится. Так много всего было свалено в мусорную кучу «перестройки», так много разного наговорено. Хотя… Есть, пожалуй, короткая и четкая формула, в которой выразилось главное обвинение им. Звучит так:

«Лучше бы фашистская Германия в 1945-м победила СССР. А

еще лучше б – в 1941-м!»

Это написал знаменитый журналист-»демократ» в разгар перестройки, тогда на головы наших ветеранов обрушивалось все больше и больше обвинений, завершившихся жуткой кульминацией: «Лучше бы фашистская Германия в 1945-м победила СССР…»

Не прошедшим ту священную войну, по-моему, невозможно вполне представить ошеломляющую силу воздействия такого изуверского психологического удара. Он воистину выбил у людей землю из-под ног. Жизнь прожита зря. Война, которая была главным в их жизни, оказалась никчемной и даже вредной. Герои – никакие не герои, враги – молодцы, предатели – настоящие патриоты. Впрочем, и патриотизм вскоре был объявлен «прибежищем негодяев». А Родина… Да чем уж тут гордиться, – начали яростно внушать из всех рупоров и со всех трибун, – за что любить ее, такую нелепую и ничтожную, коли «живут победители хуже побежденных». И никого она не освободила. На самом деле, оказывается, была она и есть – «империя зла»!

«Мир до невозможности запутан…»

Вот когда выдохнула Юлия Друнина эту горестную строку.

Еще не понимала, не могла понять, как и многие, под напором нахлынувшего со всех сторон, что запутанность вовсе не случайная и совсем не стихийная, что она продумана и по-своему организована. Ах, эти романтики-идеалисты! Всё-то они привыкли воспринимать с доверчивой бесхитростностью и чистотой. Для них по-прежнему друг был друг, хотя, может, давно уже таковым не был…

В посмертном сборнике многие стихи прочитаны мною впервые, и я увидел: Друнина растерялась, когда начала вдруг ощущать, что друзья и враги странно смешиваются – порой невозможно разобрать, кто есть кто.

«Там было легче!»
Как ни странно,
Я понимаю
Тех ребят,
Кто, возвратившись из Афгана,
«Там было легче», – говорят.
«Там было легче, —
Одноглазый
Спокойно повторял земляк, —
Поскольку ясно было сразу:
Вот это – друг.
А это – враг».

Смятение и внутренняя растерянность – вот что почувствовал я в ней очень скоро, при первых же встречах наших в те хитро запутанные «перестроечные» дни. Хотя внешне она старалась этого не выдавать.

Какой запомнилась? Порывистой, всегда спешащей, энергичной и казавшейся очень практичной – «деловой». Сама приезжала на машине. В редакционный кабинет не входила, а вбегала, разметав шарф и распахнув кожаное пальто, которое тут же летело в кресло. И – скорее за стол: читать гранку или черновую газетную полосу.

Лишь когда все срочное было сделано, она, кое-как перекусив в буфете, позволяла себе просто поговорить. О всяком и разном, но, естественно, прежде всего о нашей круто изменившейся жизни. Многое в этой жизни крайне ее волновало!

Помню, меня даже несколько удивило поначалу, сколь легко она, известный поэт, приняла мое предложение писать публицистику для газеты. После, когда мы уже не раз поговорили, причем, по-моему, достаточно откровенно, я больше не удивлялся. Мне стало совершенно ясно: человек настолько остро переживает все перипетии происходящего, так близко к сердцу их принимает и до того нетерпеливо хочет поделиться своими нелегкими раздумьями с читателями, что прямое публицистическое слово оказывалось здесь наиболее подходящим.

Главной из вороха тем, перемежавшихся у нас тогда в беседах, было соотношение нашего прошлого и настоящего. Понятно: она – поэт-фронтовик, а фронтовые годы подвергались все большему пересмотру.

– Вот купила газетку. «Начало» называется. Статья: «Кто победил под Москвой». А в журнале «Столица» еще более прямо: «Разгром советских войск под Москвой». Что вы думаете по этому поводу?

Она любила раньше, чем высказаться самой, озадачить вопросом. Но своих мыслей и чувств сдержать не могла. Мысли и чувства чаще всего, пожалуй, были связаны с судьбами ее сверстников – людей фронтового поколения. Ничто, кажется, не повергало ее в такое смятенное состояние, близкое к шоковому, как утверждение, что воевали мы зря. Известная, ставшая расхожей именно тогда байка о том, что «если бы не победили, давно бы пили прекрасное баварское пиво и не знали бы никаких забот», раздражала ее до предела.

– Как можно такое говорить! – возмущалась она. – А не скорее

бы изо всех нас мыла наделали?

Некоторое время спустя после ее смерти я познакомился с двумя ее одноклассниками, товарищами со школьных лет, двумя Борисами – Кравцовым и Афанасьевым. И оба подтвердили, насколько «зациклена» она была на этой теме.

Борис Васильевич Кравцов, кончивший войну начальником разведки дивизиона и ставший затем юристом, – Герой Советского Союза.

Из рассказа Бориса Кравцова: «Вы знаете, у нас был создан московский клуб Героев Советского Союза и кавалеров ордена Славы трех степеней. И вот – случай, который буквально потряс Юлю, когда она о нем узнала. На одного из членов нашего клуба, который только что выписался из госпиталя и, опираясь на палочку, возвращался домой, напала группа подростков. Избили, сорвали геройскую звезду. Да еще кричали всякие оскорбительные фразы. Это ведь стало таким распространенным – оскорбление в адрес армии, и особенно ветеранов! Когда я Юле про этот случай рассказывал, верите ли, у нее слезы на глазах появились. А это редкость для нее – слезы при людях.

В беседе той нашей я упомянул: многие мои товарищи говорят – лучше бы мы погибли тогда, чем дожить до такого. Юля слушала, а потом сказала: «Знаешь, я их очень понимаю».

Да, вовсе не преувеличенным было мое ощущение, что раскаленным гвоздем пронизывают ее неотступно страшная боль и горькая обида за свое поколение – поруганное, оплеванное, оскорбленное. Конечно же, это ворвалось и в стихи, обращаясь такими обжигающими душу строчками, как в поразившем меня тогда «Нет Поклонной горы»:

… В котлован,
Где бульдозеры спят,
Собираются мертвые однополчане —
Миллионы убитых солдат.
Миллионы на марше,
За ротою рота,
Голоса в шуме ветра слышны:
«Почему, отчего
Так безжалостен кто-то
К ветеранам великой войны?
Дайте, люди,
Погибшим за Родину слово,
Чутко вслушайтесь
В гневную речь.
Почему, отчего

Убивают нас снова —
Беспощаден бездарности меч…»

Сейчас, перечитывая это, я вижу не вполне точные слова. То был, разумеется, меч не чьей-то «бездарности», а расчетливой и рассчитанной операции по уничтожению достоинства народа, его истории, его армии, его славы. По уничтожению великого социалистического Отечества!

Одолевая подступавшее отчаяние, Друнина по-прежнему искала душевную опору в том, в чем была она для нее всегда и что теперь жестоко выбивали из-под ног.

Вот она громко провозглашает, как бы бросая вызов всем, кто хулит людей в военной форме:

Я люблю тебя, Армия,
Юность моя!
Мы – солдаты запаса,
Твои сыновья.

Снова возвращается туда, где было труднее и страшнее всего, испытывая вроде бы странную, а на самом деле совершенно понятную ностальгию:

Ржавые болота,
Усталая пехота
Да окоп у смерти на краю…
Снова сердце рвется
К вам, родные хлопцы,
В молодость армейскую мою.

А вот говорит о Родине, на которую за последнее время вылито столько грязи и яда, но у нее, дочери родной страны, чувство к ней – самое трепетное и нежное:

Только вдумайся, вслушайся
В имя «Россия»!
В нем и росы, и синь,
И сиянье, и сила.
Я бы только одно у судьбы попросила —
Чтобы снова враги не пошли на Россию.

И все же полностью удержаться на тверди привычных опор, которые до сих пор были непоколебимо надежными, ей не удалось. Подумать только, даже ей (пусть ненадолго, пусть неглубоко, однако…) сумели-таки тогда внушить, что жизнь прожита «не так». Что чуть ли не все наше семидесятилетнее советское прошлое – ошибка. Что необходимо прошлое – перечеркнуть.

О, для нее такое не просто, слишком не просто! Вы послушайте:

Живых в душе не осталось мест —
Была, как и все, слепа я.
А все-таки надо на прошлом —
Крест,
Иначе мы все пропали.
Иначе всех изведет тоска,
Как дуло черное у виска.

Это сперва она написала. Вроде бы решительно и твердо. Однозначно вроде. И вдруг, тут же, – наперекор себе:

Но даже злейшему я врагу
Не стану желать такое:
И крест поставить я не могу,
И жить не могу с тоскою…

Она мучилась. Она хотела, чтобы стало лучше. Не ей только – всем. Ради этого (с искренними надеждами!) пришла в избранный на новой основе Верховный Совет СССР. Но как передать то сложнейшее переплетение радости и досады, эпизодического удовлетворения и какого-то обвального негодования, которые слышались мне в ее признаниях этого времени?

Наверное, высшая точка сложного душевного процесса – ее решение выйти из Верховного Совета, о чем она стала говорить, когда решение только-только у нее обозначилось.

– Я не могу больше, понимаете, не могу! – говорила она даже с каким-то не свойственным ей надрывом. – Ну зачем я там? Что могу сделать? Какой толк от всей нашей говорильни, если ни на что в жизни она, по существу, не влияет и все идет себе своим чередом?…

Честный максимализм, а точнее, максимализм честности позвал ее в августе 91-го к «Белому дому»? Она рванулась туда не как некоторые «предприниматели» – защищать свое нажитое, или

попросту наворованное. Она, как и тогда, в 41-м, шла защищать идею справедливости и добра, которая казалась ей воплощенной в новой российской власти. По крайней мере она после объясняла мне примерно так.

И об этом была ее поэма, написанная под свежим впечатлением от событий. И о том же – последняя статья в «Правде», которая называлась «В двух измереньях». Два измеренья жизни и времени, в которых она жила: военное и сегодняшнее. А в связи с тремя днями, проведенными у «Белого дома», вспомнились ей слова популярной лирической песни: «Три счастливых дня было у меня…»

Пригрезилось, показалось. Теперь, в сборнике «Мир до невозможности запутан…», читаю:

И в смертной, должно, истоме
Увижу сквозь слезы вдруг
Студенточек в «Белом доме»
В кругу фронтовых подруг.

«Белый дом» не 93-го, а 91-го года. Обманулась! Как многие, обманулась она…

Но сильным и высоким оказался в те дни ее душевный подъем. В чем-то она почувствовала себя снова девчонкой военных лет. Романтика: костры, греющиеся вокруг них парни с девчатами, дух обороны… Можно ее понять, вырвавшуюся из будничной прозы жизни к рискованному и возвышенному, как ей представилось, – освещенному идеей свободы.

Но… буквально за несколько недель переживает разочарование тем, чем, кажется, только что была всепоглощающе очарована. Я не считаю тех недель и не знаю по дням и часам, как происходил в ней труднейший процесс пересмотра и переоценки переломного августа. Охлаждающее отрезвление. Невидимым был он и для ее близких.

Уже когда шла в газету ее последняя статья, посвященная во многом августовским событиям, она стала говорить, что «как-то не так» оборачивается все вокруг.

– Скверно. А я думала, что будет просвет.

Тогда же очередное свое стихотворение начала так: «Безумно страшно за Россию»…

А вскоре родятся и самые исповедальные, прощальные ее строки:

Ухожу, нету сил.
Лишь издали

(Все ж крещеная!)
Помолюсь
За таких, как вы, —
За избранных
Удержать над обрывом Русь.
Но боюсь, что и вы бессильны.
Потому выбираю смерть.
Как летит под откос
Россия,
Не могу, не хочу смотреть!

… Терпеть не в силах. Если это человек, вытерпевший самую страшную войну, то как же ему должно быть плохо, как тяжко!

Юлия Владимировна еще многого не увидела и не узнала. Через две недели после ее ухода из жизни будет подписан акт об уничтожении Советского Союза. Полвека спустя после нападения Гитлера на нашу страну осуществится наконец заветная его мечта, чего ценой миллионов жизней не допустило поколение нынешних 75-летних.

… Но для нас жизнь продолжается. Мы видим, какая она. Какая горькая для миллионов в своей нищете, а еще горше – в нестерпимом лицемерии, фальши.

По отношению к ветеранам лицемерие режима самое издевательское! Получать поздравления с годовщиной Победы от того, кто принес Отечеству невиданное в истории поражение. Слушать лестные речи тех, кто еще недавно организовывал избиение фронтовиков дубинками. Можно ли вообразить что-нибудь более кощунственное?

Старики не злопамятны и отзывчивы даже на малость добра. Но есть такое, что, я думаю, забывать нельзя. Ведь это для стариков придуманы были наиболее оскорбительные клички, потому что многие из них не желали и не желают принимать этот строй и эту власть. «Совки» – кажется, среди кличек предел изящества. А вот как величал ветеранов, не поддерживавших Ельцина во время президентских выборов 1996 года, обозреватель «Московского комсомольца» в агитационной радиопрограмме: «Эти сумасшедшие бабульки и дедульки, выжившие из ума, по которым психлечебницы плачут…» Вот вам – о поколении Друниной и ее товарищей.

Сегодня, правда, вовсю заигрывают со стариками. Как же – потенциальный «электорат». Однако с трудом сдерживают презрение, пренебрежение, неприязнь, сообщая, например, что в «рейтингах» за возможного кандидата в президенты от

коммунистов – много людей пожилого возраста. Будто пожилой возраст сам по себе колоссальный недостаток! И будто не эти пожилые люди создали все, что за последние годы им удалось разворовать и что еще есть в нашей стране, чем она может при смене курса себя восстановить, а в годину новой опасности – защитить.

Воздается каждому по делам его. Я верю: воздастся! Героям – вечная слава, предателям и убийцам – вечный позор. Так будет. Так обязательно должно быть.

Май 1999 г.

Мы не имеем права забыть
ТРАГЕДИЯ ЗАЩИТНИКА БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ ТИМЕРЯНА ЗИНАТОВА

… Вместе с научным сотрудником мемориального комплекса «Брестская крепость-герой» Аллой Соболевской иду по двору цитадели. Алле Фаритовне хорошо знаком здесь каждый уголок. Она подробно рассказывает о местах, где в роковые июньские дни 41-го вместе с боевыми товарищами держал оборону юный Тимерян – курсант полковой школы 44-го стрелкового полка.

– Видите вон те развалины? – показывает она в сторону руин, поросших высокой травой. Остатки казармы, где размещались курсанты и возле которой, на берегу реки Мухавца, приняли они утром 22 июня свой первый бой. Начальником полковой школы был старший лейтенант Василий Иванович Бытко, награжденный еще за финскую войну орденом Красного Знамени. «Наш Чапай» – называли его воспитанники.

Здесь произошло памятное событие, о котором рассказал в своей знаменитой книге исследователь и летописец брестской обороны писатель Сергей Смирнов. Он привел выдержку из письма бывшего курсанта Зинатова: «Когда наш штаб горел, мы – Амосов, Гущин и я – из огня вытащили полковое знамя и спрятали под кухней-столовой 44-го полка в подвале». Тогда же, во время неудавшегося прорыва к Северным воротам, Тимерян был ранен.

Постояли мы с Аллой Фаритовной возле подвала казармы

333-го стрелкового полка, куда отправили раненого Зинатова. Он был очень слаб, но обузой для товарищей оставаться не хотел. Снаряжал пулеметные и автоматные диски, брел за патронами в склад боепитания. А через день и сам взялся за оружие.

Из воспоминаний Тимеряна Зинатова: «26 июня решили прорваться через Мухавец. С легкораненными собралось человек сто. К воде под сплошным вражеским огнем ринулись внезапно. На другую сторону переправилось чуть больше десятка. Заняли один из казематов против Трехарочных ворот.

Патронов мало. Еды и воды не было совсем. Днем отстреливались от наседавших гитлеровцев, а ночью пытались найти щель в боевых порядках врага. Но каждый раз нас обнаруживали».

К 30 июня из всей группы осталось четверо. Трое вели огонь через окна, а вторично раненный Зинатов охранял подступы к дверям. Ему отдали единственную гранату. Метнул ее в наступающую группу фашистов. Тут и самого оглушило сильным взрывом…

Дальше – плен, все тяготы концлагеря. Неудачная попытка побега. Второй побег, и возле чехословацкой границы летом 1944 года они вместе с другом выходят навстречу одной из наших частей. Войну он закончил рядовым в составе 277-го гвардейского истребительного противотанкового артполка.

Здесь мне надо бы сделать паузу, поскольку биография солдата Зинатова сменяется биографией Зинатова-строителя. И воспроизводил я ее по письмам, адресованным им в Брестский музей-мемориал и бережно собранным тут с 1958 года в толстой зеленой папке его «дела».

Многое отразилось на листках, написанных размашистым, быстрым почерком! Характер, работа, быт, география… Татарин, родившийся в Башкирии, он стал после войны сибиряком и нашел в этом крае свою новую судьбу. Работа бросает его с одного места на другое, уводит все дальше на восток, в тайгу, в необжитые места. Сначала строил дома в Кемерове и Прокопьевске. Потом трест «Южкузбасэнерго». Томь-Усинская ГРЭС. Затем трест «Ангарскстрой» – строительство железной дороги Братск – Хребтовая – Усть-Илимск. Наконец – БАМ.

Нынче многие склонны злословить по поводу тех «ударных строек» и людей, которые рвались туда, где труднее. Что ж, история рассудит. Но у меня лично нет ни малейших сомнений в чистоте помыслов таких людей, как Тимерян Хабулович.

В домах, которые он построил, живут и будут жить люди. «Люблю что-то сделать и полюбоваться делом рук своих», – вырвалось у него в одном из писем. И в партию он вступил не

ради карьеры: какая уж карьера у рядового каменщика и плотника! И медали «За строительство Байкало-Амурской магистрали», которая прибавилась к боевым орденам Славы и Отечественной войны, искренне радовался.

Но вот читаю письма, приближаясь к нашим дням, и чувствую, будто черная туча наползает на былой оптимизм. Нарастают тревога и озабоченность, все чаще звучит горькая усмешка.

Из последних писем в музей Тимеряна Зинатова: «Мы живем „хорошо“ и „счастливо“. Магазины „полны товаров“, и „тепло“ в домах, и морозов сибирских даже больше, чем надо, и для мяса не надо холодильников, оно на балконе хорошо сохраняется, да вот только талоны мешают. Их так много, а продуктов так мало… Вот все В. И. Ленина винят, когда сами работать не умеют, а все заседают по Маяковскому и ждут от немцев и др. помощи. Даже смешно…»

«Привет из далекой Сибири! Поздравляю вас всех, всех, всех с Новым 1991 годом. Желаю вам счастья и здоровья.

Дай Бог нам всем, чтобы мы надолго, навсегда забыли, что есть такое слово – «война». Мы многое пережили, как бы трудно ни было, и разрушенное восстановили. Теперь надо бороться, чтобы построенное не было глупцами разрушено. Это будет страшнее войны. Некоторые дышло истории хотят повернуть по-своему. Надо бороться, чтобы был единый наш Советский Союз, только тогда мы будем уверены, что над нами не повиснет вновь 1941 год. Если мы не будем делить страну на карманные государства. Вот что страшнее войны! Я этого боюсь. Этого нельзя допускать! Это будет смерть всем. Не хотел огорчать вас, но высказать всем об этом – моя обязанность. Это наши предсмертные наказы ветеранов войны».

Читатель, обрати внимание! Письмо написано в канун 91-го года, который стал роковым для нашей страны.

Невероятно больно, однако то, чего так боялся и о чем предупреждал ветеран («страшнее войны»), произошло. И по какой-то зловещей иронии судьбы произошло именно здесь, в Беловежской Пуще, то есть на той самой брестской земле, которая пятьдесят лет назад была обильно полита кровью людей всех национальностей нашего великого Союза, его защищавших. Можно представить, как отозвалось это в сердцах воинов-ветеранов…

Мне хотелось по возможности восстановить последние дни Тимеряна Хабуловича, и по моей просьбе наш иркутский корреспондент Владимир Ермолаев связался с Усть-Кутом. Там, в строительно-монтажном поезде № 288 треста «ЛенаБАМстрой», о

нем рассказали очень много доброго.

Мало того, что мастер – золотые руки. Скромнейший человек. Никогда для себя ничего не просил. В военкомате даже не помнили, что в городе живет защитник Брестской крепости. Но за справедливость, когда это касалось других, всегда вставал горой.

Семья? Хорошая, дружная. Настроение же его в последнее время (скверное настроение!) объяснялось, конечно, тем, что творится в стране. Когда ветераны войны еле сводят концы с концами, когда их избивают омоновскими дубинками, когда боевыми наградами, омытыми кровью, торгуют на толкучке, какое может быть настроение?

А в Брест он на этот раз уехал неожиданно для родных и знакомых (вроде не собирался), хотя раньше старался съездить туда почти каждый год. Встретиться со старыми друзьями, возложить цветы погибшим. Увы, ныне и здесь его ждало мало приятного.

Мемориал, некогда принимавший до миллиона туристов в год со всей страны, теперь зачастую пустует. Понятно: не поедут же сейчас сюда из Таджикистана или Грузии, Армении или Азербайджана. Да и многие приезжающие откуда-нибудь скорее побегут на вещевой рынок, нежели в музей. Вот он, холодный ветер забвения!

Тимофей Петрович Домбровский, один из четверых защитников цитадели, живущих ныне в Бресте, с горесью рассказывал: впервые в этом году (впервые!) 22 июня городские власти не провели в крепости торжественно-траурную церемонию, посвященную началу войны и обороны. Возмущенный ветеран позвонил председателю горсовета И. Венцелю.

– А мы этот праздник не отмечаем, – ответил тот.

– Да не праздник – начало всенародной трагедии!

– Не вмешивайтесь не в свое дело.

А сколько горького, обидного поведал мне директор мемориала Павел Нестерович Панасюк! Брошенные на произвол судьбы городскими властями, варварски громятся и растаскиваются по дачным участкам бывшие казармы полковой школы 84-го стрелкового полка на Госпитальном острове. Все городские предприятия и организации прекратили многолетнее шефство над мемориалом. А в Вечный огонь подвыпившие в соседней столовой гуляки могут бросить бутылку и дважды уже сбивали с плиты бронзовые буквы: «Стояли насмерть. Слава героям!»

И все это узнал при своем последнем приезде в священный для него город Тимерян Хабулович. Есть люди, которые, по-моему, как бы собирают и концентрируют в себе душевную боль

многих. Такой была Юлия Друнина. Таков и Тимерян Зинатов.

Из письма в газету «Вечерний Брест» инвалида второй группы С. Антипорука: «Умирают по своей воле люди, сильные духом и преданные своим идеалам. Это вызов нашему обществу. Всех ветеранов оно обворовало, обесценило их труд, сбережения и бросило в пропасть нищеты. К сожалению, нередко теперь можно услышать и насмешки в адрес ветеранов. Награды для кого-то – „бляшки“, пролитая кровь – „водица“, победа – „историческая ошибка“… Молодежь натравливают на стариков. Мол, мы виноваты во всех грехах истории…

Очень больно переживаешь унижения и оскорбления, ведь шли на тяжелые испытания ради лучшей жизни. А что получили на старости лет? И есть ли будущее у такого общества, которое не почитает своих стариков?»

… Тимерян Зинатов бросился под поезд. Строки его последнего письма, повторенные газетами, в том числе «Правдой», заставили содрогнуться: «Если бы тогда умер от ран, я бы знал: погиб за Родину. А вот теперь – от собачьей жизни… Не считайте меня сумасшедшим…»

В заключение должен сказать еще об одном: как проводили Зинатова в последний путь. Я-то думал, что станет это событием для всего города, если даже не области. Ведь один из последних участников исторической обороны уходит!

Нет, на похороны, кроме прилетевших родственников, собрались только сотрудники музея и несколько ветеранов. Всего человек двадцать. Один-единственный венок – от мемориала. А как же опять-таки городские власти? Почему от них-то не было ни-ко-го?

– Но ведь город взял расходы по захоронению на себя, – говорит начальник производственного объединения жилищно-коммунального хозяйства Брестского горисполкома В. Воробей.

Взял расходы – правильно, хорошо (могло ли, впрочем, быть иначе?)

Ветеран в предсмертном письме просил похоронить его в «зоне Брестской крепости»: тут, рядом, гарнизонное кладбище, где, кстати, покоится майор Петр Гаврилов – командир полка, где Зинатов служил. Верно, четыре года назад кладбище закрыли для захоронений, хотя, как говорили мне, «в порядке исключения» хоронят. Собственно, об этом и просило руководство мемориала, обращаясь к руководству горисполкома. Не вняли просьбе.

– А почему? – спрашиваю того же Воробья. – Ведь, по-моему, здесь и воинский салют был бы не лишним.

– Да, знаете, – мнется мой собеседник, – тут исполком надо было собирать, чтобы решить. Да и вообще… Самоубийство все-

таки.

Ах, Василий Борисович, уважаемый вы мой! Какое самоубийство…

Из предсмертного письма Тимеряна Зинатова: «Извините, что таким образом объявляю протест нашему ельцинско-гайдаровскому правительству. Конечно, это не метод борьбы, но другого выхода у меня нет бороться с теми, кто нас, ветеранов, поставил на колени. Но я хочу умереть стоя, чем так жить на коленях и просить нищенское пособие для продолжения своей старости и дотянуть до гроба с протянутой рукой!..»

Наверное, все помнят: Президент России Б. Ельцин клялся лечь на рельсы, если допустит ухудшение жизни народа. На рельсы же ложится старый солдат – защитник Отечества. Кладет жизнь за други своя. За всех нас.

Вечная память!

Октябрь 1992 г.

Испытание совести
ПОЧЕМУ ПИСАТЕЛЬ-ФРОНТОВИК ВЯЧЕСЛАВ КОНДРАТЬЕВ ПОКОНЧИЛ С СОБОЙ

Нынче всем известно, что литературный мир наш, как и общество в целом, драматически расколот. Проявления бывают – безо всяких преувеличений! – ужасными.

Раскол жестко поставил по разные стороны литературно-политических баррикад даже бывших фронтовиков, которые, казалось бы, навсегда должны быть спаяны общей кровью, пролитой в тяжелейшие для Родины годы. Но – нет: демократы, патриоты… Скажем, Григорий Бакланов и Юрий Бондарев, оба лейтенанты военных лет, сегодня никогда и ни в чем не бывают вместе.

Писатель Вячеслав Леонидович Кондратьев был с теми, кто назвал себя демократами.

Записки его с объяснением причин добровольного ухода из жизни у нас нет. Но он оставил многочисленные статьи и интервью, где излил состояние своей души в те неимоверно тяжелые для него два года.

… Мы сидим с его вдовой в их квартире – в кабинете, где Нина Александровна сохраняет все так, как было при нем. Словно

бы приготовленная для работы машинка, стопки книг с закладками, огромные кипы газет и журналов на низком столике перед широким диваном.

Сидя на нем, мы и разговаривали с Вячеславом Леонидовичем весной памятного 1991-го, когда я несколько раз приезжал сюда, чтобы подготовить беседу с ним для «Правды» – к 50-летию начала Великой Отечественной. Тогда, на излете горбачевской перестройки, многое из нашего прошлого уже было в корне пересмотрено. Всё большим переоценкам подвергались и военные годы. И хотелось услышать в связи с этим мысли о войне человека, который прошел ее в самой трудной, солдатской должности и на одном из самых трудных участков – на набухшей кровью ржевской земле, о чем поведал потом с такой неприкрашенной правдой в своих повестях и рассказах.

– Народным подвигом была вся война, – сказал он, и в этом главном о войне мы были едины.

Спорили о другом. О нашем сегодняшнем и завтрашнем дне. Если кратко сказать, у меня тут в оценке преобладала тревога, у него – радость ожидания и надежды. Не принимавший КПСС и существовавшую государственную систему, давно находившийся, по его признанию, во внутренней оппозиции к ним, он был всецело захвачен ощущением их близкого конца. Когда же я говорил о настораживающем, доходящем до безумства радикализме ельцинского толка, который способен разнести общество вдрызг, он внимательно слушал, но не соглашался:

– Обойдется. Главное – систему изменить. Главное – выйти нам из загона.

Материал, который мы готовили, появился в номере «Правды» за 20 июня – под заголовком «Какая же она, правда о войне?» Тем временем Вячеслав Леонидович уехал в подмосковную Малеевку, в Дом творчества. А ровно через два месяца разразилась августовская гроза: ГКЧП, Ельцин на танке у «Белого дома»…

Естественно, финал событий Вячеслав Леонидович однозначно приветствовал. Для него не было сомнений: нас хотели вернуть в ГУЛАГ – попытка не прошла. Теперь начнется новая, справедливая жизнь!

Он находился в явном состоянии эйфории. Она бывает у человека, который долго чего-то ждал, на что-то надеялся – и вот ожидание сбылось.

Впрочем, такое продолжалось у него недолго. Очень скоро я стал слышать в голосе совсем иные ноты.

Особенно запомнился телефонный разговор в один из первых дней нового, 1992 года. Я позвонил, чтобы поздравить, но диалог

у нас получился далеко не праздничный. Только что были отпущены цены – началась «шоковая терапия». И он не мог скрыть крайней растерянности.

– Ну что, Вячеслав Леонидович, вы и теперь будете оправдывать то, что происходит?

– Не знаю. Право, трудно сказать. Экономисты вроде говорят, что должно наладиться. Но, конечно, многое смущает. Очень смущает…

В смятенной, недоумевающей интонации, при которой он пытался сохранить какую-то видимость остаточной бодрости, и закончился тот наш разговор.

Потом я слышал голос его уже не по телефону и не во время личных встреч, а в газетах. В разных. От супердемократических «Курантов» до коммунистической «Гласности». Он действительно очень часто стал выступать с публицистикой. В ней, особенно поначалу, было для меня много неожиданного. Такой резкий поворот в отношении к тем, кто установил новую власть! Недаром демпресса, поеживаясь и смущенно пристраивая «неудобные» его тексты под компромиссные рубрики типа «Свободная трибуна» или «Свой взгляд», нередко сопровождала их к тому же амортизирующими предисловиями: «Яростный сторонник всех демократических преобразований, он вдруг принес в нашу редакцию статью, которая, казалось бы, не должна принадлежать его перу – из-за симпатий к тем, за кого он сам голосовал».

«После августовской эйфории наступила апатия…». Это «Литературная газета», 26 февраля 1992 года. Полгода спустя после «победы демократических сил»: «Не хочется что-то мне умиляться и выражать восторги по поводу нашего демократического правительства. Не могу восхищаться и современными нуворишами и петь хвалу „рыночным“ в кавычкам реформам, ударившим по самому незащищенному слою нашего народа – по пенсионерам. Представляют ли наши молодые правители из команды Е. Гайдара, кто является ныне пенсионером?… И вот на этих спасших Россию на фронтах Отечественной, восстановивших разрушенное войной хозяйство, честно трудившихся всю жизнь за нищенскую зарплату обрушились новые цены, сразу превратившие их в нищих, обесценившие их жалкие накопления, которые правительство не может, как выяснилось, компенсировать. Мало того, у ветеранов отнимается единственная значимая привилегия – освобождение от подоходного налога… Мне часто пишет один голландец. Так вот он, живущий в благополучной стране, чуть ли не в каждом письме говорит, как они обязаны русским, которые спасли их от

фашистской чумы. А родное русское правительство не помнит этого. Позор!»

В устах демократа Кондратьева это прозвучало подобно разорвавшейся бомбе. А дальше… Дальше, от выступления к выступлению, его страдающий и гневный голос набирает все большую силу.

«Грабить вообще плохо, а грабить наших стариков – этому и слов не найти. Негоже и президенту, если он дорожит уважением народа, бросать слова на ветер…

Непримиримая оппозиция оказывается права. Вопит она, что Ельцин не выполняет обещаний, что ограбил народ, а он действительно обещаний не выполняет».

«Реформу начали делать люди, которые очень хорошо питались в детстве, а потому и смогли без особых колебаний и сомнений изъять у населения то, что они годами копили, как говориться, на черный день. Этот день, увы, наступил, а то, что собиралось для него, превратилось в пыль».

Совесть… Он обращается к власть имущим, которые принялись осуществлять свои цели за счет народа. Не обижая, однако, себя. Его остро задевает, что о себе-то новые хозяева позаботились не меньше, а гораздо больше прежних.

«К сожалению, марксистский тезис о том, что бытие определяет сознание, оказался в определенной мере справедливым – когда тебе живется неплохо, ты не хочешь видеть недостатки и несчастья вокруг. А именно в таком состоянии явно пребывают новые власти, начавшие среди прочего и с установления себе приличных окладов, и обеспечения других условий комфортного существования. Когда основная масса народа нуждается, это выглядит безнравственно».

«Повторяю: мы готовы терпеть, но, когда мы видим, что власти предержащие этого делать не собираются, мы их внутренне отторгаем. Не знаю, на кого будет дальше опираться Ельцин».

Да, мечталось о большей справедливости, а обернулось вопиющей несправедливостью.

«Вот и вышло: для кого – „шок“, для кого – „коммерческий шоп“.

«В правительственных кругах слишком уж спокойно относятся к резкому, безжалостному делению общества на богатых и бедных. Надо поддерживать все, что хоть как-то работает или работало на народное благо…»

Поводов для возмущения и тревоги более чем достаточно. Многое глубоко травмирует его. И он говорит об этом с предельной откровенностью. По толстовскому принципу: не могу

молчать!

О развале СССР: «Мне и самому сговор в Беловежской пуще показался не только малоэтичным, но и ведущим к непредсказуемым последствиям… Я сразу же написал об этом, но „Московские новости“ не опубликовали, сказав, что поздно уже. Но происходящие события показали, что высказанные мной тогда сомнения в СНГ большей частью оправдались – ломать, как говориться, не строить».

О ваучерной приватизации: «Эта затея как раз и есть нагляднейший пример не слишком здравых, а еще и нравственно неразборчивых действий правительства. Здесь все удивляет и раздражает, начиная с келейности принятия решения…»

О судьбе отечественной культуры: «Рубим сплеча. Культуру, например. Разумеется, она была культурой тоталитарного общества, приноравливалась к режиму. Но в ней были и большие достижения, был, в высоких ее проявлениях, дух достоинства, несший людям утешение и надежду. А что происходит сейчас? Чем, например, каким утешением и надеждой потчуют нас с американизированного телеэкрана?…»

15 августа 1992 года, в связи с годовщиной демократической победы, газета «Культура» опубликовала ответы нескольких видных политиков, экономистов и деятелей культуры на вопрос о том, что же принес нам минувший год. Слово Кондратьева, в отличие, скажем, от бодренького Лужкова, прозвучало с едкой язвительностью и нескрываемым отчаянием.

«Всё, на мой обывательский взгляд, делается не так и не то», – вот его вывод. Это не я, а он выделил, подчеркнул: не так и не то!

А затем, в последующих его выступлениях, я почти физически ощущал, как нарастает и сгущается чувство безысходного отчаяния от всего происходящего в стране, как надвигается на него душевный кризис.

… Мне вспоминается кондратьевский рассказ «На сто пятом километре» – о довоенной его службе на Дальнем Востоке. Есть там такой эпизод. Герой рассказа – сержант, в котором легко угадывается автор, подстрелил по просьбе бойцов дикую козочку. На подкорм коллективу, так сказать. И вдруг, увидев большие влажные глаза недобитого животного, ловит себя на мысли, что не в состоянии вторично нажать на спусковой крючок.

«Неужели я такой хлюпик? Ведь впереди война!»

«И думаю еще: в нас не воспитали жестокость. Нас учили воевать, но жестокости не учили».

А я думал, перечитывая это: он и прошел потом жесточайшую войну, но жестокости так и не научился! Потому, собственно, и

родилась знаменитая повесть «Сашка».

Он сам, как Сашка его, остался человеком среди всяческого бесчеловечия войны.

Он остался человеком и среди бесчеловечия нашего времени.

А может, как раз война, испытывавшая на излом, укрепила в нем лучшие человеческие качества? Есть же у него откровение в одном из интервью 92-го года: «Не хочу хвастаться, но, когда человек прошел опыт самопожертвования во время войны, высокая точка нравственного отсчета остается навсегда. Конечно, не у всех, но все-таки остается, даже несмотря на то, как сложилась жизнь. И вот, пожалуй, только в самое последнее время я осознал, насколько глубока нравственная деградация нашего общества и людей, пришедших к власти, в том числе».

Довелось слышать, что Кондратьева теперь будут перетягивать на свою сторону и демократы, и патриоты. Хорошо знавший его журналист Александр Николаев сказал по-другому:

– Он был демократ и патриот.

И с ним, пожалуй, можно согласиться. Я добавил бы: истинный демократ и истинный патриот.

Чтобы убедиться в его патриотизме, достаточно перечитать то, что он написал, особенно о войне. Здесь не только тяжелейший окопный быт и горькая правда нередко безжалостного отношения к людям, противостоявшая официозной, парадной «правде», но и трепетное чувство любви к родному дому, к Москве с ее дорогими сердцу улочками и переулками, к России.

Может, потом, с годами, взгляд у него на это переменился? Да нет. Вот публикация в ярославской газете «Очарованный странник» – одна из последних, она после была даже названа «Последнее интервью Вячеслава Кондратьева».

Корреспондент, понятно, не мог не задать ему вопрос, который определенными силами все больше нагнетается и подогревается: «Не возникает ли у вас сейчас мысли, что такие огромные жертвы, принесенные в войну, были напрасными?»

– Нет, нет, – твердо отвечал Кондратьев. – Мы воевали за свой дом, за свою улицу, за свою Москву, за свою деревню, за своих близких. Мы воевали за Россию… И выиграл войну, конечно, русский патриотизм.

Яснее, по-моему, не скажешь.

При всей острой критике наших политических и военных просчетов, при всем однозначно отрицательном отношении к Сталину и сталинизму, Кондратьев не переставал повторять: «То, что готовил Гитлер нам, – это несравнимо, это ужасно». И напоминал: «Мы спасли свое государство».

Спасли не потому, что в спины советских солдат были нацелены дула пулеметов, которые, дескать, и гнали людей в атаку. Он, вспоминая свой первый бой на Овсяниковском поле да и многие другие бои, снова и снова категорически опровергал такое: «Это сегодня некоторые, которые хотят умалить беспримерный подвиг народа, вопиют о том, что всю войну мы воевали под угрозой стоящих за нашей спиной заградотрядов. Чушь это!»

Не менее определенно он реагировал на книгу предателя Резуна-Суворова «Ледокол». В ней, как известно, автор выдвинул такое обвинение: Советский Союз – главный виновник и главный зачинщик войны.

Многие «демократы» встретили это на ура. «Суворова прочитал с интересом и не склонен подозревать его в фальсификации, – заявил, например, Окуджава. А оголтелая критикесса Татьяна Иванова даже провозгласила это сочинение „великой книгой“.

Совсем не то – Кондратьев. «Саша! – написал он журналисту Александру Николаеву. – Эту сугубо конъюнктурную и лживую книгу можно, наверно, и не читать, тем более что физиономия автора ее не вызывает доверия и симпатии».

«Великая» – и «лживая»… Дистанция огромного размера! Обращаясь же в «Российской газете» к самому г-ну Суворову, он подытожил: «Никакой „легенды“ вы не вышибли из-под ног, так как ничего своей книгой не доказали. Война наша была Отечественной, и без всяких кавычек, и с большой буквы. Таковой и останется в истории».

Что же, я все это привожу, чтобы Кондратьева куда-то «перетянуть»? Нет. Само такое намерение считаю кощунственным. Но считаю также, что мы должны знать и помнить всю правду о Кондратьеве. Не в навязываемой одномерности, продиктованной тем же узкопартийным интересом, а во всей сложности и противоречивости, которые свойственны настоящему исканию истины. Без этого искания он, Кондратьев, немыслим.

Конечно, он бывал противоречив. И, конечно (надо четко сказать!), при всем при том не изменил в основе негативного отношения ни к коммунизму, ни к нашему советскому прошлому. Однако вот что интересно. Чем дальше шли уродливые демреформы, тем чаще в его высказываниях появлялась мысль: стало не лучше, а хуже.

Если говорил об отношении к войне и ветеранам, то признавал, что «обида оказалась горше». Если о привилегиях правителей – «такого бесстыдного жирования раньше не было».

Если о литературе – «уважение к ней, к писательской работе, безусловно, было в нашей жизни».

Изумлялся: «Жили мы, поживали и как-то дебет с кредитом сводили, а сейчас вдруг сразу все убыточным стало: и связь, и журналы, и выращивание индюшек даже…»

Требовал: «Извольте сохранить то, что было достигнуто. Народ пока бедный, он не может себе позволить платное обучение, медицинское обслуживание».

И коммунистические идеалы вовсе не казались ему лишь поводом для издевательств и ерничания, как у «демократов» принято. «Сколько бы сейчас ни говорилось и ни писалось об утопичности этих идеалов, – замечал он, – надо признать, что они делали скудную и серую жизнь простого человека в какой-то мере одухотворенной. Ведь сознание, в котором существует постулат „не для себя живем, а для будущего“, это сознание альтруистическое, сходное с религиозным, которое, несомненно, как-то осмысливает жизнь человека, и его нельзя совсем сбросить со счетов».

Подчеркну еще раз: вовсе не собираюсь представлять Кондратьева обратившимся в коммунистическую веру. Однако и не могу забыть, что, при всем своем антикоммунизме, он, никогда в КПСС не состоявший, в отличие от приспособленцев-перевертышей не плевал ни на «Правду», ни на «Гласность», не отгораживался демонстративно от этих газет. Шел и туда, чтобы сказать свое слово.

Человек совести, наверное, всегда шире и выше партийных догм. И человеку совести всегда труднее жить. Он – не игрок, которым владеет холодный расчет или горячий азарт, но которому душевные муки неведомы.

В самом деле, сколько мы насмотрелись за последние годы, как легко, небрежно играючи, коммунисты превращались в демократов-антикоммунистов, а потом, столь же легко, иные демократы начали превращаться в патриотов! Легкие люди. Картинно сжечь партбилет перед телекамерой – просто игровая сцена, ничего в душе не затрагивающая.

Убежден: он так бы не смог. Таким, как он, перемена веры дается трудно. А столкновение веры, надежды с реальностью, которая их вдруг опрокидывает, оборачивается внутренними терзаниями.

Трудно смириться, что теперь мы уже не услышим его самого. Вот почему так взволновало недавнее известие: опубликована посмертная статья Вячеслава Кондратьева.

Подумалось: это как голос Оттуда. И заголовок – будто завет: «Помнить о смерти, думать о жизни».

Читатель, конечно, заметил, что в моем очерке много цитат. Мне хотелось, чтобы о Кондратьеве больше сказал не я, а сам Кондратьев. Наверное, правильно будет и тут не пересказывать, а по возможности предоставить слово ему, тем более, что тираж альманаха «Кольцо А», где последняя статья была напечатана, невелик.

«Мы уходили в армию, когда над нами уже висел страшный паучий призрак войны и мы предчувствовали ее…»

Признаюсь, сердце сжалось от этих первых строк, словно воскресивших памятную интонацию его хрипловатого баса.

Да, с ним осталась война.

«Можно ли забыть такое? – спрашивал он. – А нам твердят: ну что вы опять о войне, сколько же лет прошло, сколько можно ее поминать, да и зачем слова об ужасах, о крови, о трупах, да перестаньте вы!.. Наверно, и понятны такие суждения со стороны тех, кто родился позже, кто не прожил эти страшные годы, кто знает о войне лишь по книгам, кто не „посетил сей мир в его минуты роковые“, кто не пережил и того взлета духовных сил, того накала патриотических чувств, той не абстрактной, а трепетной любви к Отчизне и к своим соотечественникам. Такого в нашей жизни уже не будет никогда, и это вспоминаем мы, этого не можем забыть. В войну произошло очищение всех нас, всего народа от всего смутного, мелкого, эгоистичного, все это отпало, ушло перед единой великой целью – спасти Отечество».

Вчитайтесь, вслушайтесь, вдумайтесь в слова старого солдата и гражданина своей Родины! Постарайтесь понять и прочувствовать, почему именно об этом даже после смерти он пытался докричаться до нас, почему снова и снова с такой остротой вспоминал:

«И вот эта торжественная и незабываемая минута, когда солдат поднимается из окопа и переступает черту между жизнью и смертью и идет навстречу огню, идет по полю, где на каждом шагу лежат убитые в предыдущем бою, эта минута настолько высока, в ней сконцентрировано столько противоречивых чувств – и страха смерти, когда куда-то падает сердце и становятся ватными ноги, и холодное слово „надо“, которым стараешься преодолеть страх, и понимание, что у тебя нет никакого лишнего шанса перед теми, кто шел до тебя и… не дошел, что это, может, последние миги твоей жизни, что лежать тебе серым комочком, незахороненным на этом проклятом поле, и, кроме собственного ужаса перед смертью, – дикая боль за мать и огромная жалость к ней, которая через неделю-две получит похоронку, страшную бумагу, которую с ужасом ждут все матери, и еще целый клубок чувств и мыслей перед тем, как делаешь ты первый шаг на поле

боя… Но ты его делаешь. И для него мало одной ненависти к врагу, ненависть не может подвигнуть на то, чтобы пожертвовать своей жизнью, подвигнуть на это может только любовь. Так вот не смерть и кровь вспоминаем мы все эти годы, прошедшие после войны, мы переживаем заново те чувства, которые испытали, ведь на войне мы были лучше, чем до нее и после нее…»

И – самое последнее. Слова, завершающие это пронзительное послание из горних высей. Слова, от которых, честно скажу, я вздрогнул. Слова, обращенные к ним же, к нынешним властителям России:

«Боюсь, что 9 мая после традиционного тоста за помин души погибших своих друзей-товарищей и за здравие живых, наверно, не поднимется у меня рука с рюмкой, чтобы выпить и за вас, товарищи-господа. Смутит ли вас это, не знаю, но тост бывшего фронтовика должен, по-моему, что-то и для вас значить».

Неужели при всем своем бесстыдстве никто из них даже не покраснеет после этой пощечины с того света?

Сентябрь 1994 г.

Он отстаивал правду и закон
ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР ВАЛЕНТИН СЕМЕНОВИЧ МАРТЕМЬЯНОВ ПОГИБ КАК БОЕЦ

Говорим о Валентине Семеновиче у подъезда Государственной думы: сейчас должны выйти депутаты, чтобы отправиться на церемонию прощания. Говорим с его школьным товарищем, а ныне большим ученым-математиком (доктор наук, профессор, лауреат Госпремии, начальник лаборатории в Институте атомной энергии и т. д. и т. п.) Лебедевым Вячеславом Ивановичем.

Школу они окончили 45 лет назад, а отношения товарищеские, даже дружеские сохранились до последнего дня его жизни. И не только с одним Лебедевым, что было бы, может, и не удивительно. Со многими одноклассниками он регулярно переписывался и встречался. Ездил к ним, а они – к нему, вместе отдыхали, ходили в походы. На похороны собралось из разных городов человек пятнадцать. Пришел почти весь курс юридического факультета МГУ. Пришел вокальный класс университетского клуба, где он много лет занимался.

– Он был, безусловно, центром нашего школьного землячества, объединял и сплачивал всех нас, – так сказал Вячеслав Иванович.

И второе. Школу он кончил в Костроме – в некрологе официальном, где сказано про Москву, допущена ошибка. Родился действительно в Москве, в семье рабочего-железнодорожника, корни которого – на вятской земле. А потом отца, ставшего партийным работником, бросало по всей стране, вплоть до Забайкалья. Привело и в Кострому, где трое сыновей учились. Это школа № 30 – бывшая имени Энгельса, на бывшей улице Сталина, ныне – Сусанина. Обычная, в общем-то, школа. Но сколько, оказывается, вышло из нее незаурядных воспитанников! Даже если брать один и тот же выпуск 1949 года: насчитали около десяти докторов и кандидатов самых разных наук. Старший брат Валентина Семеновича – Юрий, первый золотой медалист школы, выпускавшийся годом раньше, стал кандидатом филологии, специалистом по французской лингвистике; младший брат – Владимир – доктор химических наук; сестра Ия – тоже химик, кандидат…

Вот она, русская провинция.

Разговариваю с Николаем Скатовым. Он – доктор филологических наук, директор академического Института русской литературы в Ленинграде, который известен больше как Пушкинский дом. А еще Скатов – одноклассник и ближайший друг Валентина Марте мьянова.

– Знаете, – говорит, – Валя был редкостно и разносторонне одаренным человеком. Он прекрасно пел и, если бы пошел по этой линии, стал бы, уверен, знаменитым артистом. Кстати, он уже и подал заявление в консерваторию, но потом почему-то забрал. Может, по примеру любимого Собинова решил сначала закончить юридический. Писал стихи и сочинял музыку. Да и к языкам у него были удивительные способности. А если бы в технику, физику, или, скажем, в философию подался – там тоже проявил бы себя…

И, конечно, таланты у человека вызывают всяческое восхищение. Но одаренность все-таки – от Бога или от Природы. От родителей. А вот свою позицию в жизни человек определяет сам.

– Скажите, – спрашиваю, – а почему, на ваш взгляд, Валентин Семенович остался коммунистом? Сейчас, когда партию сначала запретили, а затем, разрешив, поставили все же в положение гонимой. Он ведь, можно сказать, преуспевающий профессор – заведующий кафедрой, автор многих статей, книг, учебников. И зачем ему это было надо?

Скатов улыбается:

– Он сам иногда так говорил, когда уж совсем из сил выбивался: «И зачем это надо мне». Но, значит, иначе не мог. Я считаю, потому, что был он человечный человек и хотел, чтобы у нас было общество человечных отношений. У Маркса именно так где-то определяется коммунизм: не рай на земле, а человечное общество.

– Ну а сам-то ты остался коммунистом? – спрашивает Скатова его одношкольник Лебедев.

– Конечно.

– Молодец, – жмет руку. – Я тоже.

Вопрос Валентину Александровичу Купцову, первому заместителю председателя ЦИК Компартии РФ:

– Что прежде всего вспоминаете, когда думаете о Мартемьянове?

– Как мы сидели рядом с ним в Конституционном суде – на процессе по так называемому «делу КПСС». Он каждый раз обращал мое внимание, когда слышал какую-нибудь юридическую фальшь со стороны наших оппонентов. Не терпел этого. А фальши было…

Помню и я тот суд. Холодный голос Шахрая и его застылый, стеклянный взгляд; вкрадчивые, елейные, пропитанные ядом интонации скандального адвоката Макарова и печать глубокого фарисейства на расплывшемся лице…

Ах, эти лица! Как много сказали бы они даже неискушенному физиономисту. И как прекрасно, вдохновенно было лицо Мартемьянова, сколь уверенно и твердо, чисто и убежденно звучал его голос, когда отстаивал он в суде честь своей партии…

На лицо его я обратил внимание еще раньше – сразу же, когда мы познакомились. Был конец августа 1991-го. Против коммунистов развязана оголтелая травля. Надо защищаться и защищать.

В полулегальных условиях собрался на первое заседание общественный комитет «В защиту прав коммунистов». Он вырастет потом в одноименное объединение. А пока нас всего несколько человек, в том числе – юристы. Понятно: организация правозащитная, нужно хорошо знать законы, чтобы опираться на них.

Пришли люди знающие и мужественные – доктора наук Борис Курашвили, Виктор Вишняков, Борис Хангельдыев, кандидат наук Юрий Слободкин. Вот профессор Иван Павлович Осадчий представляет и этого застенчивого человека, пристроившегося где-то у краешка стола:

– Валентин Семенович Мартемьянов, доктор юридических

наук, профессор Московского юридического института.

Он встает, неловко кланяется. И я вижу: в лице как-то органично соединились твердость и мягкость. Воля и доброта. А глаза светятся умом и затаенной печалью…

Что ж, лицо не соврало. Он действительно оказался таким. Очень добрым в товарищеском общении, но исключительно волевым, твердым, когда речь шла об отстаивании принципов и убеждений.

Он – первым среди юристов – прямо заявил тогда со страниц «Правды», только что вышедшей из-под запрета: то, что произошло в августе, – это антиконституционный переворот.

Так же прямо он старался говорить правду всегда. И до августа 91-го, и после. Чем бы ему это ни грозило.

Вы, наверное, заметили, как много у нас появилось за последние годы правдолюбцев «применительно к обстоятельствам». Заговоривших что-то против прежних власть имущих, когда это стало не только безопасно, а даже выгодно. Раньше говорили совсем иное. Психология проста: они – всегда за тех, кто сегодня сильнее…

Мартемьянов же, как рассказывали мне, работая еще совсем молодым в прокуратуре Москвы, не побоялся выступить против всесильного начальства. Отстаивал Правду и Закон. И был уволен. И чуть не вылетел из партии. Но – не отступил.

Продолжаю разговор с Купцовым:

– А какие у вас были последние встречи с Валентином Семеновичем?

– В конце сентября на дачу меня пригласил. Ну, дача – это сильно сказано. Домик небольшой, дощатый, сам он и строил с друзьями. Между прочим, в Рязанской области, недалеко от родины любимого им Есенина. Хорошо было. Мы вдвоем, осень золотая. Пел он много, особенно из есенинского своего цикла. У него ведь написано шестнадцать романсов и песен на есенинские стихи…

А когда обратно ехали, «Жигуленок» его совсем забарахлил. Старый, изношен до предела. Ничего, говорит, вот получу гонорар за учебник – новые «Жигули» куплю. Только что вышел из печати написанный им учебник «Хозяйственное право», в двух книгах.

Я говорю: поди, гонорара-то нынешнего и не хватит на машину.

Засмеялся: тогда на своих двоих поезжу.

Последние заботы наши такие. Ходили в Арбитражный суд – по поводу партийного имущества. Валентин Семенович был там вместе со мной официальным представителем партии. Все

документы он в основном готовил. И очень переживал, что, несмотря на всю нашу юридическую правоту, суд опять же принял политическое решение.

Немало было у него забот и в Государственной думе. Делился своими соображениями насчет проекта нового Гражданского кодекса. Не раз по этому поводу выступал.

Критиковал очень резко: нет здесь понятия коллективной собственности, заложена возможность продажи земли. И, конечно, приватизация не давала ему покоя. Как специалист по хозяйственному праву, можно сказать, мирового класса, он лучше других понимал грабительский смысл и механизм того, что творят демреформаторы. И все силы свои – как депутат, как ученый, как коммунист – прилагал, чтобы остановить этот грабеж…

Я уже писал: если бы все оболваненные тотальной антикоммунистической пропагандой последних лет узнали, каков он был, коммунист Валентин Мартемьянов!

Ведь коммунистов нынче и в самом деле изображают чуть ли не с дьявольскими рогами. Ленин – бандит. Ленинцы – люмпены, фашисты. Движущая сила революции – зависть.

А может, все-таки чувство справедливости двигало и движет истинными коммунистами? Конечно, всяческая накипь, комначальники наши, пекшиеся только о шкуре своей, основательно навредили благородной идее. Да не о них же речь.

Не удалось мне установить, кому завидовал профессор Мартемьянов. А вот несправедливость так называемого перераспределения государственной (точнее – народной) собственности, когда одним – все, а другим – ничего, вызывала у него страстный протест.

Не о себе он радел – о народе. Громко звучит? Но это – правда. Думаю, за это его и убили.

Брат Владимир рассказывал:

– После Конституционного суда и потом я не раз предупреждал его, что с ним могут расправиться. Он соглашался. Но тут же говорил: «Все равно угодничать перед этим режимом не буду».

Демпресса поспешила выдать: «Версию политической расправы следствие опровергает полностью»… «Происшедшее никак не связано с работой г-на Мартемьянова в Думе. Скорее всего банальное ограбление»…

Такой категорический вывод – всего лишь через три дня после смерти?!

Сын Всеволод:

– У отца есть песня – он лет в 25 ее написал. Там такие слова:

Когда я умру и засыплюсь землею,
Друзьям завещаю:
«Не хнычьте о том,
И память мою – что вам нянчиться с нею —
Запейте хорошим столовым вином».

– Я вчера, – говорит он, – купил хорошего столового вина…

Девять дней. Опять собрались родные и друзья. Татьяна Анатольевна, вдова, рассказывает про удивительное, мистическое совпадение:

– На гроб в могилу мы положили его гитару, символически надорвав струну. Другая гитара осталась дома. И вот ночью после похорон сестра просыпается от странного звука: будто кто-то взял гитарный аккорд. Утром смотрим – струна надорвана. Та же – первая, тонкая струна…

А Сева включает одну из любимых отцовских записей. Красивейший лирический тенор (если бы вы слышали!) поет пронзительные есенинские слова:

Все успокоились, все там будем,
Как в этой жизни радей не радей, —
Вот почему так тянусь я к людям,
Вот почему так люблю людей.

Он, Валентин Семенович, тоже любил людей и всей душой хотел им добра. И столько делал для этого!

… Слышу голос его. Песню, которая только что звучала. Песня обрывается на полуслове…

Ноябрь 1994 г.

Ответственно быть лицом поколения НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР ВАСИЛИЙ ЛАНОВОЙ

Есть актеры, которым выпадает особое счастье – олицетворять целые поколения. Тридцатые годы в нашем кино имеют лицо Николая Крючкова, Бориса Андреева или Петра Алейникова, сороковые – Павла Кадочникова или Владимира Дружникова, а вот пятидесятые и шестидесятые пришли на экран с лицом Василия Ланового.

Нет, разумеется, не только его, но в нем зримо, ярко воплотилось многое как из людей этого времени, так и предшествовавшего, которое тогда уже называли историческим. Вспомним: второй киноролью для начинающего артиста, вернее – еще студента Театрального училища имени Б. В. Щукина стал не кто-нибудь, а Павел Корчагин в одноименном фильме режиссеров А. Алова и В. Наумова. Это ли не лицо поколения молодых коммунистов из эпохи Гражданской войны?

Теперь, когда мы встретились с Василием Семеновичем Лановым перед его семидесятилетием, он рассказал мне, что вначале на роль Павки был взят Георгий Юматов. Что ж, великолепный актер, большой талант, но…

– Режиссерскому замыслу, как я понял, больше соответствовало мое лицо, – провел он ладонью по четким его чертам.

А замысел создателей фильма состоял в том, чтобы показать молодежи середины пятидесятых годов, сколь трудно завоевывалось ее счастье. Не само собой оно далось, не явилось на блюдечке с голубой каемочкой, как за давностью лет могло кому-то представиться. Жертвенность, страдание, преодоление на

пределе всех духовных и физических сил – вот основные мотивы этой суровой киноповести, в центре которой человек, идущий, по сути, на полное самоотречение. Во имя чего? Во имя великой веры своей.

– Иногда меня спрашивают, – говорит Василий Семенович, – как я теперь отношусь к Павке Корчагину? Отвечаю: еще лучше, в тысячу раз лучше. Потому что дай Бог каждому из вас иметь детей, которые во что-то святое верили бы так, как верило это поколение.

Очень обрадовал меня такой ответ артиста! Ведь за последние годы мы стали свидетелями чудовищного предательства многих деятелей искусства по отношению к своим прежним героям. Оттого и деятели эти, еще недавно нами любимые, не только утратили былое обаяние, но и приобрели в наших глазах нечто вполне отталкивающее.

Лановой сохранил свое лицо. Об этом я думал и во время моей предъюбилейной беседы с ним, на которую ссылаюсь здесь, и читая время от времени его высказывания в других изданиях, и на вечере, посвященном 90-летию «Правды», куда он пришел, что само по себе уже поступок, и где прекрасно читал Пушкина и Маяковского.

Он сохранил свое лицо, потому что продолжает нести людям вот это высокое поэтическое слово, величайшую литературу, а не пошлость, в которую, как в отхожее место, с головой окунулись многие из тех же «деятелей культуры». Окунулись, не ведая стыда. Это уже предательство по отношению к самой культуре. Ну как их теперь называть?

В своей книге «Счастливые встречи», вышедшей двадцать лет назад, Василий Лановой написал: «Если обращаться к жизни художника, то, я думаю, есть смысл заглянуть в нее лишь с точки зрения того, как она переплавлялась затем в его творчестве: в роли – если это актер, в музыке – если композитор или исполнитель, в гипсе или граните – если скульптор… Много значит при этом, как начиналось все в его биографии, где те истоки, которые питали позднее его в работе, какие кульминационные моменты, потрясения выпали ему в жизни, которые сделали глубокие засечки в сердце, в памяти».

Для Ланового сильнейшим и, наверное, главным потрясением в жизни стала война. Он встретил ее семилетним мальчишкой в украинской деревне, куда из Москвы приехал к дедушке и бабушке на лето вместе с двумя сестрами ранним утром… 23 июня 1941-го.

Засечки в сердце? Вот две, о которых он не раз писал и рассказывал.

Немец, увидев на мальчике солдатский ремень, требует отдать его. А потом, в подтверждение своего требования, дает автоматную очередь над головой. Пули просвистели у самого уха. Бабушка упала в обморок, дед остолбенел. А Вася долго еще и после войны, занимаясь уже в самодеятельности, продолжал заикаться и с большим трудом избавился от этого недуга.

Вторая неизгладимая засечка в памяти и сердце связана с книгой, которая займет потом такое большое место в его творческой судьбе. Во время оккупации школьный учитель Николай Иванович приносит в класс и читает ребятам «Как закалялась сталь». Предупредив: если немцам станет известно об этом, его повесят. Учитель позже ушел в партизанский отряд, у Васи же в сознании он навсегда соединился с героическим образом из романа Николая Островского.

– Мне пришлось сыграть много ролей положительных, таких, что называются героями, – скажет артист. – Я счастливый человек, потому что судьба давала мне в этом смысле прекрасный литературный и человеческий материал.

А началось, как видим, оттуда, из военного детства. И в будущих его военных ролях те впечатления по-своему отольются. От первой большой работы на сцене родного Театра имени Евг. Вахтангова – это был юный политрук в спектакле Евгения Симонова по пьесе Б. Рымаря «Вечная слава» – до знаменитых «Офицеров», где в паре в Г. Юматовым они создадут поистине культовые образы советских военных. Не «господ офицеров», которые хрипло восславляются нынче с эстрады, а товарищей офицеров.

Сегодняшняя активная работа артиста в общественном фонде «Армия и культура», который он возглавляет уже почти десять лет, тоже видится мне продолжением лучших советских традиций – творческого шефства над армейскими частями и подразделениями. С волнением рассказывает о поездках в Грозный и Гудермес, о встречах с воинами, о выступлениях перед ранеными в госпиталях. Вот и в день нашей встречи, которая состоялась в его театральной гримерной, он готовился ехать вечером в подмосковное Одинцово, в военный госпиталь, где лечатся раненые из Чечни.

Обращаясь к истокам его творчества и началу актерского пути, нельзя не сказать еще об одном обстоятельстве. Играть он начал в детской театральной студии при Дворце культуры автозавода имени Лихачева.

Сколько таких студий создано было в Советской стране и во скольких рабочих клубах, домах и дворцах культуры! Только в окрестностях редакции «Правды» было их три. Теперь в двух –

казино, в третьем готовятся открыть нечто подобное.

А вот тринадцатилетний Вася, сын рабочих химзавода, гулял однажды со своим другом Володей Земляникиным по улицам в районе ЗИЛа и увидел афишу

«М. Твен – „Том Сойер“, „Друзья из Питсбурга“ Захотелось посмотреть, а потом и записаться в коллектив, где играли их сверстники. Очень просто. Результат же оказался – на всю жизнь.

В 1951 году на Всесоюзном конкурсе самодеятельных театров первой премии был удостоен спектакль по пьесе Л. Гераскиной «Аттестат зрелости», где Лановой сыграл главную роль. Через три года на экраны выходит фильм «Аттестат зрелости». Первая роль Ланового в кино. Ну и, вполне естественно, Щукинское училище, а затем прославленный Вахтанговский театр.

Василий Семенович, сохранивший глубочайшую благодарность своему первому театральному учителю во Дворце культуры Сергею Львовичу Штейну, перечисляет вышедших из студии ЗИЛа известных артистов и режиссеров: Вера Васильева, Татьяна Шмыга, Юрий Катин-Ярцев, Игорь Таланкин, Алексей Локтев, Валерий Носик, Владимир Земляникин…

Могут ли нынешние «Фабрики звезд», поющие на чужих языках, заменить тот отбор и то воспитание талантов, которые мы имели?

Особо говорит Василий Семенович о воспитании художественного вкуса на высших литературных образцах, основы которого он получил именно в автозаводской студии.

– Первое произведение, с которого мы начали занятия по художественному чтению, было ни больше ни меньше – «Война и мир». Толстой, Гоголь, Пушкин – какие глыбы в мировой литературе и художественной культуре в целом! И мы тянулись до этого уровня, постигали богатство великой русской культуры, красоту русского слова, что осталось во мне навсегда.

Он отказывается сегодня от многих предложений в кино и на телевидении, поскольку принять их не позволяет выработанный с детства и юности вкус. Не позволяют художественная взыскательность, четкое понимание, что такое в искусстве хорошо, а что такое плохо.

– Вот телепрограмму по Тютчеву делал с наслаждением, Бунина готов читать бесконечно, а все эти «бандюжьи» фильмы терпеть не могу. Извините, такое не для меня.

Скажем спасибо Василию Лановому за его верность исконным принципам отечественной культуры, за достоинство художника, за искренность и честность. Но что же происходит и что будет с теми героями, которым он в основном посвятил замечательный свой талант? Многих попытались дискредитировать или просто

«вычеркнуть». У них трудная нынче судьба – как в жизни, так и в искусстве. Однако давайте еще раз послушаем самого Василия Семеновича Ланового.

– Нравственное оскудение, а то и потеря героя – неестественное состояние для искусства. Человек всегда хочет видеть рядом с собой людей благородных, честных, сильных духом, верных, способных на подлинные человеческие чувства, на совершение поступков, двигающих общество вперед. И герой, несущий добро и справедливость, способный пробудить спящую совесть, поднять людей на правое дело, – вечен, как вечны сами понятия добра и зла.

Вы согласны с артистом? Я – полностью.

Январь 2004 г.

«Родина моя в венце терновом…» РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЖИЗНЕННОЙ И ТВОРЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ НАРОДНОГО АРТИСТА РОССИИ НИКОЛАЯ ГУБЕНКО

Скажите, кому и чем может быть интересен человек, который думает только о себе и руководствуется в жизни лишь одним – стремлением к личной выгоде? Если дан ему талант, то проявления этого дара, конечно, заинтересовывают людей и привлекают. Чем больше талант, тем большее к нему внимание. Но вдвойне бывает досадно, когда оказывается, что значительный дар принадлежит ничтожной личности.

Сколько за последнее десятилетие довелось пережить подобных разочарований! Никто не убедит меня теперь в том, что народный артист СССР, игравший Ленина и с пафосом рассуждавший о величии Ленина, а потом вдруг, в угоду конъюнктуре, заговоривший совсем противоположное, действительно личность. Или еще один представитель театра, кино и телевидения, разыгравший на телеэкране политический мини-спектакль со сжиганием своего партбилета и, мало того, взахлеб уверявший вскоре, что ельцинская книга «Записки президента» – это чтение на уровне Льва Толстого. Неужели кому-

то не ясны побудительные мотивы такого поступка и таких высказываний? И неужто после этого такой человек может вызывать интерес, а тем более уважение?

Вот на каком фоне я думаю о народном артисте России Николае Губенко. Он тоже играл Ленина в телевизионном сериале, однако с изменившейся политической конъюнктурой мнение о своем герое не изменил. Он многие годы не состоял в КПСС, правящей тогда партии. Однако, получив партбилет незадолго до ее разгрома, не стал его демонстративно сжигать или выбрасывать. Более того, он пришел в КПРФ – партию, которая заявила себя преемницей партии Ленина и Сталина, а быть членом ее, если с точки зрения личной выгоды, нынче уж абсолютно ни к чему!

Значит, Николай Губенко руководствуется другой точкой зрения и побудительные мотивы у него иные? Вот это для меня по-настоящему интересно.

Да и не только для меня, я думаю. Всегда, пока живо человечество, примеры верности принципам и убеждениям сохранят свой высокий и притягательный смысл. Собственно, по большому счету достоинство человека определяется поступками и делами в интересах народа, а не корыстными соображениями. Не они, а желание общего блага становится главным! Как там у русского поэта сказано? «Иди в огонь за честь Отчизны, за убежденье, за любовь…»

Хотя можно даже с пафосом читать эти и другие призывно-красивые строки, а жить, поступать, действовать иначе. Для актера-то тем более игра – это профессия. Быть героем на сцене или экране вовсе не значит и в жизни вести себя героически.

Губенко в моем представлении ведет себя как самые лучшие из его героев.

Давайте кое-что вспомним и задумаемся. К роковому 1991 году был он уже очень известным в советском искусстве. Выдающийся актер и кинорежиссер вполне обоснованно и заслуженно стал министром культуры СССР.

Как должен он был поступить, когда Советской власти и СССР не стало? Для ищущих выгоды все было предельно просто, и мы видели, как они себя повели. Он бы тоже мог. Ну если не сжечь партбилет перед телекамерой, то в речах поносить и это советское искусство, и Советскую власть, и СССР как империю зла.

Мог? В том-то и дело, что не мог! У меня на эту тему был большой разговор с Жанной Болотовой, самым близким ему человеком – женой, коллегой, товарищем. И она сказала, что ни на минуту даже мысли такой не возникло у них. Хотя они

остались без работы и без денег, а завтрашний день грозил еще большими неприятностями.

– Если бы мы поступили иначе, – сказала Жанна Андреевна, – мы предали бы не только себя, но и наших родителей.

К теме родителей я еще вернусь. А вот тогда, в тяжелейшие и казавшиеся безысходными дни после августа 1991 года, им позвонил министр культуры Белоруссии и предложил приехать с концертом в республику. До того они не выступали с концертами, но собрались очень быстро. И программа, с которой выступили в белорусских городах и селах, была во славу того самого советского искусства, которое они тоже не предали. А необыкновенно горячий отклик слушателей укрепил их чувство, что они далеко не одиноки в своем отношении к Советской власти и СССР.

В конце ноября 1999 года депутат российской Государственной думы от КПРФ Николай Губенко приехал в Минск для участия в митинге, посвященном предстоящему подписанию Договора о Союзе Белоруссии и России. Когда объявили его имя, весь огромный зал встал, приветствуя представителя братского народа. И он, опытнейший актер, не сразу смог начать говорить – перехватило горло от волнения…

Итак, они были и остались советскими людьми, Николай Губенко и Жанна Болотова. Как нынче таких называют? «Совками»? «Упертыми»? Если это верность себе и своим убеждениям, то да здравствует такая «упертость»!

В них живет искреннее и глубокое восхищение подвигом народа, столько успевшего совершить за какие-то семьдесят лет. Уверены: только по злому умыслу или недомыслию кто-то может объявлять эти великие семьдесят лет провалом, «черной дырой» в истории страны. Годы, за которые страна поднялась от сохи до космоса, построила города и железные дороги, создала надводный, подводный и воздушный флот, осветила свои просторы от края до края. А теперь в дальневосточных городах и поселках электричество включают на один-два часа, но юморист Аркадий Арканов тем временем тешит публику с телеэкрана своей хохмаческой программой под названием «От Ильича до лампочки». Ну, конечно, чтобы поиздеваться и над самим этим памятным – «лампочка Ильича».

Юмористы, юмористы, время повального юмора.

– Такое впечатление, – говорит Жанна Болотова, – что народ с помощью телеящика подвергнут круглосуточному наркозу. Или вынимают у людей мозги и прополаскивают, чтобы не думали, забыли даже имя свое.

Они – помнят. И хотят, чтобы помнили другие! Этому

посвящены их концерты, с которыми за последние годы побывали во многих местах родной страны. Этому служит и театр «Содружество актеров Таганки», созданный Николаем Губенко.

* * *

О театре надо сказать особо. Казалось бы, по всем статьям его не должно быть, потому что с самого начала все было против него. Когда Юрий Любимов вернулся из-за рубежа, он неожиданно объявил о резком сокращении труппы, остававшейся верной ему все эти годы.

– А куда же пойдут остальные? – спросил Губенко.

– Хоть на улицу, – был ответ.

С этим Губенко примириться не мог. Почему? Я на днях прочитал статью десятилетней давности, написанную его товарищем Леонидом Филатовым. Так вот есть в ней такие слова о Губенко: «Не будучи с ним знакомым и лишь вычисляя его по театральным и киношным работам, многие считают его суровым, волевым, жестким человеком. Все это действительно так, но он человек не подавляющий, а очень нежный. И люди, с ним работающие, это знают».

Да, и знают еще, что он очень справедливый. Именно чувство справедливости подвигло Николая Губенко на противостояние Юрию Любимову и московским властям в решении создать из отвергнутой части труппы свой театр. Ему было дано хорошее и вполне соответствующее сути дела название: «Содружество актеров Таганки». Но – потребовались годы и невероятные усилия, чтобы отстоять право театра на жизнь.

Помню встречу с Николаем Николаевичем где-то в начале 1993-го, когда он за время нашего разговора выкурил, по-моему, целую пачку сигарет. Изможденный Губенко, специально приехавший из больницы Филатов, едва поставленный на ноги после тяжелейшей болезни, проводили пресс-конференцию перед очередным судом.

Помню и суд. Напряжение в зале достигло наивысшего предела, когда должно было прозвучать решение. В пользу нового театра или московской мэрии, которая хочет владеть этим зданием? А судья, между прочим, ждет от мэрии квартиру. Он вышел бледнее бумаги, но голосом, достаточно твердым, зачитал: театр «Содружество актеров Таганки» имеет все законные права на занимаемое помещение.

Думаю, Россию и справедливость в России спасут в конце концов такие люди, как этот судья и Николай Губенко.

– С 1993 по 1995 год мы выиграли двадцать семь судов, – рассказывает он мне крайне усталым голосом, когда мы встретились с ним после спектакля «Чайка», в котором он играет Тригорина. – Из этих судов – три высших, арбитражных: с правительством Москвы, Театром Любимова, Москомимуществом. Все суды признали наше право на существование, на территориальный и имущественный раздел. Но, несмотря на это, «Содружество актеров Таганки» – единственный московский театр, который до сих пор не финансируется. Зарплаты у нас минимальные. Легенда Театра на Таганке – народная артистка России Зинаида Славина, которая пришла сюда вместе с Юрием Петровичем Любимовым, участвовала в первом спектакле «Добрый человек из Сезуана» и сыграла тысячу шестьсот «Добрых человек», получала всего 750 рублей в месяц. А у нее старики родители, квартира, коммунальные расходы…

Сейчас в театре три четверти труппы – молодежь. Когда берут молодого актера, то предупреждают, что первая зарплата – 350–400 рублей. Ребята говорят: «Мы сюда не за деньгами пришли».

Вот это, может быть, и есть самое дорогое – такая атмосфера. Истинного содружества! И, разумеется, репертуар, в котором уже двенадцать названий. Классика – Гоголь, Чехов, Горький, Салтыков-Щедрин – сочетается с поэтическими спектаклями, неизменные соавторы которых – Николай Губенко и Жанна Болотова.

Это спектакли, похожие на литературно-музыкальную исповедь. Как правило, композиция почти целиком состоит из стихов и песен, причем таких, которые близки их собственной душе. «Владимир Высоцкий» – рассказ о товарище по театру юношеских лет, «Афган» – о пронзительно волнующих судьбах солдат «войны незнаменитой», ну и, конечно, «День Победы» – о самом заветном для них. Потому что оба они называют себя детьми той войны, той Великой Победы.

Отец Губенко ушел на фронт добровольцем в июне 41-го, а в июле погиб. Он так и не узнал, что 17 августа у него родился сын Николай, которому в одиннадцать месяцев в оккупированной Одессе суждено будет остаться и без матери. А Жанна родилась 19 октября, когда враг стоял у стен Москвы. Она родилась в Сибири, а отец в это время был тяжело ранен на подступах к столице. Его считали погибшим, и когда много лет спустя он навестил подмосковную деревню, где шли те кровопролитные бои, прочитал на обелиске свою фамилию и свои инициалы.

Он очень хотел дожить до 50-летия Победы. Но не сбылось. И спектакль, который они посвятили великой этой дате, был посвящен и ему, и отцу Николая, и миллионам других, не

вернувшихся или, по счастью, вернувшихся с жестокой и самой справедливой войны, в которой отстояли честь и независимость Родины. Вот почему, когда Николай Губенко так страстно и так искренне читает со сцены потрясающие строки Ольги Берггольц, мне представляется, что он читает их от имени своего отца и его товарищей:

Мы предчувствовали полыханье
Этого трагического дня.
Он пришел. Вот жизнь моя, дыханье.
Родина! Возьми их у меня!
Я люблю Тебя любовью новой,
Горькой, всепрощающей, живой,
Родина моя в венце терновом
С темной радугой над головой.
Он настал, наш час.
И что он значит —
Только нам с Тобою знать дано.
Я люблю Тебя – я не могу иначе.
Я и Ты – по-прежнему – одно.

Да, конечно, он читал это и на вечере, посвященном представлению избирательного объединения «Коммунистическая партия Российской Федерации», от имени отца и его поколения. Так они мысленно разговаривали с Родиной, когда над ней нависла смертельная опасность.

Но он читал это и от своего имени! С такими же словами, я думаю, обращается сам он в мыслях к Родине сегодня, ибо опасность, грозящая ей теперь, не меньше той, что была в 41-м. И чтобы спасти ее, требуется не меньшая любовь, самоотверженность, самоотдача.

Он это понимает и именно так, с полной самоотдачей во имя Родины живет и работает все последние годы. А что же еще привело его в политику, если не это? Почему он стал членом ЦК КПРФ – партии, которая не дает никаких выгод, но твердо отстаивает независимость и честь Родины? Для него, как на передовой в годы Великой Отечественной, властно и вдохновенно звучит призыв: «Коммунисты, вперед! За Победу!»

Послушайте, как говорил он с трибуны Государственной думы, когда решался вопрос об импичменте – отставке обанкротившегося президента:

«Семь с лишним лет у власти оставшейся в одиночестве России стоит Борис Ельцин. Семь лет – это возраст, когда ребенок идет в школу. В семь лет его учат писать на доске первые слова:

„мама“, „Родина“. В мое время следующим словом было „Сталин“. Учебник истории г-на Кредера, по которому нынче обучаются школьники, упоминает Сталина главным образом как политического интригана, диктатора. Ни слова – о значении личности Сталина в победе советского народа над гитлеровским фашизмом, целью которого было уничтожение СССР.

Вот уже восьмой год слово «Родина», которое школьники моего поколения с гордостью писали мелом на доске, уничтожено одним росчерком пера Ельцина в Беловежье. Все предыдущие попытки слома российской цивилизации, от тевтонов до Наполеона и Гитлера, были неудачными. Борис Ельцин воплотил в жизнь мечту Гитлера.

Не случайно, наверное, президент так убежденно на всех этапах противостоял закону «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации». Не случайно пьяный президент плясал в Германии на могилах наших отцов. Не случайно под его дирижерскую палочку количество жертв Великой Отечественной странным образом почти совпадает с количеством русских, брошенных на произвол судьбы в результате беловежских соглашений. Следствием этого явились таджикская, абхазская, приднестровская, чеченская войны, хаос и неразбериха в управлении государством, бесчестное ограбление миллионов. Это и удар по духовным основам нашей культуры!..»

Заместитель председателя Комитета Госдумы по культуре коммунист Николай Губенко делал на этом посту все от него зависящее, чтобы сохранить и восстановить духовный потенциал страны. Кроме упомянутого закона о перемещенных культурных ценностях, настоящая битва шла за важнейший на сегодняшний день закон о советах по нравственности на телевидении. Губенко знает: чем важнее, необходимее для нашей культуры закон, тем больше вероятности, что президент наложит свое вето. Но и далеко не все коллеги по Думе готовы были голосовать за крайне нужные для отечественной культуры законоположения. И вот он, Губенко, перед очередным решением проблемы, за которую болеет всем существом своим, обходит буквально каждого депутата, каждому объясняет и каждого убеждает! А членам Совета Федерации (тоже всем!) пишет поименные письма…

Товарищи, которые его хорошо знают, говорят так: работает он на пределе человеческих сил. Да я и сам могу это подтвердить, ибо не раз был тому свидетелем.

Декабрь 1999 г.

В «новой» России трудно живется творческим людям,

особенно тем, кто отстаивает свои идеалы и убеждения. И только мужество и воля Николая Николаевича помогают ему активно бороться за свои цели и добиваться результата.

В 2005 году его выдвинули от КПРФ кандидатом в депутаты Московской городской думы.

Он провел много встреч, выступлений, бесед с москвичами в период предвыборной кампании, и они оказали ему доверие, избрав своим депутатом.

Теперь полномочный представитель партии коммунистов имеет возможность отстаивать позицию КПРФ в законодательном органе столицы.

Февраль 2007 г.

Слово о бескорыстии пенсионера Молчанова
В НЕМ ВОПЛОТИЛСЯ РУССКИЙ, СОВЕТСКИЙ ХАРАКТЕР

Его зовут Василий Исаевич Молчанов. Летом 1993-го, когда миллион рублей был еще большой суммой, а для многих – очень большой, он передал свой миллион на строительство Музея маршала Жукова. Через некоторое время внес 5 миллионов в фонд строительства храма на историческом Прохоровском поле – в память о погибших на Курской дуге.

Нет, он не банкир и не удачливый предприниматель. Обычный пенсионер, а до пенсии был рабочим. В общем, ветеран труда.

Сразу спрашиваю: откуда же деньги?

Обменяв двухкомнатную квартиру на однокомнатную, получил доплату. И все полученное отдал.

Знаете, как все произошло в первый раз? Прочитав в газете, что строительство Музея маршала Жукова в родном селе великого полководца испытывает трудности со средствами, и решив посильно помочь, он послал письмо в администрацию Жуковского района Калужской области. С просьбой приехать к

нему (поскольку сам приехать не может) и принять миллион рублей. А тогда, в июле 1993 года, миллион действительно еще звучал! Да к тому же от пенсионера…

Прибыл представитель администрации, взял деньги и, поблагодарив, отбыл. Только и всего. Вполне буднично и незаметно. Написали об этом лишь в тамошней районной газете, да некоторое время коротенькая тассовская информация проникла в пару московских газет. Остальные даже не заинтересовались. Но его это и не волновало. Он себе жил-поживал и не суетился, и муки неудовлетворенного тщеславия ни капельки не беспокоили, потому что ни в голове, ни в душе этого не держал.

Я-то, случайно наткнувшись задним числом на «летнюю» заметку, позвонил ему уже через полгода. И он был невероятно удивлен и растерян. Сказал, что никакая реклама ему не нужна. Искренне сказал, без малейшей рисовки, что заставило вспомнить иных богатых благотворителей, которые без присутствия телевидения и газет гроша ломаного не выложат. А его я убедил в необходимости газетного материала только вот каким аргументом: коли говорится, что дурной пример заразителен, действенным должен быть и пример добрый. Но как станет таковым, если люди о нем не узнают?

Между прочим, его пример в определенной степени сработал. И Василий Исаевич был рад, конечно, когда узнал: после очерка в «Правде» поступления на Музей Жукова заметно возросли. Даже нашелся человек, Виталий Иванович Куль, который тоже внес миллион!

Но про все это я рассказал герою моего очерка уже потом, опять-таки почти полгода спустя, вторично приехав к нему. Снова, надо заметить, по поводу весьма интересному. Об этом – дальше, а сейчас – впечатления от первой встречи.

Прямо скажу: квартирка, которую я разыскал в районе Измайлова, не поразила богатством и роскошью. Какое там! Самая скромная по обстановке квартирка. А хозяин встретил, опираясь на палку (инвалид первой группы, как я узнал в разговоре), со слуховым аппаратом и в сильных, выпуклых очках. Что ж, возраст почтенный: уже к 89 пошло тогда.

Представляется:

– Это я и есть – Василий Исаевич Молчанов.

Сидим, пьем чай с вареньем, который предложила жена Виктория Степановна. И рассказывает он мне о своей жизни, отразившей многие хрестоматийные страницы истории страны за последние три четверти века, – истории, ныне полностью и столь размашисто преданной проклятию, будто и не было в ней ничего-

ничего доброго и хорошего.

А для него – собственная жизнь, биография. И с хорошим, и с плохим.

Родился в жарком 1905-м. Мать до Октябрьской революции была неграмотная. Отец, рабочий на бакинских нефтепромыслах, умер вскоре после его рождения. Усыновил друг отца, тоже рабочий.

Юный Вася успел в 15 лет Гражданскую застать – на Кубани, в маршевой роте. Воевал. Потом учеба в ФЗУ в городе Армавире и активное участие в агитационном самодеятельном театре «Синяя блуза», работа подручным газосварщика и затем газосварщиком на прокладке нефтепровода Грозный – Туапсе.

– Газосварка стала профессией моей на все последующие годы, – говорит он.

– Про трубопровод Баку – Батум слышали? Вот там работал, а переехав в Москву, – на ЗИЛе. Впрочем, тогда это еще АМО был, Лихачева я знал директором.

Из Москвы – на Кузнецкстрой, где в 1931-м стал коммунистом, оттуда – в Комсомольск. В начале 1941-го приступили к строительству нефтепровода Оха – Софийск – Комсомольск через Татарский пролив – стройка, воспетая в романе Василия Ажаева «Далеко от Москвы».

– Ну и как он описал? – спрашиваю. – Похоже?

– Кое-что приукрасил. И про АмурЛАГ, конечно, смолчал. Но работали-то мы все действительно на победу. Сильно работали!

Да, недаром, я думаю, он был награжден боевым орденом Красной Звезды за строительство стратегических трубопроводов во время войны.

А вскоре после войны, в 1949-м, была и Сталинская премия – в числе рабочих, особо отличившихся на важнейших для Родины стройках.

Нефтепровод Астрахань – Саратов, газопроводы Саратов – Москва и Дашава – Киев – Москва… Все это он прокладывал со своими товарищами. Представить только, как много и за какой короткий срок построено было в разоренной войной стране в те труднейшие годы! Ведь именно с тех пор мы так привычно и непринужденно пользуемся, скажем, газовыми плитами в столице…

Много где Василий Исаевич потрудился в разных концах Отечества. А приплюсуйте сюда Монголию и Афганистан (задолго до тамошней войны здесь был – и не воевал, а строил), так картина получится еще более грандиозная. Причем работал всюду с полной отдачей сил. Иначе, как и большинство его товарищей, просто не мог!

– В конце концов, – рассказывает, – все-таки устал. Пришлось в 55 лет уйти на пенсию. И тут же хватил меня инфаркт. Думал, концы отдам. Нет, живуч, выкарабкался.

– Василий Исаевич, – подступаюсь я к поводу своего визита, – а как все же эта мысль к вам пришла – отдать кровный миллион на Музей Жукова?

– Очень просто. Прочитал в газете информацию: «Музей маршала Жукова решено построить. Видимо, без денег.» И ахнул: оказывается, постановление о строительстве музея принято российским правительством еще восемь лет назад, а государственных вложений так и не было выделено. Все во мне, знаете, закипело. Надо же, средства на увековечение памяти такого человека собирают по крохам! Ну а у меня как раз появились деньги – вот я и подумал: благое дело. Тотчас как-то решил.

– И ни с кем не посоветовались?

– По правде говоря, нет. Но жена и дети не осудили меня.

– А вы богатый человек?

– 3600 рублей на сберкнижке.

Здесь я прерву последовательный рассказ о первой встрече с пенсионером Василием Исаевичем Молчановым и попробую воспроизвести тогдашние мои мысли в связи с тем, что услышал от него.

Итак, человек он, как вы поняли, далеко не из самых обеспеченных. Хоть и работал всю жизнь честно, богатств больших не накопил. А что было – превратилось волею «реформаторов» в ничто. Добавлю: пенсию на момент нашего разговора он получал 48 тысяч рублей, жена – 20 тысяч.

То есть ему миллион тот был ой каким нелишним. Что же заставило расстаться с немалыми деньгами во имя дела, кажется, далекого и лично ему ничего не дающего?

Мои попытки разгадать психологическую загадку и получить сколько-нибудь прямой ответ долго ни к чему не приводили. И Василий Исаевич, и Виктория Степановна говорили больше о своем поколении. Как много ему довелось перенести, что значила тогда помощь людей друг другу, сколь высоки были понятия Родины и патриотизма.

– Когда нефтепровод или газопровод строили, я чувствовал, что пользу стране приношу. Было постоянное ощущение связи со всей страной и ее нуждами. Это и помогало самые тяжкие трудности выдерживать…

– Я в Новосибирске жила, когда война началась… Помню, первые эвакуированные появились, и каждая семья старалась их к себе принять…

– А помните, люди деньги вносили из своих сбережений на танковые колонны и самолеты?…

Потом, уже прощаясь, Василий Исаевич вдруг скажет мне:

– В общем-то, я это для себя сделал. Как хотите так и понимайте. Если бы не сделал, спокойно бы себя не чувствовал.

«Для себя…» Всю дорогу, пока ехал от него, и после, день за днем, думал над этими его словами. Как раз совпало, что в ту пору шли в редакции «Правды» отклики на опубликованную мою статью «Я не смогу убить своих детей…». Многих затронула горькая судьба бедной семьи, оказавшейся «благодаря» тем же «радикал-реформаторам» в трагическом положении. Люди слали ей в помощь деньги, вещи, продукты. И вот что обратило на себя внимание: слали в основном люди сами бедные, причем в большинстве – пожилые, пенсионеры. Опять то же поколение? Некоторые, не сговариваясь с Молчановым и обращаясь к героине статьи, писали: «Поймите, я это делаю не только для вас, Валерия Петровна, но и для себя. Чтобы совесть моя была спокойна».

Не знаю, достаточно ли у меня оснований резко противопоставлять мораль нашего советского поколения, которое ныне уже уходит, и того, что приходит ему на смену. В каждом поколении есть разные люди – это факт. Но есть идеалы, которые людям светят, на которые равняются, которые подтягивают человека к своей высоте.

Известно: много веков духовной и нравственной основой народа русского были заповеди человеческой любви. Однако пора наконец всем обратить на это внимание и признать – вера в идеалы добра и справедливости, отзывчивость и взаимопомощь, любовь к Родине и ближнему своему (да и к дальнему!) у нас сохранились. Они ведь окрепли в большинстве народа нашего за советские годы! Сколь это может показаться ни парадоксально, при всех жестокостях перенесенных общественных катаклизмов, при всех трудностях суровой эпохи очень многие жили, по существу, теми же заповедями любви и проявляли нередко бескорыстие, восходящее до самопожертвования.

Идеалом для нас – пусть вспомнят все имеющие память – был именно человек, который жил не столько для себя, сколько для других. Даже умереть за других мог. Такими были любимые герои нашего времени – от Александра Стаханова до Александра Матросова, от Паши Ангелиной до Зои Космодемьянской.

Таковы и русские святые!

Такой же увидел героиню одного из лучших своих рассказов – «Матренин двор» Александр Солженицын. Убежденный антикоммунист, он создал, однако, впечатляющий образ, который по нравственному пафосу весьма далек от стяжательского,

эгоистичного, бездуховного капитализма.

Перечитайте рассказ. Вот его заключительные строки – философское поминовение реальной владимирской крестьянки 40-х – 50-х годов нашего века Матрены Васильевны Захаровой:

«Не гналась за обзаводом… Не выбивалась, чтобы купить вещи и потом беречь их больше своей жизни.

Не гналась за нарядами. За одеждой, приукрашивающей уродов и злодеев.

Не понятая и брошенная даже мужем своим, схоронившая шесть детей, но не нрав свой общительный, чуждая сестрам, золовкам, смешная, по-глупому работающая на других бесплатно, – она не скопила имущества к смерти. Грязно-белая коза, колченогая кошка, фикусы…

Все мы жили рядом с ней и не поняли, что есть она тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село.

Ни город.

Ни вся земля наша».

Воистину так! Но ведь русская крестьянка Матрена, советская колхозница Матрена – это тот же предаваемый анафеме бескорыстный человек и потому многим (особенно сегодня!) кажущийся глупым и смешным.

Между тем именно такой человек несет высокий нравственный идеал. Да и не представляю, чтобы идеалом для любого истинно русского и равно советского писателя стал шкурник, основной смысл жизни которого сводится лишь к этой самой погоне «за обзаводом». А уж тем более – хищник, достигающий богатства любым способом, не останавливаясь ни перед чем…

Нет, не был подобный человек героем в нашей литературе и главное – в жизни.

Ну а теперь что происходит? Смена идеалов? Превыше всего – личное благополучие и материальный успех? Любой ценой: деньги не пахнут! Нравственно то, что дает тебе выгоду…

Это и с традиционным православием, которое вроде бы начало возрождаться на Руси, невозможно согласовать. Ведь едва ли не самое существенное в нем – дух нестяжания. Вспомните один из основополагающих христианских постулатов: легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому попасть в Царствие Небесное. Не потому ли все агрессивнее, все напористее натиск в нашу страну западного протестантизма, утверждающего, что достоинство твое, в том числе перед Богом, определяется личным успехом, а накопленный капитал искупает и оправдывает что угодно. Богатей! А уж какими там неправедными путями разбогатеешь – не суть важно…

Эта мысль все упорнее вдалбливается в головы наших людей – с телеэкранов, по радио, с газетных страниц. Вот небезызвестный пародист-политолог собирает перед телекамерой «круглый стол» на тему «Духовность и богатство». Главная цель – доказать, что истинно духовным может быть только богатый человек. В качестве живого идеала представлен… миллиардер Боровой. Судя по всему, именно он призван теперь заменить прежних наших святых и героев.

А накануне выборов в Думу выступает в газете «Культура» маститый доктор экономических наук. Отвечая на вопрос, кого бы он хотел видеть в Федеральном собрании, ученый мощно обрушился на кандидата, обнародовавшего декларацию о своих личных доходах. Возмущение вызвала не декларация сама по себе, а тот факт, что доходы оказались недостаточно внушительными. Следует вывод: такой и страну не обогатит. Нет, пусть придут к власти (дословно!) «хулиганы, бандиты, разбойники» – подобные тем, «кто поднял такие достигнувшие большого экономического успеха страны, как США, Австралия, Новая Зеландия».

А на телеэкране девчушка лет трех, едва научившаяся говорить, вытягивая ручку с поднятым вверх пальцем, картавит: «Я стану во-от такой миллионершей! У меня будет во-от такой миллион!».

Вторит ей мальчик в коротких штанишках: «Я стал миллионером – вот повезло!».

Самые частые и азартные передачи – «Час Фортуны», «Лотто „Миллион“, „Поле чудес“… Да несть уже им числа! На что рассчитаны? Разжечь пылкую мечту о бешеных деньгах, откуда бы они ни пришли. Опять-таки деньги, деньги! Деньги любой ценой.

И вот уже четырнадцатилетний подросток заносит в свою записную книжку: «Похищение и убийство ребенка с целью получения выкупа за него в 1 миллион рублей». И зверский план осуществляется – восьмилетний Женя убит…

Об этом преступлении, происшедшем в Костроме, я писал в газете почти за год до очерка о бескорыстном поступке Молчанова. С тех пор малолетних разбойников, метящих в Рокфеллеры, стало несметно много. И я невольно думал: поймут ли они человека, который не украл миллион, не добыл его убийством, а, получив за собственную квартиру, добровольно отдал на какой-то музей? Во всяком случае, некоторые из ребят, кому я рассказывал про такой поступок, выражали откровенное недоумение, а то и усмехались.

Страшно! Выходит, на месте, где положено быть душе, у них образовалась жуткая пустота, где горит лишь всепоглощающий

огонь личного обогащения. Какой же человек будущего, думал я, растет в нашей среде и каким он вырастет?…

Так вот, прошло после публикации моего очерка в «Правде» полгода. За это время мы с Василием Исаевичем не виделись ни разу. Даже не перезванивались. И вдруг звонит:

– Не могли бы приехать? Очень надо посоветоваться.

Оказалось, дело такое. У него осталась еще сумма от денег за квартирный обмен, и он хочет отдать на какое-нибудь благое общественное деяние. Прочитал о сооружении храма-памятника на Прохоровском поле – может, туда?

Впрочем, он уже решил. Совет нужен был о другом: кому и как лучше вручить эти 5 миллионов, дабы попали они точно по адресу. Он ведь, увы, наслышан про махинации, которые случаются вокруг разных денежных фондов. Хотелось бы избежать.

Когда он это мне высказал, я сразу понял, что конкретно предложу ему. Вспомнил: попечительский совет «Прохоровское поле» возглавляет Николай Иванович Рыжков. Он и председатель общественного редакционного совета «Правды». Волею провидения, что ли, сошлись две эти его миссии. Наверное, не откажет, если попрошу, чтобы сам он принял дар ветерана в помощь святой стройке…

Николай Иванович, конечно, не отказал, и Василий Исаевич был обрадован моим известием.

На том, собственно, если следовать внешней канве происходившего, можно было бы поставить точку, заключив, что вручение означенной суммы главе попечительского совета состоялось на квартире дарителя во вторник, 4 октября 1994 года, в 11 часов 30 минут, будучи сопровождено теплой беседой и горячим дружеским чаем.

Но я точку все же не поставлю. Поскольку считаю совершенно необходимым сказать еще кое-что по поводу столь, согласитесь, необычных поступков пенсионера Молчанова. Необычных особенно для нынешнего нашего времени!

Буквально в те дни, когда мой герой принял окончательное решение безвозмездно передать для общественного дела пять миллионов рублей, я прочитал в респектабельной «демократической» газете такой материал. В Ярославской области на частном картофельном поле убиты два человека. Хозяева – «молодые фермеры-компаньоны, весьма положительно характеризуемые» (именно так говорилось в газете!), – лишили жизни двоих за… четыре килограмма картошки, которые они выкопали. Невольно сопоставилось: один отдает пять миллионов, а другие убивают за четыре килограмма… При этом меня

поразило еще вот что: корреспондент даже не высказывал большого сожаления! Для него случившееся стало поводом поразмышлять об усилившейся охране собственности. И только. Раньше, дескать, социалистическая собственность была как бы ничья, и ее растаскивали. А теперь стало иначе.

Убитых же автор даже людьми не называл: «бомжи», «бродяги», «помятые личности».

И опять я думал: вот он, ужас, к которому мы катимся! За свое можно убить.

Собственность – Бог.

Деньги – Бог.

Человек человеку – волк.

Причем происходит такое на фоне истерических причитаний наших либералов с требованиями отмены смертной казни. На фоне отрадного расширения церковности, которая должна возвышать нравственность общества.

Нет, правители наши по праздникам картинно стоят в церкви со свечками, а весь общественный дух между тем направляется и движется совсем в иную сторону.

Не случайно про поступки Василия Исаевича Молчанова ни в газетах не рассказали, как было бы раньше, ни на телевидение не пригласили его. Он теперь – не герой нашего времени.

Ну а кто постоянно мелькает на телеэкране и кем переполнено большинство газет – вы сами видите. Все больше вырисовывается и утверждается иной идеал – человека, мягко говоря, небескорыстного. И контраст между Молчановым и каким-нибудь Березовским (или Гусинским, Смоленским и т. п.), конечно, разительный.

Согласитесь, прямо-таки вопиющий получается контраст у этого «негероя» с теми, кто нынче, как говорится, правит бал, – грабящими Родину и близких своих, ненасытными, чавкающими, рвущими из глотки друг у друга, жадно захватывающими землю, возводящими на ней роскошные дворцы и виллы, состязающимися в шикарности лимузинов, раздувающими счета в зарубежных и собственных банках, убивающими друг друга и невинных людей во имя своих счетов…

Не к пожиранию ли всех и вся ведет это в конечном счете? Не к взаимному ли уничтожению и полной нашей гибели? Им противостоят душевные движения человека, о котором пишу, и всех таких, как он. Противостоят они глобальному наступлению бесчеловечности в сегодняшнем нашем обществе. Да и во всем мире.

Пример воистину спасительной, абсолютно бескорыстной самоотдачи. Представьте, я только на днях, после трех с

половиной лет знакомства с ним, узнал (причем не от него, а опять совершенно случайно!), как тогда же, в 1993-м, распорядился он еще одним своим миллионом из полученных за квартиру денег. Нанял мастеров, чтобы поделали они возле каждого из восьми подъездов дома, куда переехал, капитальные и очень удобные скамейки для отдыха стариков. Про него так и осталось мало кому известным даже в самом этом доме. Появились скамейки – ну и замечательно. А чьими заботами и на чьи деньги – не знают…

Словом, будь Василий Молчанов человеком религиозным, счел бы я, что он истово выполняет известную заповедь Христа: «Смотрите, не творите милостыни вашей перед людьми с тем, чтобы они видели вас… Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди… У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая твоя рука не знает, что делает правая…» (Евангелие от Матфея, 6,1–3).

Только вот какое обстоятельство: Василий Исаевич, по сути строго следующий этой заповеди, оказывается, далек от религии.

– Так получилось, что обошла она меня. Или я ее. Время, наверное, было такое. Скоро уйду, а во что-то Там – нет, и сейчас не верю…

Да, если опять-таки по большому счету, он всегда жил в первую очередь не для себя и был истинным коммунистом. Не один он, конечно. Миллионы свято верят в идею справедливости.

Придерживаясь нашей темы, сошлюсь на два места из книги «Коммунизм Христа», принадлежащей перу Константина Клуге – талантливого русского художника из первой эмиграции, живущего в Париже. Никакого, замечу, не коммуниста по партийной принадлежности, но давно и глубоко озабоченного мировыми нравственными проблемами.

Итак, место первое: «Касаясь вопроса о жертвенности, евангелист Марк (12, 41–43) написал о бедной женщине, пожертвовавшей свои последние гроши в то время, как богатые жертвовали лишь „от избытка своего“.

Отдавать все, чем мы располагаем, жертвовать всем без расчета – максимальная щедрость, составляющая одну из основ учения Христа. Такое расположение души называется альтруизмом, то есть любовью к другим, не к себе и не к своим, а к другим.

Добровольный отказ от своего имущества – предел щедрости богатого.

От тех же, чье богатство не в несгораемых шкафах, природа ждет готовности жертвовать ради общего блага всем, вплоть до

собственной жизни…

Такое желание помочь другим в ущерб себе и своим «практичные» люди считают беспечностью. Люди, не одаренные природной склонностью к альтруизму, презирают щедрых и нерасчетливых, советуя им «не быть дураками».

И место второе:

«Нередко приходится слышать высказывания о преимуществе индивидуализма перед коллективизмом. Некоторые даже цинично говорят о преимуществе эгоизма над альтруизмом.

Доктор философии Айн Ранд известна в университетах Америки своими лекциями об ошибочности альтруизма. Согласно ее теории, только эгоистические стремления людей способны привести к полному материальному успеху. Христианский же успех ведет к социализму, а тот, в свою очередь, – к коммунизму.

На платье этой дамы красуется массивная золотая брошь, изображающая символ американского доллара. Это откровенно демонстрирует ее кредо: эгоизм вместо альтруизма и любовь к наживе вместо любви к ближнему.

Ее теорию можно изобразить уравнением: эгоизм = капитализму, альтруизм = коммунизму».

Март 1997 г.